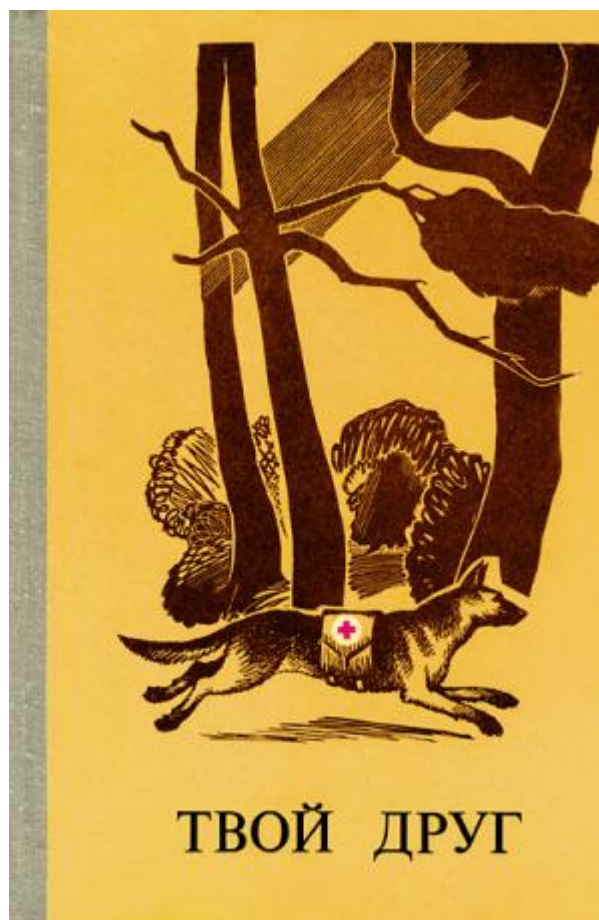

Борис Степанович Рябинин
Твой друг (Сборник по собаководству, 1979 г. Выпуск 2)

Всё о собаках –

OCR, вычитка, создание документа — ТаKir, 2009 <http://epaper.ru.googlepages.com/home>
«Твой друг. Сборник. Выпуск 2»: Ордена «Знак Почета» издательство ДОСААФ СССР; Москва; 1979

Аннотация

Верному четвероногому другу человека посвящен этот сборник.

Кроме документальных произведений о боевых четвероногих помощниках воинов и пограничников в книге помещены очерки о применении собак сегодня, даются советы собаководам-любителям, поднимаются важные нравственные проблемы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Борис Степанович Рябинин
Твой друг
(Сборник по собаководству, 1979 г. Выпуск 2)

Борис Рябинин
ДРУГ И ПОМОЩНИК

Так мы частенько говорим о наших «братьях меньших», прошедших с нами многотысячелетний путь развития — собаках.

Собака — удивительное существо. Она служила человеку и много веков назад. Она служит человеку и сегодня, в стремительный век научно-технической революции.

Эта книга — о наших верных четвероногих друзьях. Все публикуемые вещи написаны на основе документального материала, полностью соответствующего действительности.

Думается, книгу с интересом и пользой прочтут и младшие школьники, и юноши, обдумывающие житье, и люди зрелого возраста. Участнику Великой Отечественной войны многое из написанного здесь, вероятно, будет особенно близким.

В работе над книгой приняли участие профессиональные знатоки служебного собаководства и собаководы-любители, ветераны Великой Отечественной войны и пограничной службы, писатели и журналисты, известные советские поэты, активисты клубов ДОСААФ.

БОРИС РЯБИНИН

Варлам Шаламов
СЛАВОСЛОВИЕ СОБАКАМ

Романтических дворняг:
Пресловутая Муму
С детства спит в моем доме,
Сердобольная Каштанка
Меня будит спозаранку,
А излюбленная Жучка
У дверной танцует ручки,
И показывает удаль
Знаменитый белый пудель...

Много знаю я и прочих —
Сеттеров, борзых и гончих.
Их Тургенев и Толстой
Приводили в лес густой...

2

Скоро я моих друзей
Поведу в большой музей;
В зал такой открою двери.
Где живут Чукотки звери.

Там приземистый медведь
Может грозно зареветь.
Там при взгляде россомахи
Шевелится шерсть от страха.

Там лиса стального цвета —
Будто краски рыжей нету,
И хитрющая лиса
Окунулась в небеса.

Рысь защелкает когтями
Над собаками-гостями,
И зловец рысинный щелк,
И его боится волк.

Что ж к дверям вы сбились в кучку
И попрятались за Жучку,
Мои милые друзья,
Не слышавшие ружья?

Вы привыкли к детской соске.
Вы, слюнявые барбоски!
Напугает тот музей
Моих маленьких друзей.

3

Где же те, что в этом мире

Как в своей живут квартире,
Где же псы сторожевые,
Где упряжки ездовые.

Почтальоны, ямщики
И разведчики тайги,
Что по каменным карьерам
Без дорог летят карьером?

Задыхаясь от пурги
Среди воющей тайги,
Полумертвые от бега,
Закусили свежим снегом

И опять в далекий путь,
Намозоля ремнем грудь.
Вы, рожденные в сугробах, —
Вам сугробы были гробом.

И метель, визжа от злости,
Разметала ваши кости.
Вы торосистыми льдами
Шли медвежьими следами,

Растирая лапы в кровь,
Воскресая вновь и вновь,
Никогда вы не видали
На груди своей медали.

Ведь на полюс раньше Пири
Первой в мире, первой в мире
Добрела его собака,
Неизвестная, однако.

Кто почтил похвальным словом
Псов Георгия Седова?
Их, свидетелей трагедий,
Съели белые медведи.

Сколько их тащило нарты
Курс на норд по рваной карте
В ледяных полях полярных,
Запряженные попарно!

И в урочищах бесплодных
Сколько их брело голодных
Битых палками в пути!
Где могилы их найти?

Сколько раз я, замирая,
Сам пути себе не зная,
Потеряв и след, и свет,

Выходил на звуки лая,
Чтоб моя тропа земная,
Стежка горестей и бед

В том лесу не обрывалась,
Чтобы силы оставалось
У меня на много лет.

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ВМЕСТЕ С НАМИ

**Василий Великанов
Я ПОМНЮ ИХ...**

ИСТРЕБИТЕЛИ ТАНКОВ

Дождь моросил непрерывно. Небо и земля казались однообразно-серыми, неприглядно-тоскливыми. Только вспаханный склон высоты глянцеви́то отсвечивал. На ратном поле среди подбитых черных танков с крестами на башне валялись бороны, покореженные сеялки...

Батальон капитана Неверова засел в окопах, вырытых наспех. При поспешном отходе не удалось как следует укрепиться. Оборона была тяжелой. Враг атаковал позиции по нескольку раз в день: он рвался к Ростову-на-Дону.

Капитан Неверов, молодой высокий блондин, каждый раз после того как захлебывалась вражеская атака, возмущался: «Тьфу, черт побери! И откуда они берут столько танков?!»

Ночью пришли в батальон бойцы с собаками — истребителями танков. Капитан Неверов впервые видел таких собак и не очень-то верил в их боеспособность.

— В ученье они, может, и хороши были, а здесь такой огонь...

— Не подведут, — не очень твердо возразил инструктор Иван Петухов.

— А из вас в бою был кто-нибудь?

— Нет. Только Ваганов.

На это капитан Неверов, сам воевавший уже четыре месяца, недовольно заметил:

— Пока вас самих пообстреляют, повозишься с вами...

— Не подведем, товарищ капитан, — уже гораздо решительнее сказал Петухов.

— Вот и жратвы собакам много надо... — не унимался Неверов.

— Сегодня не надо, товарищ капитан. Голодные они лучше на танки пойдут.

— Посмотрим. Заработают — накормим.

— Но если, товарищ капитан, они в бою заработают, то кормить их уже не придется, — тихо и с горечью проговорил Петухов.

Вожатых с собаками развели по ротам. Иван Петухов, Ваганов и еще несколько человек попали на самый ответственный участок — в боевое охранение, где действовал усиленный стрелковый взвод. Командовал им маленький, щуплый, с рыжим чубом лейтенант Смирнов. Новички, не умея еще отличить безрассудное удалство от опыта, приобретенного во многих боях, принимали лейтенанта за человека отчаянной храбрости и удивлялись на первых порах, когда слышали от него: «Меня не убьют, я знаю, где упадет снаряд, и где летит пуля...».

Лейтенант принял радушно.

— Ну, приземляйтесь пока. А собачек чтоб не слышно было, а то фрицы могут догадаться, какой им «гостинец» припасли. До рассвета отдыхайте, а там будьте готовы каждую минуту.

Вожатые разошлись по траншее; укрывшись плащ-палатками, пристроились на влажных подстилках из веток. Собаки жались к людям. Рядом с человеком и теплее, и не так страшно. Ночь-то темная, как чернозем, и тихая такая, будто все на свете умерло. Только луч вражеского прожектора скользнет порой по земле, поблуждает из стороны в сторону, а потом, подскочив и ткнувшись в мокрое одеяло сплошных туч, оборвется.

Туманно-серый рассвет приходил медленно, будто опасался кого-то...

Когда тьма начала отступать, на гребне поля показалось что-то черное, одиночное. Оно на глазах росло и стало танком. За ним левее вырос еще один, а потом показались и правее... семь, восемь, девять, десять, одиннадцать. Петухов наблюдал, затаив дыхание, слышал отдаленный гул и удивлялся: до чего же медленно ползут бронированные машины — словно черепахи.

Когда позади танков стали видны фигурки людей, лейтенант Смирнов зычно подал команду:

— Та-анки! Приготовиться!

И будто от его слов где-то в тылу разом ухнули артиллерийские батареи, и впереди вражеских машин полыхнули взрывы. Густой дым расплылся и закрыл железную лавину.

— Заградительный огонь, — промолвил Ваганов.

Залпы следовали один за другим, и казалось, что сквозь этот сплошной огонь танкам не пробиться. И все же из дымовой завесы вынырнули черные стальные громады. Их было уже меньше, но они упорно приближались.

Артиллерия вдруг умолкла.

— Почему прекратили стрельбу? — нервно спросил Петухов Ваганова.

— Нельзя. Нас могут зацепить...

— А почему мы молчим?

— Далековато. Зачем напрасно патроны жечь.

Собаки повизгивали и натягивали поводки.

И вдруг напряженное, накаленное ожидание прервалось командой лейтенанта Смирнова:

— Собаководы, стоять насмерть! По наступающей пехоте противника прицельным огнем, взвод, пли!

Винтовочный залп оглушил. Защекотало в ушах. Собаки вздрогнули и прижались к хозяевам.

Выйдя с пахоты на твердый грунт, танки ускорили ход и открыли стрельбу. Автоматчики, пригибаясь, бежали вслед и тоже стреляли. В это время прямой наводкой открыла огонь противотанковая пушка. Орудийный расчет работал быстро и ловко. Приземистое орудие то и дело дергалось, посылая снаряд за снарядом. Вот уже головной танк закружился на месте. Но и пушка вдруг замолкла.

Разрывы следовали один за другим. Над головой свистели и шуршали осколки. Иногда они бородили бруствер, и тогда кто-то откидывался назад, а кто-то грузно, медленно сползал вниз, судорожно загребая руками мокрую землю.

Танки на ходу перестроились и пошли на окопы двумя эшелонами. Головному осталось до них метров двести. Но надо было подпустить их еще ближе, чтобы собаки попали в мертвое пространство. Тогда они наверняка достигнут своей цели.

Огонь по пехоте противника усиливался — ее пытались отсечь от танков. Но автоматчики, укрываясь от огня, прятались за броню машин. Рев моторов и лязг гусениц нарастали. Становилось жутко от грохота стальных чудовищ.

— Вперед, Волчок! — крикнул Ваганов. — Взять! — И выпустил из окопа большую серую собаку.

Тело собаки плотно обхватывал брезентовый выюк с боевым зарядом-миной, наверху которого кинжалом торчал штырь взрывателя. Наклонив лобастую голову, Волчок ринулся к ближнему танку. Вот он юркнул под него. Раздался сильный взрыв, машина вздрогнула, остановилась, задымила. Но левее и правее ее обошли два других танка.

— Шарик, вперед! Взять! Трезор, вперед, взять! Взять!

Две собаки — белая гладкошерстная и лохматая черная — выскочили на бруствер и устремились к вражеским танкам. Большой черный Трезор не добежал до цели — подстреленный, ткнулся носом в землю, а белый Шарик закатился под танк и подорвал его. Из люка вынырнул танкист и прыгнул вниз, но настигнутый пулей, распластался у пылающей машины.

Третий танк первого эшелона неумолимо шел на окопы, а вслед за ним двигались еще три.

— Вперед, Полкан! Взять! — приказал Петухов, спуская с поводка крупного лопухого пса. Полкан высунулся из траншеи, но увидев чудовище, изрыгающее огонь, задрожал и сполз обратно. Петухов ударил его ремнем. Пес заскулил и прижались к ногам хозяина. Тогда Иван схватил гранату и, громко крикнув «Полкан! Взять!», выскочил наверх и пополз к приближающемуся танку.

Надо было приподняться, размахнуться как следует и бросить гранату под гусеницу, но огонь вражеских автоматчиков прижимал к земле. На мгновение оторвался от нее, бросил. Взрыв! Недолет!... Поторопился. А танк приближался. «Полкан, взять!» — опять крикнул Иван. Пес выпрыгнул из траншеи, промчался мимо прижавшегося к земле хозяина и, бросившись под машину, оглушительным взрывом распорол ей стальное брюхо.

Петухов почувствовал, как его сильно ударило по голове. Все померкло. Он уже не видел, как вожатые выпустили еще четырех собак, не видел, как оставшиеся вражеские танки вдруг повернули обратно и на полной скорости стали удирать, как наша пехота расстреливала заметавшихся по полю автоматчиков. Осмелевшие собаки с лаем преследовали уходящие машины, а бойцы, забыв об осторожности, высовывались из окопов и кричали весело:

— Смотрите! Танки от собак драпают!

... Придя в себя, Петухов не сразу понял, где находится. Потом увидел, что лежит в блиндаже. На маленьком столике — коптилка, сделанная из медной гильзы противотанкового снаряда. И еще увидел лицо молоденькой медсестры.

Заметив, что раненый открыл глаза, сестра радостно воскликнула:

— Очнулся! Товарищ капитан, очнулся!

Над Петуховым наклонился капитан Неверов и еще кто-то с забинтованной головой. Это был лейтенант Смирнов, но Иван его не узнал.

— Ничего, будем жить! — ободряюще сказал Неверов.

Но Иван этого не услышал, видел только двигающиеся губы.

Он чуть-чуть улыбнулся, хотел что-то сказать, пошевелил губами, языком, но слов не получилось. Он забыл названия всех предметов. От напряжения и волнения силы иссякли, будто кто-то высосал всю кровь. Глаза увлажнились, защемило сердце.

Раненый простонал что-то невнятное.

— Валя, что он говорит? — спросил капитан.

— Ему холодно, он пить хочет, — пояснила сестра и, поддерживая рукой взлохмаченную голову Петухова, стала поить его крепким горячим чаем. Затем бережно уложила, укрыла еще одной шинелью. Петухов заснул. Он не мог слышать, как капитан Неверов сказал:

— Погорячился. Вылез из окопа. Смелый парень...

— Да, молодцы вожатые, — согласился лейтенант Смирнов, — не будь нынче собачек, туго бы нам пришлось...

ПОДВИГ САНИТАРА

Однажды в наш лазарет привезли раненую собаку. Пес был похож на кавказскую овчарку — лохматый, темно-серый, ростом с доброго теленка. И кличка у него была какая-то размашистая — Разливай.

Мы удалили осколки, и раны стали быстро заживать. У собак хорошо зарастают раны.

Недели через две, когда Разливай выздоровел и мы собирались отправить его в строй, в лазарет пришел хозяин. Был он пожилой, кряжистый, с большим скуластым лицом, выбритым до синеватого глянца. Обращаясь ко мне, поднял к козырьку руку и представился:

— Ефрейтор Ткачук. Санитар-вожатый. Раненых возил. Трех собак миной уложило, а нас с Разливаем смерть миновала...

Мощный его бас гудел, как из бочки. «Вот, наверное, поет!» — подумал я. Левая рука у ефрейтора была забинтована и висела на перевязи. На широкой груди поблескивала новенькая медаль «За боевые заслуги».

— Я сейчас в медсанбате, — продолжал Ткачук, — в команде выздоравливающих. Хотели меня эвакуировать дальше, да я упросил оставить. Наша дивизия для меня — дом родной.

Мы сняли Разливая с привязи. Он подошел к своему хозяину и ткнулся мордой в

колени. Даже хвостом не вильнул.

— Суровый ваш Разливай... — сказал я.

— Такой уж у него характер, — пояснил Ткачук, — неразговорчивый. Но хозяина не подведет. Я его взять хочу. Можно?

— Пожалуй, можно, но зачем он вам теперь, один-то?

— Я ему напарников присмотрел в деревне. Буду готовить новую упряжку, а Разливай вожаком будет. Он у меня опытный: школу окончил и пороху понюхал...

Прощаясь, ефрейтор озабоченно сказал:

— Меня весна беспокоит... Снег скоро сойдет, а тележки у меня нет. На волокуше по земле тяжеловато.

— Приходите к нам, — пригласил я, — у нас кузница есть, и кузнец хороший. Может, что-нибудь смастерит...

— Спасибо, обязательно приду. Отпрошусь у командира медсанбата и приду.

Наш лазарет располагался в совхозе. Жители находились в эвакуации, и мы были полными хозяевами. Конюшни и коровники превратили в лазареты для раненых животных, в кузнице подковывали лошадей и чинили повозки. Был у нас замечательный кузнец Григорий Демин, мастер на все руки: он и лошадь подкует, и повозку починит, и часы исправит. Встречаются в народе такие таланты.

Через несколько дней Ткачук пришел, и я познакомил его с Деминым — светловолосым и голубоглазым парнем.

— Тележка нужна, — сказал Ткачук, — только хорошо бы колеса на шарикоподшипники поставить. Полегче возить собачкам.

— Не знаю, смогу ли, — ответил кузнец, — не делал таких. Подумать надо.

Демин не любил много говорить и давать обещания. Недалеко от нас, в деревне, стояла автомобильная рота. Кузнец, не откладывая, съездил туда и привез шарикоподшипники.

Ткачук и Демин приступили к работе. Стоял теплый, солнечный апрельский день. От земли, только что освободившейся от снега, шел парок. Кое-где нежными иголочками пробивались травинки. В такие дни как-то особенно томила тоска о доме, о мирной жизни.

Ткачук прикрыл глаза рукой от яркого солнца и сказал со вздохом:

— Эх, какая благодать!... Теперь бы землицей заняться... Кабы не война-то... — Потом в раздумье посмотрел на свои могучие руки и опять взялся помогать Демину.

Иногда они пели вполголоса. Голос Ткачука гудел густо, а тенорок Демина словно вилял вокруг баса длинной, тонкой ленточкой. Как-то мы попросили их спеть в полный голос. Ткачук ответил:

— Нельзя мне. Враги услышат...

Мы были в пятнадцати километрах от передовой, но в шутке ефрейтора была доля правды. Голос у него был необычайной силы.

Через несколько дней тележка была готова. На деревянной раме крепились санитарные носилки. Они быстро и легко снимались, и на них можно было нести раненого. Ткачук был очень доволен. Прощаясь со мной, сказал:

— Золотые руки у Демина. Такой человек в хозяйстве — клад. — И добавил: — У меня сын вроде него, Сергей. Где-то под Ленинградом. Только что-то писем давно не пишет...

Санитар-вожатый увез свою тележку в медсанбат, и вскоре я увидел его за «работой».

В тележку были впряжены две пары разномастных собак: впереди, справа — серый Разливай, рядом с ним — рыжий Барсик, а в коренной паре — черный лохматый Жучок и белый Бобик. Все три новые собаки — простые дворняги, малорослые, но с растянутым мускулистым телом, как и подобает ездовой собаке. Видно было, что Ткачук подбирал их с умом. Рядом с ними крупный Разливай казался львом.

«Команда» у Ткачука была пока не дисциплинированная. Когда я увидел его «экипаж», Барсик, обернувшись, рычал, шерсть у него на холке дыбилась щетиной. Позади него волновался Жучок. Вот-вот сцепятся.

Ткачук крикнул:

— Барсик! Нельзя! — И хлестнул злобного зачинщика.

Барсик взвизгнул и притих. По команде «Вперед!» Разливай двинулся с места. За ним пошли и остальные собаки. Но Барсик все никак не мог успокоиться. Повернув голову, он опять зарычал на Жучка. Наверно, ему казалось, что Жучок хочет на него напасть.

Ткачук крикнул:

— Разливай! Фас! Жучок, тихо!

Разливай, не замедляя хода, схватил зубами Барсика за шею и тряхнул. Барсик заскулил, поджал хвост и притих.

Санитар-вожатый шел рядом с упряжкой. Команды понимал только Разливай, а другие собаки подражали ему. Иногда санитар укоризненно и строго покрикивал: «Бобик! Бобик!».

— Этот Бобик — большой лодырь и хитрец, — объяснил Ткачук, — от хода упряжки не отстаёт, а алык не натягивает. Крикнешь — тянет.

Впереди, недалеко от упряжки, шел солдат с автоматом. Вот он остановился и дал короткую очередь: тра-та-та-та... Собаки испугались, с визгом начали рваться из упряжи. «Стой!» — крикнул Ткачук. Разливай замер. Барсик и Бобик, глядя на жоака, тоже остановились и прижались к нему. А Жучок вскочил в тележку, ткнулся мордой в уголок и закрыл глаза. Ткачук начал успокаивать собак. Приговаривая и поглаживая их по спине, дал по кусочку мяса. А на Жучка крикнул:

— Эй ты, герой! Вылезай!

Жучок нехотя вылез и потянулся за мясом. Ефрейтор отвел руку за спину и строго сказал:

— Не заслужил. Место!

Выздоровливающие солдаты, наблюдавшие эту сцену, начали посмеиваться:

— И чего ты, Иван, с этими трусливыми зайцами возишься!

— Собачья кавалерия! Перегрызутся все. Ничего у тебя не получится.

Но Ткачука не так-то легко было вывести из равновесия:

— Конечно, служебных собак не сравнишь с дворнягами, но и от этих можно толку добиться. Дайте только срок.

Потом ефрейтор приучал их ложиться. Команду «Лежать!» выполнял только Разливай. Остальных приходилось укладывать. Ткачук брал собаку правой рукой за передние лапы и вытягивал их по земле вперед, а левой рукой слегка нажимал на спину, приговаривая: «Лежать. Лежать!» Собака ложилась.

После тренировки вожатый водворил своих учеников в загончик, сделанный из прутьев, налил им в корыто супу, покрошил конины. Собаки бросились к кормушке и, ворча, стали торопливо хватать кусочки мяса. Ткачук ухмыльнулся:

— Ничего! Привыкнут из одной кормушки есть и в упряжке дружнее ходить будут.

Наблюдая за этой трапезой, солдаты не оставляли ефрейтора в покое.

— Автомобильно-собачья самоходка! Ты у нас, Иван Тимофеевич, как настоящий цирковой дрессировщик.

— Здесь тебе не цирк... Как трахнет снарядам, так и разбегутся артисты-то.

— Не разбегутся, — невозмутимо возразил вожатый.

Вскоре ефрейтора послали в полк, а через два дня после этого я услышал о его подвиге.

... Попал Ткачук в третью роту. Рота сидела в окопах, в обороне. Для раненых была сделана землянка, к которой шли ходы сообщения от главной траншеи. Санитары доставляли раненых в землянку, а оттуда уже ночью отправляли их на батальонный медицинский пункт. Местность вокруг была открытая, противник сидел на высотах, и днем заниматься эвакуацией было опасно.

Санитар-вожатый со своей упряжкой прибыл в роту ночью и сразу же выкопал в траншее для каждой собаки нишу. Они сидели там, словно в норах. После этого Ткачук прикорнул немного, а когда рассвело, стал обозревать местность. Нет-нет да и выглянет из траншеи.

— Товарищ ефрейтор, чего голову выставляете? Подсекут снайперы, — строго заметил

санинструктор старшина Вилков.

— Местность изучаю, товарищ старшина, путь эвакуации и систему огня противника.

— Систему огня... — усмехнулся старшина. — Все равно днем и с повозкой никуда не сунешься.

Старшина Вилков был опытным санинструктором, но собачьей упряжкой пренебрегал. Командиру роты он сказал:

— И зачем только собак прислали? Без них обходились... Да вдруг еще лаять начнут.

Но капитан Тихомиров уклончиво ответил:

— Может, пригодятся.

Часов в двенадцать дня к санитару-вожатому подбежал посыльный:

— Ефрейтор Ткачук, к старшине в землянку. Живо! Пригибаясь, Ткачук побежал по траншее. В землянке без сознания лежал капитан Тихомиров. Гимнастерка в крови, грудь забинтована. Лицо бледное, нос заострился. Дыхание тяжелое, с хрипами.

Заместитель командира роты старший лейтенант Костерин сказал Ткачуку:

— Товарищ ефрейтор, капитан тяжело ранен. Дотемна ждать нельзя. Сможете отвезти его в санвзвод?

— Попробую, — ответил Ткачук и подумал: «Все как на ладони видно... Трудно будет проскочить...».

Старший лейтенант угадал сомнения ефрейтора:

— Мы вам поможем. Вас прикроют огнем наши пулеметчики и батарея. Я договорился с комбатом.

Пока доставили на место собак и повозку, огонь противника стал затихать. Наступали обеденные часы. «Это хорошо, — подумал Ткачук, — может, и проскочу, пока фрицы обедают...»

Старшина Вилков взглянул на собак и с досадой заметил:

— Эх, пеструшки... Демаскировать будут.

— Не беспокойтесь, товарищ старшина, я их замаскирую, — сказал Ткачук.

Сзади к раме тележки был привьючен мешок, саперная лопата, топор, брезентовое ведро. Ткачук достал из мешка маскхалатику и надел на собак. Оделся и сам.

Старшина Вилков остался доволен:

— Это хорошо придумано, — похвалил он, но тут же опять заметил непорядок. Кроме санитарной сумки на правом плече у Ткачука и на левом висела какая-то сумка.

— Товарищ ефрейтор, что это за торба? Лишний груз. Снимите.

— Нельзя, товарищ старшина, тут у меня ножик, шило, дратва, ремни. Вдруг что в пути случится?

Командира роты положили на тележку и, покрыв одеялом, привязали к раме, чтобы не выпал. Везти придется не по дороге.

Старшина Вилков стал объяснять санитару:

— Движение вон по тем ориентирам... Смотри. Кустик, снопы, канавка. Они бинтами обозначены. На полпути в воронке дежурный санитар. В случае чего, поможет. Ну давай.

Ткачук вылез из траншеи. В маскхалате ползти было трудно. Сумки, противогаз, автомат тянули, давили, мешали. Отполз от окопа метров на пятьдесят. Спокойно. Противник, видимо, не замечает его.

Ткачук обернулся и свистнул. Солдаты подняли на руках тележку с раненым и поставили около траншеи. Собаки выпрыгнули из укрытия и побежали к хозяину. В это время раздался сильный пулеметный треск. Это открыли стрельбу наши пулеметчики, чтобы отвлечь внимание врага.

Когда упряжка достигла своего вожатого, Ткачук, не поднимаясь с земли, взмахнул рукой и приглушенно крикнул: «Вперед!» Собаки промчались мимо. Ткачук вскочил и, пригибаясь, побежал вслед. Вероятно, немецкий наблюдатель заметил Ткачука и его упряжку. Справа упала мина и крякнула взрывом. Слева разорвалась вторая. «В вилку берут», — подумал ефрейтор.

За снопами залегли. Собаки прижались к хозяину. Все они подрагивали от напряжения и волнения, а Бобик вдруг нервно, с визгом залаял. «Тихо!» — приказал Ткачук, и Бобик умолк.

Ткачук устал. Сердце у вожатого колотилось так сильно, что удары отдавались в висках.

Раненый капитан глухо застонал. «Здесь мы хорошо укрылись, — думал Ткачук, — но долго нельзя задерживаться. Пристреляют и эту точку...».

Вражеский наблюдатель, очевидно, проглядел, куда они скрылись. Снаряды стали рваться далеко впереди. Наша батарея открыла огонь, и вражеские позиции закурились дымом. Удобный момент. Теперь надо как можно быстрее добежать до лощинки. Не поднимаясь с земли, Ткачук приказал: «Вперед!» Первым вскочил Разливай и потянул за собой остальных собак.

Когда упряжка была от снопов метрах в пятидесяти, впереди нее разорвалась мина. Собаки бросились назад и сбились кучей у тележки. Подбежав, Ткачук увидел, что Барсик убит, а Бобик ранен. Ефрейтор перерезал алык Барсика и крикнул: «Разливай, вперед!»

Три собаки потянули тележку под уклон к лощине. Бобик прихрамывал, но не отставал. Капитан Тихомиров бормотал в бреду: «Куда вы?... Куда вы?... Нельзя отступить!... Вперед!...» Из всего, что говорил капитан, собаки понимали лишь одно — «вперед» — и ускоряли темп. Ткачук бежал вслед за упряжкой.

Позади разорвался снаряд. Ефрейтору будто топором подсекли правую ногу. Он упал. На миг из-за боли и головокружения вожатый потерял из виду свою упряжку. Потом удалось чуть приподняться. Упряжка неслась к лощине. Ткачук собрался с силами и громко, во весь голос закричал: «Вперед, Разливай! Вперед!», но своего голоса почему-то не услышал. Он еще и еще раз прокричал команду, но по-прежнему ничего не слышал.

Когда собаки спустились в лощину и скрылись из глаз, а на том месте, где только что была упряжка, снаряд взметнул столб грязи, Ткачук глухо простонал: «О-ох!» — и потерял сознание. Он уже не чувствовал, как санитар подполз к нему, взвалил на спину и потащил в убежище-воронку. Там он остановил кровотечение и перевязал рану.

Ткачук будто сквозь сон слышал слова:

— Ну что ты, браток?... Очнись. Собачки твои молодцы. Наверно, проскочили. Очнись.

... В тот же день в наш лазарет привезли раненых Разливая и Бобика. Мы удалили у них осколки, и я поехал в медсанбат проведать Ткачука. Ему уже сделали операцию, и он лежал на носилках в палатке, где находились другие раненые, подготовленные к эвакуации в тыл. Ткачук был бледен, на лице у него обозначилась густая серая щетина, на лбу выступил капельками пот и слиплась седая прядка волос. Он показался мне постаревшим и очень усталым. Ранение было тяжелое, с открытым переломом бедра.

Я успокаивал его:

— Ничего, Иван Тимофеевич, выздоровеешь. И помощники будут живы — раны у них не тяжелые.

— Я все перенесу... эвакуируют меня... Я не хотел бы из своей дивизии... Разливая поберегите. Пригодится...

— Иван Тимофеевич, вам нельзя много говорить. Берегите силы.

— Я не буду... Капитан живой?

— Живой. Спасли. Вас спрашивал. Поблагодарить хотел.

Бледное лицо Ткачука озарилось улыбкой.

— И еще, — попросил он. — Грише Демину поклон передайте. Золотые руки. На моего Сережу похож...

НЕОБЫЧНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Первая рота форсировала реку и закрепилась на правом берегу. Противник пытался ее

выбить, но безуспешно. Люди насмерть стояли на завоеванных рубежах. Но приходилось им очень трудно. Стояла осень — грязная, дождливая. Земля раскисла, на солдатах сухой нитки не было. Из-за мощного огня противника телефонная связь то и дело нарушалась. Выручали радиостанция и служебная собака. Но писем и газет в роте несколько дней не получали. А без них на фронте тяжело.

Командир батальона майор Терехов вызвал к себе связиста-вожатого и сказал:

— Товарищ Первушкин, может быть, ваша Альфа доставит почту в первую роту? Уже двух письмоносцев убило...

— Попробую... — ответил связист. — Только с грузом через реку трудно будет. Очень уж течение быстрое.

Альфа, похожая на волка темно-серая овчарка, работала на связи. Один вожатый, Первушкин, находился при штабе батальона, а другой, Коробков, на том берегу. Положив приказ в маленький портдепешник, Первушкин привязывал его к ошейнику и говорил: «Альфа! Пост!» И Альфа устремлялась через кусты к реке, переплывала ее и бежала к вожатому Коробкову. Только Коробков, второй хозяин Альфы, мог снять портдепешник. Никому другому собака не давалась. В окопе Альфа отдыхала, и Коробков чем-нибудь ее подкармливал, а потом собака плыла назад с донесением от командира роты.

Теперь у Альфы новое задание.

Первушкин закрепил на спине собаки брезентовый вьюк и положил в него пачку газет. Альфа благополучно доставила их в первую роту. Вожатый пошел к командиру батареи и доложил:

— Товарищ майор, Альфа справилась. Можно назначить почтальоном.

Командир батареи улыбнулся.

— Хорошо. Назначаю. Только не нагружайте ее помногу. Как бы не утонула.

— Не беспокойтесь, товарищ майор. У нее будет два рейса в день. По расписанию. Справится.

Первый рейс Альфа сделала рано утром. Переплыв реку и прыгнув в траншею, побежала по извилистому пути к вожатому. Но Коробкова на старом месте не оказалось. Собака понюхала землю и по ходу сообщения устремилась дальше. Солдаты попытались остановить ее, но она увернулась и грозно оскалила зубы. Ей уступили дорогу:

— Вот злюка!

Альфа нюхала землю и шла вперед. Ночью от траншеи копали ответвления по направлению к противнику, и сейчас Коробков находился в одном из них.

Альфа разыскала хозяина. Коробков погладил собаку, дал кусочек сахара, ласково сказал:

— Хорошо, Альфа, хорошо, — и начал доставать из вьюка газеты.

— А когда же она письма принесет? — спрашивали солдаты.

— Сегодня вечером.

— И как это она нашла тебя по следам? Ведь следов-то много.

— Простая хитрость: смазал подошвы рыбьим жиром и этим усилил запах своих следов.

Вечером Первушкин тщательно завернул пачку писем в парусину и аккуратно вложил сверток в брезентовую сумку вьюка. Надо было уберечь их от воды. В каждом из этих конвертов — серых, желтых, синих, простых треугольниках — была своя жизнь, своя тоска и надежда.

По команде «Пост!» Альфа побежала знакомым маршрутом. Сначала пробиралась через кусты, потом плыла. Вражеские снаряды рвались на обоих берегах реки. Иногда они падали в реку, и вверх высоким фонтаном взлетала бурая вода. Собака привыкла к взрывам и, как бы близко они ни раздавались, не изменяла своего маршрута.

Выйдя из воды и отряхнувшись, Альфа побежала по берегу. В это время недалеко от нее разорвалась мина, и многочисленные осколки мгновенно взборонили землю. Собака взвизгнула и упала на живот — будто ей подсекли ноги. Песок под нею окрасился кровью.

Коробков поджидал своего почтальона и то и дело смотрел по направлению к реке. Начиная от песчаного холмика, Альфу можно уже было видеть. «Как бы под огонь не попала», — тревожился связист-вожатый. И тут заметил собаку. Она еле тащилась, иногда ложилась и пыталась ползти.

Коробков вылез из траншеи и пополз навстречу.

— Альфа, ко мне! Ко мне! Альфа!

Собака слышала призыв хозяина, скулила, скребла лапами песок. Коробков схватил ее за выюк и потащил за собой.

— Тихо, Альфа, хорошо, Альфа... — приговаривал он, успокаивая собаку.

За нею оставался кровавый след.

Втащив Альфу в окоп, Коробков сбросил с нее выюк и начал торопливо перевязывать раны. Раны были на всех ногах, а на правой задней перебита кость. Одни солдаты помогали Коробкову, другие держали наготове свои перевязочные пакеты:

— На, на, Коробков, перевязывай скорее, а то кровью изойдет. Вот это собака: раненая, а задание выполнила.

Потом связной-вожатый роздал письма. Его с радостным оживлением благодарили, а Альфе предлагали галеты, сало, сахар. Она отворачивалась от соблазна, но смотрела на Коробкова так, словно хотела спросить: «Можно взять?»

— Ишь, какой привередливый твой почтальон, — сказал кто-то, — от такого угощения отказывается...

— Не привередливая, а дисциплинированная, — пояснил Коробков, — она из чужих рук не должна брать пищу.

Ночью на резиновом поплавке переправили Альфу через реку и привезли к нам в лазарет. Мы удалили из тела собаки осколки, а на перебитую ногу наложили гипсовую повязку.

Через месяц Альфу вернули в строй. На задней ноге у собаки осталась костная мозоль, но она не хромала и бегала хорошо. А солдаты после того случая прозвали ее аккуратным почтальоном.

Как-то мы с фельдшером Владимировым возвращались из передовых частей к себе, во второй эшелон дивизии. Я ехал на своем верном Соколе, а фельдшер — на Гнедке, быстроходном маленьком иноходце.

Едем мы легкой рысцой и вдруг замечаем: в полукилометре от нас по склону высоты бежит волк. «Наверное, взрывов испугался и удирает теперь подальше от огня», — подумал я. Но бежит зверь как-то странно: покачиваясь и зигзагами, а голова опущена до земли.

— Владимиров, за мной! — крикнул я, и мы помчались наперерез волку, выхватывая на ходу пистолеты. Приблизившись, осадили коней. Оказалось, что это — собака-овчарка. На шее у нее — кожаный ошейник.

Спрятал я в кобуру пистолет и приказал громко, властно: «Стоять!» Собака вздрогнула и остановилась. Повернула голову и покосилась на нас правым глазом. Морда у нее была в крови, левый глаз затек, а левое ухо полуоторвано.

Я подошел к раненой собаке. Она дрожала.

— Миша, кажется, это Альфа...

Поглаживая собаку по спине, я приговаривал тихо и ласково: «Альфа, спокойно... Лежать!» Собака легла, и дрожь у нее стала проходить. Лошади тревожно фыркали. Все животные пугаются и волнуются, когда чувствуют кровь.

Успокоив собаку, я попросил у Владимирова его фельдшерскую сумку. В ней имелось все необходимое для оказания первой помощи раненым животным: бинты, вата, хирургические инструменты, некоторые лекарства.

Да, то была Альфа — аккуратный почтальон: на правой задней ноге у нее была костная мозоль.

Мы расстелили на земле попону и положили на нее своего пациента. Ноги связали

бинтом, на челюсти для страховки наложили петлю, чтобы не могла укусить. Тампонами я осторожно снял с морды свернувшуюся кровь. Мы боялись, что у собаки повреждены череп и левый глаз, но наши опасения оказались напрасными. Видно, один осколок, словно бритва, чиркнул ее по голове и разрезал кожу лба, а другой — оторвал наполовину левое ухо.

Рану на лбу мы зашили. И пришили полуоторванное ухо. После этого забинтовали голову, оставив окошечки для глаз.

Во время операции Альфа иногда вздрагивала и повизгивала. Когда же мы ее развязали, она встала, потянулась, будто расправляя уставшее тело, и замотала головой.

— Что, Альфа? Неловко? — спросил я.

Собака наклонила голову и попыталась лапами сорвать повязку.

— Альфа, нельзя! Фу! — крикнули мы разом.

Собака послушалась.

— Надо последить за ней, — сказал я, — а то она испортит все лечение.

Миша сел на лошадь, и я на руках подал ему Альфу. Он положил ее поперек седла и обхватил руками. Альфа прильнула к нему и как будто задремала.

Чтобы не тревожить пациента, мы ехали шагом и через час добрались до своей землянки. Нас встретил ветеринарный санитар Квитко.

— О-о, да вы с прибылью... — сказал он, принимая от Владимирова раненую собаку.

Через неделю швы сняли. Раны зажили хорошо. И ухо приросло. Только рубец немного его стянул: оно укоротилось и не поднималось свечкой, как правое.

Первушкин очень обрадовался, когда узнал, что Альфа жива и находится у нас.

— Ни разу ведь с маршрута не сбилась. А потом — раз и пропала. Мы уж думали: прямое попадание снаряда либо мина... Видно, здорово ее потрянуло, если дорогу домой забыла...

Первушкин увел Альфу в роту, а через три дня привел снова.

— Товарищ ветврач, не годится больше собака для службы. Испорчена.

— Почему? — спрашиваю я. — Что случилось?

— Огня боится. Не идет на передовую. Я уж ее и так и сяк, ничего не помогает: ни хлыст, ни сахар. Отбежит немного и обратно.

— Ну и что же теперь?

— Командир роты к вам прислал. Может, что сделаете. Прямо не узнать собаку. Как рванет где-нибудь снаряд, дрожит, жметя ко мне и скулит, будто плачет.

— Ну что ж, — говорю, — оставляйте. Наверное, контузия на нее так подействовала. Попробуем полечить.

— Только, если можно, не отправляйте ее в тыл. Уж очень умная собака. Жалко нам с ней совсем расставаться.

Я дал слово не эвакуировать Альфу, и она осталась у нас.

Находясь на лечении, Альфа стала нести караульную службу. Когда мы спали, собака бодрствовала у землянки и охраняла лошадей. Следуя за мной, она обычно бежала впереди, на перекрестках или развилках дорог останавливалась, поворачивала голову и громко, отрывисто взлаивала «ам». Это следовало понимать как вопрос: куда идти? Я указывал рукой то или иное направление, командовал: «Прямо!», «Направо!», «Налево!» И мы продолжали путь.

Иногда где-нибудь в долине я оставлял своего коня и шел дальше пешком, а Альфе поручал караулить Сокола. Она ложилась у его передних ног, и никто не мог подойти к коню. Да и Соколу особой воли не давала. Обычно он стоял спокойно, но если соблазнился хорошей травой и делал к ней шаг-другой, Альфа мгновенно вскакивала, легонько цапала его зубами за передние ноги и рычала, словно предупреждала: «Ни с места!»

Но однажды Альфа удивила меня...

Поехал я по делам службы к командиру полка. Подъезжать к штабу на машинах и лошадях из-за близости противника запрещалось, поэтому, спешившись в полукилометре, я приказал Альфе стеречь Сокола и пошел по оврагу. Отойдя метров на пятнадцать, оглянулся.

Смотрю, собака идет за мной. Удивился я и строго прикрикнул: «Назад!» Вернулась Альфа и опять легла у ног коня. Через некоторое время оглянулся еще раз. Альфа опять следовала за мной. «Что такое? — думаю. — Почему она не хочет выполнять приказание?» Подошел к собаке, слегка ударил ее.

— Назад! Лежать!

Альфа бросилась к Соколу, легла и, положив на лапы морду, закрыла глаза. После этого, пока я мог видеть Альфу, она находилась все в той же позе. Лишь один раз немного приподняла голову и посмотрела мне вслед, словно хотела узнать, вижу я ее или нет. Но я не придал этому значения.

Каково же было мое удивление и возмущение, когда при подходе к блиндажу я увидел Альфу, подкрадывающуюся с обратной стороны. Вот она уже на крыше, покрытой зеленым дерном. Смотрит на меня настороженно, воровато и пугливо.

В первый момент я хотел наказать ее, но то, как Альфа обхитрила меня, обежав по кустам кругом, обезоруживало. Я развел руками и улыбнулся.

— Ах ты, плутовка!

Заметив, что я не сержусь, Альфа прыгнула с блиндажа и бросилась ко мне на грудь, пытаясь лизнуть в губы. Но я уже овладел собой и, оттолкнув ее, нарочито грозно крикнул:

— Фу!

Но Альфа не испугалась — она чувствовала, что этот окрик неискренний. Отскочив от меня, собака кинулась к двери, толкнула ее передними лапами и ворвалась в блиндаж. Я вошел вслед за ней и услышал голос полковника Смирнова:

— Ваня! Гостья пришла. Угощай!

Это полковник говорил своему ординарцу Ване Горохову. Оказывается, когда я вместе с Альфой приходил в штаб неделю назад, Ваня в мое отсутствие угощал Альфу тем, что она особенно любила, — колбасой и сахаром. Вот почему теперь, когда мы снова очутились в этих местах, Альфа так настойчиво стремилась попасть в гостеприимный дом.

— Товарищ Горохов, вы дисциплину подрываете у моих пациентов, — пошутил я. — Нельзя угощать!

А на собаку прикрикнул:

— Место! Марш к коню! Ну!

Альфа виновато опустила голову и вяло, нехотя вышла из блиндажа.

Когда я вернулся к Соколу, собака лежала у его ног и боязливо поглядывала на меня. Она опасалась наказания, но я не тронул ее. «Сам больше виноват...» — подумал я. Бывая с ней в частях, я иногда допускал, чтобы она брала корм из чужих рук.

Постепенно мы приучили Альфу к выстрелам, стреляя поблизости от нее из пистолета и винтовки. Но взрывов она все еще боялась. Когда мы попадали под артиллерийский налет и все втроем — я, лошадь и собака — ложились на землю, Альфа прижималась ко мне и закрывала от страха глаза. Я отгонял ее от себя и подбадривал голосом:

— Вперед, Альфа, вперед!

Она вскакивала, немного отбегала, но тут же возвращалась.

Чтобы снова приучить Альфу к связной службе, мы обозначили два «поста» и заставляли ее бегать между ними. Первый «пост» — наша землянка, второй — в километре от нее, в овраге. Там находился Миша. Я посылал Альфу к нему, а он ко мне. По пути Квитко взрывал недалеко от собаки «пакеты». Альфа постепенно смелела, и мы тешили себя надеждой, что вскоре вернем ее в строй. Но надежда наша не сбылась.

Летом сорок третьего года наши войска разбили противника на Курской дуге и погнали его на запад. Фашисты отходили с боями и усиленно минировали дороги, берега рек, лесные опушки.

Мне надо было поехать в дивизионный ветлазарет. По большаку туда — километров пятнадцать. «Зачем ехать так долго, когда можно напрямик», — подумал я и поехал к лесу. Как обычно, Альфа бежала впереди. На опушке она остановилась, обернулась и гавкнула свое «ам». Я крикнул:

— Стоять, Альфа!

На опушке ничего подозрительного обнаружить не удалось, земля ровная, никаких следов минирования. На деревьях тоже никаких знаков. Иногда наши саперы не успевали обезвреживать минные участки и прибывали на столбах или деревьях дощечки с крупной надписью: «Заминировано». И я решил, что все в порядке, путь безопасен.

— Вперед, Альфа! Прямо! — приказал я Альфе, и та, взмахнув хвостом, побежала в лес.

Ехал я шагом, не правя конем, — он сам осторожно лавировал между деревьями. Впереди мелькало серое тело Альфы.

Мы проехали метров пятьдесят, и вдруг раздался взрыв... Сокол вздрогнул и остановился.

Потом я увидел Альфу... Подойти бы к ней, но нельзя: лес заминирован, можно подорваться. Да и помощь моя ей уже не требовалась...

Много смертей я видел на фронте, но эта поразила неожиданно сильно. Никого не обходит война... Даже и бессловесное, преданнейшее человеку животное.

Направил Сокола назад по его же следу. Долго после этого не оставляла меня одна и та же мысль: «Кто знает, может быть, Альфа спасла меня и моего Сокола...».

СМЕРТНОСНОЕ ПОЛЕ

Ночь была мутно-серая, без луны. По полю, шурша, неслась сухая поземка.

Саперы-собаководы сержант Пастухов и рядовой Черкасов, получив еще с вечера боевое задание, готовились к вылазке на передний край противника: надо было сделать проход в минном поле противника, открыть своему батальону путь к наступлению.

Не впервые это делал сержант Пастухов, но каждый раз при разминировании испытывал какое-то необыкновенное чувство, от которого его зрение и слух обострялись до крайности. Он ощущал себя укротителем, находящимся в клетке среди зверей, от которых ежесекундно можно ожидать нападения. Только было еще труднее. Опасность подстерегала и со стороны. Враг в любой момент мог обнаружить и сорвать боевой план.

Пастухов и Черкасов оделись в белые маскировочные халаты с капюшонами и сразу стали казаться толстыми, неуклюжими, особенно низкорослый, плотный Черкасов. Белые накидки надели и на собак. Треф вел себя спокойно, а чувствительный Пурик несколько раз встряхнулся, пытаясь сбросить одеяние, и успокоился лишь после того, как Черкасов, его хозяин, строго прикрикнул: «Нельзя, Пурик! Фу!».

— Смотри, Черкасов, за своим псом хорошенько, — напутствовал своего подчиненного Пастухов, — а то он у тебя какой-то шальной.

— Зато старательный какой, товарищ сержант. А чутье какое!

— Старательность, Черкасов, хороша при уме и выдержке, а он у тебя не всегда дисциплину соблюдает. Либеральничает ты с ним.

Взяв в левую руку поводок от собаки, а в правую щуп — длинную палку с острым железным стержнем на конце, саперы-вожатые вылезли из окопа и встали на лыжи.

Пошли, низко пригнувшись. Впереди — Пастухов, за ним шагов через восемь Черкасов.

Противник, отступая, изошрялся в минировании: противотанковые заделывал в деревянную оболочку, чтобы не улавливались электрическим миноискателем — «пищалкой», между большими минами закладывал маленькие противопехотные, с проволокой — чуть ее задел и... взрыв.

Несется поземка по полю, крутится около кустарника, заволакивает все мутью. Ровное снежное поле и пологая высота, за которую зацепился противник, безмолвны, кажется, что враг или спит, или отошел. Но нет, враг начеку. Заскользил по белому полю луч прожектора, застрочил пулемет. «Лежать!» — одновременно прошептали Пастухов и Черкасов собакам и, упав в снег, замерли. Рядом с ними прильнули к земле Треф и Пурик. Умолк пулемет.

Оборвалась и полоса света. «Прощупывают и пугают... — подумал Пастухов. — Знаем мы ваши повадки — сами побаиваетесь...».

Сняли лыжи и, воткнув их глубоко в снег около кустика, поползли. Продвигаться тяжело — тонешь в снегу, зато хорошая маскировка. И поземка мешает, бьет прямо в глаза.

Время от времени Пастухов и Черкасов повелительно шептали: «Треф, ищи! Пурик, ищи!» Собаки принюхивались к снегу и, натягивая поводки, рвались вперед. Старательный и горячий, Пурик тыкал нос в снег и чихал. «Тихо, Пурик! Фу!» — сердился Черкасов.

И вдруг Треф, обнюхав снег около куста, сел возле него и выразительно поглядел на своего хозяина. Пастухов осторожно погрузил щуп в снег и почувствовал, что тот наткнулся на дерево. Мина! Снял рукавицы и, засунув руки в снег, неторопливо, осторожно ощупал ее корпус — нет ли около или под ней опасной проволочки от мины затяжного действия. Как будто нет. Руки стынют. Надел рукавицы, взялся за лопату, откопал ящик. Тяжелый — будто гвоздями набит! Поставил на попа. Так виднее. Первая есть! Вытер рукавом пот с лица. Черкасов тоже обнаружил мину. Разрывает снег, а рядом с ним суетится Пурик, помогает хозяину выкапывать. Медвежья услуга! Нарвется когда-нибудь... По лапам его надо бить, а Черкасов с ним миндальничает.

Недалеко, над окопами врага, низко тарахтел По-2 — «кукурузник». Вскоре один за другим раздались взрывы. Это летчик сбросил несколько мелких бомб. Застрекотали зенитные пулеметы, и словно серными спичками кто-то зачиркал в небе — это побежали трассирующие пули. Луч прожектора заметался по небу, но «кукурузник», прижимаясь к земле, тарахтел уже где-то над своей стороной. «Ушел! — радовался Пастухов. — Не дает им покоя и от нас отвлекает... Молодец!».

И опять тишина. Можно продолжать работу. Пастухов и Черкасов досуха вытерли заочневшие руки и всунули их в меховые рукавицы. Как в них тепло и уютно рукам! Так бы и не вынимал. Но надо торопиться, чтобы до рассвета вернуться к своим. И опять раздаются тихие голоса собаководов: «Ищи! Ищи!» Собаки принюхиваются к снегу, натягивают поводки.

Сколько прошло времени с тех пор, как они начали свои поиски, трудно сказать. Может быть, два или три, а может, и четыре часа. Сердце стучит гулко, напряженно, в висках пульсирует кровь. Мокрая от пота рубашка приклеилась к спине, а руки заочневли, пальцы сгибаются плохо. Но проход сделан. Справа и слева от него мины в деревянном корпусе. Они, словно вешки, указывают безопасный путь. Теперь нужно незаметно уйти, ведь вражеские окопы совсем близко. Отползли немного назад и остановились передохнуть. Да и собаки устали. Поджимают ноги — как бы не отморозили подушечки лап.

— Сколько взяли, товарищ сержант? — прошептал Черкасов.

— Двенадцать.

— А я тринадцать. Пурик мой — молодец. Поднимемся, товарищ сержант?

— Нет, надо ползти до лыж.

Пастухов знал; если противник их обнаружит, то насторожится и до рассвета снова может заминировать проход.

Проползли уже много, а лыж не видать. Странно! Наверное, отклонились в сторону.

— Черкасов, иди вперед. Да, смотри, осторожно.

Солдат встал и зашагал вперед, глубоко увязая в снегу. За ним в нескольких шагах шел Пастухов. Пурик вдруг метнулся в сторону, вырвав из рук хозяина поводок, ткнулся носом в снег и быстро заработал передними лапами.

— Пурик, назад! — тихо крикнул Черкасов, но было уже поздно. Раздался взрыв.

Черкасову показалась, будто кто-то метнул ему в лицо стеклянными брызгами. Он упал ниц. Противник открыл пулеметный огонь, над головой засвистели пули. Наши ответили. Потом заговорили минометы. Снаряды полетели в нашу сторону целой стаей, вспахивая снежное поле.

Черкасов подумал, что его тяжело ранило и он ослеп, но потом, вытерев рукавом кровь с лица, понял, что видит и может передвигаться. Подполз к неподвижно лежащему

Пастухову, дергая его за рукав, спросил:

— Товарищ сержант, вы ранены? Товарищ сержант!

Пастухов не отвечал. Черкасов приподнял его голову и заглянул в лицо. Оно было бледно-серым. Губы чуть шевелились.

— Уходи, Черкасов, уходи скорей, а то убьют...

— Треф, вперед, ищи! — приказал Черкасов.

Прихрамывая и пригнувшись к снегу, собака пошла вперед, к своим окопам. Черкасов подлез под Пастухова, с усилием взвалил его на спину, пополз.

Когда шквал огня затих, два солдата, одетые в белые маскхалаты, вылезли из окопа и поползли к месту взрыва. Ясно было, что с саперами что-то случилось. Они приблизились к ним в тот момент, когда обессиленный Черкасов, с заклеенными кровью глазами, уже не мог больше ползти.

... С рассветом войска пошли в наступление. Батальон хлынул в проход, через минное поле.

ПИРАТ, ИЩИ! (Рассказ вожатого-сапера)

Произошло это в Латвии. Прибыл я на передовую в самое горячее время. Советские войска успешно наступали, и разминирование велось днем и ночью.

Наш батальон только что занял два хутора. Вызывает меня командир батальона капитан Соколов и дает такое приказание:

— Проверьте со своим Пиратом блиндаж на хуторе Браунмунша. Он нужен для штаба.

— Есть, — отвечаю, — проверить блиндаж!

Уже вечереть стало, а противник все бьет и бьет по нашим позициям. Пришлось мне с Пиратом добираться до хутора где перебежками, где ползком.

Пират мой — красавец доберман-пинчер. Черно-бархатистый с рыжими подпалинами, великолепного экстерьера, поджарый, мускулистый, отлично подготовлен для миннорозыскной службы. Одно плохо — не обстрелян. Трудноватая была дорога. Но добрались мы до траншеи, подошли к блиндажу. Смотрю — сделан на славу: крыша в четыре наката, бревна толстенные, сверху земли на метр и еще дерном покрыта для маскировки. Траншея перед блиндажом зигзагом сделана и тоже покрыта. Здорово от огня хоронились...

Отпустил я поводок подлиннее и приказал:

— Пират, ищи!

И Пират принялся за работу. Шаг за шагом приближаемся к блиндажу. Движения у собаки резкие, энергичные. Пока не задерживается, тянет вперед. Подошли к входу. Двери открыты — двойные, толстые.

Вдруг Пират заволновался, дернул поводок и уткнулся в косяк. Влажный нос так и заходил. Понюхал и сел. А голову поднял и смотрит вверх. И повизгивает.

Стал я орудовать щупом — ничего. Шагнул потихоньку в блиндаж, засветил карманный фонарик. Сработан блиндаж аккуратно — стол, топчаны, стены тесом обшиты. Пират меня в левый задний угол потянул. Подошел, обнюхивает стену между углом и дверью и опять вверх смотрит, даже на задние лапы встал. Значит, надо отрывать доски...

Зацепил я топором верхнюю и потихоньку отдрал. Песок посыпался. Начал осторожненько разгребать его руками. Разгребаю и тихонько пальцами прощупываю — не попадется ли что... Нет, не попадается. Отдрал еще одну доску и опять разгребаю землю. Стоп! Под пальцами проволочка. «Вот уж точно, — думаю, — наша жизнь с Пиратом на волоске сейчас держится... Только бы руки не дрогнули...» Но ничего — благополучно перекусил проволочку кусачками. Стал раскапывать дальше по направлению к двери. Пират за моей спиной весь изволновался.

Добрался я до опорного столба и легонько ткнул щупом в землю. Что-то твердое. Начал

копать — ящик деревянный. Вынул. Не очень большой, но тяжелый. Грузная начинка и грозная. Вынес я его в траншею, а мой Пират, как увидел, что я достал мину, сел рядом с ней и успокоился. Я тоже облегченно вздохнул, будто тяжелый камень с души свалился. Но тут же одумался: «Да что же это я? Может, где еще мина есть? Куда-то ведь идет другой, свободный конец проволоки...».

Оказалось, он выведен через угол блиндажа наружу. Начал я раскапывать проволоку и тут увидел капитана Соколова. Он шел по траншее в сопровождении двух солдат.

— Ну как, товарищ Ленькин?

— Блиндаж, товарищ капитан, разминирован. Осталось только проверить, куда вот эта проволока ведет.

— Хорошо. Выясните это, а заодно обследуйте весь хутор. Вот вам два помощника, — указал капитан Соколов на солдат.

Прежде всего откопали мы проволоку. Привела она к сараю. Пират опять вздрогнул, уткнулся носом в землю у стены, заскулил. Вход в сарай за забором. Перелезли через него. Смотрим — дверь завалена плугами, боровами. Оттащили в сторону, открыли дверь. В сарае лежал хлеб немолоченый, снопами. Так и всколыхнулось сердце от родных крестьянских запахов. Но Пират не дал отвлечься. Бросился к снопам, волнуется, роет лапами.

— Эй, кто там? Выходи! — крикнул я.

Никто не отвечает.

Рассредоточились, стали разбрасывать снопы. На полу оказалась дверка в погреб, и наша проволока туда тянется. Пират так и прилип к этой дверке. Зацепил я ее саперной лопатой и резко откинул. Фонариком сразу же в яму, и два автомата туда же направили. Пират чуть в погреб не прыгнул, но я его придержал и крикнул:

— Кто там?

Смотрим — сидит мужчина в сером пиджаке, лицо руками закрыл, то ли от испуга, то ли светом его ослепили.

— Хенде хох!

Мужчина встал, здоровенный, лет тридцати. Поднял руки и забормотал с акцентом по-русски:

— Я рабочий... Не трогайте... Я не хочу с фашистами... Хочу в Советскую Армию...

Вылез из погреба. Обыскали — оружия нет. Привели в штаб. Там он сначала всякие небылицы плел, а потом во всем сознался. Враги оставили его на хуторе с заданием взорвать блиндаж, когда его займут наши.

За этот случай командир батареи объявил мне благодарность. А уж Пирата я сам поощрил — сахаром. На отлично он выдержал боевой экзамен.

ДРУЖОК

Однажды в какой-то сожженной деревушке к нам пристал пес — черный, лохматый, грязный. Был у нас тогда в роте замечательный пулеметчик татарин Абдулла Рафиков, тихий такой, малоразговорчивый, но очень смелый в бою и сердечный к товарищам.

Так вот, этот Абдулла приласкал беспризорную собаку, накормил ее и даже вымыл в реке. Довольный пес отряхнулся от воды, чихнул и лизнул Рафикову руку.

Назвали мы его Дружком.

Все мы очень полюбили простого и доверчивого пса, который чем-то напоминал нам мирную жизнь, родной дом. На фронте часто бывало: таскают солдаты за собой то собаку, то жеребенка и в минуту отдыха от боев и походов играют с ними, ласкают и балуют.

Дружок быстро свыкся со своим новым положением, обжился в роте и хорошо знал всех бойцов, но главным своим хозяином считал Абдуллу.

Как-то раз командир роты сказал Рафикову:

— Что он у нас даром хлеб ест? Ты научи его чему-нибудь полезному. Пусть службу несет.

И начал Рафиков обучать Дружка военному делу.

Обматывает его пулеметной лентой, и ходит пес за ним, носит ее. А потом стал обучать переползанию. Бросит подальше кусочек мяса, ляжет на землю и вместе с собой положит Дружка. Затем сам ползет, собаку за спину придерживает и приказывает:

— Ползи... ползи...

Пес сначала вскакивал и хватал мясо, но упрямый дрессировщик снова и снова начинал урок.

Эту затею мы, конечно, всерьез не принимали.

— Охота тебе, Абдулла, с ним возиться. Ползать и породистую собаку нелегко научить.

А этот же дворняга.

Но Абдулла упорно стоял на своем:

— Постой немного. Он ученый будет.

Так и вышло.

Через некоторое время стал Дружок самостоятельно выполнять команду «Ползи!». А еще позже начал свою боевую службу.

Бывали такие случаи: окопавшись на высотке, лежит Абдулла со своим помощником Васей Королевым и сыплет из пулемета по врагу. Где-нибудь в укромном месте — патронный пункт. Там Дружок лежит. И вот в самый разгар боя, когда патроны у пулеметчиков на исходе, а поднести их из-за сильного огня противника трудно, опоясывают Дружка боеприпасами и посылают к Абдулле. Получив приказание, он срывается и бежит до открытого места, потом ложится и ползет. Тяжело собаке ползти, да и груз у Дружка, но он упорно продвигается вперед и вперед.

Снимут с него пулеметчики патронную ленту и посылают обратно. А после боя каждый старается чем-нибудь да наградить Дружка.

Однажды во время боя пополз Дружок с патронами к Абдулле, и в это время недалеко от пулеметного гнезда Рафикова разорвалась мина. Пулемет замолк.

После успешной атаки мы поднялись на высотку. Там мы обнаружили тяжелораненого Васю Королева и навзничь лежавшего бездыханного Абдуллу. Рядом с ним был его верный Дружок. Положив на грудь своего хозяина передние лапы, одна из которых была перебита осколком, он тихонько скулил...

Похоронили мы своего боевого товарища на опушке рощи, недалеко от деревни Голубочки. На могиле поставили маленький деревянный памятник, который покрасили охрой, и написали на нем: «Погиб смертью храбрых за Советскую Родину пулеметчик Абдулла Рафиков, год рождения 1912».

А Дружку перевязали раненую ногу и положили его в повозку. Наша часть отходила. Ночью мы выехали из деревни и к утру, проехав километров десять, вдруг заметили, что Дружка нет.

Куда он делся — никто не знал.

Дня через два мы снова с боем заняли деревню Голубочки и пошли на могилу товарища. На опушке леса остановились пораженные: надмогильный деревянный памятник выворочен и разбит, а у могилы лежит Дружок с простреленной головой...

От местных жителей мы узнали вот что.

После нашего ухода из деревни в нее вошли фашисты, и один из них, проходя через опушку леса, увидел могилу Рафикова. Он подошел к ней и ударил ногой по деревянному памятнику. В это время из-за дерева на него бросилась хромая черная собака и вцепилась зубами в ногу. Немец сначала испугался, закричал, а потом, придя в себя, прострочил собаку автоматной очередью...

Мы закопали верного Дружка тут же, под деревом, около могилы его хозяина — славного пулеметчика Абдуллы Рафикова.

Георгий Соколов
ФРОНТОВЫЕ БЫЛИ

ВЕРНЫЙ

Матрос-наблюдатель из бригады морской пехоты на рассвете заметил под проволочным ограждением собаку. Низко наклонив голову, она ползла к нашей передовой. Матрос доложил об увиденном командиру взвода лейтенанту Бокову. Тот посмотрел в стереотрубу и пожал плечами.

— Овчарка. И здоровенная. Тут какой-то подвох, — решил он и приказал матросу: — Продолжать наблюдения, а как собака подползет ближе, пристрели.

— Есть пристрелить, — ответил наблюдатель.

Немецких овчарок моряки ненавидели. А ненавидели вот почему. Гитлеровское командование, не надеясь на бдительность своих часовых, завело на передовой овчарок. Стоило только нашим разведчикам подползти к вражеским окопам, как собаки поднимали лай. Тут всполошатся и гитлеровцы, начнут пускать ракеты, стрелять, и приходится разведчикам возвращаться не солоно хлебавши.

Через минуту матрос доложил:

— Проползла через минное поле. Продолжает ползти к нам. — И он поднял автомат.

Лейтенант остановил его:

— Подожди, не стреляй. Посмотрим, что будет дальше.

Овчарка подползла к брустверу окопа, на какое-то мгновение замерла, а потом стремительно прыгнула в окоп. Командир взвода поднял пистолет. Увидев направленный на нее пистолет, собака пригнулась, завиляла хвостом. Казалось, она умоляла не стрелять.

— Черт-те что, — пробормотал Боков. — Может, это наша собака?

Продолжая вилять хвостом, овчарка подошла ближе. В двух шагах она остановилась, села на задние лапы и, не сводя глаз с офицера, гавкнула.

— А это что значит? — продолжал недоумевать командир взвода, держа пистолет наготове.

— Похоже, товарищ лейтенант, что она сдается в плен, — высказал догадку матрос.

— В плен, говоришь? — улыбнулся Боков и обратился к овчарке: — Гитлер капут, так, что ли?

Овчарка опять гавкнула. Матрос рассмеялся:

— Точно, сдается!

— В таком случае ее надо доставить в штаб, — решил лейтенант и кивнул собаке: — Пойдем со мной.

Он пошел по траншее, овчарка послушно следовала за ним.

Начальник штаба батальона выслушал доклад Бокова и вышел из блиндажа, чтобы посмотреть на пленницу. Около нее уже толпились любопытные. Кок Вася, любитель побалагурить, с видом знатока говорил:

— Даже собачья душа не вынесла. Я так думаю, она присмотрелась, да и решила к настоящим людям перемахнуть. Собаки — они тоже в людях разбираются. Они чувствительные...

— Ты бы лучше покормил ее, — заметил кто-то. — Вишь, у нее бока запали.

— И верно, — спохватился кок и побежал на кухню.

Он принес кусок хлеба, несколько костей. Собака с жадностью набросилась на еду, потом подняла глаза на кока и гавкнула.

— Спасибо, значит, сказала, — заключил кок. — Воспитанная, с соображением.

— На ней ошейник. Может, в нем что-то есть, — заметил начальник штаба. — Посмотрите.

Лейтенант подозвал овчарку и начал исследовать ошейник. Та не сопротивлялась.

— Наша собака, — весело сообщил он, окончив осмотр. — Записки нет, но на металлической пластинке выбито: майор Жуков.

— Жуков! — воскликнул начальник штаба. — Слышал о таком. Кажется, в соседней бригаде служит. Сейчас уточню.

Он вернулся в блиндаж, кому-то позвонил и, вернувшись, сказал лейтенанту:

— Есть такой майор. Поручаю вам, товарищ лейтенант, взять с собой собаку и отвести майору Жукову. Ну а если не он окажется ее хозяином, то доставьте в штаб корпуса.

Он объяснил лейтенанту, как найти бригаду.

Никогда раньше Бокову не приходилось иметь дело с собаками. Он был горожанин, и не только в его квартире, но и во всем доме не водилось не только собак, но даже кошек. Он читал в детстве рассказы о том, как умны овчарки, однако мало верил этому. Собака она и есть собака. Но по натуре он был добрым и общительным парнем, а поведение овчарки его заинтересовало, и он с охотой взялся за розыски ее хозяина.

Штаб бригады находился в полутора километрах. Но лейтенант добирался туда несколько часов. Пришлось и траншеями идти, и переползать через открытые места, и пережидать артиллерийские налеты. Собака покорно следовала за ним, а когда лейтенант полз по-пластунски, ползла и она. Во время артиллерийского обстрела овчарка прижималась к дну траншеи и замирала в таком положении.

— А ты, собачина, просто молодец, по-солдатски действуешь, — похвалил ее Боков после очередного артиллерийского обстрела и погладил по спине. Он начинал испытывать уважение к своей спутнице.

В штабе бригады ему объяснили, как пройти в батальон, которым командует майор Жуков.

Туда добраться тоже было нелегко. Но вот и штаб батальона: три блиндажа, врытых в скат балки. Лейтенанту указали, где живет майор. Откинув плащ-палатку, заменявшую дверь, он увидел сидящего за сколоченным из снарядных ящиков столом майора и приложил руку к пилотке.

— Разрешите обратиться?

Майор поднял голову, отодвинул лист бумаги.

— Слушаю.

— Вы майор Жуков?

— Да. В чем дело?

— У вас овчарка есть?

— Есть.

— А где она?

— Оставил у тыловиков.

— Как ее звать?

— Верный. В чем дело, лейтенант? — В голосе майора слышалось недоумение.

Лейтенант высунулся из блиндажа и крикнул:

— Верный, иди сюда.

Овчарка лежала около батальонной кухни. Услышав свое имя, она быстро вскочила и подбежала к блиндажу.

— Заходи.

Увидев майора, Верный бросился ему на грудь и лизнул в лицо. А майор словно окаменел на какое-то мгновение. Наконец он пришел в себя и с удивлением воскликнул:

— Как ты тут оказался?

Виляя хвостом, Верный приник к ногам майора и поднял голову. В его выразительных черных глазах можно было прочесть и вину, и радость, и настоящую собачью преданность.

И тут спокойствие покинуло майора. Он обнял собаку за шею и дрогнувшим голосом произнес:

— Эх, дружище ты мой. Знаю, соскучился. Я так волновался за тебя.

Лейтенант смотрел на эту встречу и думал: «Вот какая бывает дружба».

Сев на зарядный ящик и закурив, майор спросил лейтенанта, откуда он и как Верный оказался у них.

Пока лейтенант говорил, овчарка, положив голову на колени хозяина, смотрела то на майора, то на лейтенанта. «Понимает, что ли?» — подумал Боков, удивляясь про себя.

Майор подкручивал седеющие усы и покачивал головой. Когда Боков закончил свой рассказ, он потрепал Верного за ухо и с притворной сердитостью сказал:

— Вот ты какой недисциплинированный барбос. Дважды не выполнил мое приказание. Следовало бы всыпать тебе.

Но Верный словно замер. Он даже глаза прикрыл. Только хвост его чуть вздрагивал.

— Лежи, Верный, — приказал Жуков и повернулся к лейтенанту: — Когда мы высадились на Малую землю, Верного я оставил в Геленджике у тыловигов. Дней через десять он заявляется ко мне. Как же добрался? Очень просто. Тыловики грузили на мотобот продукты для нашей бригады. Верный незаметно пробрался на мотобот, укрылся за мешками с хлебом. Его обнаружили, когда вышли в море. Не возвращаться же в Геленджик. Его доставили на Малую землю и привели ко мне. Выругал я его и на другой день отправил обратно с мотоботом. А он вот что теперь вытворил — сушей добрался до меня. Подумать только, сколько мужества, хитрости пришлось проявить ему. Ведь он пробирался через нашу передовую, потом через вражескую. Он шел по тому пути, который мы прошли, когда отступали. Запомнил Верный этот путь. А еще говорят, что у собаки только условные рефлексы. Чушь! Есть у нее и разум. Правильно я говорю, Верный?

Собака внимательно посмотрела на хозяина. А лейтенант опять невольно подумал: «Какие умные у нее глаза. Неужели все понимает?».

— Что же теперь делать? — задумался майор. — Опять отправлять? Это будет черной неблагодарностью с моей стороны. Верный совершил подвиг, доказал свою преданность, а я...

Он не договорил, стал свертывать сигарку. Закурив, майор продолжал:

— Пожалуй, оставлю, хоть и риск большой. Сами знаете, сколько снарядов и бомб ежедневно обрушивается на нас. — Майор вздохнул и добавил: — А Верный единственное близкое мне существо. Так ведь, Верный?

Верный поднялся и опять положил голову на колени майора.

— Вот видите, он подтверждает, — невесело улыбнулся Жуков. — Я жил на Тамани, учительствовал в станице. За год до войны мне подарили щенка овчарки. Я назвал его Верным. Думал, пусть будет другом моему сынишке Саше, первокласснику. Щенок оказался сообразительным, хорошо усвоил курс собачьей науки... В прошлом году, в августе, мой батальон проходил через станицу. На месте родного дома я увидел развалины. Прямое попадание бомбы. Убиты жена, сын, мать. А Верный каким-то чудом уцелел. Я взял его с собой...

Он замолк и погладил собаку по голове. Боков тоже молчал, не знал, что сказать.

Жуков поднялся, протянул руку Бокову.

— Благодарю за Верного. В знак благодарности примите мой скромный подарок.

Он протянул портсигар. Портсигар был сделан батальонным умельцем из алюминиевой обшивки сбитого над Малой землей вражеского бомбардировщика. На его крышке было выгравировано — гора Колдун, море, падающий в него самолет.

Лейтенант поблагодарил майора за подарок и распростился.

Вернувшись в свой батальон, лейтенант Боков доложил начальнику штаба о том, что сдал собаку ее хозяину, а в конце своего рассказа добавил:

— Если уцелею, то после войны обязательно заведу овчарку.

ЦЕНОЙ ЖИЗНИ

Это было в начале первой военной зимы. Четвертый день шел ожесточенный бой. Гитлеровцы упорно пытались выбить наши войска с занимаемых позиций. Каждый день они бросали в атаку десятки танков. А позади танков цепи вражеских солдат.

Наши силы были на исходе. У артиллеристов кончались снаряды. Как воевать против

танков?

Под утро я с группой разведчиков пришел на передовую для наблюдения за противником. Место выбрал на стыке двух наших полков. Здесь находились пулеметчики.

По сведениям разведки, фашисты в этот день намерены были предпринять решительный штурм. Они потеряли много танков, но, надо полагать, без танков наступать не собирались, бросят на штурм еще больше машин. В тревоге мы ждали, когда наступит рассвет. Чем мы будем бороться с танками? Подвезли ли ночью снаряды, бутылки с горючей смесью?

На рассвете к нам в окоп заявился пожилой солдат с двумя овчарками, которых держал на поводу. Сняв с плеча тяжелый вещевой мешок, он присел и стал сворачивать сигарку. Одна собака легла у его ног, а другая поднялась на задние лапы и стала смотреть через бруствер.

— Не спеши, Рекс, — сказал солдат. — Отдыхай, пока есть время.

Рекс нехотя опустил хвост, но не лег, а подошел ко мне, обнюхал карманы. Я погладил его по холке. Тогда он лег у моих ног. Разведчик Ваня Куценко вынул из кармана сухарь и протянул Рексу. Тот схватил сухарь и мгновенно уничтожил.

— Эй, парень, — крикнул ему солдат. — Не смей больше этого делать!

— Почему? — удивился Ваня.

— Собаки должны быть голодными.

— Почему? — еще более удивился Ваня.

— По условиям дрессировки. Сытая собака под танк не полезет.

Я знал, что в борьбе с танками используют собак. Но как это делается — ни разу не видел. Видя, что мы интересуемся, солдат охотно объяснил:

— Дрессируем так. Вешаем под танк мясо. Голодная собака находит его. Так вырабатывается условный рефлекс: пищу она может найти только под танком. Поэтому, как увидит танк, бросается к нему. А ежели сытая, то, конечно, не бросится. На спину прикрепляем взрывчатку. Собака привыкает к поклаже. В боевой обстановке во взрывчатку вставляем взрыватель. Конец взрывателя вроде антенны. Собака бросается к танку, лезет под него, задевает антенной о корпус, и происходит взрыв. И танку капут.

— А собаке?

— Тоже.

— Ценой своей жизни, получается. Выходит, что ты собачий душегуб, — заключил Ваня.

Солдат нахмурился и сердито отозвался:

— Война, парень, понимать надо. Душегубами фашисты являются. Ты вот собаку пожалел. Верно сказал, только не к месту. Мне тоже жалко. А что поделаешь? Люди отдают свои жизни! Люди! А ты о собаках... Вижу, жалостливый ты к животным, значит доброе сердце имеешь. А вот насчет соображения слабоват еще. Слабоват...

И он выразительно покрутил пальцем у виска. Ваня не обиделся, а только усмехнулся:

— Спасибо, дружище, за политбеседу.

В это время где-то впереди послышался отдаленный гул моторов. Мы сразу замолкли и насторожились. Овчарки тоже наострили уши и поднялись. Я выглянул из окопа и посмотрел в бинокль. По спине пробежал холодок.

Шло более десяти танков. Куда они направят удар? А если в стык двух полков, где мы находимся? Могут смять. Немного нас осталось, и противотанковых средств почти никаких. Единственное, чем мы располагали — бутылки с горючей смесью и связки гранат. Собаки — это на крайний случай.

— Приготовиться, — распорядился я.

У нас было припасено четыре бутылки с горючей смесью и пять связок гранат.

Разошлись по ячейкам. Я остался около пулеметчика. Солдат деловито привязывал к спинам собак смертоносный груз. Пока он делал это, овчарки стояли смирно, но как только сказал «порядок», они ошетились и попытались выпрыгнуть из окопа. Солдат с трудом

удержал их.

— Не спешите, шалавы, — ворчал он, натягивая поводки.

Танки подошли ближе и открыли огонь по окопам. Несколько снарядов разорвалось совсем близко от нас. Я выглянул из окопа. Три танка, петляя и ведя на ходу огонь, шли к нам, на стык полков. «Скоро начнут утюжить», — подумал я и скинул шинель. Так удобнее бросать гранаты.

Солдат тоже выглянул и сказал:

— Пора, — и почему-то вздохнул. — Орлик, подойди ближе.

Он вставил запал-антенну во взрывчатку на спине Орлика, отвязал поводок и крикнул:

— Вперед, Орлик!

Овчарка взметнулась на бруствер и исчезла. Я приподнялся и стал смотреть вперед.

Орлик, словно распластавшись над землей, летел к ближайшему танку. Кругом рвались снаряды. Но он не замечал, не шарахался в стороны. Вот он подбежал к танку и нырнул под его брюхо. И в тот же миг раздался сильный взрыв. Танк завертелся и остановился.

— Порядок, — вздохнул солдат.

Я посмотрел на него. Он стоял, весь подавшись вперед, брови сдвинуты, глаза злые-презлые, лоб собран в гармошку, а по гармошке тянутся капли пота, словно он, а не собака бежал к танку.

Он достал второй взрыватель и стал приделывать к Рексу. Теперь я смотрел вслед Рексу. А тут загрохотала наша артиллерия. Снаряды ложились впереди танков. «Не добежит Рекс», — подумал я. Но Рекс оказался хитрее, чем я думал. Он нырнул в воронку и там замер. И как только танк подошел почти вплотную к нему, сделал прыжок и очутился под ним. Опять взрыв — и стальное чудовище замерло.

Третий танк развернулся и стал поспешно удирать. Стоявший рядом со мной пулеметчик сказал:

— Теперь мой черед.

Он выкатил из укрытия свой пулемет и стал стрелять по танкистам, которые вылезали из подбитых танков.

Вражеская пехота, сопровождавшая танки, покатила назад. Справа, где наступали остальные танки, атака тоже не увенчалась успехом. На поле боя остались четыре танка. Кто их подбил — артиллерия или собаки, — не знаю.

Вдруг пулеметчик крикнул:

— Смотрите, смотрите!

Я поднес к глазам бинокль. От подбитого танка в нашу сторону бежала собака. Это же Рекс! Я опустил бинокль и протер глаза. Может, мне чудилось. Ведь Рекс подорвался.

Хозяин овчарки радостно завопил:

— Рекс, ко мне!

Овчарке прыгнула в окоп и лизнула солдата в лицо. Солдат обнял ее за шею и прижал к себе.

— Родной мой, — ласково заговорил он. — Как же ты уцелел? Чудо какое-то.

Из ячейки вышел Ваня Куценко и сказал:

— А может, снаряд подорвал танк, а с Рекса взрывчатка соскочила.

— Может быть, — согласился солдат.

Удивительно, конечно, что Рекс уцелел после взрыва. Но факт остается фактом.

Солдат, проводник собак, радостно улыбаясь, потрепал Рекса по шее.

— Пойдем домой, Рекс. Делать нам тут больше нечего.

Но сразу он не ушел, а присел и закурил.

— Вчера, — сказал он словно про себя, не обращая ни к кому, — моего земляка Якова Крылова танк раздавил. А дома у него двое детишек...

И, уже обращаясь к Ване Куценко, сказал:

— Так-то вот... Собачий душегуб, говоришь? Горько слушать такие слова, парень, горько. Я и до войны с собаками занимался. Для пограничной службы готовил овчарок. Знал

бы ты, какие они умные. Все понимают, только говорить не могут. Но по их глазам можно понять, что они хотят высказать. Из животных лучшего друга, чем собака, нет у человека. Точно говорю. А я посылаю их на смерть... Вот ты, когда шел на фронт, какой наказ получил от матери? Чтобы в кустах хорониться?

— Ты мою мать не цепляй, — сказал Ваня.

— А ты все же скажи, какой наказ дала.

— Ясно какой — храбро защищать Родину, не жалея ни сил, ни жизни.

— А я даю наказ собакам ценой жизни спасти таких, как ты. Чтобы ваши матери не плакали.

— Да я же тебя не осуждаю, — смущенно проговорил Ваня. — Насчет душегуба забудь. Сказанул, не подумавши.

Солдат встал и сутулясь пошел, Рекс двинулся за ним.

А через несколько минут гитлеровцы возобновили атаку. Опять на нас двинулись танки. Весь день шел ожесточенный бой. В полдень был убит пулеметчик. За пулемет встал Ваня. В конце дня один танк промчался над нашим окопом. Я бросил ему вслед связку гранат, но после взрыва танк продолжал двигаться. Тогда Ваня выпрыгнул из окопа и побежал вдогонку за ним, держа в правой руке бутылку с горючей смесью. Танк запылал. Ваня побежал назад, но не успел спрыгнуть в окоп. Вражеская пуля скосила его, и он упал на бруствер. Я втянул его в окоп. Ваня был мертв.

Больше гитлеровцы атак не предпринимали. Ни сегодня, ни завтра.

Боевой рубеж мы отстояли.

Валерий Мусаханов БЕШЕНАЯ СОБАКА

Третьи сутки ярилась пурга. Она швыряла в замерзшие окна пригоршни сухого снега, подолгу выла в извилинах дымохода.

Аргусу в этом чудилось издевательство и вызов, мышцы напрягались, торчком становились острые уши, стягивало кожу спины, отчего дыбилась черная хребтовая шерсть. Он вскидывал голову, смотрел в сторону печи мрачными темными глазами, обведенными кольцами ярко-рыжей шерсти; бахромчатые губы его приподымались, обнажая влажные изогнутые клыки, в горле начинало kloкотать от нарождающегося рычания.

Но в горнице все было обычно: шипела карбидная лампа, синее маленькое пламя освещало кровать — гору подушек, кружевной белый подзор, свисающий до самых половиц.

Хозяин по обыкновению лежал на кровати. Ноги в тускло блестящих сапогах — на постели, в свесившейся руке — сигарета. Рядом с рукой — табуретка. На ней пузатая темная бутылка и стакан.

Тошный запах карбида, табака, винного перегара.

И Аргус снова опускал голову на передние лапы. Здесь, внизу, запахи были слабее и не так досаждали ему. Он медленно закрывал глаза, начинал дремать.

Аргусу было пять лет. Он не мог похвастать чистотой крови, хотя имел безупречные линии черепа, темный правильный чепрак, ярко-рыжие подпалины и в меру пушистый хвост, который никогда не изгибался выше спины. Но огромный рост и грубоватый костяк сразу выдавали его «полуарийское» происхождение.

Мать Аргуса — чистокровная немецкая овчарка — по мимолетному капризу оказала благосклонность безродному странствующему рыцарю, которого скитальческая судьба привела на тучные поля Северо-Германской низменности.

От отца Аргус унаследовал силу и рост, от матери — масть и красоту. Его младенчество прошло в солидном поместье, потом он вместе с хозяином отправился в восточный поход. Он бегал по чистым зеленым улицам городов славянской Европы и по-хозяйски метил столбики, тумбы и деревья на улицах Братиславы и Брно, Кракова и Варшавы, Минска и Риги.

Перемена мест, походная жизнь расширяли понятия Аргуса о мире, и он матерел незаметно для себя.

Он понял, что ему не нужно заботиться о еде, потому что денщик хозяина трижды в день в положенное время принесет ему большую миску солдатской еды. Понял, что в кузове грузовика спокойнее ехать возле кабины, и рычал на солдат, пока они не уступали ему это место. Узнал, что внушает людям страх, и научился распознавать этот страх по резкому внезапному запаху пота и напряженным, опасливым движениям. Узнал, что молчаливость и редкое рычание внушительнее шумливой брехни, и никогда не лаял. Понял, как нужно настичь убегающего человека в полосатой одежде, прыгнуть ему на плечи, свалить и рвать его тело.

Это многознание сделало его угрюмым и высокомерным. Аргус не понимал смысла слов, он судил о них по интонации. Но в разговорах людей она часто была бесцветна. Угрожающие слова произносил тот, кто сам испытывал страх. А это казалось совсем уже нелепым, бессмысленным. Бессмысленным казалось и волнение хозяина, который часто разговаривал сам с собой и от этого волновался. Аргус относился к нему с пренебрежением, даже, может быть, большим, чем к другим, потому что лучше его знал. Но только хозяин владел секретом произнесения тех нескольких слов, которые имели власть над Аргусом. Стоило ему произнести дважды «Фас!» и показать на человека, как у Аргуса в горле начинался хрип, грудь распирало от злобы и ярости и он бросался вперед, забывая отвращение. А потом горло долго сводили спазмы тошноты, и, однажды возникнув, никак не проходил привкус человеческой крови и вонючего тряпья.

И сегодня Аргус все еще чувствовал этот тошнотворный привкус, хотя прошло уже три дня. Человек, которого он догнал и свалил на лесной опушке за поселком, уже висел на толстом суку тополя под окном горницы, и Аргусу было слышно, как шуршит пурга его мерзлой, заледеневшей от крови рубахой. Всякий раз, когда он слышал этот шорох, к горлу подкатывала тошнота. Он подымался с плащ-палатки, служившей ему постелью, шел к двери и лакал воду из миски в углу у порога. Потом возвращался на свое место под окном, подальше от жаркого печного брюха, закрывал глаза и дремал.

Ему вспомнились запахи влажной земли и травы в поместье, где прошло его первое лето; подстриженная лужайка, по которой он носился, иступленно крутя хвостом; чувство восторга от голубизны неба, мычания коров, аромата картофельной ботвы, проросшего на солод ячменного зерна.

Пурга швыряла в окна пригоршни сухого снега, шуршала задубевшей рубахой повешенного. Шипела карбидная лампа. Падал на пол потухший окурочок. Горлышко бутылки звякало о край стакана, булькало вино, и его противный запах вливался Аргусу в нос.

Он отворачивал голову, свертывался клубком и прятал нос в паху. А хозяин начинал говорить сам с собой, негромко и монотонно. Но Аргус знал, что скоро он начнет волноваться и тогда станет говорить громко и быстро.

Аргус не понимал, что хозяин говорит о величии германского духа и гордом одиночестве нибелунгов. Его собачий слух оскорбляло обилие рокочущих звуков, он подрагивал ушами и старался думать о чем-нибудь приятном. Хотя бы о звездах

Он полюбил их давно за величавую молчаливость, за ровный, спокойный свет в чистой вышине, где нет никаких запахов. Ему было любо их одиночество и недоступность. И порой очень хотелось очутиться там, возле них. Он подымал морду к небу и долго-долго терпеливо ждал их зова.

Аргус верил в могущество приказа. Он думал, что сможет все, лишь бы был сильный и властный приказ. Но никогда звезды не звали его, и каждую ясную ночь ему хотелось возвестить им о себе долгим, тягучим воем...

А хозяин говорил, все быстрее выплевывая слова:

— Мы вне радости побед, вне горечи поражений. Мы только инструменты — великолепная заточенная сталь, которой предопределено сделать планету ровной и блестящей, очистить ее от коросты жалких людишек... Все принадлежит нам: и свободное

парение духа, и одиночество, и жизнь этих людишек. Они ушли в своем развитии ненамного дальше Аргуса и сами не могут понять смысла своего младенческого стоицизма...

Аргус, услышав свое имя, поднял голову, но, убедившись, что на него не обращают внимания, снова свернулся клубком.

От хозяина пахло хлорной известью солдатских нужников, дымными развалинами городов, сыпнотифозной сывороткой, ромом, приготовленным из древесных опилок.

Аргус подошел к двери и поскреб лапой. Хозяин поднялся, открыл. Аргус постоял в темном холоде сеней, втягивая запахи сухих березовых веников, старой мешковины и мышей, потом налег грудью на дощатую дверь и вышел в ночь.

Пурга стихла. Робко поблескивали звезды. Смутным пятном белела луна. Было тихо и пустынно. Скрипел тополь под тяжестью повешенного. Шаркал часовой. Изгороди утопали в снегу, и не было света в окнах домов.

Аргус сошел с тропинки и ступил на хрусткий наст. Он с тихим шорохом подломился под лапами. Аргус сделал второй шаг — наст выдержал, и тогда он побежал, набирая полную грудь холодного чистого воздуха. Он легко перескакивал изгороди, кидался из стороны в сторону, останавливался и снова пускался голопом, упиваясь воздухом, тишиной, одиночеством.

Потом он, глубоко и часто дыша, сидел под изгородью и смотрел на звезды, долго-долго ожидая их зова, пока не начали мерзнуть лапы и стал рваться наружу долгий, тоскливый вой. Тогда он побежал дальше по улице поселка, вглядываясь в черную даль шоссе, где вспыхивали сполохи оружейных залпов. Аргус привык к ним здесь, на дальних подступах к Ленинграду, и не обращал на них внимания. Он пробежал почти весь поселок, тихий, таящийся во тьме и снегу, и тут до него донесся запах, слабый, почти неуловимый.

Аргус застыл с поднятой лапой и напряженной спиной, поднял нос, втягивая воздух.

Пахло собакой... Пахло восхитительно и пьяняще. И Аргус побежал на этот запах. Он взрывал лапами снег, иногда проваливался по самое брюхо, но держал нос по ветру, боясь потерять этот запах.

Дом стоял за ветхой изгородью. Такой же, как все — настороженный, с завешенными окнами, на темных бревнах змеились трещины, к завалинам приник снег.

Пахло собакой и смолистым дымом.

Аргус остановился, жадно дыша, но не решаясь перескочить изгородь.

Он долго стоял у ветхой изгороди. Черные кольца тянули шеи из белого снега, отбрасывая короткие тени. Запах входил в ноздри, заполнял все существо, манил к себе. Аргус слушал, смотрел на легкий дымок, струившийся из низкой трубы, потом все же перескочил изгородь.

Засыпанная снегом конура притулилась под стеной дома. Пьянея от запаха, Аргус приблизился к конуре, сунул голову в квадратное отверстие. Конура была пуста. Трухлявое сено и стенки были пропитаны ароматом детства, и Аргус залез в конуру и лег мордой к отверстию. Отсюда ему были видны сизые облака и редкие бледные звезды, и он наслаждался их спокойным блеском и вспоминал минувшее, в котором не было жестокости, лютой, душащей злобы, где никто никого не боялся.

Звезды плыли сквозь облака. Синел снег. За бревенчатой стеной слышались слабые шорохи.

Горела керосиновая лампа. Горячим, сухим жаром дышали красные угли на поду русской печи.

Пятилетний Петька сидел на скамейке. У него слипались веки, с одной ноги съехал растоптанный валенок. Петька тер глаза кулаком и смотрел за бабкой Полей.

Сухая, маленькая, в черном платье и черной косынке, быстро сновала она по кухне, и старые половицы под ней не скрипели.

Петька старался не пропустить ни одного бабкиного движения и косил глазом в сторону, где на лавке возле печи пузом вспухало из деревянного корыта белое кислое тесто.

Петька давно не ел хлеба. Каждый день бабка давала ему сладковатую мороженую картошку да луковицу. От картошки живот делался большим и твердым, но голод не проходил.

Петька смутно помнил, что жил он в Ленинграде с матерью и отцом, что было тогда много хлеба и булок, всяких вкусных вещей и веселых игрушек. А потом его привезли к бабке Поле на лето, и началась война. Не стало сахара, потом хлеба, потом наступили холода, а у Петьки здесь не было зимних вещей, и бабка перешивала ему свои старые жакеты. Не стало соседских ребят. Да и на улицу бабка выпускала редко. Петька возился с собачонкой Розкой, пегой, вислоухой и доброй. Розка давно жила у бабки Поли. Летом у нее были щенки, маленькие, толстые и неуклюжие. Щенков бабка раздала, а Розка исчезла. Наверное, ее застрелил немец, потому что Розка оголодала и выла по ночам. А немец жил в соседнем доме, у Погарихи...

Глаза у Петьки слипались, он тер их кулаком.

Бабка Поля разгребла угли на поду, посадила круглые хлебы и они начали румяниться, испускать сытный горячий дух.

А сон уже перемогал Петьку, и хлебы во сне превращались в яркие уплывающие солнца. Бабка перенесла его на печь, раздела. Петька чувствовал запах хлеба от ее рук. Она сунула ему маленькую лепешку-каравайчик, пышную и теплую, и он, не открывая глаз, в полусне стал есть.

Проснулся Петька поздно. За окном хмурился неласковый день. Петька полежал на теплой печи, раздумывая о том, были ли на самом деле хлебы или только приснилось ему. Потом вылез из-под лоскутного одеяла, нашел штаны и валенки и стал искать хлеб. В печи стоял чугунок с картошкой, на посудной полке пахло чесноком и сухим укропом, а хлеба нигде не было.

Петька сходил по нужде, снова залез на печь и стал ждать бабку.

Она пришла молчаливая, сердитая, поглядела на Петьку и стала снимать кожух. Потом кинула на стол миску, достала из печи чугунок, вывалила картошки, поставила деревянную солонку.

— Есть иди, — приказала она Петьке.

Петька слез, пошел к столу.

— Умойся сначала, нехристь! — прикрикнула бабка.

Петька повернул к умывальнику, хлопнул ладошками по соску, потом провел ими по лицу и вытерся о край полотенца, взобрался на табуретку и увидел, что хлеба на столе нет, а только пустая картошка и соль.

— Ешь, пока не застыла, — сказала бабка.

— Не хочу картошек. Я хлебушка хочу, — захныкал Петька.

— Какого еще хлебушка?

— Такого, с корочкой.

— Ешь! — Бабка ладошкой хлопнула Петьку по затылку. — Ишь, чего выдумал!

Петьке было не больно, но обидно, и он заплакал.

— Ну, есть не хочешь, так ступай на двор, пока погода.

Петька, обиженно сопя, оделся и вышел.

Кругом была тихая белизна. В прутьях старой черемухи запутались снежные комья. По пояс в снегу стояли яблони. На тонкой ветке старого тополя качалась синица.

Петька сошел с крыльца, завернул за угол дома, к сараю, и услышал грозное рычание.

— Розка! Розка! — радостно позвал он.

Но из конуры высунулась страшная черная морда с желтыми кольцами вокруг злобных глаз.

— Ты кто? — спросил Петька, остановившись.

Рычание повторилось. Пес вылез из конуры и зевнул, широко разинув пасть и захлопнув ее с металлическим клацаньем. Он был огромен и страшен. С хвостом-поленом, заиндевельными кончиками торчащих ушей, с прилипшей к шерсти соломенной трухой.

Аргус смотрел на маленького человека, не испытывая злобы. Он мало знал эту породу людей, и мрачная настороженность, соединившись с любопытством, удержала его на месте. От маленького человека не пахло табаком, вином и страхом. Интонация его слов была доброжелательной, и Аргус, склонив голову набок, слушал.

— Ты чей? Тебе негде жить, да?

Аргус наклонил голову на другой бок.

— Живи у нас. Розка теперь не вернется. Тебя как зовут, собака?

Слова этого человечка казались прозрачными, умиротворяющими, как звездный свет.

Маленькие руки потянулись к шее Аргуса, и у него невольно напряглись мускулы, стянуло кожу спины, вздыбив шерсть. Но странное любопытство приковало к месту. Маленькие руки коснулись ошестившихся лопаток Аргуса, прошли по спине, приглаживая шерсть. Это ощущение было волнующим и новым. Аргус вздрогнул. Руки почувствовали эту дрожь, споткнулись на крупе и отпрянули. Сердце Аргуса забилося учащенно, как на бегу, и он шумно задышал, раскрыв пасть.

— Не бойся, собачка. — Маленькие руки коснулись головы Аргуса, пригладили затылок, легонько потянули за ошейник. — Иди в домик, там теплее.

Аргус попятился к конуре. В смятении он чувствовал, что не может противиться этим маленьким рукам, и, чтобы хоть как-то выразить протест, он лег прямо на снег перед конурой. А руки, легкие и теплые, оглаживали его, отогревали его замерзшие уши и лапы. И Аргусу стало хорошо и спокойно от ласки. Он заполз в конуру и лежал там, полузакрыв глаза...

Скрип снега под сапогами хозяина и его голос заставили Аргуса встрепенуться. Он стряхнул со своей головы маленькие руки, поднялся с прогретой соломы и вылез на снег.

Зов хозяина повторился, и Аргус сделал несколько шагов навстречу, так как в зове было то непонятное властное, к чему он привык и чему всегда повиновался. Но было еще живо только что испытанное, и оно останавливало, не пускало. И Аргус остановился, прижав уши, понурившись и опустив хвост. Он чувствовал, что не в силах сопротивляться зову хозяина и сейчас побежит, виновато крутя хвостом. Но маленькая рука легла на шею, и это сделало его увереннее. При новом зове он только переступил лапами и насторожил уши.

Темная колеблющаяся тень легла на снег. Заскрипела калитка. Запах табака, солдатского нужника, сыпнотифозной сыворотки впился Аргусу в ноздри, лишил остатков уверенности. И он медленно двинулся к хозяину, извиваясь всем телом, мотая головой и хвостом, испытывая чувство гадливого презрения к самому себе.

Тень хозяина колебалась, косматилась.

— Собачка, собачка, — тихо позвал маленький человечек.

И Аргус повиновался.

Потом раздалось шипящее ругательство хозяина. Он вытянул руку в сторону человечка и приказал:

— Фас!

Аргус услышал этот всемогущий приказ, напрягся. В горле родился исступленный хрип, и ярость заколотилась о ребра. Он зарычал, готовый броситься и рвать врага. Но врага не было. Стоял маленький человечек, который только что ласкал его теплыми, легкими ладонями. Человечек стоял и доверчиво смотрел на Аргуса. Кровь застлала глаза, Аргус закружился на месте, высматривая врага, но не было бегущего или грозящего, и от ярости он уже почти ослеп.

— Фас! Фас! — повторялся властный приказ.

Ярость стала непереносимой, смертельной, казалось, что сейчас разорвется сердце, переполненное этой яростью и Аргус упал на снег, зарылся мордой, терзая зубами холодные комья, разрывая их лапами.

— Фас! Фас! — закричал хозяин, и его сапог впился Аргусу в бок, как раз слева, где изнывало переполненное яростью сердце. И сердце вздрогнуло от боли, прыгнуло вверх, подымая Аргуса с изрытого снега. И горло хозяина оказалось таким же мягким и

податливым, как у других людей, и Аргус, преодолевая тошноту, сжимал на нем челюсти.

Он не слышал грохота выстрела. Ему показалось, что это звезды прошли сквозь него. Те звезды, о которых он так долго мечтал. И Аргус отполз от трупа, чтобы не слышать смрадного запаха крови и смертной испарины, положил морду на лапы и глубоко, облегченно вздохнул.

Владимир Калинин
Я ВСПОМИНАЮ, КАК ЧЕЛОВЕКА
Стихи о фашистской неволе

Я эту собаку запомнил, как человека...
Случилось такое в сорок четвертом. Зимой.
Игрался спектакль «Охота XX века»
перед шеренгой, застывшей от страха,
немой.
У коменданта была привязанность к догам.
И был экземпляр — казался слоном
среди всех.
Даже эсэсовцы боялись верзилу-дога.
И вот этот зверь шагнул величаво на снег.
И вывели жертву...
Стоял мальчишка, продрогнув.
Куда тут бежать? Он давно ослабел.
Комендант наклонился, подал команду догу,
и тот в два прыжка расстояние преодолел.
Обнюхав смертника, прошелся спокойно
рядом.
Был он великолепен в размашистом, легком шагу!
Вернулся дог к коменданту
и честным собачьим взглядом
сказал человеку пес:
«Ребенок ведь — не могу...»
Лагфюрер пожал плечами:
ему-то разницы нету.
Раскрыл кобуру у пряжки с надписью
«С нами бог».
Но, едва сверкнула вороненая сталь
пистолета,
в эсэсовское горло впился красавец дог!
... Дога четверговали,
пустив под лопасти шнека...
Я вряд ли теперь найду в Сан-Пельтене
свой барак...
Но эту собаку
я вспоминаю, как человека,
единственного человека
среди фашистских собак.

Борис Рябинин
ЯРАНГ — ЗОЛОТОЙ ЗУБ

Повесть

Глава 1. «НЕУЖЕЛИ ЭТО ТЫ, ЯРАНГ?!»

Ах, какой это был радостный, какой счастливый, волнующий день! Солнце... даже солнце радовалось и светило как-то по-особенному ярко; приветливо кивали вершинами деревья, покачивались кусты, нежно переливались травы; казалось, ликовала вся природа. А какой был воздух: теплый, ароматный, струистый, ласково обвевавший лица... А поезд мчался, мчался по просторам родной земли. Тут-тук, тук-тук — говорили колеса. Пуф-пуф, пуф-пуф — отдувался паровоз, выпуская густые клубы то пара, то дыма, которые затягивали все вокруг сизоватой пеленой и вновь открывали истосковавшимся по родной земле глазам цветущие просторы. Рвались звуки гармошки. Песня налетала и уносилась куда-то вдаль. А колеса стучали, стучали... Мелькали телеграфные столбы; порой галка испуганно вспархивала с них; перестукивали, переговаривались буфера, и в ритм этому стремительному движению колотились, торопились тысячи горячих сердец: скорей, скорей! Скорей бы уж...

«Мы из Берлина» — было начертано на одном из вагонов. «Здравствуй, Родина!» — кричали слова на другом.

После четырех лет отсутствия — и каких лет! — возвращаться домой... Здравствуй, здравствуй, Родина, здравствуй, любимая, единственная! За эти годы сыны твои навидались многого, прошли многие страны, а дороже, краше своей не нашли...

Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех...

— снова и снова налетала песня и уносилась куда-то вдаль.

А в вагонах... Нет, и вправду, это был необычный поезд! Вот двое солдат закусывают, а рядом с ними, на скамьях, торжественно восседают две собаки-овчарки и, аппетитно причмокивая, ловят и глотают угощение, которое им предлагают.

Овчарки и в других купе — большие, внушительного вида, но словно удивительно подобрешие, забывшие свою обычную суровость и терпеливо сносящие общество как себе подобных, так илюдей... Весь поезд полон людьми с собаками.

В одном из купе сидел усатый, светлоголовый, с загорелым до шоколадности лицом, красивый и статный молодец, из числа тех, чья судьба сушить девичьи сердца, и задумчиво смотрел в окно. У ног его дремал громадный пес... Нет, сказать «дремал», пожалуй, будет не верно. Хотя веки собаки и были приспущены, наблюдательный глаз отметил бы, что она только притворяется, будто спит, а точнее, даже не притворяется. Просто поступает так, как всегда делает собака: вроде бы, и спит — а слышит все, что происходит кругом; вроде бы, ничто ее не касается — а в любое мгновение готова вскочить и выполнить приказ хозяина или вступить за него, если потребуется... Ждал ли пес также свидания с родимым домом после долгой разлуки, как его товарищ — старший сержант, про то не скажешь, ибо не умеем мы понимать собаку так, как она понимает нас.

Паровоз протяжно загудел. Мелькнул семафор, ход замедлился. За окнами поплыли крыши, фабричные трубы, сети воздушных электрических линий, тополя... Кое-где виднелись развалины: город еще не успел залечить свои раны.

Перрон. Тысячи встречающих. Цветы, знамена, море лиц — мужских, женских, пожилых и совсем юных, смеющихся и плачущих от безграничного счастья и радости, застывших в тревожном ожидании... Приехали! Приехали! Сыны наши, отцы, старшие братья, мужья — приехали...

Толчок. Вагоны дернулись — стали. Но еще раньше посыпались из вагонов люди — фронтовики. Вслед за ними выпрыгивали собаки. Пока человека тискали сразу десятки рук, целовали враз несколько уст, пес крутился где-то под ногами; его пинали, давили хвост, лапы; он только отскакивал, да берегся, но чтоб огрызнуться — ни-ни!

— Гляди, сколько собак! — воскликнул кто-то.

— А как же, — ответил другой. — Тоже воевали! А теперь по домам... на отдых, значит...

— По домам или в питомник...

— Собаки — и тоже воевали?! Чудно!

— Еще как воевали-то, будь здоров!

— Цельная воинская часть?!

— А как же... Они и на Параде Победы были!...

— Другие небось...

— Ну, эти или другие — какая разница...

В проеме вагонной двери показался уже знакомый нам старший сержант. Одной рукой он придерживал ремень заплечного вещевого мешка, другой сжимал поводок собаки... И немедленно из толпы, запрудившей перрон, донеслось:

— Алеша! Яранг!!!

Встречающих было трое: пожилой высокий мужчина, женщина с седыми прядями в волосах — его жена и хорошенькая синеглазая девушка — их дочь. Сперва сержант оказался в крепких руках мужчины, они троекратно, по русскому обычаю, поцеловались; потом его по-матерински мягко привлекла женщина. Девушка тем временем занималась псом. Опустившись перед ним на корточки, она трепала его, целовала прямо в морду, в холодный влажный нос, прижимала к себе, как самое близкое, дорогое существо, взволнованно повторяя:

— Неужели это ты, Яранг?! Неужели это ты? Милый... хороший... Ты узнал меня? Яранг! Ярик! Ярашка!!!

Да, конечно, он узнал! Разве может собака забыть близкого человека! Это будет уже не собака! Как глупый неотесанный щенок Яранг юлил, вилял хвостом, в восторге лизнул девушку в щеку, потом, словно устыдившись своего порыва и отсутствия выдержки, принял чинный вид, какой и полагалось иметь собаке, прошедшей через горнило войны. Но в блестящих глазах светились любовь и преданность.

Затем здороваться с собакой наступил черед мужчины и женщины, а девушка, выпрямившись, подала руку старшему сержанту.

— Здравствуй, Алеша.

— Здравствуй, Надя...

Счастьем сияли их глаза. Теперь старший сержант смотрел на девушку так, как минуту назад Яранг (право же это сравнение совсем не оскорбительно для человека). И понимающе улыбались их спутники...

По многим признакам — выражению лиц, непринужденности друг с другом, недомолвкам в разговоре — можно было безошибочно заключить, что они, эти четверо (не считая собаки), не просто давние добрые знакомые: их связывает нечто большее — общие пережитые тяготы.

— А тебя не узнать, Алексей, — сказал отец Нади, когда они выбрались из толпы. Мешок старшего сержанта теперь нес он, а Ярангов поводок перешел в руки девушки. — Возмужал. Возмужал. И усы смотри какие отпустил! Прямо сказать, гренадерские!

— Давно не видались, Степан Николаевич...

— А наград-то, наград! — всплеснула руками Надина мать.

— Целый иконостас! Ай да молодец! — И тут же вновь принялась оглаживать собаку: — Ярангушка... Ярангушка...

— Папа, а у Яранга золотой зуб, — сказала Надя.

Порывисто опустившись перед Ярангом, она бесцеремонно оттянула ему губу и показала. Верно: золотой. На один нижний клык была надета коронка, будто у человека. Вот диковина-то!

Пес не сопротивлялся, лишь моргал, как будто ему попала перчинка в глаз, да слегка вертел головой, пытаясь вежливо высвободиться. «Да будет вам, — говорил его вид. — Ну,

золотой и золотой, чего тут такого...».

— Как же? — удивился Алексей. — Разве я вам не писал? Это после того случая... у моста... Надя, помнишь?

— Ой, еще бы не помнить! Рассказывала нам... Разве забудешь? Сейчас жуть берет... — И в голосе Елены Владимировны послышались отзвуки пережитых невзгод, на глазах блеснули слезы.

Разговор враз оборвался, все затихли, словно набежало облако. Тень недавнего прошлого коснулась всех.

Однако слишком хорош был этот день, чтоб грустить долго. И скоро все снова оживились, хотя воспоминания продолжались.

— А это — помнишь? — показала Надя Алексею.

С одной стороны через морду и скулу собаки тянулась глубокая борозда; давно заросшая, она, тем не менее, была сильно заметна, придавая Яранговой физиономии выражение подчеркнутой суровости. Сразу видно: бывалый пес. Видал переделки...

Алексей кивнул: он ничего не забыл.

— Милый мой, хороший! — продолжала Надя тормозить собаку, когда они уже шли по улице, а сама, встряхивая золотистыми кудрями, все лукаво поглядывала на красивого сержанта.

Глава 2. С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

Как ей было не ласкать, не тормозить Яранга, коли он...

А ведь если сказать, что было время, когда Надя не переносила собак, брезгливо морщилась при их виде, а иной раз готова была кричать караул при встрече, трудно будет поверить.

Брезгливо и предубежденно поморщилась она и в тот раз, в вагоне пригородного поезда. Она возвращалась с подругой от знакомых. В купе сидели два молодых парня спортивного вида, и около одного, «жгучего блондина», как определили его подруги, приткнувшись тесно, точно к матери, лежал щенок. Такой маленький, такой беззащитный... Он мог разжалобить кого угодно, только не Надю.

— Может быть, вы уберете свое животное под лавку?

— А что? Вы боитесь его заразить чем-нибудь? Петро, тогда, и вправду, надо принять меры... — И блондин, осторожно поддев щенка под брюшко, невозмутимо переложил его... на столик.

Это было уж слишком. Единственная дочь обеспеченных родителей, избалованная и не очень привыкшая к тому, чтоб было не по ее, Надя взорвалась, как фугасная бомба. Наговорила невесть что (и теперь стыдно, как вспомнит). Подруга тщетно толкала ее в бок. Надя «закусила удила». С нею так бывало. Но, удивительное дело, чем больше она хорохорилась, тем шире расплывалось в улыбке лицо этого... «жгучего блондина». А что же ругаться, если не действует? Надя вдруг споткнулась и умолкла.

— Цицерон, — хладнокровно сказал блондин. — Правда?

— Факт, — подтвердил второй, круглолицый и чернявый.

— О, времена! О, нравы! — трагически-насмешливо воздел руки кверху блондин и вдруг взглянул на Надю так весело, так откровенно-дружелюбно, что окончательно обескуражил ее.

— Вы, милая барышня... — начал он уже другим тоном.

— Я не барышня!

— По мыслям барышня, по рассуждениям, — мягко уточнил он, ничуть не смущаясь. — А так, визуально, вроде бы, ничего...

Она — «ничего?!» Да все мальчишки в классе писали ей записочки, назначали свидания, подолгу терпеливо ждали за углом, чтоб проводить ее... «Ничего»!!! Но сердиться почему-то уже не хотелось. Что с ним связываться?

— Так вот. Вы просто не представляете по невежеству своему...

— Спасибо, — поклонилась Надя.

— Пожалуйста, — также церемонно отвесил он поклон ей. — ... По невежеству своему... (вот противный, еще повторяет!)... не знаете, что такое собака. А вот это существо мы нашли на дороге, какой-то подлец бросил. А может, сам сбежал...

«Сам сбежал»... Такой маленький! Наверное, без матери и есть-то еще не умеет... Вон, тычется носиком во все стороны. Скорее всего бросили его. И у Нади шевельнулась жалость.

— И куда вы его теперь? — поинтересовалась ее подруга.

— Там увидим. Пропасть, во всяком случае, не дадим.

— Факт! — снова с готовностью подтвердил чернявый.

Надя до сих пор не понимает, как получилось тогда: еще минуту назад готова была брезгливо оттолкнуть щенка, сбросить вниз, на пол, а тут рука сама потянулась и погладила малыша. Из-за жалости? А может, захотелось понравиться беловолосому? Но она ни за что не призналась бы в этом даже самой себе.

Щенок тихонько заскулил.

— Бедняжка...

— Конечно, бедняжка. Хотите, я вам подарю его?

— А что же вы себе не возьмете?

— А у меня уже есть.

— Возьмите второго, раз вы их так любите...

— Кобели — драться будут!

— У него пес — во! — показал приятель, выставив кверху большой палец. — Только уже старый...

— Пенсионер, — серьезно подтвердил блондин. — Обижать нельзя.

Встреча в вагоне оказалась роковой. Да! Не случись ее — не было бы Яранга, многих общих знакомых, не было бы ничего.

Пока Надя шла со щенком к дому, тот уже прилип к сердцу, просто необыкновенное что-то. Такой славный, плюшевый, тепленький. И как она могла считать подобные существа «вонючими»?!

Возможно кое-кого удивит столь быстрая метаморфоза, произошедшая в сознании Нади? Ничего удивительного. С Надей перемены, вообще, случались очень быстро. Она и сама порой не узнавала себя. Было же однажды: шла мимо кинотеатра — видит, дерутся двое парней. Мужчины разнять не могут. Прохожие глазуют. Треснула портфелем по лбу одного, другого, разогнала и пошла дальше. От Нади можно было ожидать еще и не такого. Решение она принимала мгновенно, хотя скажи минуту назад, что поступит именно так, — возмутилась бы. А сделала — как будто ничего особенного не произошло, как будто так и должно быть!

Вот так и вышло с Ярангом. А теперь возрази кто-нибудь против Яранга, вроде того, что Яранг плохой и вовсе не нужен ей... Ого, попробуй только! Да она совсем не представляет себя без Яранга! Весело-то как с ним!

Когда-то она так же увлеченно возилась с куклами; потом на смену куклам пришли книги с картинками; потом — музыка, пианино... Яранг — такой забавный и трогательный в своей детской беспомощности — на время вытеснил все остальное.

У щенка оказался золотой нрав. Только кликни — тут как тут, всегда готов играть, резвиться. Повиснет на тряпке, которой размахивала перед его носом Надя, и рычит, злится притворно... У-у, испугал! Умается, а потом плюхнется и лежит врасстяжку, пока не отдышится. А какой смех, когда начинается возня с рыжим котом Апельсином! Апельсинка сперва все фыркал, взъерошится, хвост трубой. А щенок, глупый, не понимает, лезет к нему. Кот лапой, лапой (сколько царапин износил бедный Ярашка) или, бывало, опрокинет щенка, сам отскочит и смотрит, а Яранг поднимется и, переваливаясь неуклюже, опять бежит к нему...

Ярангу полгода. У него встали уши, вытянулась морда, стал пушистым и саблевидным

хвост. Теперь уже не Яранг и Апельсин, а Надя и Яранг меряются силами. Они стараются отнять друг у друга веревку. Каждый тянет к себе. Трах! Хозяйка кубарем летит в одну сторону, Яранг — в другую... Не выдержала веревка... Ничего! Крепкая хватка ох как пригодится Ярангу, когда настанут грозные времена.

Надя готовит уроки — Яранг лежит у ее ног, положив голову на скрещенные передние лапы. Какой он стал большой — настоящая овчарка! Выполнив задание, Надя, резвясь (настроение превосходное: последние экзамены, а там — каникулы, лето!), хватает конфеты из вазы на столе: одну — себе, другую — Ярангу. Зажав конфету между лап, Яранг деловито разворачивает ее, сладкое содержимое съедает, бумажку оставляет на ковре.

— А это что? — кричит Надюша, показывая на мусор. — Прибери немедленно! А то больше не получишь! — И Яранг послушно берет бумажку в зубы и относит на кухню в мусорную корзину.

Пока щенок был мал, Надя баюкала, укачивала его, как прежде кукол, ночью вставала, чтоб глянуть: спит ли? на месте ли? А после, когда Яранг вырос, поменялись ролями. Устанет иной раз Надя, готовя уроки, приткнется к Ярангу, положит на него голову и не заметит, как уснет. А он не шелохнется.

Как услышит пес по радио «На зарядку становись!» — уж тут. Надя делает упражнения — он внимательно следит. Отзвучала музыка — сорвется с места, лизнет, дурочится, морда умильная — «наскучался».

Он всегда с нею.

— Пойдем мыть посуду, поможем маме, — говорит Надя.

Надя моет, вытирает и бросает тарелки Ярангу, а тот, подхватывая с виртуозной ловкостью, — только зубы сверкают! — стопкой укладывает их на край стола. Идет работа!

— Ты с ума сошла! — застав друзей за этим занятием, возмущается мать. — Фокусники! Право, фокусники, в цирк бы вас... Только и следи за вами! — ворчит она и принимается заново перемывать и перетирать всю посуду.

«Фокусники»... Видели бы папа и мама, как ловко бегают Яранг по буму... А какой берет барьер — два метра единым махом!

С тех пор, как появился Яранг, дочка сделалась другой. Шалит, правда, и по-прежнему озорница и выдумщица, но стала чаще помогать по дому, появилась в ней какая-то самостоятельность.

— А каковы отметки? — спрашивает отец у Нади. Оказывается, увлекшись собачьими делами, она запустила школьные. — Имей в виду: не будешь хорошо учиться — расстанешься с Ярангом...

Расстаться с Ярангом?! Ни за что!!! Страшная угроза.

— Даю слово, — обещает Надя исправиться. И действительно, в следующий раз в табеле появляется пятерка.

Вырос Яранг. Он теперь на учете в клубе служебного собаководства Осоавиахима.

Выросла и Надя. На жакетке у нее комсомольский значок.

— Ты знаешь, папа, — сообщает Надя за столом, — я вступила в бригаду содействия милиции...

— Ого! — поднял брови отец. — Да ты у нас стала совсем взрослой и сознательной!

— А что делает эта бригада? — спрашивает мать.

— Помогает бороться с жуликами и хулиганами...

— С ума сойти, — ужасается Елена Владимировна. — И ты будешь иметь дело с ними?! Гоняться? Ловить? Сама?! Без тебя не справятся...

— Да не я, а Яранг. А за него можешь не беспокоиться...

— Ничего, мать, — поддерживает отец, — зато мы с тобой будем спать спокойно. Раз Надежда взялась... И Яранг, по крайней мере, не будет зря дома сидеть... Нечего даром хлеб есть. Правильно. Пусть работает, раз он служебный!

Глава 3. СРАЖЕНИЕ НА ПОЛЕННИЦЕ

Так вот, через это самое «пусть работает» и появилась борозда на физиономии Яранга, печать боевого крещения.

Как всякое сильное впечатление юности, событие это врезалось в память Нади во всех деталях.

— Милый мой, хороший! — прижимала она тогда тяжелую теплую голову Яранга к себе, гладила и целовала, испуганная до полусмерти. Кто бы не испугался! По морде собаки медленно стекала кровь, пес моргал и щурился, от сильной боли, вероятно...

... Как все вышло?

Надя с Ярангом возвращались с прогулки. Они очень любили эти прогулки — дальние, через весь город. Там жила бабушка (она умерла перед самой войной). Туда и обратно сходишь — как раз километров десять и получится. Настоящая тренировка! Недаром Яранг такой выносливый, тело как железное, лапы — в комке...

Внезапно донеслись крики, ругань, какие-то удары, грохот.

За забором шло настоящее сражение. Летели тяжелые сучковатые поленья, жерди. Какой-то пьяный хулиган зашел в чужой двор, влез на поленницу дров, припасенных на зиму, и принялся бомбардировать ими всех, кто попадал в поле зрения.

— Не подходи! Убью! — орал он, пошатываясь.

Поленья, как снаряды, взрывали землю вокруг, ударяли в стену дома, разнесли вдребезги окно, начали причинять другие беды. Видя свою безнаказанность, пьяный сатанел с каждой минутой.

Сбежался народ. Но никто не решался подступиться.

— Не подходи! Р-расшибу!

Мерзкий тип. Бывают такие. Сморчок, смотреть не на что, а туда же — шумит. Злое лицо в застарелой щетине, ворот грязной рубахи порван, ботинки давно просят каши. К такому-то и прикоснуться противно.

Но Надя из бригады содействия! Она должна вмешаться! И, кроме того, Ярангу практика.

— Слезай! — звонко крикнула Надя, придерживая Яранга за ошейник. — А то собаку спущу!

— Испугала!

— Яранг, барьер! Фас!

Яранг рванулся так, что комья земли брызнули из-под когтей, прижал уши, ощерился, прыгнул с глухим хлопотанием в горле. И в ту же минуту тяжелое полено угодило ему в голову. К счастью, оно летело по касательной и лишь задело острым углом Яранга, прочертив на нем глубокую рваную рану от пасти до уха.

Бандит дико захохотал, как вдруг чьи-то руки ухватили его сзади за рваные штаны, потянули на себя; он хотел вырваться, но потерял равновесие и, пересчитав ребрами поленья, грохнулся наземь.

Яранг бросился и мгновенно прижал его к земле. Бесчинство кончилось.

Когда хулиган поднялся, от вызывающе-разнузданного вида не осталось и признака.

Надя прикладывала платок к ране Яранга. От растерянности (все вышло так быстро!) она не знала, что делать дальше. Неожиданно сзади чей-то молодой и бодрый голос произнес:

— Разве можно так пускать собаку! Так вам ее хватит ненадолго! Скажите спасибо, что он промазал!

Надя обернулась и... Да это же тот самый парень, что подарил ей щенка.

— Э, да это вы, принцесса! — (Он тоже узнал ее!) — А это, — перевел взгляд на Яранга, — если не ошибаюсь, тот самый найденыш, которого я подарил? Я тогда даже не спросил, как вас зовут...

— Надя... Надежда.

— Алексей.

Он был такой же беловолосый, такой же энергичный. Если б не его вмешательство, неизвестно, как могла бы окончиться схватка на поленнице. Надя не могла не испытывать чувства признательности.

Парень осмотрел рану Яранга.

— Ничего. Заживет. Но в другой раз так баловаться не надо. Может получится хуже. Ясно?

— Ясно, — покорно ответила Надя. Положительно во всем ей приходилось с ним соглашаться.

Он нажал на какую-то жилку, пульсирующую на голове собаки, и кровотечение почти прекратилось. Странно, но Яранг принимал его как нечто неизбежное, покорно позволял манипулировать над собой. Неужели — чуял? Запомнить этого человека он вряд ли мог: был слишком мал, и времени прошло достаточно.

Народ стал расходиться. Только отдельные зеваки, сбежавшиеся на шум, продолжали судачить о случившемся, разглядывая собаку, подавали советы. Задержанный стоял, переминался с ноги на ногу, потирал ушибленные места. Хмель его прошел. Вероятно, ему хотелось улизнуть, но присутствие овчарки удерживало.

— А ты давай, ножками, — обратился к нему Алексей.

— Куда?

— В аптеку, примочки делать. Отведем?

— Конечно! — ответила Надя.

Яранг проконвоировал задержанного до отделения милиции по всем правилам караульно-сторожевой службы. Прохожие останавливались и качали вслед головой: «Попался, голубчик...».

Кто бы мог знать, что эта случайная встреча человека с поленницы и собаки явится началом длительного знакомства и приведет к цепи многих злоключений, что этим двум существам, таким непохожим, суждено столкнуться еще не раз!...

— Хорошая собака, — говорил новый (или старый?) знакомый Нади, одобрительно поглядывая на Яранга. — И образованный. Воспитывать научились, хвалю.

— Ой, он теперь стал такой серьезный! Недавно у нас целая неприятность из-за него получилась... А у вас ведь тоже пес?

Ее спутник сразу посерьезнел, даже голос изменился:

— Был... Коротки сроки собачьей жизни...

Замолчали оба, а Надя впервые ясно подумала: «Он хороший».

Вот оно как. Выходит, у Нади есть собака, а у него — нет. Хоть он-то и сделал ее собачницей. Хоть Яранга ему обратно отдавай. Ведь в некотором роде Яранг — его...

— А что у вас, говорите, получилось из-за Яранга?

— Ох, и смех и слезы... — Надя оживилась.

Глава 4. «ХИРУРГИЯ» ПО-ЯРАНГОВСКИ

Если признаваться откровенно, виновата не собака. Небрежность и оплошность допустили люди. Ведь надо было знать: овчарка есть овчарка. Не телок. Ну, а если говорить о Яранге, он вообще уже начал показывать свой характер.

Дома шел капитальный ремонт. Надя была в школе, отец на службе. Матери понадобилось сходить за чем-то в город.

Обычно Яранг слонялся по дому свободно, никто не ограничивал его. А тут — маляры, плотники, кровельщики... Привязывать его не хотелось: на привязи он принимался бешено лаять, выть. Беспокойство жильцам в других домах. Елена Владимировна и надумала: отведу-ка я его к соседям.

Сосед — зубной врач-протезист, практиковавший на дому, — отлично знал Яранга. И Яранг знал его. На улице всегда встречались, как друзья: сосед любил животных, а четвероногие тонко чувствуют это и сами тянутся к тому, кто благоволит к ним.

У врача был прием. Один больной сидел в кресле, другой, с завязанной щекой, побряхтывал от боли, ждал своей очереди.

— Вы не возражаете? — спросила Елена Владимировна вышедшего в прихожую соседа. В руках у него были щипцы: он только что приготовился тянуть зуб.

— Господи, мы же с ним приятели! Пусть посидит.

Приятели-то приятели, да только до поры до времени. У собаки свое понятие долга и вежливости. И стоило хозяйке скрыться с глаз, Яранг беззвучно поднялся и встал у двери, потом лег на резиновом коврик у порога, совершенно недвусмысленно давая понять, что теперь здесь за главного — он.

Да и это, быть может, было бы полбеды... Но тут из кабинета донесся крик. Шерсть на овчарке мгновенно встала дыбом, и, забыв свое первоначальное намерение никого не выпускать из квартиры, Яранг ринулся к кабинету и лапами распахнул дверь.

Вероятно, он хотел сделать лучше. Наверное, пытался оградить от боли того, кто кричал. Но, к сожалению, собачье разумение не всегда сходится с человеческим.

Тщетно его старался уговорить врач-сосед.

— Ну, Яранг... ну, пусти... ну, что ты! Дружок!

«Дружок» был неумолим. Говорить он еще позволял. Но — не более.

Получилось и смешно и глупо. Больной сидит с раскрытым ртом. Врач застыл с щипцами в руках. И оба боятся пошевелиться. Чуть что — Яранг угрожающе скалит зубы. Недоверчивый пес встал над душой, как часовой на посту, и — ни туда, ни сюда!

В этой позиции и застала их вернувшаяся Елена Владимировна. Яранг, завидев хозяйку, сразу оставил свою вахту, завилял радостно хвостом и вообще, кажется, считал, что все обстоит нормально, а если что и начиналось, так он пресек вовремя; даже, возможно, ждал, что его похвалят за проявленную бдительность.

С соседом после этого надолго испортились отношения. Поговаривали также, что некоторые бывшие клиенты стали обходить его сторонкой: вдруг еще раз кому-нибудь придется пережить такое... Уж лучше обратиться в поликлинику... А если к этому прибавить, что вскоре после описанного происшествия доктор по милости Яранга вывалялся в грязи (Яранг несся за кошкой и так влетел ему в колени, что тот и с ног долой), то понятно, какие чувства отныне он испытывал, когда видел эту собаку.

Глава 5. ЧТО С НИМ?

Теперь, когда утекло столько времени и пронеслось много неизмеримо важнейших событий, вспоминать о том, что связано с мирными ушедшими днями, было приятно и дорого. Эх, жаль, нет доктора, чтобы посмеяться вместе. Но он еще поприветствует Яранга и его проводника.

— Ты, конечно, заночуешь у нас, — сказал старшему сержанту отец Нади. — Квартиру-то твою разбомбило...

— Если разрешите...

— Что за разговор, — вмешалась Елена Владимировна. — Пошли без рассуждений! Стол давно накрыт, ждет. Надюшка-то сегодня поднялась ни свет, ни заря, все к твоему приезду готовилась... Как стало известно, что возвращаешься, так и часы у нас стали медленнее идти, и то не так, и это не эдак...

— Мама!

Надя отвернулась, чтоб скрыть порозовевшие щеки. Алексей сделал вид, что не понял намека.

— У меня машина, — сказал отец. — Поедем? Или, может, хочешь пройти пешком, посмотреть город? Тут ведь недалеко. Соскучился, поди, по родным местам...

— Пешком, конечно, пешком!

Они пошли. Алексей жадно осматривался, отмечал перемены в облике города. Все они главным образом вызваны временным пребыванием врагов в городе, тяжким периодом

оккупации. Были, кажется, недолго, а сколько разрушили, напакостили, навредили!

Степан Николаевич напоминал: здесь помещалась фашистская комендатура — не забыл? Партизаны рванули ее на воздух. А тут были полицейское управление и гестапо, тоже, наверное, никогда не выветрится из памяти...

— Помнишь, как мы тут...

— Еще бы не помнить! — отозвался Алексей.

Гестапо... Страшнее, кажется, ничего не выдумала история. По лицам вновь прошла тень. Наде стало зябко. Как она вынесла тогда? Мама права: жутко вспомнить, жутко даже сейчас, когда все прошло и больше никогда не повторится!

Спасибо друзьям — советским людям. Алексею. Его товарищам. И Ярангу тоже спасибо. Ведь и он... И она опять потянулась рукой к Ярангу, хотелось еще и еще тормошить его...

Яранг с достоинством шел рядом. Добрый, умный пес! Понимал ли он всю торжественность момента? Вряд ли таинственно звучащее слово «демобилизация» могло быть расшифровано его мозгом. И потом, собака никогда не «демобируется», она служит всю жизнь — пока ноги носят ее. Могут измениться место службы, цель, иногда — хозяин, а собака остается верна своему предназначению до конца дней.

Яранг тоже поглядывал вокруг, поматывал головой. Словно и его одолевали воспоминания. Вероятно, умея говорить, он сказал бы сейчас: «А вот этим путем мы ходили на дрессировочную площадку... А вот тут нам однажды попала кошка. Я припустил за нею, а потом мне основательно попало от хозяйки...» Во всяком случае, видно было, что дорогу он не забыл — шел к прежнему своему дому уверенно и вел за собой людей.

Но что вдруг случилось с ним? Остановился резко — так, что шедшие сзади отец и мать Нади натолкнулись на него, — завертелся под ногами, нюхая землю; черная мочка шумно втягивала воздух. Надя потянула за собой — ни с места. Как прилип! Сделал круг, опять принялся нюхать напряженно... Что он зачуял?

— Что с ним? — сказал Степан Николаевич.

— Не пойму... Яранг, рядом!

Яранг не повиновался. Всегда дисциплинированный, действующий безотказно, как хорошо выверенный механизм, образец поведения, сейчас пес словно не видел, не слышал никого. Будто оглох и ослеп — весь обратился в обоняние. И вид какой! Шерсть на загривке вздыбилась, весь напрягся... Не было случая, чтобы чутье обмануло его; но что он мог зачуять здесь, на улице родного города, после нескольких лет отсутствия?!

— Ну, пошли, хватит, — сказал Алексей.

— Яранг! Ты намерен слушаться? — одернула пса Надя. Но бесполезно.

Поводок натянулся, ошейник врезался... Давясь непонятной злостью, совершенно неузнаваемый, Яранг что есть мочи тащил в сторону. Ну, и силища! Пожалуй, мужчине не совладать, не то что девушке...

— Да угомонись ты!

— Дай-ка мне, у него карабин расстегивается, — сказал Алексей, протягивая руку. Но было уже поздно.

Яранг сделал рывок, карабин сорвался с петли — пес оказался на свободе. Очевидно, это ему и было нужно, потому что, не оглядываясь и не слушая подзыва, не отрывая носа от земли, он устремился куда-то совсем в другом направлении. Мелькнул за углом пушистый хвост — только и видели!

— Что с ним? — всплеснула руками Елена Владимировна. Надя растерянно переводила взгляд с Алексея на отца, с отца опять на Алексея, на поводок, оставшийся в руке.

Кошка? Но Яранг давным-давно отучился бегать за кошками. Не щенок, серьезный служебный пес, прошедший большую выучку — и «теорию», и «практику». Может, разыграл какой другой инстинкт? Но поблизости не виднелось ни одной собаки. Да и все равно, не похоже это на Яранга...

Алексей побежал следом за собакой, за ним — Надя. Родители остались на углу.

Спустя несколько минут сержант и девушка вернулись, запыхавшиеся, еле переводя дух.

— Что — нет?

— Как испарился! Ничего не понимаю... — Алексей снял пилотку, отер взмокший лоб, затем снова надвинул ее на свою льняную шевелюру. Он был зол, но старался сохранить хладнокровие. Вот так Яранг, разубавил дружище...

— Вернется. Куда ему деваться? — сказал Степан Николаевич. — Собачников у нас в городе пока нет, некому этим заниматься. Так что на сей счет ты не беспокойся. А (потеряться — тоже вряд ли. Хотя, в общем-то, неприятно: что за чертовщина... Радоваться должен, что опять к своим попал!

— А может быть, он домой побежал? — высказала предположение Надя. — Помните, он раз щенком бегал...

Все ухватились за эту догадку. Теперь все мысли сосредоточились на Яранге (задал задачу!), и остаток пути до дома прошли быстрым шагом. Увы, Яранга там не было.

— Есть захочет — прибежит. Надо же ему немного подышать вольным воздухом, а то все на поводке, да на поводке, — попробовал пошутить Степан Николаевич, но это не успокоило.

Что стряслось с Ярангом? Куда он побежал? Почему вдруг вышел из повиновения, да еще так ощерился, когда хотели задержать? Для служебной собаки просто ненормально все...

Глава 6. ЧТО С НИМ?!

Только один раз в прошлом, пять лет назад, было нечто подобное. То был первый случай, когда он показал свой нрав, так сказать, свое личное и чрезвычайно субъективное отношение к событиям. Надя также ломала голову, пока все не разъяснилось. Впрочем, до конца, до таинственных глубин собачьей психологии (возьмем на себя смелость сказать это) она, пожалуй, так и не добралась...

Если вы никогда не воспитывали собаку, не ходили с нею на дрессировочную площадку, не устанавливали день за днем теснейший контакт, не добивались ее расположения, расположения, переходящего в дружбу, по силе и прочности которой, быть может, не так уж много примеров в человеческих отношениях, если вы не пытались на практике постичь непередаваемую прелесть этого общения, то вам, конечно, не понять, какие чувства могут обуревать собаководов, когда он направляется, чтоб подвергнуть своего четвероногого друга серьезному экзамену.

Вам никогда не приходилось присутствовать на собачьих экзаменах? Парт, классных досок, чернил, мела, глобуса и линеек, конечно, тут нет. Есть специальная площадка или какая-нибудь огороженная территория, чтоб ненароком от экзаменуемого не пострадал зритель или прохожий. «Ученики» тут серьезные — не подступись!

Собственно, в этом «не подступись» и заключался экзамен Яранга. Он должен был показать, как умеет охранять добро хозяина, насколько велика его неустрашимость на посту.

Яранг шел номером третьим, до него испытывались две собаки. Первый номер, красавец боксер, выдержал все блистательно. Он так накинулся на человека в толстом ватном дрессировочном халате, что тот — дабы не дошло до беды — немедленно свалился на землю и замер лицом вниз, пока курного пса не оттащили.

— Держите его?

— Держим...

Боксер яростно сопел и пускал пузыри. Вот берет, так берет.

Псу выставили высший балл и отпустили.

Следующей была овчарка. Вот тут-то и начались у Нади страхи. Когда видишь, как злобный пес превращается в ягненка, невольно начинаешь сомневаться в чем угодно! Тем более, что владельцем собаки и ее дрессировщиком была женщина! Правда, они с Надей были очень непохожи, прямо-таки совершенно разные. Имя собаке под номером два дали

нежное — Мики, но с любовью и лаской его не произносили. Был Мики ненужным, надоевшим своей хозяйке, многократно битым и потому свирепым, злобным, но... Но это не было храбростью. Свирепость и лютость далеко не всегда ее признак. Мики бесновался на привязи до тех пор, пока на него не пошли решительно и спокойно; тогда он поджал хвост и не только отдал без сопротивления то, что было поручено охранять, но даже, кажется, готов был разрешить делать с собой что угодно. Пса сняли с испытаний, его карьера закончилась. Хозяйка была красна, щеки ее точно натерли кирпичом (бедный Мики, все это должно было неминуемо отозваться на его шкуре!).

Нет, судьба Яранга ничем не напоминала судьбу горемыки Мики, который, наверняка, теперь, когда его забраковали, начнет кочевать из одних рук в другие, пока где-то не прервется его печальный путь. Тем не менее Надя не могла не волноваться. Уши и щеки пионами горели у девушки, когда она вывела своего драгоценного Ярашку на середину площадки. В стороне, за столиком, в молчаливом ожидании (молчание это не предвещало ничего доброго) восседало жюри, вокруг на почтительном расстоянии толпились зрители — проверка была публичной. Очередное плановое мероприятие и одновременно пропаганда служебного собаководства.

Ярангу все это было уже знакомо. Помахивая хвостом, он словно бы успокаивал хозяйку: «Ты не беспокойся, не подведу уж как-нибудь, что я, не понимаю?!».

Надя положила вещи. Отошла.

— Охраняй!

Яранг не исходил лаем, подобно Мики, не пускал вожжи слюны, как боксер. Он стал ждать.

«Хорошо... хорошо...» — мысленно подбадривала его Надя, стоя в сторонке, где полагалось находиться в такой момент дрессировщику испытуемого животного.

«Хорошо берет», — обычно говорили про Яранга все инструкторы и показывали на дрессировочный халат: там после его хватки оставались дыры — проколы белых, как сахар, клыков. И если бы кто-нибудь сказал сейчас, что Яранг способен сдрейфить, показать себя разявой или телком, право, это могло вызвать только иронический смех. Но окончилось на сей раз смехом, да и каким смехом!

Когда в противоположном конце площадки показалась фигура в стеганом халате с капюшоном, Яранг так и впился глазами в условного преступника... Условного, конечно, для людей, подвергавших его этому искусу, но не для него. Он-то принимал его всерьез!

Поначалу и было так. В Яранге мгновенно закипела злоба, словно заработал какой-то спрятанный под черепной коробкой механизм. Это сильно и мощно заговорила извечная привычка оберегать хозяйское имущество, привычка, многократно усиленная и закрепленная дрессировкой. Он натянул привязь, потом немного отступил, как бы готовясь к прыжку. Фигура приближалась. Пес издал предупреждающий рык, исходивший из недр груди... Но что это? Надя не верила глазам! Яранг вдруг мгновенно успокоился, завилял добродушно хвостом. Человек в капюшоне подошел... протянул руку... нагнулся... взял охраняемый тук... А весь вид, морда Яранга выражали полнейшее благодушие. «Пожалуйста, — как бы говорил пес. — Тебе надо — бери. Мне не жалко...».

Вот так Яранг, грозный служебный пес! Вот тебе и «хорошо берет»! Конфуз... Обернувшись в сторону девушки, члены жюри вопросительно-недоуменно ожидали объяснения: почему вывела неподготовленного пса. Надя была готова разреваться. Опозорился ее Яранг! Сам опозорился и ее опозорил! А человек в дрессировочном халате принялся гладить собаку, разговаривать с нею — и, представьте, тоже сошло безнаказанно. Эдак подходи любой жулик, вор, бандит, подходи и бери — собачка будет только рада?! А давно ли пес так отважно действовал у поленницы, даже ранение получил. Яранг проявил себя тогда как настоящий, неустрашимый и верный боец. А история с зубным врачом!

Но кто это смеется так весело? Капюшон откинут, перед Надей улыбающееся, немного покрасневшее лицо Алексея. Да, да, он — Алексей Белянин. Надо же! Откуда он взялся? Он всегда появляется, когда его не ждут... Доволен!!!

Алексей приехал с практики (он оканчивал институт), пришел к ним домой, ему сказали: «Надежда с Ярангом экзамен сдают», и — тоже сюда. А тут как раз выкрикнули желающего проверить выучку собаки; не долго думая, предложил свои услуги, надел халат... Бросится ли Яранг на него? Алексей знал, что нет, и решил не упустить случая позабавиться. Задают же на экзаменах по математике задачи, у которых нет решения. Он не ошибся: вышло забавно...

Забавно? Он считает — забавно?! А провал перед членами комиссии! А что пережила она, Надя? Сейчас она прямо-таки готова была растерзать его (вместо Яранга, который отказался сделать то же!). Ну, можно ли так шутить! Свидание Нади с Алексеем на сей раз получилось не совсем таким, каким виделось обоим.

Один Яранг ничего не соображал и продолжал невинно помахивать своей пушистой метлой. Морда его улыбалась. У-у, противная морда! Такой же остолоп, как его приятель Алешка!

Но разве мог пес поступить иначе?

Вполне доволен был и выдумщик Алексей. Его даже не очень огорчало, что Надя обиделась и не смотрела на него.

— Дай, думаю, попробую, узнает или нет? — повторял он, объясняя свой поступок. — Узнал ведь, узнал, друг. И маскировка не помогла, не проведешь! Как носом потянул, так — все...

— Память у них хорошая, — сказал инструктор, руководивший испытаниями. — Долго помнят. И добро и зло... Может, повторим?

Когда инструктор понял, в чем дело, он решительно принял сторону пса. И для остальных было ясно, что надо повторить. В инструкции предусматривалось: нельзя проводить испытания на злобу с использованием людей, знакомых собаке. Не среагируют, как надо.

Но сегодня Ярангу положительно не везло.

Все началось сначала. Теперь его противником был кто-то другой, правда, в том же халате. В первый момент Яранг показал себя образцово: накинулся на приближавшегося с такой яростью, что тот не устоял от толчка и повалился наземь. Дальше полагалось ни в коем случае не дать «чужому» подняться, дожидаться «своего», то есть хозяина, чтоб сдать задержанного по всей форме. Яранг же понюхал жертву и вдруг, обрадованный чем-то, принялся энергично подтыкать лежащего носом, как бы приглашая: «Вставай... Ну! Вставай же! Что ты лежишь? Я не трону, не бойся!».

Тот поднялся, отряхнулся...

Ну — история! Пса точно подменили. Что, еще один Алексей?! Что за собачья «сверхвежливость»? Облаял, повалил, страху нагнал, а потом сам же любезно приглашает встать, как бы даже извиняется... Может, у него уже установился рефлекс на дрессировочный халат? Нежелательная связь, как говорят дрессировщики? Так ведь тоже случается, когда люди недостаточно продуманно подходят к обучению животных, не учитывают тонкостей их психологии. Теперь уже и Алексей смотрел с изумлением. Это не входило в его программу!

Новый «экзаменатор» Яранга, веселый молодой парнишка, никому не известен, и собаке, надо полагать, тоже. С его лица сразу сползла улыбка, как только он понял, что Яранг оскандалился, и он — косвенная причина тому. Хотя парню явно льстило, что Яранг проявил такое доверие и симпатию к нему...

Вот бы торжествовал доктор, видя эту сцену! Ага, сказал бы, вот вам и ваш умница Яранг! Так ему, страшилищу! Где не надо — показывает характер, а где надо — в кусты!

— Вы с ним не встречались раньше? Он вас не знает? — спросил тучный лысоватый председатель жюри, в прошлом военный. Его заинтересовало непонятное поведение Яранга. Еще до испытаний ему показали на собаку, как на возможного претендента на золотую медаль и первое место, а тут такой исход!

— Вы говорю, незнакомы с ним? — повторил он вопрос.

— Да нет, вроде... — отвечал парень.

И в самом деле. Если б они встретились хотя бы раз, Надя наверно знала бы об этом... Эх, спросить бы Яранга!

Может быть, нервная травма после собачьего ящика, психический шок? Бывает ведь. Надя ухватилась за эту мысль. Да, да, наверное!

Вернемся и мы к этому происшествию, случившемуся незадолго до того. Происшествию случайному в биографии Яранга, но занявшему не случайное место в целой цепи дальнейших событий.

Глава 7. В СОБАЧЬЕМ ЯЩИКЕ

Для щенка все люди и вообще все окружающие существа одинаково хороши. Яранг появился на свет для того, чтобы жить, и как только раскрылись его глаза, взирал на все в полном убеждении, что и все, с кем он сталкивается, тоже одержимы одним стремлением — помогать ему жить. А иначе, для чего было рождаться?

Первая и серьезная неприятность постигла его, когда он оказался на дороге, один, в пыли, с пустым животишком, который вскоре подвело так, точно щенка переехали колесом. Но нашелся добрый человек, который подобрал, позаботился о сироте. Так у щенка появился дом — Надин дом.

Там его ожидало очередное испытание в лице кота Апельсина. Ох, и сварливый кот, вероятно, все рыжие таковы! Эгоист и задира, Апельсин, считавший себя полноправным и единственным властелином в доме, никак не хотел мириться с тем, что вдруг невесть откуда взялся этот неуклюжий, курносый и беспомощный увалень, которому почему-то все оказывают явное предпочтение. Кот сразу пошел в наступление против такой несправедливости, и нос щенка немедленно украсили глубокие кровоточащие и сильно саднившие царапины. Но — ничто не вечно! — вскоре и Апельсин сменил гнев на милость, и тогда начались игры, в которых чаще всего страдал опять же щенячий нос.

После сообща они принялись терроризировать других. По неосторожности заберется к ним во двор чужая кошка — они ее загонят куда-нибудь под крыльцо или в старую будку, пустовавшую с давних времен, Апельсин вспрыгнет на крышу, Яранг разляжется напротив на земле, и держат в осаде целый день, пока не проголодаются сами. Развеселое житье!

Иногда влетало от Нади. Получит тройку в школе, а виноват он, Ярашка! Но, в общем, вполне можно было мириться и с этим.

Яранга окружали хорошие, добрые люди, и он сперва думал, что и все они таковы, сколько их ни есть. Но постепенно стало выясняться, что люди разные — есть хорошие, есть похуже и совсем плохие. Так он и стал делить их — на хороших и плохих. К хорошим относились Надя, Алексей, частенько навывавшийся после того, как молодые люди повстречались у поленницы, Надины родители, подруги и вообще все знакомые семьи Таланцевых (правда, потом из этого числа пришлось исключить соседа-доктора). Туда же можно было отнести начальника клуба и еще очень многих людей. Плохие — все, кто почему-либо проявлял неприязнь к хозяевам Яранга или просто пытался без разрешения войти в их квартиру, плохим был тип, встреченный на поленнице и угостивший Яранга таким ударом, что у него долго гудело в голове и осталась метка на всю жизнь.

Однако это было все-таки примитивное деление, в чем Яранг вскоре вынужден был убедиться. Человек казался хорошим: не делал подозрительных движений, не кричал, не грозил, а на поверку вышло — хуже его нет; улыбался — а потом причинил тебе зло; вроде проявлял самое что ни на есть сердечнейшее расположение — а оказалось, для того, чтобы усыпить твою бдительность. Значит, надо быть все время начеку, остерегаться. Нельзя доверять всем. Но этот вывод дается опытом. А в молодости и при благополучной жизни его мало!

Кто бы мог подумать, что человек, встреченный им на улице, окажется таким коварным существом! Впервые в жизни (если не считать младенчества, когда Яранг оказался

один-одинешенек на пыльной дороге) он вышел на городскую улицу без сопровождающего. Надя была в школе, ворота забыли запереть, и Яранг решил встретить ее. Естественное желание! Ничего предосудительного... Он пробежал квартала два, не обращая ни на кого внимания, когда из-за угла вывернул этот дурно пахнущий детина со странной палкой в руках... О, эта палка! Яранг не знал, что на конце ее была приделана проволочная петля-удавка. Человек мирно остановился, вроде бы давая ему дорогу. Но только он оказался рядом — палка свистнула, проволока обвилась вокруг шеи, петля затянулась и стала душить. Сильный, мощный пес оказался совершенно беспомощным, как новорожденный. Хотел броситься на обидчика — палка не пускала, держала в отдалении; хотел высвободиться, но проволока врезалась в шею с такой силой, что он начал задыхаться. Его куда-то потащили. Затем внезапно ноги его отделились от земли, тело рывком взвилось на воздух (страшная боль в шее и удушие не дали даже завизжать, в глазах потемнело), ударилось так, что кости затрещали; его запихнули во что-то, над головой загремела крышка. Прощай, свобода! Прощай, Яранг! Он был в собачьем ящике.

Вероломство! Какое вероломство! И чье? Человека! Этого урока Яранг не забудет никогда.

Вероятно, если бы Яранг умел анализировать события, как человек, он бы подумал: как глупо все вышло. Ведь достаточно было чуть отклониться в сторону, и проклятая петля миновала бы его, ловец промазал. А что Яранг мог так сделать, была порукой та молниеносность и быстрота, которые позволяли ему ловить пастью муху на лету. Хлоп — и нет жужжалки! Как капкан! Но он был типично городской, домашней, даже, вернее сказать, квартирной собакой... Однако больше он не опростоволосится так ни разу.

Ящик был набит собаками-дворнягами. Яранг выглядел среди них великаном. Он мог разорвать их, и за них некому было бы вступить. Но все они такие несчастные. И сам он тоже почувствовал себя несчастным, таким покинутым, таким одиноким, чего с ним еще не бывало никогда... Он не представлял, что ожидало их дальше, а то шкура, наверное, сама бы стала отделяться со страху от тела...

Что делать? Бежать, вырваться? Но как? Кругом стены, снизу обитый жестью пол, сверху — железная решетка... Надя, Надя, приди и спаси!

Снова загремела крышка. Еще одна жертва. На сей раз маленькая глупая болонка. Затем послышались голоса.

— Ну что, все? Полно?

— Найдется место. Запихнем!

— Тогда пойдем еще...

Грубые голоса. Разговаривали ловцы. Яранг не видел их, но один голос показался ему знакомым. Проверить по запаху он не мог — слишком воняет кругом псиной, бензином, смазочным маслом, отработанными газами. Ящик — на колесах, в кузове грузовика.

Неужели так и пропадать?!

И тут свершилось чудо. Да, чудеса все-таки бывают. Их делают добрые люди. И поскольку хороших, добрых людей больше, то и чудеса, в общем-то, не столь уж редки... Едва затихли шаги ловцов, крышка вдруг приподнялась, и чей-то ободряющий голос — совсем, совсем не такой, как у них! — произнес:

— А ну, драпайте! Быстро! Пока мне за вас не влетело...

Их спас мальчишка — случайный прохожий. Увидел. Стало жалко. Подождал, когда ловцы отлучились от машины, залез и открыл клетку. Спасайся, друзья!

Приглашать вторично, уговаривать не потребовалось. Пленники начали выскакивать, будто их выбрасывало катапульты, — и — врассыпную по домам. Только один Яранг заартачился. Совсем, как иногда его хозяйка. Вздумал показать свой нрав — тяпнул за руку, просунутую в клетку. Добрый голос возмущенно-прощающе отреагировал:

— Что ты, дура! Я ж тебе помочь хочу! Беги!

Лишь после этого Яранг понял, что сделал глупость; непростительной глупостью было и задерживаться здесь, когда открылась возможность к спасению. Впрочем, во всем этом

была и своя польза: теперь-то уж он узнает эту руку, а точнее, запах этого человека, в любых обстоятельствах, пусть даже пройдут годы.

Яранг понесся так, точно его прижгли каленым железом. Как уж там реагировали ловцы, сколько было ругани, когда обнаружили ящик пустым, узнали ли они, кто виновник того, что все их труды пропали даром или нет, он не видел, спешил скорей отдалиться от проклятого места, от ненавистой вонючей автомашины с ящиком — фургона собачьей смерти.

Вот когда он испугался! Вид его говорил сам за себя. Пса била дрожь, трепетала каждая жилка, взгляд дикий. Даже протянутой руки боялся... Так что у Нади имелись все основания говорить о нервном шоке. След от удавки на шее объяснил ей лучше всяких слов, какой опасности избежал Яранг. Это было уроком и для нее.

Однако не в нервном шоке была причина второго «провала». Он давно уже оправился от потрясения, пережитого за те считанные минуты, что просидел в ящике. Случилось совсем, совсем иное! Положительно, все складывалось сегодня не в пользу Яранга, хотя, право же, он не был виноват ни в чем. Наоборот!

Просто тот добросердечный мальчишка, который спас тогда собак, пришел сегодня на площадку. Это так естественно для любителей четвероногих. А потом ему захотелось поучаствовать в происходящем, испытать себя: очень боязно или нет подходить к грозному псу, дрогнет сердце или нет протянуть к нему руку, хотя и защищенную длинным рукавом дрессировочного халата. И паренек вызвался после Алексея. Вот в чем секрет, секрет, который не мог раскрыть ни человек, ни собака. Первый — потому, что не успел толком рассмотреть собаку, а главное, давно забыл про этот случай; он ведь сделал благодеяние мимоходом, не рассчитывая на благодарность. Второй — потому, что не умел говорить.

И в результате Яранг оказался в виноватых. Ему не поверили, что он может знать своего «противника».

Если бы люди тоньше разбирались в собачьей этике, они должны были бы — нет, просто обязаны! — положиться на совесть Яранга и поверить ему, как говорится, на слово... Потому что собака не умеет лицемерить. Она честна и прямодушна в каждом поступке — и тогда, когда любит, и тогда, когда ненавидит и одержима злобной, ненасытной страстью рассчитаться с кем-то сполна. Как мог объяснить Яранг, что он не хочет, не должен, не имеет права причинять неприятности человеку, который так много сделал для него. Не может он бросаться на своего спасителя! Это было бы вопиющей несправедливостью и черной неблагодарностью с его стороны. И пусть человек надел дрессировочный халат; но Яранг-то знает, что это — друг. Его халатом не проведешь. И тщетно требовать, возмущаться, принуждать: нападать на друга он не станет ни при каких обстоятельствах!

Яранг благодушно крутил хвостом, приветствуя чужого, подлаживался с изъяснениями верноподданнических чувств и к рассерженной хозяйке. Нашел время! Ненормальный, прямо ошалевший какой-то! — поражалась и возмущалась Надя.

В общем получились не испытания, а какой-то фарс с четвероногим персонажем в главной роли. Надя была удручена до последней степени. Расстроился и Алексей, переживая за своих друзей. Что же, тоже снимать собаку с испытаний, как сняли Мики, и выносить ее способностям приговор? Но тут на сцену выступило новое лицо...

Глава 8. «ПОЧЕМ ОТДАШЬ СОБАЧКУ?»

Наде показалось, что она уже видела его. Щуплый, с характерным острым личиком и злыми, как буравчики, глубоко запрятавшимися, алчно горящими глазками.

Почему он улыбается насмешливо, кривясь на один бок? Похоже, что они, и вправду, уже встречались где-то...

Да это же тот самый, с поленницы, который немного не снес Ярангу полголовы! Ну, конечно! Как Надя сразу не узнала его?!

И Алексей припомнил его:

— Здравствуйте! Что — уже вернулись с курорта?

Алексей не вкладывал в эту фразу никакого особого смысла: ну понес наказание, какое положено за хулиганство, и — все. Он вовсе не имел в виду что-то более серьезное. Но стрела попала прямо в цель. Таково уж было свойство Алексея — вечно задевать самые чувствительные струны. «Хорек» (как мысленно назвала его Надя) внезапно весь сжался, как сжимается змея, прежде чем ужалить, затем злобно проговорил, нет, швырнул им в лицо, будто пустил плевков:

— Почем отдашь собачку?

Вопрос предназначался Наде (она — хозяйка), но глаза насмешливо перебежали с Нади на Алексея, и обратно. Очевидно, постоянно встречая эту пару вместе, «хорек» уже не разделял их.

Он видел все, и теперь издевался. Это была отплата за поленницу и милицию, куда его препроводили тогда.

Надя не нашлась, что ответить, а он уже нанес новый удар:

— На что она тебе? Зря хлеб травить...

— А тебе на что? — спросил Алексей, враз изменившись. В зрачках его появился тот холодноватый металлический блеск, который всегда предшествовал принятию важных решений.

— Пригодится. На сало. Туберкулезников лечить, А шкура — на варежки. С паршивой овцы хоть шерсти клок...

Это Яранг-то — паршивая овца?! От гнева и возмущения Надя буквально лишилась дара речи. Зато Алексей становился спокойнее и спокойнее. По губам проскользнула саркастическая усмешка, он предложил:

— А может, пригодится еще на что-нибудь?

— На что, например?

— Да, например, хотя бы, чтоб проучить некоторых...

— Это кого же?

— Да хотя бы и тебя!

— Валяй!

Ох, Алексей, все-то ему нейдет! Он явно подзадоривал, провоцируя «хорька» померяться силами с Ярангом. Алексей был повинен в том, что случилось в дальнейшем.

— Тятю-маму не закричишь, как в первый раз?

— А ты не пугай. Пуганые. Давай, станови своего кабы-здоха!

— Надя, не возражаешь? — спросил Алексей. Надя мотнула головой. Отступать все равно было нельзя; за диалогом Алексея и «хорька» с интересом следили окружающие, даже ход испытаний задержался из-за них.

— Ну, что ж, — сказал главный судья, он же председатель жюри, вытирая от жары лоб. — Попробуем еще раз. Попытка не пытка. Только — в последний. Больше никаких оправданий...

Надя повела Яранга на указанное место, «хорек» направился на свое, откуда ему предстояло пойти на сближение с псом, чтоб обманом или психической атакой отнять охраняемое добро. Вид у «хорька» был самоуверенный, как тогда — на поленнице. Яранг уже выказывал свою неприязнь к нему: ощеривался, дергал губой, морщил нос, как всегда делают собаки в раздражении, готовясь пустить в ход зубы, и пока Надя вела его к привязи, все оборачивался и озирался. Можно было подумать, что он испугался. У хозяйки на сердце тоже было не очень спокойно.

Глава 9. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

Два чувства способны всецело захватить собаку — любовь и ненависть. И — навсегда. Ей не известны разочарование, охлаждение, привычка. Ровный неугасимый огонь до конца останется в ее сердце. И ничто не в силах затушить этих чувств, если они вспыхнут: ни

голод, ни страх, ни лишения, ни разлука. И так же как настоящая любовь, настоящая ненависть всегда имеет свои истоки, свою историю...

Яранг чувствовал, что хозяйка чем-то недовольна; он чувствовал это по подергиванию поводка, по интонациям ее голоса. Инстинкт и тут никогда не обманывает собаку, хотя бы вы не произнесли ни слова. Он послушно — в третий раз! — повлекся на место, которое стало для него уже роковым. Если он еще и теперь осрамится и не сумеет показать, на что способен...

Но успокоим наших читателей: с Ярангом этого не произойдет. Если друзья Яранга не знали, кто спас его от собачьего ящика и живодерни, то они точно также не знали и другого — кто поймал его тогда, вернее, кто был «хозяином» того ящика для бродячих собак и руководил отловом. Помните, один голос показался Ярангу в тот день знакомым? Теперь обладатель этого голоса находился здесь. Однажды он чуть не убил Яранга поленом, второй раз чуть не отправил его на живодерню.

Какой же подвох готовил он теперь? Теперь он жаждал реванша и твердо рассчитывал взять верх над собакой. Реванша жаждал и Яранг. О, он опознал этого проклятого удавочника, едва тот заговорил! Память — второй ум собаки. Расстояние между ними быстро сокращалось. «Хорек» думал испугать пса, а также надеялся на свою изворотливость и ловкость. Вот они уже в метре друг от друга. «Хорек» протянул руку; Яранг, стоявший до этого неподвижно, но весь напряженный, внезапно резким рывком подал тело вперед.

Короткая привязь не дала сделать настоящий толчок; но хватило и этого. Слышно было, как они сшиблись. Человек упал на колени, пытаясь избежать страшных клыков, отклонился в сторону, но они все же не миновали его...

Любовь и ненависть руководили Ярангом. Любовь к людям, выпестовавшим, вырастившим его и доверившим важное дело; ненависть к разного рода проходимцам, к тому, кто пытался вторгнуться в мир радостных отношений, которые именно и сделали Яранга Ярангом. Каждого из этих чувств достало бы для непримиримой борьбы. Яранга вели сразу оба...

К сцепившимся человеку и собаке бежали Надя, Алексей, старший инструктор. «Хорек» пытался на четвереньках уползти от собаки, она, уцепившись за ногу, не пускала его. Привязь мешала ей; иначе получилось бы еще и не то. По окрику Яранг неохотно отступился; «хорек» сел на траву, зажимая щеку рукой; сквозь пальцы проступила кровь. Когда он отнял их, стала видна работа Яранга: одним клыком на лету, в прыжке, он порвал щеку и скулу врага — как раз по той же линии, по какой красовался у него самого шрам, полученный у поленницы. Сочлись, так сказать! Наступая на пса столь смело, противник его рассчитывал, видимо, что служебные собаки приучены, как правило, «брат» за правую руку (защищенную халатом, он и выставлял ее все время вперед); но Надя обучила своего питомца, если рука не вооружена (так подсказал ей Алексей, опять он!), сразу переключаться на другое место, более уязвимое. Так и поставил Яранг своему противнику метку на лице.

Шрам у собаки, шрам у человека... Оба они теперь стали мечеными. И они еще встретятся и сразятся насмерть, чтоб решить окончательно разгоревшийся между ними спор.

— Ну, погоди, еще попадешься! — прохрипел Меченый-человек и с тем покинул это поле второй по счету схватки.

Но до них ли, до возникшего ли между ними поединка будет нам? Скоро надвинутся грозные и страшные события, великое испытание постигнет всю страну, весь народ. Настанет суровая пора. Скоро и собак-то почти не останется в городе. До того ли?

Но — последуем за нашими героями и в радости, и в горе. Проследим их пути и судьбы дальше.

Глава 10. НОЧНЫЕ ГОСТИ

Ночь.

Ах, как томительно долги и жутки ночи, проводимые в одиночестве, в холодном, давно

не топленном доме, без света, без привычного уюта, в непрерывном ожидании неминуемой беды!

Сколько уже ночей просидела вот так, без сна, ловя каждый шорох на улице, каждый отдаленный звук, Елена Владимировна... Она сидит, зябко кутаясь в шаль, время от времени машинально поглаживая прикорнувшего у нее на коленях, сжавшегося в комочек Апельсина. Какой он стал тощий. Теперь-то и у него есть работа: гонять и душить мышей и крыс, которые нахально скребутся по всем углам, лезут даже на стол, на кровать. Полчища грызунов.словно кто-то нарочно привез и рассыпал по дому — так их стало много! Апельсину не управиться с таким нашествием.

Отощал и Яранг. Он здесь же, около ног старшей хозяйки; молодую теперь видит очень редко, и то лишь по ночам, в самое глухое время. Но ждет ее непрерывно, и потому его уши всегда настрожены, всегда шевелятся чуть-чуть, даже тогда, когда голова положена на лапы и глаза закрыты.

Внешне в доме все так же, как было всегда. По-прежнему висят низенько дипломы на стене, над подстилкой Яранга в углу. Тут же праздничный ошейник с подвешенными к нему медалями. Надя пристроила сюда все это на уровне лица трехлетнего ребенка, видимо, чтоб лучше разглядывать Ярангу. Но получается не для него, а для других. Кто бы ни вошел, сразу увидит и восхитится. Ого, какой пес, сколько у него наград!

Вспоминается: вокзальный перрон, паровоз под парами, отъезжающий воинский эшелон. Тысячи провожающих. Тысячи отбывающих — туда, на запад, где грохочет война. Алексей в форме, с полной боевой выкладкой, только без винтовки.

Грустные, расстроенные лица, печальные улыбки, под которыми прячутся озабоченность, тревога за близкого, дорогого человека.

Яранг, и ты нынче не такой, как всегда. Притих. Не помахиваешь хвостом, не улыбаешься. Чуешь, что происходит? Ушли для тебя в прошлое тренировки, испытания, прогулки в лес, ушла вся милая-милая мирная повседневная суета: проводы хозяина на службу, Нади в школу, хождение со старшей хозяйкой на рынок за продуктами... Все ушло. Каждый день теперь через городской железнодорожный узел проходят воинские эшелоны на запад. Везут пушки, танки. Без конца — пушки, танки... Каждый день — проводы, разлуки...

— Да поцелуйтесь вы, — сказала Елена Владимировна и отвернулась, чтоб скрыть заблестевшие слезами глаза и не смущать молодых.

Алексей взял Надю за плечи, она подставила ему щеку, затем сама поцеловала неловко и, лишь когда он пошел к вагону, бросилась вдогонку, обхватила, прижалась к груди и припала губами к его губам...

На Алексея давно смотрели как на жениха. Славный малый, и Надежда его любит. В последнее время дня не могли прожить друг без друга. Умный, трудолюбивый, а главное, добрый. Всегда готов помочь хоть своему, хоть чужому. Как-то явился — где фуфайка? Товарищу отдал. Надежда рукавички ему связала — тоже «выручил» кого-то...

Воюет Алексей. Давно не писал. Где сейчас, неизвестно.

В партизанах Степан Николаевич, командир отряда. А Надя, дочь, — разведчица. Поддерживает связь между городским партийным подпольем и отрядом.

Не забыть, как в одну тревожную ночь из репродуктора разнеслось (перед тем за город шли тяжелые бои):

— Товарищи, Красная Армия оставляет город...

Можно умереть, услышав такое. Не забыть ужаса, который охватил тогда... Люди, дорогие, родимые! Уходит Советская власть, уходят наши защитники — как же так?!

А после — лязг танков, чужая резкая речь. Оккупация.

Пусто. Холодно. Голодно. И самое страшное — постоянная тревога за близких. Будто огненный смерч налетел, закружил и развеял все, что было дорого, из чего состоит человеческая жизнь!

Елене Владимировне предлагали эвакуироваться: муж — коммунист, занимал видный

пост, дочь — комсомолка. Что оба в партизанах, тоже может стать известно... Не согласилась. Пока рядили да судили, ушел последний эшелон на восток.

Пусто. Одиноко. Жутко. Щемит сердце, нечего есть, нечем накормить животных. Апельсин — тот хоть пропитается мышами. А Яранг? О себе Елена Владимировна старалась не думать. Ее могло подстергать и худшее, нежели голод и холод.

А может, забудут про нее? Пронесется черная туча над головой? Кто им скажет? Кругом свои, советские люди — наши люди. Кто захочет стать иудой, предателем, выдаст своего? Да о ней ли речь! Всеми помыслами она — с Надей, с мужем...

Как она ждет редких приходов дочери в город и как всегда не хочет их. Сопряжено со смертельной опасностью. Если схватят — что тогда? Верная смерть, а перед тем еще пытки, издевательства...

Шорох... Елена Владимировна поспешно прикрыла свечу колпаком, который постоянно держала наготове, стала напряженно слушать... Нет, мимо. И Яранг спокоен. Уж он-то услышит первый, у него слух потоньше. Наверное, опять поскреблись мыши за печкой или крысы шуруют в подполье. Нахалы. А не крысы ли — прожорливые, ненасытные — те, что пришли оттуда, с Запада, и теперь хотят слопать, уничтожить всю страну...

Внезапно Яранг вскинул голову, мгновение прислушивался, затем вскочил и направился к двери. Глухое клокотанье заворчалось в глотке, шерсть зашевелилась. Елена Владимировна замерла, исхудавшее лицо сделалось еще бледнее, выделяясь в полумраке комнаты белым пятном. Апельсин недовольно спрыгнул с колен и, сидя на полу, стал чесаться.

Может быть, Надя? Но сердце предсказывало: пришла беда.

Яранг порывался залаять.

— Тихо, Яранг, не шуми...

Тишина... Как тихо, с ума можно сойти. Только тикают часы на комод. Перестаньте! Неужели вам нет дела ни до чего? Тикали, когда дом был полон счастья, точно также тикаете и сейчас... Бесчувственные! Это крикнул кто или только подумалось?

А Яранг уже не находил себе места, со сдавленным ворчанием метался от двери к окнам, от окон снова к двери. Вопросительно оборачивался на хозяйку: как быть? И тотчас на крыльце загремели тяжелые солдатские сапоги, дверь задрожала от ударов.

Открывать или не открывать?

Глупый вопрос. Если она не откроет, они выломают дверь. Слышно же: пришли «хозяева», они не стесняются...

— Яранг, на место!

Пришлось несколько раз повторить, чтобы он подчинился. Заворчав, пес отошел. Елена Владимировна загнала его в соседнюю комнату, плотно прикрыла дверь. Снаружи тем временем продолжали сыпаться удары, чей-то грубый настойчивый мужской голос по-русски требовал, чтобы их пустили немедленно, иначе они разнесут стены. Эх, надо было уехать куда-нибудь, скрыться. Поздно...

Елена Владимировна сняла цепочку, повернула ключ в скважине. Дверь распахнулась, обдало холодом, но женщина не почувствовала его. На пороге стоял невысокий и невзрачный мужчина с повязкой полица. Сзади тускло блеснули каски немецких солдат. Глубокий шрам пересекал лицо незнакомца. Сверлящие, глубоко запавшие глазки смотрели зло и торжествующе. Изменник Родины, вот он! Елена Владимировна до этой минуты не встречалась с ним, знала о его существовании и бесчинствах только по рассказам соседей, но сердце сжалось...

Глава 11. МЕЧЕНЫЙ

Меченый, он же Крызин, еще в детстве почувствовал в себе стремление утверждать себя над окружающими с помощью грубой силы. Любимое его дело было помучить кого-либо, побить слабого. Он выворачивал лапки котят, обрывал крылышки воробьям. И

в уличные ловцы бродячих собак пошел потому, что здесь можно было безнаказанно измываться над живыми существами.

Потом — драки, пьянки, грабежи.

Перед самой войной в городском суде слушалось нашумевшее дело — ограбление большого универсального магазина. Дело было «мокрым»: воры убили сторожа. Старик, присев около дверей и поставив ружье между колен, стал свертывать сигарку, и в это самое время один из бандитов, подкравшись из темноты, ударил его ломом по голове, проломил череп. Смерть старика была мгновенной, беззвучной. А папироска так и осталась зажатой в руке.

Однако преступников нашли. На следствии выяснилось, что орудовал ломом вор-рецидивист с большим уголовным прошлым, неоднократно судимый ранее.

Основным свидетелем обвинения на суде выступил отец Нади, Степан Николаевич. Он опознал убийцу. Некоторое время тот подвизался на предприятии, руководимом Таланцевым, и скрылся, совершив с группой юнцов мерзкое насилие над старой женщиной. По уполномочию коллектива завода Степан Николаевич произнес на суде яркую, гневную речь. Как общественный обвинитель, он потребовал для главного подсудимого высшей меры наказания. Подобных людей коммунист Таланцев считал главным злом на земле, злом, которому не должно быть места в нашей действительности. Однако суд не нашел возможным удовлетворить требование прокурора и общественного обвинителя, ограничившись пятнадцатью годами заключения для убийцы и десятью для его сообщника. И так получилось, что мягкостью этого приговора были уготованы многие дальнейшие события.

Никто из друзей и членов семьи Таланцева, исключая Степана Николаевича, не был на суде, не видел преступников в лицо. Надя с Алексеем находились в это время в туристском походе, Елена Владимировна уезжала в другой город навестить родственников. И для всех них так бы и осталось неизвестным, для кого Степан Николаевич требовал самую суровую кару, от кого хотел обезопасить общество, если бы не эта глухая страшная ночь в городе, захваченном врагом. Да, не случайно появился здесь с немецкими солдатами этот человек. Приход оккупантов освободил его от наказания. Теперь он решил свести счеты. Первое, что сделал, очутившись на свободе, — узнал адрес Таланцевых. О, он прекрасно запомнил черты своего обвинителя — узнает днем и ночью! А отомстить, как следует, он сумеет. Недаром на его руке повязка полиция.

Уголовщина — еще не предел падения. Есть падение еще ниже, еще хуже: измена Родине. Меченый-Крызин глазом не моргнув, нацепил на себя знаки пособника захватчиков. Так он пришел к закономерному и неизбежному финишу. Перерождение завершилось, круг замкнулся.

Глава 12. «ПОЙДЕШЬ СО МНОЙ!»

Елена Владимировна отступила в глубь комнаты. Крызин вошел. Следом прогрохотали немецкие солдаты. Один остался с автоматом у наружной двери, один — у внутренней. Не убежишь.

— Тэк-с, — сказал Меченый, пронизывающими глазами шупая углы. — Гражданка Таланцева? Елена Владимировна?

— Да.

— Нам нужен ваш супруг.

— Его нет.

— А где он?

Что сказать? Что Степан Николаевич командует партизанским отрядом, что он как был коммунистом и советским человеком по убеждениям, по своему образу жизни, так и остался им, несмотря на все невзгоды, поражения на фронте и временные успехи врага?

Она в упор посмотрела полицая в глаза и отвернулась.

— Не хотите сказать? Понятно... Вы, конечно, идейная. Достойная супружница своего благоверного, — начал издеваться он. — Такой мы вас и представляли... Стоп. А это кто? Чья личность? — внезапно ткнул он пальцем в сторону комода.

Елена Владимировна помертвела: там стоял портрет Нади. Как раз сегодня Елена Владимировна достала его, чтоб посмотреть на дорогие черты, а убрать не успела — позабыла...

Крызин взял портрет, повертел в руках. Затем удовлетворенно, с торжествующей злой иронией, от которой мгновенное сознание непоправимости своей ошибки стиснуло душу Елены Владимировны острым страхом, заставив онеметь все остальные чувства, отметил:

— Похожа.

Только теперь Елена Владимировна поняла, насколько прав был Степан Николаевич, когда перед уходом в отряд несколько раз напомнил ей, чтоб она непременно убрала все альбомы с семейными фотографиями, вообще все, что могло бы помочь врагам в опознании нужных им лиц. Не послушалась, прособиралась...

Но что толку укорять себя теперь!

А Крызин, прищурившись и напряженно припоминая что-то, продолжал изучать портрет. Взял в руки, приблизил к себе, отставил, снова приблизил, строя гримасы и время от времени бросая быстрые испытующие взгляды на хозяйку дома. Комментировал:

— Ничего дивчина. С завитушками. Что-то они мне знакомы, вроде, как встречались... Стало быть, дочка? Комсомолка, конечно. Тэк-с, тэк-с... А где они пребывают в данный момент?

Молчание.

— Тэк-с, тэк-с.

От этого «тэк-с, тэк-с» цепенела душа.

За внутренней запертой дверью послышался царапающий звук.

— А там кто? — быстро обернулся Крызин. Солдаты стояли, выпучив глаза. Куклы с ружьями! Но, услышав шорох, сразу приготовились стрелять. Не люди, механизмы, выученные убивать!

— Собака.

— Да? И собака? Интересно...

Ох, как блеснули недобро его глаза...

— А ну-ка, выпусти ее... или его... Кто он — он или она?

— Он...

— Мы желаем посмотреть на него.

— Он может броситься...

— Ничего. Мы его усмирим... Тэк-с, тэк-с! Да пошевеливайся быстрее!

Яранг вырвался из комнаты с фосфоресцирующими зелеными глазами и... попятился, ослепленный направленным на него лучом фонарика. Беглого взгляда Крызину было достаточно, чтоб определить, кто перед ним. Если бы даже он забыл раскраску шерсти и формы Яранга, отметины на морде сразу выдали бы пса.

— А-а, так это ваш? Приятная встреча. Чего не ожидал, того не ожидал... Друзья встречаются вновь! — Отступая на шаг, Крызин торжествующе мерял животное взглядом.

Почему он так рад? Почему этот отвратительный человек на минуту забыл даже о ней, жене партизана и матери партизанки? Все внимание сосредоточилось на собаке. Саркастическая усмешка кривит лицо с тонкими синими губами и шрамом на щеке... Чем его так привлек Яранг? И где они встречались?

Елена Владимировна этого не знала, не знала и того, что этот злобный субъект — тот самый, которого обвинял на суде Степан Николаевич. А если бы знала, стала прощаться с жизнью. В самом деле, что еще оставалось ждать от этого садиста, убийцы, отступника?

Зато Крызин ликовал. Вот удача так удача! Такой улов в течение нескольких минут. Он шел за одним, а оказалось, можно отомстить, расквитаться сразу за несколько обид. Неслыханная удача! Ноздри его раздувались, словно он уже чувствовал запах крови.

А что Яранг? Узнал ли он своего недруга?

О, пес готов был растерзать этого ненавистного, убить его или умереть сам. Он рванулся — рука хозяйки ласково, но твердо попридержала его. «Фу, Яранг». И тотчас заговорил какой-то внутренний голос, то, что мы называем инстинктом животного. И этот внутренний контролер и подсказчик сразу отрегулировал поведение собаки: сейчас Ярангу нельзя нападать на этого человека. Бесполезно. В этом убеждало и все поведение хозяйки, и что-то еще. Ведь не случайно даже самый кровожадный зверь смиряется в клетке при определенных обстоятельствах.

Это не было трусостью, нет-нет. Это было что-то выше его храбрости и желания сражаться. Он прижался к хозяйке, и только глухое, будто застрявшее в горле клокотание продолжало говорить, сколь ненавистен и противен ему этот грязный проходимец, что примирения между ними не может быть никогда.

— Тэк-с, тэк-с, — сказал Крызин, поблескивая глазками. — Ну, что же мы будем с вами делать? Разговаривать с нами вы не желаете, загордились. Придется прихватить вас с собой. И ты тоже пойдешь, не беспокойся, мы тебя не забудем... — обратился он к Ярангу. — Наденьте на него намордник!

Елена Владимировна выполнила приказ. Своими руками она отдавала друга Яранга в руки его заклятого врага...

— Поводок крепкий? На-те, нацепите еще вот это, — и Крызин подал свернутый кольцом прочный резиновый жгут с проволочной жилкой внутри. Он и сейчас предпочитал удавку, как тогда, у ящика, и постоянно носил ее с собой.

Яранг с тоской смотрел на хозяйку. На него упала ее слеза.

Поводок и жгут перешли к Крызину. Елена Владимировна стала медленно одеваться, почти не ощущая, что делает.

Апельсинушка, прощайся с хозяйкой и другом Ярангом! Кот подошел и мягкой спинкой потерся о морду пса. Крызин пинком сапога отшвырнул его прочь. Яранг задрожал от этой новой обиды.

— А с домиком тоже придется проститься. Теперь он вам не нужен. Ключ, пожалуйста, сюда...

Елена Владимировна отдала ключ Крызину.

— Теперь пошли. Женщина — дорогу! Прошу...

Свободной рукой Крызин издевательски сделал широкий жест, предлагая Елене Владимировне идти впереди, затем резко дернул поводок. Жгут, захлестнутый на шее овчарки, затянулся, но Яранг стоял как вкопанный.

Подумав, Крызин передал поводок и конец жгута одному из солдат, сам стал снимать ремень с толстой медной пряжкой...

— Иди, Ярангушка, — тихо сказала Елена Владимировна.

Яранг поднял голову, посмотрел долгим-долгим взглядом, в котором стоял немой укор, боль расставания, и — пошел.

Отдан, выдан во власть врагу, без попытки к сопротивлению, без надежды на спасение... Впрочем, кто сказал, что нет надежды на спасение... Надежда есть всегда, пока сам не отказался от нее.

Глава 13. НЕУКРОТИМОСТЬ

Яранга поместили в клетку на заднем дворе фашистской комендатуры. Тут уже было много собак. Но то были **чужие** собаки. Яранг безошибочно определил это по запаху. Это были конвойные немецкие овчарки, несшие службу при комендатуре. И только один он был здесь пленником в настоящем смысле слова.

На дворе то пробегали люди, то маршировали гитлеровские солдаты, слышалась незнакомая резкая и отрывистая речь, трещали мотоциклы. О Яранге забыли.

Уже двое суток находился он здесь, все так же в наморднике и жгута, туго замотанном

вокруг шеи, без пищи и воды. Но состояние его было таково, что он не ощущал ни жажды, ни голода. Только — тоска, только неутомимая лютая ненависть и желание любой ценой вырваться отсюда... Но как?

Уже в первую ночь он внимательно обыскал все углы, решетку, дверь, стены. Все было прочно, крепко, основательно, без изъяна. Немцы умели строить такие вещи. Однако и Яранг тоже был не лыком шит. Едва затихли голоса и прекратилось хождение по двору, он вступил в единоборство с клеткой.

Намордник мешал, не позволял ухватиться как нужно, чтоб применить всю силу. Постепенно он смял намордник, тыкаясь им о стену, а потом надорвал его — теперь можно хватать. И едва Яранг достиг этой первой скромной победы, зубами впился в деревянный толстый брус, и с такой яростью и ожесточением принялся расшатывать, отрывать его, что дерево закрипело, застонало.

Из десен сочилась кровь, и сам Яранг был измочален до последней степени, когда ему наконец удалось достичь своего — брус подался и отвалился, до половины обхвата изгрызенный в щепы. Однако дальше оказался второй брус, толще первого. И пока Яранг воевал с ним — остервенело, упрямо, не щадя ни зубов, ни десен — ночь кончилась, стало светать, снова слышались голоса.

Он решил не прекращать работу. На шум от его возни сбежались немецкие солдаты. Они гоготали, улюлюкали, показывая на него. Их очень забавляло, что этот волкообразный пес хочет свободы. Потом пришел еще один, старший, прикрикнул на них, и они ушли, а он, наловчившись, вдруг через решетку так хватил пса тупым концом тесака по боку, что у Яранга перехватило дыхание.

— Швайн, — сказал после этого гитлеровец и удалился, гордый от сознания, что проучил эту **русскую** собаку.

Надо было ждать ночи. Иначе — все напрасно. Выбьешься из сил и ничего не достигнешь. Не дадут, если увидят, что у тебя что-то стало получаться.

Следующую ночь он трудился с таким старанием, что пена пошла из пасти. Он рыл подкоп. Одолеть клетку, видимо, не представлялось возможным, а земля поддавалась когтям гораздо быстрее. Но прокопав с полметра, Яранг убедился, что и тут его враги оказались очень предусмотрительны, перехитрили его: стены клетки были закопаны на неопределенно большую глубину и, кроме того, переплетены железной проволокой. Зубы ее не брали.

Он оказался в западне. Конец. Все. Не уйти.

Тогда он лег и стал ждать. Чужие собаки где-то терлись боками о стенки своих вольеров. По соседству, очевидно, была сука, потому что она не рычала на него, а словно кузнечный мех, принялась громко дуть в крохотную щель между бревнами. Подует — послушает. Но Яранг не принял предложенного знакомства.

Время ползло невыразимо медленно. Но все равно, все равно. Вы еще не знаете, как могут ждать собаки. Неистоцимо, упорно. Пока последнее дыхание и последнее тепло не отлетит от тела. Пока не затихнет последний удар преданного сердца. И ничем не подвинешь их в этой решимости.

Так прошел еще день.

Крызин не показывался. Но Яранг знал, что враг его придет. Иначе — зачем бы он привел его сюда?

Он издали зачуял его приближение и принял оборонительную позу. Но Крызин не спешил входить к нему. Сперва Меченый хотел насладиться своим положением победителя и унижением пленника: прошелся перед решеткой туда и обратно, потом, оперев картинно руки в бока, остановился напротив и сказал:

— Ну как, милок, настроение? Как здоровье? Будешь кусать меня еще или тебе сделать второй массаж на морде?

Яранг зарычал и вдруг всем телом обрушился на решетку. Крызин вздрогнул и попятился, потом захохотал.

— Не угомонился? Тэк-с, тэк-с. Ну, ничего. Ни-че-го, дорогой. Надолго тебя не хватит.

Ручаюсь!

Он разговаривал с псом как с человеком. И Яранг почти как человек вбирал его слова. Смысл их доходил до него.

Яранг понимал, что от этого человека ему не будет пощады, а потому все, что бы тот ни сказал, все говорило об одном: о мести, об унижении, об их старых счетах и лютой вражде.

А для Крызина в их поединке даже было нечто большее, чем подведение баланса их отношений. Хоть Крызин говорил себе, что отныне он господин и повелевает другими, попавшими в зависимость от него, однако он шагу ступить не мог без фашистов; каждое его движение, даже желание, было запрограммировано заранее его хозяевами; когда пошел в дом Таланце-вых, он вынужден был согласовать это; и не он, а молчаливые часовые-фрицы, эти чурки с глазами, да, они, а не он, не Крызин, по сути распоряжались всем — он только изображал, что командует, теща сам себя. Они, фашисты, были хозяевами; он только обслуживал, наводил на след, как гончая собака, пресмыкался, получая право на жизнь, пока был нужен. С появлением Яранга жизнь его качественно изменилась: вот когда он сможет отвести душу, дать выход своим чувствам! Но он не торопился, как истый садист оттягивая и тем самым стараясь продлить ожидающее его удовольствие.

В этот день Крызин так и не зашел к нему. Но наутро он явился с короткой увесистой дубинкой в руке, сразу отодвинул задвижку, шагнул в клетку и встретил прыжок Яранга таким ударом, что у того помутилось в глазах, а голова загудела, как колокол. И всякий раз, как только Яранг пытался повторить нападение, дубинка отбрасывала его назад. Она была резиновая и словно прилипала к телу, а боль проникала куда-то внутрь и долго держалась там. Он был избит на следующий день... и на следующий. И так стало повторяться каждодневно. Аккуратно он получал свою порцию. Днем его били, а ночь он отлеживался. Снова и снова приходил Крызин, и снова на собаку сыпался град тяжеловесных ударов. А Яранг все старался достать врага клыками.

За всю жизнь до этого его ни разу по-настоящему не ударили. Надя даже не держала плетки в доме; только на дрессировочной площадке надевала иногда строгий ошейник — парфорс, который колот, но не ранил. И разве могли слабые руки девушки сравниться с изощренной жестокостью рук Меченого! На теле Яранга не осталось местечка, которое не отзывалось бы острой болью. Но Яранг не покорялся.

Его выколачивали, как старую перину, а он не сдавался и глупо лез под удары, доставляя этим несказанное удовольствие Меченому. С того лился пот, когда он выходил из клетки, оставив собаку лежащей замертво. А наутро все начиналось сызнова.

«Упрямая скотина! — восторгался Крызин. — Живуч, подлец!» Право, он даже начал уставать от ежедневной «разминки», как называл жестокую экзекуцию, ставшую отныне привычной частью бытия Яранга. Сказать, однако, что Крызин ничего не добился, было бы неверно. Пес изменился неузнаваемо. Дикий огонь теперь, не переставая, горел в его желто-карих глазах, шерсть стояла дыбом, глухой рык постоянно клокотал в горле. Дичая, Яранг все больше походил на волка. Сейчас он совершал обратный для собаки путь — от приручения и одомашнивания к дикости.

Постепенно его начали подкармливать (а то, наверное, он давно бы сдох); но Яранг съедал так мало, что удивительно, как держался.

Однако худшее было впереди.

Однажды после очередного избиения Крызин приказал перетащить собаку в другую клетку. Здесь не было решетки, кругом стены, на полу слой воды. Нельзя ни сесть, ни лечь. Яранг долго стоял. Затем ноги его вдруг задрожали, и он рухнул.

Вот когда ужас начал закрадываться в его мозг. Он лежал в воде, и ледяной холод проникал ему в сердце, тело тряслось в мелком ознобе, клацали зубы. За последние дни заметно похолодало, и под утро он с трудом вырвался из ледяного плена: за ночь вода застыла. Оторвался ото льда лишь после нескольких отчаянных попыток, оставив на полу большие клочья шерсти.

Но забить собаку до смерти вовсе не входило в планы Меченого. Он хотел сделать из

нее раба, подчинить своей злой воле. Настал день — Крызин сам открыл клетку и вывел Яранга во двор. Было тихо. В воздухе беззвучно порхали белые мухи. Одна, кружась, медленно опустилась на нос Ярангу. Пес замер. После долгого сидения в темноте он почти ослеп на ярком свете, запахи воли ударили все разом, голова затуманилась, закружилась. Он стоял, покачиваясь, широко расставив лапы, чтоб не упасть.

Какой он стал — не узнать! У него кровоточили десны, бока ободраны, проступили ребра, шерсть стала тусклой и висела клочьями.

Один... один среди врагов... И он — сдался. Крызин мог торжествовать. Сдался все-таки!

И не стало Яранга, друга. Появился свирепый, угрюмый зверь с диким блеском в мрачных глазах — помощник изверга Крызина... Вместе с предателем он теперь работал на оккупантов. Он уже участвовал в облавах на мирное население, конвоировал задержанных. Однажды в него угодила кирпич. Предназначался, вероятно, Крызину, а попал в собаку; а может, и ему, Ярангу, они теперь стоили друг друга... А ночью он подолгу лежал в своей клетке без сна и думал свою горькую собачью думу. Чем он был полон в эти тяжкие безмолвные часы? Переживал ли вновь то радостное светлое время, которое пришлось на первую половину его жизни? Или одна лютая злоба кипела в еще недавно преданном сердце? Если тогда, в начале жизни, его учили служить людям, то теперь принуждали быть их врагом...

... Было утро, когда Крызин, как обычно, вывел Яранга из клетки. И вдруг знакомый и такой бесконечно дорогой и волнующий запах ударил в ноздри овчарки... Да, здесь недавно прошел один из близких Ярангу людей, он не мог ошибиться... Значит, они существуют, они где-то недалеко! Яранг задрожал. На минуту он даже потерял способность ориентироваться. Откуда ему было знать, что совсем недавно отсюда увезли на расстрел его бывшую старшую хозяйку, что в этот момент, может быть, она уже мертва и покоится в общей могиле... Он понимал лишь, что она **была** тут и ушла. Этого достаточно для него.

Яранг поднял голову. Он был снова прежний Яранг — смелый, неукротимый пес. Мощно и сильно заработал инстинкт, снискавший собаке славу вернейшего существа на свете. Один быстрый взгляд, чтобы оценить обстановку. Ворота комендатуры открыты, а солдат-часовой зашел за угол и притулился у стены, потягивая папироску. И сам Крызин, кажется, ослабил внимание...

Резиновой дубинкой палач выколотил волю не у одного человека. Он полагал, что достиг того же и с этой собакой...

Откуда взялись силы! Прыжок Яранга был также могуч и молниеносен, как в самые лучшие времена, когда пес был сыт, выхолен и налит мускулами. Толчок отбросил Меченого назад, прижал обеими лопатками к земле, а костлявое тело Яранга в мгновение ока оказалось в нескольких метрах от него. Поводок лопнул. Яранг саженными прыжками понесся к выходу со двора. Сзади неслись крики, брань. Мелькнуло растерянное лицо солдата-часового; он поспешно стягивал винтовку с плеча. Хлопнул выстрел — это стрелял из пистолета Крызин. Серdito, как оса, провизжала пуля. Один дом, другой, конец квартала, поворот... и вот уже стены зданий встали защитой между беглецом и преследователями. Затем начался длинный пустырь с кучами битого кирпича и остатками стоявших здесь до войны построек. Яранг продолжал рвать упругий свежий воздух громадными плавными прыжками; потом, уже вне досягаемости для ружейного выстрела, перешел на рысь, стелясь над заснеженной землей, постепенно успокаиваясь и налаживая ритм движения, как хорошо отрегулированная машина...

Глава 14. ПОБЕГ ПОД БОМБАМИ

На рассвете арестованных, полураздетых и полубосых, стали выгонять из камер на мороз. Выкликали по номерам. Длинная шеренга изможденных людей выстроилась на плитах тюремного двора. Некоторые еле стояли на ногах, их поддерживали товарищи. После

пересчета всем приказали лезть в грузовики.

Уже по составу увозимых было ясно, что их ждет. Увозили педагогов, инженеров, врачей, передовиков предприятий, бывших работников советских учреждений. Среди них были Елена Владимировна и сосед Таланцевых, не сумевший когда-то столкнуться с Ярангом. Он держался все время около Елены Владимировны. Эпизод у зубокабинного кресла был забыт, а может быть, стал казаться даже милым. Главное теперь было то, что это бледное серое утро для них — последнее.

Чего навидалась за это время Елена Владимировна, того и рассказать, пожалуй, сил не хватит. Как она выстояла, вынесла! Их морили голодом. Им давали соленое и отказывали в питье. Свистели розги. Пьяные гестаповцы, дыша винным перегаром, со свиными рылами вместо лиц, измывались, хохотали, тыкали зажженными папиросами. Все выдержала, не сказала ничего.

Теперь — конец. Уж скорей бы!

Моторы зарычали, распахнулись тяжелые ворота, белые обшарпанные стены стали быстро удаляться.

Миновали городскую окраину. Значит, где-то в лесу, в укрытом от глаз людских овраге...

Последнее путешествие, последний скорбный путь...

Елена Владимировна не ощущала страха смерти. Все время перебирала в памяти: не сказала ли лишнего, не обронила ли хотя бы одной мелочи, которая могла оказаться роковой, — роковой не для нее, о себе она не думала.

Как она кляла себя за неосторожность с портретом дочери! Она признавала главенство мужа во всех вопросах; как не прислушалась к его словам в тот раз, сама не поймет.

С Крызиным они больше не виделись с той ночи, как он увел ее и Яранга. Сделал свое черное дело — и как сгинул; но она не сомневалась, что он где-то существует и продолжает творить зло. Неужели он, и вправду, думает, что наши никогда не вернутся, что «новый порядок», о котором твердят гитлеровцы, утвердится навсегда? Только в тюрьме Елена Владимировна узнала, какова была истинная подоплека прихода Крызина в дом, и это еще более стеснило грудь тяжелой тревогой за мужа и дочь. Счастлива была одним: по слухам, подпольная партизанская группа в городе оставалась нераскрытой, устраивала диверсии, нападения на гитлеровцев, заставляя их круглосуточно держать под ружьем солдат и трепетать при каждом выстреле.

— Озябли? — шепнул сосед-врач, придвигаясь к ней теснее, чтоб согреть своим теплом и самому согреться хоть немного. — Крепитесь. Уже недолго...

Она машинально кивнула головой. Какое это теперь имеет значение, озябла она или нет? Ровно никакого.

Они въехали в лесок. Молчаливые березы печально протягивали к небу голые ветви, будто прощались с обреченными. С карканьем пролетела спугнутая ворона.

— Гляньте, косой!... — торопливо вновь шепнул врач. В обведенных синевой глазах его вспыхнула живая искра. По свежей целине, вспугнутый ревом «оппелей», катился, подскакивая, будто комок резины, белый упругий шарик. Вот он мелькнул еще раз за пригорком, взбрыкнул сильными задними лапками и пропал, растворился. Узники проводили его долгими взглядами.

Жизнь — она неистребима, она будет и после них, павших, но не сдавшихся, выстоявших наперекор всему.

Дорога шла вниз, под увал. Их бросало, швыряло друг на друга и на борта. Ледяной ветер пронизывал насквозь. У кого-то уже был обморожен нос, кто-то пытался избытыми пальцами согреть побелевшие уши. Надо ли? Тоже инстинкт жизни... Вдруг головы запрокинулись, как по команде. Все лица были обращены вверх, на тусклое белесое небо, откуда прилетали редкие снежинки. Туда же глядели охранники и солдаты-эсэсовцы из последней машины, которые должны были привести в исполнение приговор. С неба тянулся ровный напряженный звук. Словно звучала туго натянутая струна или летел рой пчел.

Самолетов еще не было видно, но рокот нарастал с каждым мгновением. И вдруг они вырвались из-за леска. Красные звезды язычками пламени горели на крыльях. Наши, наши!

Первыми стали выпрыгивать солдаты-эсэсовцы. Сигнал к этому подал их командир, похожий на обтянутый пергаментной кожей скелет и с усиками «а-ля Гитлер». Толкнув дверцу кабины, он выпрыгнул из машины и, путаясь в длиннополой шинели, скользя по накатанной дороге блестящими сапогами с высокими голенищами и балансируя руками в элегантных перчатках, устремился к кювету. Он успел сделать лишь несколько шагов. Головной самолет пронесся с ревом, и тотчас воздух рванул тяжелый раскат. Бомба попала в самую середину грузовика, и взрыв разметал его на тысячу кусков. От щеголеватого эсэсовца и его подчиненных остались лишь кровавые ошметки.

Почти тотчас же раздалось: та-та-та-та-та-та-та-та... Но быстрая убегающая вперед пулеметная строчка легла рядом с грузовиками с их живым грузом. Видели ли советские летчики, кого везут грузовики, или сама судьба была против того, чтобы они обагрили руки кровью своих, но вышло так, что из приговоренных не пострадал ни один, а вот несколько конвойных, хотевших последовать примеру эсэсовцев и тоже прыгнувших на дорогу, были пришиты к ней и остались лежать навсегда. Уцелевшие бежали кто куда. Шоферы тоже кинулись в разные стороны. Тяжелые «оппели» остались без водителей и охраны.

— Бежим! — сорвалось с бескровных губ доктора. — Лес недалеко... — И он стал первым неловко перелезать через борт, потом помог спуститься наземь Елене Владимировне.

Бомбы принесли им свободу или хотя бы надежду на свободу, может быть, мимолетную, краткую, но...

Самолеты ушли и вернулись снова. Видимо, летчики догадались, что творится на земле, хотя с высоты было трудно разобраться в происходящем. Они больше не стреляли и не бомбили. Прошли на бреющем полете над кюветами и березами, взмыли вверх.

Чем закончилось происшествие на дороге, Елена Владимировна не знала. Задыхаясь, увязая в снегу по колено, она бежала все дальше и дальше, прочь от дороги, к опушке. Сердце колотилось, вот-вот разорвется, в висках будто били молотом. Сзади, у машин, раздавалась беспорядочная стрельба.

Больше невозможно, нет сил. Миновав перелесок, Елена Владимировна остановилась, чтобы перевести дух. Прислушалась. Почему так тихо? Только жалобно скрипели деревья, покачиваясь на ветру. Неужели она успела отбежать так далеко? Или, может быть, уже все кончилось: охрана справилась с приступом слабости, сопротивление подавлено, и товарищи ее, дорогие, родные, милые товарищи, уже лежат заолодевшие.

Медленно разгорался морозный день. Солнце, нехотя вылезшее из-за дальних возвышенностей, как большой медный таз висело в небе. Далеко за холмом чуть поднимался дымок. Деревня, но туда нельзя. Вдруг там фашисты? К чему тогда весь побег, все мучения?

Запахнувшись плотнее и повязав ту же шаль, прибрав растрепавшиеся волосы, она решительно повернулась и зашагала в сторону, противоположную той, где лежало селение. Только сейчас она поняла, как хочет жить, бороться, снова увидеть своих, прижать к сердцу дочь, мужа, заглянуть им в глаза, увидеть их улыбки, услышать веселые родные голоса...

Она шагала по снежной целине, ноги увязали, и скоро почувствовала очередной приступ слабости. Недоедание давало о себе знать. Нет, не выдержать. Холодно, голодно, кончаются силы. В пустом желудке сосет... Вернуться назад, и будь что будет. Сейчас вот дотащится до колка и там все обдумает, решит, немного соберется с мыслями...

Что-то внезапно заставило ее обернуться. Далеко на снеговой равнине мелькала какая-то точка. Она приближалась по ее следам. Неужели волк? Конечно! Она уже различает его оскаленную морду, горящие глаза, стоячие треугольные уши...

Спасти от двуногих зверей, чтоб погибнуть от этого! Нет! Бежать, бороться, попытаться влезть на дерево... Скорей, скорей! Еще несколько шагов! Ну! Вот уже запорошенные снегом пеньки, след прошлогодней порубки, мелкие елочки...

Обламывая ногти, обдирая в кровь ладони, Елена Владимировна, схватив березовый ствол, тщетно старалась поднять свое измученное тело хотя бы на метр, на два над землей.

Сноровки не хватало, силы иссякли, руки срывались, вся она казалась себе налитой чугуном. Оглянулась. Зверь был уже в нескольких шагах. В глазах потемнело. Чувствуя, что валится, Елена Владимировна вскрикнула, взмахнула беспомощно руками. И вдруг все ушло, провалилось куда-то...

Глава 15. ДВОЕ В МЕТЕЛИ

Снег шел гуще и гуще. Крупные лохматые хлопья сцеплялись, схватывались друг с другом, как танцоры в пляске, и начинали кружиться, заводили хоровод. Все сильнее и быстрее, все плотнее и непроницаемое становилась крутящаяся белая пелена. Ничего не разглядеть в метре расстояния. Метель, метель...

Яранг и Елена Владимировна брели ощупью, как слепые.

Да, это был Яранг. Она очнулась от того, что пес лизал ей лицо. Разлепила веки и увидела прямо перед собой знакомую морду со шрамом, умные, добрые глаза... Пес повизгивал от счастья...

Крызин делал из него зверя, но добро неистребимо, и Яранг остался Ярангом.

И вот теперь они шли вместе, два близких друг другу существа, так исстрадавшиеся оба, и испытания для которых еще не окончились. Сперва она впереди, он позади; потом — рядом; потом она тащила за ним. Шатались оба, но у Яранга запас прочности был все же неистощимее. Он теперь вел хозяйку, а она лишь покорно следовала за ним.

Мудрый Яранг, судьба посылала тебе одно испытание за другим, но ты побеждал их, преодолевая все препятствия! Ученые, вероятно, долго еще будут гадать, проделывать бесчисленные опыты, пытаясь уяснить, как животные находят дорогу к дому или близкому человеку, проявляя поразительное чувство ориентировки в самых, казалось бы, сложных условиях. Ведь если пес до конца предан, он не потеряется. Найдет хозяина даже через несколько лет, преодолеет громадные разделяющие их расстояния. Такие примеры бывали. Известен случай, когда собака пропутешествовала два года и нашла то, что искала, а именно семью, в которой была выращена. Так что ничего сверхъестественного во внезапном появлении Яранга не было.

Пока не началась метель, Елена Владимировна еще как-то ориентировалась. Но потом разразился такой снегопад, какого она не видала со времен юности. Казалось, и природа решила проверить их: выдержат? не упадут? не сдадутся?

Не сдавались. Не сдадутся! Но с каждым шагом решимости, уверенности в этом становилось все меньше и меньше. Если б не Яранг, Елена Владимировна, наверное, давно бы легла в снег. У нее уже появились галлюцинации, она грезила наяву.

В сверкающий иней одета
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
...
та-та, та-та-та, та-та-та...

Откуда это? Мучительно она старается припомнить... Ах, да! Ну, конечно! Некрасов, «Мороз — Красный нос». Ведь учили же... А как дальше?

И снится ей жаркое лето...

Странно: она сейчас видит то, о чем говорится в стихах...

Когда слабеют силы, память почему-то обостряется, яркие, точно было вчера, вспыхивают воспоминания, вереницы их проносятся в короткий миг, и начинает обволакивать какая-то непонятная, удивительная опасная тишина, коварная, как ловушка...

Елена Владимировна пришла в себя оттого что Яранг, повизгивая жалобно, опять лизал

ее лицо. Язык у него был горячий, мягкий и чуть влажный, прикосновения его были приятны. Она лежала на снегу, а пес стоял над нею, лизал и подтыкал носом, не давая уснуть, принуждая подняться.

И он все-таки заставил ее встать.

Шли. Тащились. Останавливались, передыхали. Снова шли. Сколько раз она падала и сколько раз подымал ее Яранг, не сосчитать. Она была вся в снегу. И он обмерз до ушей. Снежная мгла как будто начала редеть. Доносился какой-то гул, точно раскаты грома. Но откуда зимой быть грозе?

Вот и вовсе выяснилось. Но сразу резко похолодало. От Яранга повалил пар, как от загнанной лошади, а тело Елены Владимировны налилось жаром и одновременно зябью. Начался озноб. Она еле удерживалась, чтобы не стучать зубами. А потом не смогла...

Ее трясло беспрерывно, беспощадно. Яранг то и дело оглядывался. Взглянет, убедится, что хозяйка еще идет, и опять утюжит брюхом снег, оставляя за собой широкую овальную борозду.

Все. Прощайте все. Она сдастся...

Видения, видения. Детство, отец, мать. Опять томик стихов со знакомым портретом исхудалого человека на фронтисписе...

Что за странный звук, надрывный, щемящий? Он забивает ее голос, нельзя продолжать чтение. Ага, это воет Яранг. Тяжело... Какая тоска в этих звуках... Будто по покойнику... Опять тишина. Вой прекратился. Так лучше. Но кто душит, давит ее, навалился всей тяжестью... Да пустите же, пустите! Не дамся! Все равно ничего не скажу! Пустите!

Пу-у-у-сти-и-те-е-е!... Не хо-о-чу-у-у!

— Ты слышал? — сказал один из двоих. — Кто-то выл!

— Волк, наверное, — отозвался его спутник. — Их теперь тут хватает, жрут мертвечину...

Эти двое были передовым отрядом разведчиков. Они шли на лыжах, в маскировочных халатах, делавших их белыми привидениями.

Их, и в самом деле, можно было принять за привидения: в немецком тылу — бойцы советского лыжного батальона! В то время, когда переходили линию фронта, на другом его участке командование предприняло отвлекающие действия. Поэтому и донесся рев пушек до слуха измученных Яранга и Елены Владимировны.

Враги не держали здесь сплошную оборону, надеялись на болота. Когда ударили морозы, болота перестали быть помехой. В одно из таких «окон» и проникли бойцы на лыжах. Разведка имела целью связаться с партизанами, прощупать у противника пути подвоза подкрепления.

— Жарко, — сказал первый. Они находились в походе уже несколько часов и еще ни разу не дали себе отдыха.

— Тепло, — согласился второй. Откинув капюшон халата, он снял шапку-ушанку и исподней стороной ее вытер пот со лба, затем пригладил рукавицей светлые, как ржаная солома, волосы.

— Слушай, наши, наверное, уже недалеко...

— Погоди, — прервал светловолосый.

Снежный бугорок впереди вдруг зашевелился, распался и из середины его поднялся зверь, весь заиндевельный, страшный... Несколько секунд светловолосый всматривался, как бы не веря глазам, затем кинулся к нему с возгласом:

— Яранг! Дружище!

Глава 16. ВОЕННАЯ СЛУЖБА ЯРАНГА

Теперь в нашем повествовании должно пройти примерно три месяца. Как мы убедимся далее, эти три месяца не были потеряны даром. Девяносто дней — не такой уж большой

срок, но когда война — повороты в судьбах бывают самые неожиданные.

Если бы кто из читателей в один из этих девяноста дней очутился в одном специальном учреждении, то увидел бы на одной из многих клеток табличку:

Яранг, рождения 1939 года.

Пол — кобель. Порода — немецкая овчарка.

Служба — десантно-диверсионная, специальность — подрывник.

Что же, значит, Яранг опять попал в беду, опять он за решеткой, пленник? Несчастное животное...

Не пугайтесь. На этот раз очередная перемена, случившаяся с Ярангом, привела его в лагерь друзей, а не врагов. Каждый день ему приносят свежую вкусную пищу в чистом бачке, меняют воду, подстилку из сена. О нем заботятся, его берегут, хотя взамен и требуют нечто такое, чего прежде с ним не бывало.

Превратности военного времени!

Крызина они сделали прямым изменником, тем самым окончательно обнажив его подлую натуру. Других, чья сокровеннейшая сущность — в самопожертвовании и мужестве, сделали героями.

Так получилось и с Ярангом. Давно ли пес числился обыкновенной, скромной **гражданской** собакой; но втянутый в силу обстоятельств в водоворот чрезвычайных происшествий и вынужденный отстаивать в жестокой борьбе жизнь свою и друзей, показал, что способен на многое, может быть не только преданным другом, но и настоящим помощником человека.

С той встречи в немецком тылу Яранг и Алексей уже не расставались. Городок их находился во власти врага — куда возвратить Яранга? Их вместе, по просьбе Алексея, зачислили в часть специального назначения.

Но прежде им пришлось пройти специальное обучение. Кроме того, Ярангу требовалась серьезная поправка.

Пес был настолько худ, точно его спрессовали, и напоминал растение, побывавшее между листами книги. Изменилось даже выражение глаз. На него было больно смотреть.

Он долго не давал притронуться к себе, взвизгивал от малейшего прикосновения, — должно быть, болело все тело.

— Здорово, брат, обработали тебя, измордовали, исполосовали, не дай бог никому, — говорили курсанты училища, в стенах которого находился теперь и Алексей Белянин.

— Отощал-то как... Не кормили видать, совсем!

— Сам не ел, наверное. Тосковал...

Его жалели все, кто бы ни увидел.

— Моралите для молодежи, — сказал начальник училища. Он любил иностранные словечки. — Если такое могут сделать с собакой, так чего ждать людям?

Логика в общем-то правильная: известно, что захватчики были больше заинтересованы в сохранении материальных ценностей, нежели людей. Породистая собака относилась к материальным ценностям.

Вскоре здоровый организм взял свое — пес стал быстро поправляться, набирать тело. Но теперь это был какой-то другой Яранг. У него появились новые черточки в поведении, изменился характер. Остались неприветливость, недоверие к людям. Он мог ощериться внезапно, без видимой причины, а потом так же быстро успокоиться. Кризис оставил след в собачьей душе. Ведь все, что есть в собаке, хорошее и плохое, все идет от людей. Лишь Алексею Белянину Яранг повиновался беспрекословно, был предан до корней волос. За него пошел бы в огонь.

Вот когда началась мужская выучка, суровая и требовательная! Теперь пес получал **высшее образование**; а все, что он пережил, подготовило его к этому, закалило стойкость.

Нет ничего, что ни сделала бы собака для любимого человека, если только это в ее силах. Как нечто естественное, само собой разумеющееся, воспринял Яранг тот курс,

который ему пришлось одолевать под руководством и сообща с Алексеем. Раз это надо другу, значит, так и должно быть. Прошли три месяца непрерывных тренировок, и Яранг приобрел специальность, которая была указана на табличке, привешенной к клетке. Он научился носить нужную кладь и сбрасывать ее со спины по приказу, научился повиноваться сигналу свистка, почти неслышимого для человеческого уха и отлично воспринимавшегося собачьим, научился спокойно переносить гул авиационного мотора и даже прыгать с парашютом.

Яранг стал парашютистом?!

Пусть это не удивляет. Еще до войны производились опыты по использованию собак в авиадесантных войсках. Они показали полную пригодность животного для такого вида службы. Требовалось лишь подбирать четвероногих с устойчивым типом нервной системы, с крепкой конституцией. Истеричные не годились.

Успех знаменитой Динки, превзошедшей все ожидания, заставил даже самых закоренелых скептиков взглянуть на собаку по-другому и признать ее возможности. Для тех, кто не знает, о чем речь, поясним. На одном из участков советско-германского фронта с помощью обученной собаки Динки был взорван мост и надолго выведена из строя важная дорога, по которой гитлеровцы подбрасывали подкрепление к передовой. Этот взрыв, раскатившийся эхом, натолкнул наших военных кинологов¹ на новую мысль. Так была решена участь Яранга. Он тоже стал четвероногим диверсантом.

Три месяца прошли, как один день. И вот в одну темную ночь Алексей Белянин с Ярангом погрузились в маленький, вездесущий, простреленный и залатанный во многих местах учебный самолетик У-2, поднялись над притихшей землей и под негромкий рокот мотора, напоминающий шмелиное жужжание, понеслись навстречу новому испытанию.

— Хозяина, Степана Николаевича, не забыл? И с Петром встретимся... помнишь Петра? — ободряюще говорил Алексей собаке.

Они сидели в тесной кабине, в полной темноте, неудобно скрючившись, притиснутые один к другому и встряхиваемые как будто специально для того, чтобы уплотниться еще и занимать меньше места. Оба ощущали тепло друг друга. На обоих ранцы с парашютами, у Алексея побольше, у Яранга — поменьше. Кроме того, плечи Алексея отягощал туго набитый вещевой мешок, руки сжимали автомат, а у Яранга на спине вьючок, назначение которого станет понятно позднее. Всему свое время.

Маленький легкокрылый самолетик напоминал сейчас небольшой воздушный арсенал, а еще точнее — бочку, начиненную порохом. Порохом были Белянин и Яранг. Они должны были сыграть первейшую роль в важной партизанской операции, запланированной командованием на Большой земле. Для этого и летели через линию фронта.

Трудно сказать, что чувствовал Яранг в воздухе, но внешне он вел себя спокойно. Раз так надо Алексею...

Кто такой Петр? Помнит его Яранг или не помнит, какая разница. Друзья его проводника — его друзья...

... Моралите — французское слово, оно сродни латинскому «мораль». В точном значении словари расшифровывают моралите, как средневековое театральное представление в аллегорической форме. Что ж, для нас все, связанное с жизнью и поступками Яранга, — своеобразная аллегория, наглядное выражение — в цепи последовательных и взаимосвязанных картин — той бескорыстной в самом высоком нравственном значении службы, которую несет животное ради человека.

Глава 17. С ЗЕМЛИ НА НЕБО И ОБРАТНО

¹ Кинология — наука о собаках, их разведении, содержании, дрессировке, использовании. Отсюда кинолог — специалист по собаководству. (Прим. ред.).

Что касается Алексея, то его помыслами целиком владело предстоящее боевое задание. Кроме того, как человек практичный, он прикидывал, удастся ли пересечь линию фронта и благополучно приземлиться в указанном месте или произойдет что-нибудь непредвиденное. Опасаться приходилось многого. К счастью, летчик проделывал этот путь уже не раз, хорошо знал трассу, умел использовать и туманы, и набежавшее облачко, и даже прижиматься к лесу, хотя соприкосновение с последним не обещало ничего хорошего.

Странно, но успокаивающе действовала мысль, что где-то в кромешной тьме летит второй самолет и в нем тоже два пассажира: боец и собака — вторая группа специального диверсионного отряда, направляемого в помощь партизанам. Их нарочно перебрасывали порознь, чтоб меньше риска. На земле они соединятся.

Ощутимо поддувало, но не в лоб, а почему-то сзади, словно встречный ветер, оставшись за хвостом самолета, поворачивал на сто восемьдесят градусов и снова спешил забежать вперед.

Земля молчала. Только дальние зарницы, порой сливавшиеся в зарево, напоминали, что фронт бодрствует круглосуточно, что у войны не бывает выходных. И даже ночь не способна уменьшить ожесточение сторон. Напротив! Как раз под покровом ночи осуществлялись самые дерзкие замыслы.

Внезапно самолет швырнуло в одну сторону, в другую; был момент, когда казалось, что он полетел носом в бездну и уже ничто не спасет его; справа, слева оглушительно лопались снаряды зениток, выхватывая из мрака то крыло, то борт; война обрушилась на У-2 всей своей дьявольской злобой и мощностью, завывала, загрохотала, заревела, пытаясь схватить, смять, испепелить, уничтожить, швырнуть наземь; потом все прекратилось так же мгновенно, как началось. Пилот спикировал к земле, опять она, спасительница, укрыла их. Огненная полоса — фронта осталась позади. Можно перевести дыхание...

— Испугался, дружище?

Алексей не узнавал своего голоса. Какой-то сдавленный, чужой. От такой встряски не скоро отойдешь. Ему почудилось, что и мотор гудит не так, как прежде, но уверенная спина и затылок пилота убеждали, что все идет нормально.

— Ух, черт, дали прикурить, а, Яранг? Один хитроумный товарищ сказал, как жить просто: надо научиться легко и без угрызений совести переносить чужие неприятности... Понимаешь, чужие! Хитрый бес! Ну, а как быть со своими?

Самолет рокотал опять ровно, без перебоев, и вместе с этим звуком тянулся будто по ниточке; и Алексей мог теперь дать выход чувствам, беседуя с собой или с Ярангом, который по обыкновению предпочитал отделяться молчанием. Великолепная позиция! Никогда не узнают, умный ты или дурак...

Впрочем, если иметь в виду Яранга, тут у Алексея не было сомнений: умный, только умный! Мудрец!

Алексей взглянул на светящийся циферблат часов. По времени пора быть на месте. И почти в ту же минуту внизу показались три желтые точки. Костры. Сразу отлегло. Долетели все-таки!

Пилот поднял самолет немного вверх, затем зашел со стороны ветра и, выключив мотор, стал планировать. Вспыхнул синий огонек. Пора прыгать.

Начиналась вторая ответственная часть полета — высадка с парашютом. Слышно было, как ветер тоненько, по-собачьи, поскуливал в обтяжках. Можно подумать, что в самолете сидит еще один пес и горюет, что его не берут с собой, оставляют в этом утлом сооружении из фанеры и крашеной парусины с многочисленными заплатами на плоскостях и фюзеляже.

Перевесив голову через борт, Алексей напряженно всматривался в расплывчатую мглу. Где придется приземляться, не видно, хоть глаз выколи. Осторожно вылез на крыло, цепко держась руками за край кабины. Костры отошли влево. Теперь улавливалось даже колебание языков пламени. Около них мелькают черные точки — ожидающие люди.

— Яранг, ко мне!

Вот они и оба на крыле. Алексей крепко держал собаку. Дует-то как, вот-вот снесет!

Впрочем, на все ушли считанные мгновения...

— Прыгай...

Алексей разжал руки, и ветер мягко столкнул с гладкой поверхности крыла сперва более легкую собаку, затем человека — как слизнул. И почти тотчас захлопал парашют, с шуршанием раскрылся шелковый купол, толчок, рывок и падение прекратилось. Алексей закачался на невидимых воздушных волнах.

Приземлялся вслепую. Сперва проплыла темная масса — лес; он едва не зацепился ногами за вершины, но вовремя принял меры, чтоб избежать неприятного столкновения. Дергая за стропы, словно кучер за вожжи, он унял парашют и направил на чуть белеющую прогалину в темных пятнах — видимо, кустов. Его протащило по кочкарнику, по бурелому, еще ударило обо что-то так, что заныло в боку. Наконец, удалось ухватиться за корягу и остановить скольжение. Парашют кромкой коснулся подмерзшей земли, закачался и потух. Приехали.

Алексей поднялся. Под ногами зачавкало. Так и есть: трясина. Низменная, заболоченная лесистая местность не позволяла совершить здесь посадку даже такому нетребовательному самолету, как У-2. Партизаны информировали правильно. Потому и пришлось прибегнуть к услуге парашюта.

Самолет уже улетел. Пропал даже его звук.

Ну, а как Яранг? Может быть, его все еще несет ветром, как семечко одуванчика? Тихо... Алексей приложил к губам свисток.

За жизнь Яранга он не опасался, или почти не опасался (какое-то сомнение бывает всегда). Автоматическое устройство было проверено многократно, работало безотказно. Другое дело — куда он опустится. Яранг не мог пользоваться стропами, как рулями, он — настоящая игрушка в руках ветра...

И действительно, Алексей давно уже успел собрать парашют, а Яранг все еще болтался между небом и землей, плывя по воле воздушных течений. В свое время это была самая трудная задача — хорошо приземлять собаку. Теперь, вроде, было предусмотрено все. Мягкая кожаная шлейка удобно обхватывала туловище и не только не давала собаке сорваться вниз камнем, но и удерживала ее в горизонтальном положении. И все же, чего приятного находиться распластанным в воздухе, беспомощно болтая всеми четырьмя лапами! Нечего сказать, позочка для уважающей себя собаки... А главное — ощущение полнейшего бессилия. Лаять, и то бесполезно! Первое время на тренировках Яранг просто исходил лаем, и даже визжал и скулил, словно глупый щенок-несмышлениш, оказавшийся в трудном положении. Потом постепенно привык и перестал выражать недовольство.

То ли он опускается, то ли, наоборот, взмывает выше... Воздушные потоки путали все ощущения.

Внезапно что-то царапнуло по боку, зашелестели ветви. Яранга занесло на лес. Парашют зацепился за сосну, потрепыхался, подбрасывая собаку, как забавную куклу-подергунчика на резиновой нитке, а потом пес повис неподвижно в самой чаще, на высоте нескольких метров от земли.

Весьма сомнительное удовольствие качаться вот так в непроглядной тьме, одному, в чужом незнакомом месте! Но тщетно он изворачивался и тянулся, стараясь освободиться от удерживавших его пут. И тут чуткие уши уловили свист, доносившийся издалека. Яранг залаял, и ночной лес многократно повторил его зычный глас, перекатывая все дальше и дальше: ав... ав... ав...

Собачий лай с неба... Что — собаки уже научились летать, взбираться на деревья?! Можно представить удивление того, кто оказался бы застигнутым этим внезапно. Но и без этого были достаточно удивлены партизаны, когда увидели, какое к ним прибыло подкрепление. Они помогли Алексею снять Яранга с дерева, так сказать, окончательно вернуть пса на землю. Лишь тут Алексей обнаружил, что один из осколков зенитного снаряда все-таки нашел цель — пробил кабину самолета и оставил на пушистой шкуре Яранга кровоточащий след. К шрамам овчарки прибавился еще один.

В ту же ночь выяснилось, что второй самолет был сбит, когда пересекал линию фронта. Пассажиры — вожатый с собакой — погибли, тяжело раненный пилот попал в плен.

— Выходит, нам здорово повезло, Яранг? Вернулись мы с неба! Значит, еще повоюем с тобой, дружище!

Алексей имел все основания говорить так своему четвероногому товарищу, которому суждено было теперь делить с ним все испытания и невзгоды беспокойной солдатской жизни. Начинался новый этап их биографий и новый этап их отношений.

Глава 18. «У МЕНЯ ЕСТЬ СОБАКА, ЗНАЧИТ — У МЕНЯ ЕСТЬ ДУША...»

Кап... кап... кап...

Апрельская капля в разгаре. Шумит пернатое племя, перезимовавшее в лесах. Уже прилетели грачи, первые вестники весны. Оживились даже сороки и вороны. На пригорках, скинувших белые простыни, первые нежные ростки...

Но не слышно нынче обычных шуток-прибауток в партизанском лагере. Сошлись на переносье черные дуги бровей командира отряда Степана Николаевича Таланцева. День и ночь, почитай, не вылезает он из своей землянки, заседает с штабом, разрабатывая план трудной и рискованной операции. Хватит прятаться в глухомани, пора переходить к активным действиям. Но как все сложится? Грустно-протяжно поет гармошка, и негромкие плывучие звуки ее будто тают вместе с последним снегом.

А лес оживает, набухают почки. Тянет ароматными весенними ветерками. Буйной молодой силой наполняется все живое.

У потухшего костра — двое: Алексей и товарищ его Петр — чернявый, круглолицый, накоротко остриженный. Тут же Яранг.

У Петра в руках прутик, он чертит им по земле, посвящая товарища в подробности операции, в которой пришлось участвовать и ему, операции неудачной и кровавой, и не принесшей желаемого результата.

— Вот так и было, — закончил Петр. — Попробуй, подступись! Я до сих пор диву даюсь: как уцелел...

— Н-да... — неопределенно проронил Алексей. — А собаки там есть? — внезапно оживившись, осведомился он. — Припомни как следует, это очень важно...

— Собак нет.

— Точно?

— Абсолютно.

— Это хорошо. Как это они на сей раз решили без собак?

— Неужели ты и в самом деле считаешь, что Яранг это сумеет сделать? — осторожно поинтересовался Петр, выдавая мучившие его сомнения. — Ведь люди не смогли... и какие люди!

— Поживем — увидим... Посмотреть бы тебе, как они работали на испытании! Как рванули участок железной дороги, построенной специально для этого! Генерал — председатель комиссии, так тот сразу сказал: «Мне бы, — говорит, — побольше таких подрывников, да на разные участки фронта... Вот бы наделали шуму!»

Алексей умолк и снова задумался.

У него было сегодня явно меланхолическое настроение. Поразмыслив о чем-то, он, видимо не в первый раз, спросил Петра:

— Ты знаешь, что такое собака?

— Ну, начал опять...

— Что «начал»? Ты думаешь, я скажу: собака — это друг и все прочее? Старо, как мир... Собака — это душа человека. Да, да. Именно человеческая душа сделала ее такой. Это не моя мысль. Плохой человек — и собака плохая, с мерзким характером...

— У тебя, конечно, хорошая!

— У меня есть собака... — не слыша Петра, продолжал Алексей, — и вдруг начал

читать каким-то совсем другим голосом стихи:

У меня есть собака.
Верней,
У меня есть кусок души
А не просто собака.
Я люблю ее и порой
Очень сочувствую ей:
Нет собаки у бедной собаки моей.
И вот когда мне бывает грустно...
А знаешь ли ты что значит собака,
Когда тебе грустно?

— А если нет собаки? — спросил Петр. Он хотел сказать: значит, нет и души?
Но Алексей только посмотрел на него, привлек Яранга и крепко прижал к себе. Тот благодарно заглянул ему в глаза.

... И вот, когда мне бывает грустно,
Я обнимаю ее за шею
И говорю ей:
«Собака,
Хочешь, я буду твоей собакой?»

— Знаешь, кто это написал? — продолжал Алексей после минутного молчания, в котором слышалось лишь: кап... кап... — К сожалению, не я. Это перевод с испанского. Называется «Блюз моей собаке». Ты умеешь танцевать блюз? Мы с Надей танцевали до войны...

У Алексея была причина тосковать, как не случайно суровость не сходила с лица Степана Николаевича. Тревога терзала обоих: схвачена Надя. Гестаповцам и полиции все-таки удалось напасть на след партизанской разведчицы и связной. Надя попала в западню. Жива ли она... И как знать, не явился ли причиной ее провала и гибели промах матери, портрет, который столь необдуманно, тоскуя по дочери, выставила на видном месте Елена Владимировна.

Негодяй Крызин не зря приходил к Таланцевым, он осуществил свою месть сполна.

«Надя... Надежда...»

Алексею вспомнилось, как в самом начале войны лежал в госпитале. Рана была тяжелая, он впадал в беспамятство, бредил. И тогда тоже повторял: Надя, Найденыш, Надежда... Звал ее. Сиделки говорили. Порой казалось, она тут, сидит и ласково проводит рукой по его волосам, в точности, как он сейчас гладит Яранга... А потом уже здесь, в партизанском лагере, тоже порой тешил себя, представлял: она — с ним, в лесу, сидит у костра и помешивает ложкой в закипающих щах... чинит ему обмундирование... или он опять ранен и она ходит за ним, подносит лекарство и питье, поправляет скатку шинели в изголовье, ободряет... Надя... Найденыш... Надежда... милая!

А Петр в эту минуту вспомнил свою недавнюю встречу с Ярангом здесь, в становище лесных мстителей.

Теперь, пожалуй, пришло время разъяснить, кто такой Петр, о котором Алексей напомнил Ярангу перед вылетом в район партизанской Малой земли. Придется вернуться назад, к тому дню, когда случай впервые свел Надю и Алексея, Надю и будущего Яранга, к тому нечаянному знакомству, с которого, собственно, все и началось. Алексей тогда был с товарищем. Это и был Петр. Вскоре Петр уехал в экспедицию. Он был энтомологом, специалистом по насекомым — вредителям леса; полжизни проводил в тайге, приезжал редко и ненадолго. Так и получилось, что он до сего времени почти не фигурировал в нашем

рассказе.

Петр находился на задании, когда приземлились Алексей с Ярангом. Можно представить, как обрадовались друзья, когда вдруг встретились. Для Алексея, правда, это было не совсем «вдруг»: по сообщениям из отряда он знал, что товарищ здесь; зато для Петра это была полная неожиданность. Они бросились навстречу один другому. И тут вмешался Яранг. Вероятно решив, что его проводнику грозит какая-то опасность или, быть может, просто на всякий случай, он опередил Алексея и прыгнул Петру на грудь. Тот, видя, что дело плохо, мгновенно повалился на землю и замер, не шевелясь.

Подбежали Алексей, партизаны, а Петр все лежит, головы не поднимет, «застраховался».

— Да ты живой?

— Живой, — донеслось от земли. — Вроде, живой.

— Так что же ты не встаешь?!

— А вы его держите?

Как будто, кроме Алексея, кто-то еще мог держать Яранга!

— Держим! Вставай!

— Точно держите?

Петр, в отличие от Алексея, не доверял собакам.

Но он опасался совершенно напрасно. Повалив его, Яранг тут же сменил гнев на милость — повел дружелюбно хвостом, на морду напустил какое-то каверзное и в то же время немного озадаченное выражение. Он словно извинялся. Видно, показав свою силу и убедившись, что обожаемому Алексею ничего не грозит, успокоился и предоставил события своему течению. Петр поднялся под общий гогот, отряхнулся немного смущенный. Смех смехом, а...

— Зубы-то, вон, как клещи, хоть заклепки выдергивай! — сказал кто-то из партизан, и его слова сразу реабилитировали Петра. — Как ухватит — «мама» сказать не успеешь.

Зубы... Зубы у Яранга и реакция, как у настоящего зверя. В этом Петр не сомневался. Но вот как насчет частицы души, переселившейся в него, по утверждению Алексея, из человека? А может, Алексей и прав! Как изменился товарищ за годы войны, за годы их разлуки. Стал строже, суровее, сдержаннее. И пес ему под стать, с таким же чувством собственного достоинства, такой же решительный, серьезный, внушающий к себе уважение... И Петр неожиданно для себя с каким-то новым чувством посмотрел в глаза Ярангу.

Глава 19. ЯРАНГ ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ, НО...

Настал час Яранга. Вот когда он должен показать, на что способна истинно образованная собака, которую неутомимость человека превратила в незаменимого помощника. Вот когда пес сможет рассчитаться полной мерой и за зверство Крызина, и за другие унижения, человеческие и нечеловеческие. Трепещите, враги!

Вокруг еще недавно ничем не примечательного городка завязывался узел крупных военных событий. Рядом находилась опорная база противника, которая питала передовые, и уничтожение складов входило в план наступления, подготавливаемого советским командованием.

Эту операцию уже пытались осуществить подпольная организация города совместно с партизанами. Но предприятие оказалось слишком сложным и не получилось. Связались с авиацией на Большой земле, однако оказалась бессильной и она: территория складов была надежно замаскирована — разбомбить не удалось.

Именно во время передачи важных сведений, касавшихся обстановки в городе и вокруг него, была арестована Надя...

И тогда возникла идея — применить специально обученную собаку. Операцию тщательно продумали и организовали.

Ярангу в ближайшие часы отводилась ответственная роль. Ему следовало поднять на воздух, взорвать, уничтожить до основания этот огромный склад боеприпасов.

В то же время группе партизан, используя суматоху и растерянность в стане противника, предстояло вызволить подпольщиков, схваченных гестаповцами и находившихся под строгой охраной в заточении. Среди заключенных была и Надя.

Удары планировались почти одновременные. Сперва взрыв; как только отголоски его достигнут города — нападение на тюрьму, комендатуру, гестапо. Одновременно нужно было вывести из строя подъездные пути к станции, водокачку, вокзал, прервать связь. Это должно было дезориентировать противника, сбить с толку и распылить его силы.

Заранее, под видом спекулянтов-мешочников и крестьян окрестных деревень, в город стали стекаться переодетые партизаны. Среди населения пустили слухок, что гитлеровские власти разрешили весеннюю ярмарку.

Прибывшие располагались в местах, указанных партизанским штабом — близ тюрьмы и гестапо. Оружие прятали под одеждой. Сигналом к нападению должен был послужить взрыв складов.

Несколько смельчаков специально побывали в фашистской комендатуре с покорнейшей просьбой разрешить ярмарку, чем немало обрадовали коменданта.

Сухой, затянутый в френч пожилой майор с поблескивающим пенсне на хрящеватом носу выслушал «представителей покоренного народа», развалился в кресле и дымя сигарой. Признаться, майору уже до смерти надоела война, затеянная фюрером, хотя он тоже не прочь был погреть на ней руки. До службы в вермахте майор был не крупным банковским деятелем, и ему куда больше нравился шелест банкнот и других ценных бумаг, нежели свист пуль, трескотня автоматных очередей и грохот оружейной пальбы. Конечно, он не подал и вида, что предложение делегатов населения пришлось ему по душе. Им, нордическим владыкам, очень хотелось, чтобы жизнь на захваченных территориях сохраняла хотя бы видимость благополучия. Страсть к порядку в крови у каждого немца. И, вынув сигару изо рта, комендант величественно-небрежно махнул рукой, давая понять, что аудиенция окончена, разрешение дано.

Группа, которой поручалось произвести диверсию у складов, была немногочисленной. В нее входили Алексей с Ярангом, Петр и еще несколько партизан. Но именно от этой горстки храбрецов зависел в первую очередь успех всего дела. Их провал автоматически вел к срыву всего остального.

Склады располагались за городом, на территории бывшего пионерского лагеря, в глубине вековой березовой рощи. Когда-то, в летнюю пору, здесь звучали звонкие голоса детворы, весело вился на флагштоке кумачовый стяг с пионерской эмблемой, вечером вспыхивал большой костер, у которого звучали песни... Теперь ржавая колючая проволока перепоясывала лес в несколько рядов. Было мрачно, угрюмо и тихо. Лишь каркали вороны, да порой галки поднимали возню на деревьях. Их война не касалась.

Перво-наперво требовалось преодолеть проволочные заграждения. За внешним рядом тянулся второй, внутренний, он представлял главную трудность. Но все было продумано до ничтожных мелочей.

Часового сняли бесшумно, оттащили в сторону, а на его место мгновенно встал другой — очень похожий, даже ростом такой же, переодетый партизан. Так же беззвучно перерезали проволоку и ползком, так прижимаясь к земле, словно старались врасти в нее, проникли на территорию.

Замерли, чтоб отдышаться немного и дать сердцу успокоиться. Прислушались... Показалось: неподалеку пролаяла собака. Это был бы неприятный сюрприз! Нет, тихо...

Чисто разметенные дорожки вели вправо и влево; прямо впереди под навесами возвышались штабеля снарядов, мин, патронных ящиков, укрытых брезентом.

Теперь предстояло самое трудное — подорвать всю эту громаду молчащего, застывшего огня, да так, чтоб и самим успеть унести ноги. Наступила очередь Яранга. Именно он должен был переползти открытое пространство и подложить взрывчатку с адским

механизмом. Собаку меньше заметно, чем человека; да и заметят, так не сразу разберутся, что к чему. Мало ли их шляется — бездомных, голодных!

Была мысль обрядить Яранга в халат. Но, подумав, отказались: халат будет только стеснять, еще зацепится за что-нибудь. Пусть уж лучше так, в своем натуральном виде.

Тугой петельный намордник стягивал морду Яранга. Хоть умен Яранг, а все же собака, четвероногое, вдруг залает — пропали тогда все...

Теперь пора объяснить и назначение вьючка, который нес на себе Яранг вместе с парашютом, когда летел в самолете. Да вы уж, наверное, догадались: это было взрывное устройство с часовой машинкой. «Специальность подрывник» — помните? Не голыми же лапами он будет взрывать склад!

— Ползи!

Алексей снял намордник и пустил Яранга. Иди, голубчик!

Нервы напряглись до предела. Теперь, как говаривали в старину, либо грудь в крестах, либо голова в кустах... Хорошо, что утро пасмурное, легкий туман над землей... Только бы подольше не рассеивался!

Каждый шорох воспринимался, как нестерпимо громкий шум. Где-то за штабелями разговаривали враги, слышались шаги часовых. А вдруг скоро смена караула? Да нет, не должно. Взвешено, изучено, многократно обдумано все.

Не зря Надя обучала Яранга искусству ползания, не зря. Так хочется вскочить и во всю силу мышц опрометью броситься вперед, а вместо этого приходится животом проглаживать жесткую мерзлую землю, преодолевая сантиметр за сантиметром, да еще припадая к ней время от времени. «Ползи, ползи, Яранг, ползи, дорогой!» Может быть, это почудилось Ярангу? Или столь велика впечатлительность собаки, что и вдали от хозяина она слышит его голос? «Умница, умница! Ну, еще, еще немного...»

Двести метров, а как двести верст. По углам пулеметы в деревянных башнях, рядом казарма с многочисленной охраной. При первом подозрительном звуке, сигнале тревоги охранники высыпают, как термиты из убежища, такие же злющие, такие же белесые. И так же холода боятся, как те, подземные жители: чуть обдуло ветерком — пропали!

Сумеет ли Яранг проскользнуть под носом у всей этой своры и сбросить, где надо, свой огнеопасный груз?

Петр (они лежали бок о бок) тайком поглядывал на товарища: неужели тот и в самом деле уверен, что собака сделает то, за что в данном случае безнадежно браться человеку.

В памяти Петра все еще свежи были воспоминания о гибели его товарищей: Петр тогда едва спасся. Не пришлось бы и в этот раз уходить, как тогда! Но теперь у него роль посерьезнее. Если что-нибудь стряется с Алексеем, Петр должен был довершить начатое сержантом: Яранг его знает. Они взаимно страховали себя также и на случай ранения, иного несчастья.

Минуты тянулись как часы. На круглом лице Петра выступили крупные капли, будто роса перед жарким днем. «Это тебе не насекомых ловить да в формалин сажать!» — подбодрил он сам себя.

А вот Алексей никогда, пожалуй, не выглядел таким собранным и уверенным, как в эти непомерно тягучие, бесконечно долгие минуты. Иначе было нельзя: от его расчетливости и самообладания зависело сейчас все...

Первое время он видел собаку; потом Яранг растворился, исчез; но сержант словно сам полз с ним, сам ощущал и студеную землю, и каждый шорох, скрип, хруст подламывающейся тонкой льдинки, образовавшейся от ночного заморозка, тяжелое дыхание, вздымавшее бока, биение верного собачьего сердца...

«Умница, умница, — мысленно повторял Алексей. — Сделай все, сделай, как положено... Надежду спасем, твою хозяйку... Не подведи!...»

Пора! Свисток зажат в зубах. Тонкий, едва уловимый переливчатый звук походил на комариное пение. Его может слышать лишь самый острый слух, но Ярангу повторять не придется. Ведь собачье ухо воспринимает звук с гораздо большей частотой волн, нежели

человеческое.

Внезапно раздались грубые окрики, голоса, хлопнул винтовочный выстрел, за ним другой... Заметили! И тотчас показался Яранг. Прижав уши, он неся через площадь открыто, на виду у всех. Его присутствие обнаружено, теперь уже все равно. Он без вьюка! Значит, приказ все-таки выполнен. Только бы гитлеровцы не хватились раньше времени, не догадались...

Расчет был точен. Только одного не знали, а потому не могли избежать: пока готовилась операция, враги усилили охрану складов, сделав как раз то, чего больше всего опасался Алексей. Они учли, что русские не успокоятся, повторят свою попытку. И едва Яранг метнулся через открытое пространство, навстречу ему из-за угла высунулась острая овчарочья морда. Гитлеровцы в наиболее важных пунктах поставили четвероногих сторожей! И все должно было сорваться бы... Но...

Вот уж поистине слепая удача: эта была самка, сука! Кобели, конечно, сразу же воспылали бы лютой ненавистью друг к другу. А эта не стала даже лаять. Откуда ей знать, что Яранг и она — враги. Вместо того чтобы поднять тревогу, она завилыла хвостом. Она меряла своей, собачьей меркой, поступала по железному закону собачьего мира: он не обижает ее, она не лает на него. Яранг проследовал беспрепятственно. Соблазн был и для Яранга. А как же? Конечно! Однако он даже не остановился — его выучка оказалась лучше. Лишь на секунду повернул он в ее сторону голову. Яранг был уже за углом, а она, обернувшись за ним и застыв, все натягивала цепь.

Это было последнее препятствие. Дальше было уже несложно.

Яранг выполнил то, чего от него ожидали. Он подполз к основанию одного штабеля, повернул морду к спине, ухватил зубами кожаный бринзель, привязанный к вьюку с взрывчаткой, и дернул к себе. Запор открылся, вьюк свалился наземь, одновременно начал действовать часовой механизм.

Все было точь-в-точь, как у Динки, подорвавшей железную дорогу и мост, а — заодно и воинский эшелон, битком набитый гитлеровцами — свежим подкреплением фронту. Но у Динки было преимущество: она могла сразу же уйти из-под обстрела, спрыгнуть под откос — и в камыши, в реку. Яранг был лишен такого прикрытия. Его могли спасти лишь быстрота собственных ног, дерзость.

Застрочил пулемет. Пули взбили комки земли у ног собаки. Случись такое с человеком — был бы обречен. А Яранг? Он уже у дыры в проволоке, проделанной партизанами. Алексея и его помощника Петра нет. Исчез и фальшивый часовой. Ничего! Яранг помчался по их следам. Он едва успел достичь деревьев, как земля дрогнула, ударило в лапы, оглушило; что-то обрушилось на Яранга, смяло в комок, сдавило и бросило со страшной силой, оторвав от земли. Ломались, как спички, и падали деревья; сверху сыпались комья, ветки, щебень; подхваченный чудовищным вихрем, подобно фантастическому ковру-самолету, пролетел горящий брезент. Земля стала огнедышащей, жаром полыхало все, будто разверзся вулкан. К счастью, заслон из леса смягчил удар взрывной волны, приняв ее на себя; а сзади все рвалось и грохотало...

... Партизанский фейерверк удался на славу. Трудное, связанное со смертельным риском задание, полученное партизанами с Большой земли, было выполнено с минимальной затратой сил и без единой жертвы. Только Яранг ушибся, пока его перекатывало и бросало, как мяч.

Теперь скорее в город. Алексей представлял, какая поднялась там катавасия, едва послышались первые громовые раскаты и над рощей вздыбилась косматая туча огня и дыма.

Но правду молвил древний мудрец, сказав, что людям кажется, будто они управляют событиями, а в действительности события повелевают людьми. Воистину жизнь ежечасно подтверждает справедливость этих слов, хотя, быть может, не каждый пожелает согласиться с ними.

Когда Алексей Беянин со своей группой и героем дня Ярангом достиг городской окраины, первое, увиденное им, было расстроенное лицо вестового, мчавшегося навстречу.

Через несколько минут они уже стояли перед своим командиром Степаном Николаевичем Таланцевым. Командир был чернее тучи.

Городок находился в руках партизан. Операция и здесь прошла так, что лучшего желать было нечего. Выяснилось, однако, что на рассвете, как раз когда отряд выступил к городу, всех заключенных увезли в неизвестном направлении. Тюрьма и гестаповский подвал были пусты. Освободить и спасти было некого.

Глава 20. СОВЕТ

Опоздали! Эта мысль могла свести с ума.

Тут же, в разбитом, и испрострелянном здании бывшего гестапо, из которого еще не успели выветриться запах казенщины и пороховых газов, Степан Николаевич собрал военный совет.

Совещались стоя, никто не присел. На счету была каждая минута, секунда. Захватчики в соседнем районном центре могли хватиться и выслать помощь. Вряд ли миновал их ушей отдаленный гул взрыва. Да и перерезанная и молчавшая уже не менее часа телефонная связь не могла остаться незамеченной.

Нашелся житель, видевший, как увозили заключенных. Ему удалось подсмотреть, рискуя головой. По его словам выходило, что отправлялись машины с большой поспешностью, гитлеровцы были злые, подгоняли; однако вскоре грузовики вернулись обратно, и уже пустые.

Пустые? Это ударило, как громом.

Степан Николаевич поседел в это утро. Надя... единственная дочь... Что скажет жена, когда встретятся? Не уберег...

А может быть, угонят на запад, в Германию, или другое место, где оккупанты чувствуют себя в большей безопасности? Да нет, зачем обманывать себя... У ворот дома и во дворе уже толпится народ, родственники арестованных. Слышится плач, проклятия фашистским убийцам.

Но тут свидетель, уже пожилой и слегка глуховатый мужчина, дополнил показания, сказал, что грузовики прибыли совсем порожняком, даже без солдат охраны. Если бы арестованных расстреляли, конвоиры бы вернулись.

— Живы они! Честное партизанское, живы! — раздался внезапно голос.

Присутствующие, как по команде, повернулись в сторону говорившего. Все враз оживились.

— Что ты хочешь сказать, Денисыч? — спросил Таланцев, и у него в глазах мелькнула надежда.

— Распутица сейчас. А дороги наши — известно... Колесному транспорту не пройти. Застряли они, факт, всех высадили и дальше погнали пешком, а машины обратно вернули. Вот и весь сказ.

Слова Денисыча были бальзамом на душу. Ведь в самом деле, дорога — море воды и грязи. Недаром даже военные действия затихают иной раз в такую пору. Что, если так?

— Тут шофер один уцелел ихний, — подал кто-то голос из угла. — Прятался, сейчас нашли. Можно допросить...

— Шофер? Что же вы молчали? Давайте сюда!

Привели шофера. Вид помятый. Вложили, видно...

— Алексей, спроси его, далеко ли отвез арестованных, — предложил Степан Николаевич.

Алексей перевел. Немец что-то торопливо залопотал.

— До Кривой балки, говорит...

— До Кривой балки? Это где дорога спускается под гору? — показал он уклон жестом.

Лупоглазый пленный услужливо закивал:

— Их не расстреляли? Пиф-пиф? — Таланцев изобразил, как стреляют из ружья. Немец

торопливо задергал головой:

— Наин, найн! — и опять залопотал, торопясь чистосердечным признанием спасти себе жизнь.

— Говорит, доехали до Кривой балки, там застряли, еле потом вытащили машины. Наших дальше погнали пешком, а им приказано было вернуться назад.

— Кто конвоирует?

— Полицейские и охрана.

— Много?

Солдат назвал примерную цифру.

— Я что сказал? — вставил Денисыч. — Все точно!

— Так. До Кривой балки... — размышлял вслух Степан Николаевич. — Если дальше их погнали своим ходом, то... — Он посмотрел на часы и принялся высчитывать. — Очень далеко не могут уйти...

— Факт, не могут, — подтвердил Денисыч.

— Будем пытаться? — повел взглядом по лицам Степан Николаевич.

Решение было единодушным. Да и вопрос такой был не нужен: спасать или не спасать своих!

Тут же отобрали самых выносливых и быстрых на ходу. Денисыч взялся вести. Идти требовалось напрямую, без проезжих дорог, лесными тропами, чтобы предельно сократить путь, да поспешая так, чтобы пар из ноздрей! Иначе — бесполезно. Двигаться по дороге нельзя было еще потому, что существовала опасность нарваться на гитлеровские войсковые заслоны.

Степан Николаевич хотел сам возглавить отряд, но вдруг схватился рукой за грудь, краска отлила от лица. Сердце. Оно пошаливало еще с гражданской войны. Большая нагрузка выпала ему за последнее время. Чего стоило одно нынешнее утро!

Кто-то поспешно пододвинул стул, кто-то сбегал и подал воды. Отпив, Степан Николаевич распорядился:

— Приказываю: командиром — Белянин. — И добавил уже другим голосом: — Иди, сынок. Яранг с тобой?

— Да, конечно.

Алексей почти не расставался с Ярангом. Естественно, пес будет при нем и теперь. Ходок хороший.

— Ладно. Только, смотри, горячку не пори. Действуй осмотрительно. Людей береги.

Впрочем, это можно было и не говорить. Алексей в критические моменты всегда отличался рассудительностью.

Таланцев привлек к себе молодого сержанта. Скупое мужское объятие сказало многое, про что молчали слова. Уже давно они были как близкие, родные люди. Степан Николаевич смотрел на Алексея как на своего будущего зятя; Алексей, не имеющий близких родственников, видел в отце Нади своего отца.

Алексей понимал: или он спасет Надю и всех, кто находится с нею, или... Но о том, что произойдет, если им не удастся осуществить свой план, он не хотел думать.

Скоро столб пламени поднялся над двором бывшего гестапо. Горели подожженные грузовики. Партизаны не могли их взять с собой в лес, оставалось уничтожить. В пепел обратились также все бумаги — протоколы допросов гестаповских жертв, списки подлежащих аресту и просто взятых на подозрение.

Один документ партизаны прихватили с собой: это был список предателей. Для Таланцева он представил особый интерес: одним из первых там значился Крызин.

Через полчаса только пожар да трупы гитлеровцев напоминали о недавнем пребывании партизан в городе. Отряд заметно увеличился: в него влилось много горожан. За последними домами городской окраины они разделились. Одна группа пошла обратной дорогой к лагерю, другая, растянувшись цепочкой, двинулась за Денисычем. Следом за Денисычем шагал Алексей Белянин, рядом деловитой рысцой бежал Яранг.

Совершив в это утро один подвиг (если нам будет позволено так говорить о собаке), пес был уже готов к другому. Впрочем, разве он думал об этом? Ведь он только орудие, только пылинка в этом огненном вихре, который люди нарекли войной. И вряд ли когда-нибудь будет упомянуто об успехах и неосознанном героизме Яранга хотя бы в одной сводке, как не нашел в свое время официального признания подвиг Динки. Увы, таков удел собаки.

Глава 21. ЕЩЕ РАЗ О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ

Да, это был марш! Двигались, не останавливаясь, не давая себе роздыха на самое малое время. Влажным сделалось обмундирование, ворота гимнастеров липли к шеям, от людей струился пар, как от нагретой в жаркий полдень пашни.

Дело шло о жизни советских людей. Шло состязание со смертью. Ведь и рабство, каторга в гитлеровской Германии — тоже смерть, только более медленная.

Скорее, скорей!

Давно поднялось солнце и подходило к зениту. Парила на проталинах земля; птицы радовались наступлению весны, наполняя гамом и шумом лесные чащи. А люди с оружием шли, шли — сосредоточенные, суровые.

Денисыч — железный мужик. В годах, пятерых сыновей вырастил и в армию отправил воевать против «германов», а сам еще молодого за пояс заткнет. Он будто не чувствовал усталости, расстояние было ему нипочем. Денисыч превосходно знал родные места и вел по каким-то только ему известным признакам. Открытое поле сменилось смешанным лесом, лес — снова равниной; затем потянулись болота. Провалился по пояс один из партизан, провалился другой... Стоп. Больше дороги нет. Стали...

— Вали березы! — приказал командир.

Через два часа Денисыч, поднявшись на пригорок, покрытый кустами вереска, пригнулся и поманил к себе Алексея Белянина. Раздвинув ветки, показал: из-за поворота дороги медленно вытягивалась длинная скорбная вереница измученных мужчин и женщин, подгоняемых конвоирами...

Здесь мы должны сделать некоторое отступление.

Надю арестовали, когда она возвращалась с очередным донесением из леса.

До городской окраины ее провожал посыльный-партизан. Здесь они распрощались. Натянув сильнее платок на лоб и лицо, девушка шмыгнула за угол ближнего дома. Никаких компрометирующих документов при ней не было. Но уже одно то, что она шла так поздно вечером, нарушив приказ о комендантском часе, могло навести на подозрение. Только она хотела вздохнуть с облегчением, как в глаза неожиданно ударил ослепительный луч электрического фонарика и чей-то грубый голос приказал:

— Стой!

Надя замерла.

— Таланцева? Надежда Степановна? — сказал незнакомец. Она не видела его лица, только смутно чернел силуэт. — Да вы не трудитесь отказываться. Вот ваш портретик. Мы его бережем нежно...

В руках говорившего ловко, как у фокусника, скользнула фотографическая карточка и исчезла. Да, та самая, на которой Надя сфотографирована в день своего совершеннолетия и окончания школы. С ласковой дочерней надписью-посвящением на обороте. Она, она! Как она очутилась у этого проходимца? Надя еще не знала, что портрета уже нет на комод. Ночевала, ради предосторожности, у подруги, дома давно не была, а мать, как мы знаем, уже не могла оповестить ее.

— Что вам надо? — спросила девушка.

— А я тебя жду. Давно жду, когда свидимся... А ты об этом не знала? Не вздумай бежать, — угрожающе предупредил он, заметив инстинктивное движение ее тела,

откачнувшегося в сторону, и фонарь на мгновение высветил черный глазок и вороненый ствол браунинга. — И вообще от знакомых не бегают, невежливо, моя красавица...

Так она опять встретилась с «хорьком».

Крызин доставил задержанную в комендатуру и передал в руки оккупационных властей. До утра она просидела там на скамье, а наутро ее препроводили в тюрьму для подследственных. Надю бросили в сырой холодный подвал, битком набитый такими же жертвами, арестованными раньше ее. И потекли дни...

Спали на голом полу, на топчанах без матрацев по двое, по трое. Некоторые из заключенных уже не могли ходить от истощения и болезней, другие от того, что на допросе били по пяткам. Небритые, заросшие лица мужчин, дикие, страдальческие глаза истерзанных девушек, женщин... Все, кто так или иначе выражал неосторожно свое несогласие с новой властью, с порядками, принесенными гитлеровской ордой, попадали сюда рано или поздно.

Томительное ожидание чередовалось с вызовами на допрос. Время от времени очередную партию обреченных выводили, отвозили в лес, заставляли копать себе могилу и расстреливали.

Но почему пощадили ее, Надю?

Она ждала, что в ближайшие же часы после ареста ее вызовут, поволокут, будут допрашивать, бить, пытаться, угрожать, требовать, применят к ней самые изощренные методы, самые ужасные бесчеловечные пытки, а она будет упорно запереться и звука не обронит, не выжмут даже слезинки, не исторгнут крика.

Раз ее, действительно, вызвали, но допрашивали не очень строго. Правда, кричали, грозили, однако все на том и кончилось. Она ни в чем не созналась. Сказала, что хотела навестить больную подругу, потому и нарушила приказ о комендантском часе, а больше ни в чем не виновата. Подруга действительно болела — не уличат. А потом о ней как забыли.

Почему ее не убили, не замучили до смерти? Не отдали на растерзание пьяной солдатне? Ведь с партизанами, подпольщиками, активными борцами против фашистского режима гитлеровцы не церемонились. Как ей удалось уцелеть в то время, когда многие и многие платили своей жизнью? Надя терялась в догадках.

Первое время она решила, что просто не до нее: гестаповская мясорубка не успевает проворачивать добычу. Но проходили дни за днями, неделя за неделей, а все оставалось по-прежнему. Уже многие легли в могилу, многие пришли на их место в тюрьму, чтоб спустя сколько-то лечь рядом с первыми... Может быть, ее не считают опасной, вредной? Почему сохраняют ей жизнь, комсомолке, дочери партизана Таланцева, одно упоминание имени которого вызывало приступ ярости у гитлеровцев?

Надя ждала, что ответ на вопрос даст Крызин. Зловещее выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Но сперва он совсем не показывался, не подавал никаких признаков своего присутствия. И, пожалуй, это было даже хуже.

Это был излюбленный прием Крызина — воздействовать на психику, мучить неизвестностью, ощущением полной безвыходности и беспомощности. Он и с Ярангом поступал точно так же.

Потом, видимо сочтя, что нужное воздействие достигнуто, первичная «обработка» в достаточной мере лишила пленницу способности к сопротивлению, подорвала ее дух, Крызин начал появляться чаще и чаще. Теперь он гипнотизировал ее своим видом. Прохаживался, иной раз окидывал многозначительным взглядом.

Изредка в тюрьме появлялся начальник следственной части, плотный низенький немец с жесткими глазами. Тюрьма сразу наполнялась стуком подкованных сапог, бряцаньем отмычек и отпираемых запоров, отрывистыми, резкими выкриками команд. Тогда Крызина было не узнать. Он лебезил перед коротышкой, угодливо смотрел в глаза, старался угадать каждое его желание.

Надя ждала: вот теперь, сейчас... Ее опять не трогали.

Ох, как она ненавидела в такие минуты всю эту нечисть — и толстого немца, и фальшивых маленьких людишек, пребывавших при Советской власти где-то в невидимках, а

ныне переметнувшихся на сторону врага, всех этих крызиных, всю эту нелюдь, как метко окрестил их однажды партизанский мудрец Денисыч! У них даже и имен-то не было обычных, человеческих, а все какие-то прозвища. И как она была горда тем, что на каждого такого Меченого, Мишку Кривого или Олексю Смурого приходится тысячи, сотни тысяч честных людей, оставшихся верными Родине, несмотря на все испытания и муки. Многое передумала за эти недели Надя. Только теперь она могла сказать про себя, что стала действительно взрослой, научилась **быть взрослой**.

— Ну-те-с, как чувствует себя гражданка Надежда Степановна? — обратился как-то к ней Крызин и почти отскочил, подался назад, увидев ее горящий взгляд. — Тэк-с, тэк-с. Все еще не обломались, моя красавица?

«Моя красавица» — это стало его обычной формой обращения к ней. И оказалось, что то была вовсе не издевка, вернее, не только насмешливость злобного паясничающего существа. Со временем страшный истинный смысл открылся Наде: Крызин был неравнодушен к ней. Он берег ее для себя!

Любовь негодяя — что может быть отвратительнее и постыднее для девушки? Да и можно ли было называть это любовью — таким чудесным, чистым, светлым словом?

Сделанное открытие повергло Надю в такой ужас, что в порыве отчаяния она стала искать способ разом покончить со всеми переживаниями, освободиться от всего. Но вскоре в ней заговорил другой голос, ей стало стыдно, приступ малодушия прошел.

... Это правда, что страдания закаляют. Только слабый в испытаниях сгибается и падает: сильный становится крепче. Надя оказалась сильной. Она хотела быть сильной и стала сильной. Можно сказать, Крызин, сам не желая того, помог ей обрести твердость духа, которую она начала было утрачивать, сам вложил оружие в руки и тем дал возможность продолжать сражение, выйти моральной победительницей из неравной борьбы.

Если Алексей разбудил в ней любовь, дремлющую в каждом живом существе, то Крызин научил ненавидеть.

Крызин надеялся когда-нибудь склонить ее на свою сторону, если не добром, так худом — угрозами, запугиваниями, страхом смерти, но пробуждал лишь чувство гадливости, омерзения. Каждый раз, когда он появлялся в камере и его бегающие запавшие глазки быстро скользили по ней, как бы ощупывая всю, ей казалось, что она окунулась во что-то липкое, скользкое, поганое.

Но, как бы там ни было, неизменное чувство Крызина пока берегло от беды. Он не сказал про нее всего, что знал. Но слишком долго так продолжаться не могло. Постепенно он начал делать намеки, унижительные попытки заигрывания. То предложит вывести на прогулку в такое время, когда другим заключенным запрещено; то, будто невзначай, обмолвится, как она будет жить, если примет его ухаживания, прислушается к советам, «проявит чуткость»... «Чуткость!» Она — к нему?!

И все-таки это было очень страшно. Даже ночью ей теперь снилось ненавистное лицо, хищное, с маленькими буравящими и бегающими глазками, перерезанное глубоким шрамом (все-таки здорово отделал его Яранг). С диким зловещим хохотом, искаженное, оно надвигалось, приближалось к ней почти вплотную: слюнявые губы, вытягиваясь до бесконечности, тянулись к ее губам... Надя вздрагивала и пробуждалась в ужасе.

«Надейся, Надейка... Найденыш...» — ободряла она себя, перебирая ласковые имена, которыми наделял ее Алексей.

Если б молния и гром внезапно поразили Меченого!

Раз он попробовал пойти напролом, грубо облапил ее. Она вlepила ему звонкую пощечину, и он ощерился, зло, как хорек:

— Погоди, недотрога! В Германию попадешь, не то будет...

Как он не прибегнул к самым крайним мерам, не отважился на самую последнюю подлость и не воспользовался преимуществами своего положения, Надя не понимала и лишь благодарила судьбу. Очевидно, даже у самых конченных типов все же есть своя мера гнусности.

А что касается Германии...

Неужели ее ждет эта участь?

Когда в холодноватое раннее апрельское утро их всех стали выгонять во двор, строить в длинную шеренгу, пересчитывать и перекликать, а потом приказали быстро занимать места в черных грузовиках, она ничуть не удивилась. Она ждала этого. Ждали все.

Их отвезут на железнодорожную станцию. Там загонят в вагоны для скота... Прощай, Родина...

Но машины направились не к вокзалу, не на сортировочную станцию, а повернули за город.

Рокотали грузовики. Тупо уставясь перед собой, будто не живые думающие существа, а бесчувственные обрубки, сидели, обнявшись с винтовками, солдаты-охранники... Но родная земля противилась тому, чтоб ее сыновей и дочерей везли куда-то в неизвестность. Не проехав и десяти километров, машины застряли. Вражеская техника вообще плохо чувствовала себя на русских просторах. Побившись с полчаса и убедившись, что с бездорожьем не совладать, немцы приказали арестантам сойти и дальше идти пешком...

Глава 22. СХВАТКА У МОСТА

Впереди был мост, под ним река с медленно плывущими по ней льдинами. В разгаре ледоход. Зима отступала по всем пунктам.

Дорога на подъеме к мосту суживалась, лес подступал здесь ближе, колдобин и жидкой грязи под ногами было больше. Пленники скользили, падали. Упавших спешили поднять товарищи. Промедление грозило обессилевшему смертью.

— Шнелль, шнелль! — грозно кричали конвоиры, раздавая удары прикладами направо и налево.

— Шагай, сказано! — вопили полицаи. Они усердствовали еще больше гитлеровцев.

Если бы конвоиры были повнимательнее, они заметили бы, как быстро снялась с вереска стая чечеток и, затрещав, затараторив что-то по-своему, перенеслась на другую сторону пригорка. Но подозрительность врагов не пробудилась, и они не догадались, что совсем не ветер шевелит ветки кустов, сбегавших дружной толпой по склону... Слишком были заняты тем, чтобы ускорить застопорившееся движение.

План нападения созрел мгновенно, при первом же взгляде на колонну. Бить в хвост и в голову. Отрезать для врагов все пути отступления, пусть не уйдет ни один. Сложность была лишь в том, как бы не подстрелить своих. Поэтому Алексей распорядился, чтобы первыми открыли огонь лучшие стрелки, а после, когда гитлеровцы разбегутся, уже вступили в бой остальные.

Вот только мост... С той бы стороны засаду! Но времени уже не оставалось...

Алексей как предчувствовал, что мост этот, обыкновенный, какие бывают на проселках, с дощатым настилом на бревенчатых сваях, с тупорылыми ледорезами, сыграет с ними злую шутку.

— Пора! — шепнул Петр. По круглому заветренному лицу его с крупными рябинками уже опять катились капли-росинки.

— Погодь, — отозвался Денисыч. — Тут надо с умом, не то людей побьешь...

— Спокойно, спокойно, товарищи, — негромко проговорил Алексей.

«Спокойно», а самим владело такое нетерпение... Ведь где-то там, на дороге, находилась его Надя! Он не мог распознать ее в толпе, но сердце не обманет.

— Без команды не стрелять! — передал Алексей по цепи.

— У-у, гады, гляди, как хлещут! — переговаривались вполголоса партизаны, глядя на происходившее на дороге. — Хоть женщин-то пожалели бы...

— Измываются. Думают, их взяла...

— Сейчас узнают... почем дробь в печенке!

— Внимание! Приготовиться!

Первые же выстрелы сразили несколько охранников впереди и сзади колонны. С криком «Ура!», продолжая стрелять на бегу, партизаны посыпались вниз по пологому скату к дороге. Их появление вызвало переполох, на который они и рассчитывали.

Пожалуй, наиболее яростное сопротивление оказали полицаи. Они понимали, что уж им-то не будет пощады. Но все равно, один за другим умолкали автоматы конвоя, чтоб через малую долю времени заговорить вновь, уже в других руках: пленные не дремали и немедленно включались в сражение, откуда силы брались. От мужчин не отставали и кое-кто из женщин.

Петр, присев за бугорком, тщательно выбирал цель и нажимал на спусковой крючок. Сейчас он волновался не больше, чем если бы был в тире. Приходил военный опыт...

Алексей лихорадочно искал глазами: где Надя?

И вдруг увидел: в нее целил из автомата охранник.

— Надя, падай!

Конечно, его крик дошел бы до нее слишком поздно. Но у охранника кончились патроны, это спасло девушку. Отшвырнув автомат, он выхватил пистолет. Охранником был Крызин!

Крызин, конечно, не мог оставить Надю. Она не пожелала быть его, не покорилась — тогда он сам будет сопровождать девушку в ее скорбном пути. Он хотел насладиться хотя бы этим. А потом, кто знает, не передумает ли она перед страшной перспективой, не сделает ли шаг назад, к нему... Предатель и подлец понимал мотивы только одних поступков: поступков страха, подлости, предательства.

Увидев, что дело проиграно, он решил застрелить Надю. «Ни мне, ни другим». И тут, словно из-под земли, перед ним возник Яранг. Когда Алексей спустил его с поводка, пса не надо было натравливать: он ненавидел форму гитлеровцев и отлично разбирался, где друзья, где враги. Вновь его морда оказалась в непосредственной близости от лица исконного врага, и тот, узнав Яранга, понял, что пес ничего не забыл и не простил.

От неожиданности Крызин забыл про пистолет, но инстинкт жизни все же спас его в это мгновение. Он так ударил ненавистное животное в брюхо, что Яранг отлетел в сторону.

Крызин бросился на мост. Спасение там — на другом берегу. Выстрелом свалил гнавшегося за ним партизана. Но тут за его спиной снова оказался Яранг. Крызин слышал его жаркое учащенное дыхание. Взвилось в прыжке тело собаки. Пистолет почему-то перестал действовать, или Крызин не заметил, как разрядил его. Обернувшись, он со страшной силой ударил рукояткой револьвера пса в морду и, перемахнув через барьер, прыгнул вниз, в холодную свинцово-темную воду, по поверхности которой ползли, сталкиваясь, величаво-спокойные, шершавые льдины...

Удар отбросил Яранга назад. Брызнула кровь. Но в тот же момент он был у края настила. Секунду всматривался в реку, ища своего врага, и прыгнул вниз.

Схватка заканчивалась. Уже обнимались радостно освобожденные. Со всех сторон неслись возгласы ликования. Собирали оружие. Неподвижными обмякшими кулями лежали мертвые тела гитлеровцев.

На минуту Алексей забыл о Наде. Теперь ничто не угрожало ее жизни. Яранг же... Голова его несколько раз показалась между льдин. Вот-вот они накроют ее или сдавят, сплюснут, как яичную скорлупу...

Алексей прыгнул на льдину. Она закачалась под его тяжестью. А он уже был на другой, на третьей...

— Яранг, ко мне! Ко мне! Плыви сюда!

Распластавшись, Алексей ловко ухватил Яранга за крепкий ошейник и вытащил на льдину. Добраться до берега было уже делом нескольких секунд, хотя подтаявший и прострелянный солнечными лучами лед обкрашивался и ломался под ногами.

Но где их враг Крызин? Очутившись на берегу, неугомонный Яранг кинулся за уплывающими льдинами. По пятам собаки побежал Алексей, потом Петр, другие партизаны. Но напрасно всматривались они в реку, щупали глазами каждую черную точку, бугорок,

пятнышко. Крызин сгинул, будто и не было его вовсе. Скорее всего утонул.

— Яранг, милый!

Надя, плача, обнимала собаку. Все было как в сказке: Яранг, Алексей, чудесное спасение...

Никогда не задавалась Надя вопросом, уча Яранга, кому и где пригодится ее труд; вышло так, что прежде всего он послужил спасению ее самой! Вот так получается иногда!

— Надя!

— Алеша!

Застенчиво взявшись за руки, они узнавали друг друга. Как изменился, повзрослел, возмужал Алексей... А Надя! За три месяца изменилась так, что смотреть тяжело. В чем душа держится. Руки тонки, как у ребенка. Только глаза вот совсем не детские, не прежние. В них еще свежа мука пережитого.

Но на войне так мало места для счастья. Над ними висела опасность — могли нагрянуть фашисты. Надо было срочно уходить. И прежде всего заняться Ярангом.

Пес как обезумел от радости. Крызинский удар пистолетом пришелся прямо по пасти, сломал клык. Но Ярангу сейчас было не до этого. Он визжал, он терся о Надю, отряхивался от воды и снова терся, визжал.

Понаблюдайте, как радуется собака. Она трепещет вся. Вся жизнь ее, все ощущения — в этой радости. Если бы кто-нибудь мог сказать, что в те минуты было у Яранга в голове: может быть, проносились картины прошлого: как ходили по буму с хозяйкой, вместе «грызли гранит науки», хозяйка — свой, пес — свой. А потом проба на задержание... Крызина, скажем. Помните пленницу? Ну, а попрактиковаться в задержании всегда приятно, потому что тут можно пустить в ход зубы. А какое удовольствие после трудов праведных полежать на подстилке в углу и, звонко щелкая челюстями, сосредоточившись, как для очень ответственной работы, поискать блоху, забежавшую невесть откуда в чистую мягкую псовину! А пришла хозяйка — бросить все и опять кинуться к ней, как будто не видались век... Последите, попытайтесь представить, а еще лучше собственными глазами увидеть все это, и тогда вы поймете, сколько жизни, тепла, прелести и неподдельной ласки в существе, называемом собакой.

Вероятно, кто-то подумает, что сейчас не время предаваться воспоминаниям? Но известно, что воспоминания возникают чаще всего в самый неподходящий момент, повинуюсь каким-то своим законам... Разве есть у воспоминаний свое, специально отведенное для них время?

Надя сама забинтовала морду Яранга. Теперь он был беззащитен, но кругом находились друзья. Кровь шла так обильно, что повязка вскоре набухла и ее пришлось сменить. Бурная веселость Яранга исчезла, он заметно поскуцнел, наверное, раненая десна сильно болела, однако все так же признательно-преданно поглядывал то на Алексея, то на девушку. Казалось, пес хотел сказать, как счастлив оттого, что они снова вместе, и как благодарен им за это, хотя, пожалуй, в первую очередь заслуживал благодарности он сам...

Глава 23. «ЗОЛОТОЕ ОРУЖИЕ» ЯРАНГА

Дорогой, славный Яранг!

Теперь понятно, какие чувства должны были питать эти люди к собаке, почему после встречи Алексея и Яранга на вокзале Надя без конца повторяла псу «милый», «хороший», а Елена Владимировна, обращаясь к четвероногому, называла его не иначе, как «Ярангушка, дорогой».

И в самом деле, после всего что было, как не благодарить Яранга, не называть его ласково. Теплом своего тела он спас Елену Владимировну в тот момент, когда ей уже грезились последние сны, за которыми полный мрак, пустота, небытие. После, едва живую, ее доставили к партизанам, а потом переправили через фронт в глубокий тыл, на Урал, где она и находилась вплоть до освобождения родного города от захватчиков. Если бы не Яранг,

лежала бы Надя с простреленным сердцем...

— Помнишь, помнишь! — тормошила Надя Алексея, и снова начинались воспоминания. — Помнишь, как ты на руках нес меня, когда я не могла перейти болото?

— Ослабела. И страшная же ты тогда была...

Оказывается, он все же заметил!

— А помнишь, как я наелась и уснула тут же, у костра, а ты укрыл меня полушубком и потом не давал никому будить... Охранял, как Яранг! Ты привалился с одной стороны, а Яранг с другой. Мне было тепло-тепло. А потом я проснулась и страшно испугалась: решила, что попала в берлогу к медведю...

— Ты и была в берлоге, только не в медвежьей...

«Помнишь!...» Разве забывается такое?

Но мы немножко забежали вперед. Вернемся к Ярангу. Все-таки, как-никак, он главный герой нашего повествования; не будь его, не было бы многого из того, о чем здесь рассказано.

Мы расстались в последний раз с Ярангом на лесной партизанской дороге, со сломанным клыком и кровоточащими деснами.

Зубы — оружие собаки. Служебная собака, утерявшая клыки, утрачивает почти всю ценность. Сам не предполагая того, Крызин рассчитался с Ярангом очень здорово. Однако счеты между ними не были кончены.

Мог ли примириться с потерей своего друга-соратника, друга, делившего с ним все тяготы походной жизни и превратности судьбы, сержант Белянин? И вот, если нам последовать за ними далее по ходу событий, мы увидим не совсем обычную сцену.

Яранг-в зубо-врачебном кресле, не в том, правда, которое он когда-то держал в осаде, но точь-в-точь таком же. Наш четвероногий герой в полевом госпитале. Пес сидит торжественно и недвижно, как истукан. В его раскрытой пасти ковыряется инструментом армейский зубной врач. О, да он тоже знаком нам! Ведь это его вместе с лечащимся больным заблокировал тогда Яранг... После своего побега вместе с Еленой Владимировной и другими узниками доктор уже не вернулся домой; он попросил зачислить его в действующую армию, хотя возраст его был далеко не призывной. Теперь он уже не боится и не проклинает Яранга; как говорится, кто старое помянет...

Более того, теперь ему даже приятно лечить Яранга: как-никак, сосед, звено, связывающее с мирным прошлым, с оставленным домом... И пес — не пес, а чудо, сколько разговоров о нем в батальоне. Врач даже гордился, что ему выпала честь лечить такого необыкновенного пациента. Десны зажили, теперь они не кровоточат, к ним можно прикасаться. Пасть придерживал Алексей. Командование вняло его ходатайствам и рапортам: Ярангу надевают золотую коронку на сломанный зуб...

«Собака — и вдруг золото?!» Я уже вижу, как недоумевает один из моих читателей: зарпортовался, товарищ писатель! И вовсе не зарпортовался. Все происходило так, как написано.

Конечно, в мирных условиях на починку собачьего зуба пошла бы нержавеющая сталь: и подешевле, и покрепче, наверное. Но ведь война! Война! Где тут взять нержавейку, когда только что откипел смертельный бой? «А где золото?» — скажете вы. Действительно, когда стало известно, что Яранг нуждается в ремонте, сперва возникла некоторая растерянность: придется отправлять в тыл... Но тут один из бойцов, из числа многочисленных друзей и приверженцев Яранга, проведая, в чем затруднение, немедля заявил: «Золото? Да его сколько хошь достанем!» — «Где?» — «Где? — боец усмехнулся. — Там, где есть!» И — чего не бывает! — принес. Он был отличным разведчиком, имевшим на счету немало «языков», и тотчас «отправился на промысел» («золотишко мыть», как выразился он: парень был с Урала). К вечеру уже приволок неосторожного гитлеровца в траншею, предложил проверить его карманы. И точно — среди прочего добра — часов, цепочек — в мятой бумажке оказалось и золото: кулон, золотое кольцо. Снял с кого-то и собирался отослать жене или

матери. «Они же не могут жить без этого, хапуги, за тем и на войну пошли, — объяснил разведчик. — Держи, дружище Яранг. Это тебе. Заслужил!»

Яранг в кресле вел себя совершенно благопристойно, ни разу не огрызнулся, не попытался угостить добряка эскулапа другими, уцелевшими клыками... Только кряхтел и сопел, когда дьявольская бор-машина трещала, ворочалась у него в пасти, сотрясая мелкой дрожью голову...

Сеансов было несколько. И вот в пасти засияла золотая коронка. Золота, конечно, потребовалось значительно больше, чем на обычную человеческую, но разве Яранг не заработал его! Спрыгнув с кресла, пес весело помахивал хвостом, всем своим видом выражая удовольствие, что неприятная процедура окончилась. Врач дружески похлопал овчарку по боку: «Ну, приятель, теперь у тебя снова все в порядке, можешь опять сражаться с врагами!» Яранг поскреб лапой по морде (мешает с непривычки), да скоро и забыл о новом зубе.

— У тебя теперь золотое оружие, — шутили бойцы части, уважительно заглядывая собаке в пасть.

Ведь бывает за отличие и заслуги золотое оружие у людей.

Им награждают самых выдающихся и неустрашимых бойцов. Пожалуй, Яранг, и вправду, заслужил его.

Яранг — Золотой Зуб. Отныне такое прозвище прочно пристанет к нему. В нем два смысла: один буквальный, другой... Ведь война еще не окончена, впереди у собаки большой путь, тяжелый ратный труд. И, следуя за потоком событий, мы, как на киноленте, видим эпизоды этого пути. О них поведал Алексей Белянин в свободные часы своим друзьям и родным, вернувшись, увешанный наградами, домой...

... Алексей с Ярангом уходят в разведку. Они ползут, стараясь незамеченными проникнуть в неприятельское расположение, и неожиданно натываются на засаду. Враг заносит винтовку над сержантом, сейчас размозжит голову прикладом. Опережает Яранг. Собака прыгает, враг падает... И вот уже сержант под надежным конвоем овчарки ведет «языка» в свой штаб.

... А вот они едут на броне танка...

... Они снова с друзьями-партизанами. Выполнили очередную диверсию, спасаются от погони. На пути трясина. Алексей с Ярангом, отделившись от остальных, пробуют обойти ее стороной. Свесив из пасти длинный язык, Яранг семенит неподалеку от своего проводника... Вдруг — бах! Летят брызги вонючей, пахнущей гнилью жижи; сержант тонет, трясина быстро засасывает его... Погрузился уже по шею. Но он не закричит, нет! Закричишь — наведешь на след гитлеровцев, погубишь товарищей. Широко раскрытым ртом он судорожно ловит воздух...

Внезапно кто-то метнулся к нему. Алексей слышит жалобное повизгивание. Яранг! Преданный пес вертится на кочке, стараясь дотянуться до хозяина, понимая, что тот попал в беду.

— Яранг, апорт, апорт! — тихо командует проводник.

Пес бросается на поиски апорта. Он хватает сломанное деревце с обломанными сучьями и, волоча его, бежит назад.

— Дай, дай! — с трудом говорит Алексей: вода уже у рта.

Деревце падает в болото. Алексею удается дотянуться до него. Он держится за один конец; упиравшись лапами в кочку, Яранг что есть мочи тянет к себе другой.

Белянин выбрался из трясины. Вскоре подоспели боевые друзья. Однако, если бы не пес, их помощь, пожалуй, уже не понадобилась...

... А вот они простились с партизанами, опять в своей части, специальной технической части особого назначения...

... Сменяются времена года. Советские бойцы в белых маскировочных халатах, на лыжах, и собаки — тоже в халатах, впряженные в легкие санки на широких полозьях, где пулеметы, боеприпасы, продукты, — направляются по снежной целине среди мелколесья в глубокий рейд по тылам противника. Среди уходящих — Алексей и Яранг...

... Весна, ледоход. Алексей и Яранг в утлой лодчонке, сжимаемой со всех сторон плывущими льдинами, под обстрелом неприятеля форсируют реку. Разрыв снаряда — лодка опрокидывается. Среди движущегося поля льда две черные точки — голова собаки и человека. Лыдина ударяет сержанта. Он тонет. Яранг устремляется к проводнику, и с его помощью Алексей благополучно добирается до берега... Сполна отплатил Яранг за свое спасение у моста после схватки с Крызиным.

... И новый выход на диверсию. Основная служба Яранга! На сей раз надо взорвать плотину, по которой почти круглосуточно движутся вражеские войска. Идут танки, пушки, бронетранспортеры, зенитные установки... А под откосом, прижимаясь к основанию насыпи, незаметно крадется собака со знакомым вьючком на спине...

Сегодня Яранг не один, их двое, четвероногих подрывников, как должно было быть и тогда, когда он взрывал склад боеприпасов. Сброшены оба тючка, скорей назад. опередив напарника, Яранг первый достигает уреза воды, бросается в реку, плывет... И тотчас — взрыв. Рушатся в воду бронемшины и танки, словно соломинки взлетают вверх фигурки в серо-зеленых мундирах. Начинается отчаянная стрельба...

Вражеская пуля настигла вторую собаку, пес скатился по откосу уже мертвый. А Яранг все плывет. Вокруг падают обломки, река кипит, как вода в котле. Наконец он в безопасной зоне. Но сзади поднимается яростная стрельба: гитлеровцы преследуют по пятам. Проводник ждет Яранга. Берег здесь крутой, обрывистый, собаке не взобраться. Алексей бросает конец веревки, Яранг хватает его зубами и, сверкая золотым искусственным клыком, повиснув на веревке, выволакивается наверх...

О, Яранг! Он весь как золотое оружие — золотое оружие сержанта... Виноват. Уже не сержанта, а старшего сержанта. Идет время — прибавляются отличия, и все, все они добыты в тяжком ратном труде с помощью Яранга.

О, Яранг! Вековой отбор, а затем старания сначала Нади, потом Алексея сделали тебя таким, выработав то, что не поддается измерению никакими точными приборами и что люди называют умом. «Умный пес!» — говорили теперь про него в штабе, где разрабатывались планы очередных наступательных операций.

... А вот час затишья. И, сидя у походной палатки, вперив неподвижный взор во что-то перед собой, напевает задумчиво Алексей Белянин на какой-то только ему известный мотив:

У меня есть собака.
Значит,
У меня есть кусок души...
Зовут ее —
Яранг — Золотой Зуб...

Это уже не совсем перевод с испанского. Это вольная интерпретация стихов, и в ней — затаенные чувства Алексея.

Поет он о собаке, а видит Надю, родные места. И, кажется, тем же полны думы Яранга, лежащего около Алексея...

А где-то Надя точно также думает о них...

... Но не надо грустить, хватит. Окончен великий героический поход. Грохочут залпы салюта Победы, рассыпаются в московском небе каскады разноцветных праздничных огней, ликует Москва — столица Родины. Капитулировал враг.

По Красной площади проходят строгие шеренги победителей, полощутся алые стяги, падают к подножию Ленинского мавзолея знамена разгромленных фашистских полков и армий.

На площадь выходит колонна бойцов с собаками. Они идут в общем строю. Четвероногие — на параде! Так и хочется увидеть среди них Алексея Белянина с Ярангом. Но их нет. Они еще далеко — в Германии, на берегу Эльбы...

Какой огромный и тяжкий путь остался позади!

Глава 24. ПО ТАИНСТВЕННОМУ СЛЕДУ

Но что теперь зачуял Яранг? Надо же! В первые минуты возвращения на родную землю вдруг показал свой нрав, отказался повиноваться, что с ним случилось не часто, и — держи его, ветер!

... Город. По улице бежит громадная собака-овчарка. У нее такой грозный вид, что прохожие испуганно шарахаются, стараясь избежать встречи с нею, не попасться на глаза. Может быть, бешеная! Очень часто люди не понимают побуждения животных и готовы приписывать им самое дурное...

Собака бежит, не обращая ни на кого внимания. Ее будто совсем не касается движение автотранспорта, гудки клаксонов, свистки постовых милиционеров, говор и шум толпы.

Не отрывая носа от асфальта, торопится догнать кого-то Яранг. Лавирует среди трамваев и автобусов. Пересекает центральный проспект, тянувшийся через весь город. Вот он перебежал трамвайный путь почти перед самым носом вагоновожатого. Наперерез — автомашина... Хорошо, что шофер успел затормозить! Взвизгнули тормоза, машина осела на рессорах... Что за сумасшедший пес лезет под колеса!

А Яранг, не оглядываясь, торопится дальше, дальше...

Он зачуял чей-то след. Но чей?

Шерсть у пса на загривке взъерошена, оскал морды злой, озабоченный, — испугаться его совсем не мудрено. Кто знает, что у него на уме. И вообще с овчарками шутки плохи.

На трамвайной остановке пассажиры садятся в вагон. Последним вскакивает на подножку низенький щуплый мужчина в кепке и мятой одежде, мешковато сидящей на нем. Трамвай тронулся.

У остановки появился Яранг. Он добежал до нее и, распугав ждущих другого трамвая, растерянно закружился на месте. Но так было пять-десять секунд, не более. Подняв нос кверху, пес втянул ноздрями воздух, удостоверился, что след не потерян, и устремился вдоль рельсов.

За кем он гонится? Кого хочет поймать?

Все станет ясно, если неизвестный, стоящий на задней площадке прицепного вагона, повернется к нам лицом: на щеке у него — глубокий шрам.

Мог ли Яранг не узнать запах человека, ненавистнее которого не существовало никого и ничего в целом свете! Ведь это же опять был он, тот, кто принес ему и близким для него людям столько несчастий! Молекулы запаха его словно застряли у Яранга в носовых проходах, въелись в поры их и не давали спокойно жить, дышать. Снова вспыхнула и заговорила с небывалой силой прежняя неутоленная ненависть...

Через заднее стекло вагона были хорошо видны блестящие нитки рельсов и большая, похожая на волка, собака, бегущая между ними. Она догоняла трамвай.

Человек со шрамом стоял вполоборота к заднему стеклу и вдруг, вздрогнув, повернул голову и впился глазами в собаку. Неужели он узнал Яранга?

Ненависть, раздражение и беспокойство промелькнули в узких бегающих глазах. Расталкивая пассажиров, он стал быстро проталкиваться вперед, к выходу, а голова нет-нет поворачивалась назад. Пробившись к передней двери и держась за металлический поручень, он размышлял, что ему следует предпринять дальше. Соскочить ли на ходу (но, пожалуй, это будет еще хуже: как раз попадешь в зубы) или, улучив момент, быстро перебраться на ближайшей остановке в другой транспорт. Последнее явно предпочтительнее.

Даже если это не проклятый Яранг, безразлично. Овчарок он терпеть не может. Лучше не попадаться им.

В этот момент поток машин преградил путь собаке. Трамвай успел проскочить, а затем, по сигналу регулировщика, наперерез Ярангу рванулся один автомобиль, другой... Пес заметался, ища лазейки между ними, но прошмыгнуть не удалось. Пришлось терпеть и ждать. А трамвай уходил дальше и дальше и скоро скрылся за углом. Когда Яранг добежал

до конца квартала и повернул за угол, его и след простыл.

Глава 25. КОГДА В ДОМ ПРИХОДИТ МИР...

— Странная выходка, очень странная, — говорил Алексей, выражая собаке всяческое недовольство ее поведением. Ну, в самом деле: осыпал его Яранг, отказавшись слушаться.

Яранг прибежал домой, когда обеспокоенный Алексей уже хотел идти заявлять в милицию. Пес вернулся сам, не забыл дорогу к дому. И теперь, как ни в чем не бывало, помахивал хвостом, поднимая ветер. Но что-то в его поведении было не таким, как всегда. Впрочем, разве и весь он не другой, он, прошедший войну?

Надо было видеть ликование соседских мальчишек, когда они узнали о возвращении Яранга с фронта. Они явились целой толпой и осаждали расспросами.

— Это Яранг? Да? Яранг?

— Яранг вернулся?!

— А его можно погладить? Он не укусит?

«Да, да, да», — без конца повторяла Надя. Ненадолго они утихали, а через минуту начиналось снова:

— А почему у него зуб золотой?

— А ты что, не знаешь: заболел, вот и вставили золотой... Золотой — крепче!

— Ну да! И вовсе не заболел! Его в бою ранили, дядя Алеша рассказывал, отправили в госпиталь, а там ему врач и сделал золотой зуб...

— А он ему не мешает?

— А твоему дедушке не мешает? Он целую челюсть вставил...

— А если еще будет нужно, ему опять вставят?

Ну, беда, просто невозможно ответить всем сразу и невозможно слушать без улыбки. Вот уж истинно почемучки!

— Золотой! Вот здорово! Тетя Надя, покажите!

И Надя в который уже раз открывала пасть Ярангу. Ребята заглядывали и, уважительно качая головами, отходили удовлетворенные. Теперь можно было ожидать, что скоро в городе появится много Ярангов — дворняжек, породистых, безразлично каких. Важно, что — Яранг! (Когда-то, перед войной, чуть ли не все собаки стали Джульбарсами, после того как ребята посмотрели фильм про пограничников «Джульбарс».)

А чего стоила встреча с Апельсином. Да, Апельсинка был жив и, как прежде, такой же чистый, пушистый, такой же охотник понежиться и поспать. Соседи пригтели его, пока отсутствовали хозяева.

Рыжий кот сидел на крыльце, когда инстинкт безошибочно привел овчарку к знакомому дому с палисадником. Завидев собаку, кот взерошился, зашипел и приготовился драться. Приготовился к атаке и Яранг. Да это же старина Апельсин! Яранг первым узнал приятеля. Но забияка-кот еще долго топорищился недоверчиво и пышкал, если пес слишком уж бесцеремонно начинал обращаться с ним; несколько раз даже выпустил когти и только к концу дня наконец окончательно признал собаку, подошел и, выгнув спину, сам потерялся о ее лапы.

Пришел сосед-стоматолог. Из него получился бравый военный! Он только что демобилизовался и еще не успел перейти на гражданскую одежду. С Ярангом они встретились, как старые друзья. Уходя, сосед позвал всех к себе, отдельное приглашение сделал Ярангу:

— Можешь приходить. С частной практикой покончено...

Хорошо дома! С радостно ошалевшей мордой Яранг перебежал с одного места на другое, обнюхивая знакомые предметы. Он же помнит здесь каждую вещь, хотя и отсутствовал столь долго! По-прежнему, как и встарь, висят низенько на стенке, над его законным собачьим местом, собачьи «ордена», как их в шутку называет старший хозяин. Они провисели тут всю войну и оккупацию, их не тронул никто, даже когда дом оставался

без присмотра и пустовал. Алексей достал из чемодана сложенную вчетверо бумагу, развернул:

— Боевая характеристика. Отзыв о работе военно-служебной собаки Яранг. — И протянул Наде: — Надо сюда же повесить...

— Под стеклом, — сказала Елена Владимировна.

— Разумеется, под стеклом и в рамке...

Постепенно все успокаивалось, входило в привычную колею. Только Елена Владимировна, хлопоча по хозяйству, взглянет на красавца сержанта (неужто это он, их Алеша, просто не верится!) и опять всплеснет руками:

— Усищи-то, усищи!

— Я их сбрею...

— Да поноси, покрасуйся перед девчатами... Я когда молодой был, — шутит Степан Николаевич, — тоже им спуску не давал...

— Ох, уж мне, «тоже», — задержавшись против него, притворно возмутилась Елена Владимировна. — А как за мной бегал, забыл? И смотреть на тебя не хотела, на красавца такого!

— Я ему дам девчат! — вмешалась Надя. Глаза ее озорно блеснули. И тут же, чтобы скрыть внезапный румянец, она наклонилась к Ярангу.

Сели за стол. Обед, ужин, чай — все сразу.

Яранг рядом — на полу.

— Яранг! Ты не забыл, как это делается? — крикнула Надя и бросила ему тарелку, на которой лежал пирожок.

Пес мгновенно вскочил (ну и быстрота!), поймал тарелку на лету. Сидит и держит, как официант в ресторане.

— Возьми!

Тарелка оказалась на полу (целая!), пирожок исчез в глотке Яранга. Пожалуй, он проделывает это даже лучше, чем прежде.

— Надюша! — укоризненно покачала головой мать. Все такой же сорванец, хоть и пришлось перенести столько.

— Споем? — сорвалась с места Надя.

— Споем.

Вместе с Алексеем они перешли к пианино. Запели. К ним присоединились старшие. Они пели о мужестве, о дружбе, о любви к Родине, о перенесенных испытаниях, которые выдержали с честью, о сердцах бесстрашных и чистых. Обо всем этом, может быть, и не говорилось в песне, но пели они ее именно с такими чувствами. Яранг лежал, положив тяжелую голову на лапы, шевелил бровями. Может, и он думал о том же?

— А эту не забыл? — вспомнила Надя.

И снова ее тонкие пальцы забегали по клавишам. Бравурная маршеобразная мелодия разносится по дому. О, да это же об их преданном друге, об Яранге!

И крепкие зубы нам тоже нужны,
Покуда вокруг еще ходят враги!

Так певала Надя девочкой-подростком, возвращаясь вместе со сверстниками с дрессировочной площадки.

Бросив играть, Надя подскочила к Ярангу:

— Ты теперь старенький, у тебя вставные зубки, — дурачится она. — А потом тебе сделают вставную челюсть и ты будешь есть одну манную кашку, кашлять и шамкать, как все древние старички... Но ты не горюй, мы будем заботиться о тебе, любить тебя, не отдадим никому... не бойся!

Озорница, озорница!

Надя, Надежда, Надейка, милая...

— А все-таки интересно, куда он бегал? — вспомнил Алексей.

И он не догадывается, в чем дело. Ну, как втолковать им, что беда собирается над их головами, что надо действовать, действовать, а не удивляться, не рассуждать попусту!

— Может, решил сразу навеститься к каким-нибудь приятельницам? — опять шутит Степан Николаевич. — Вспомнил старину. Смотри, Надежда, чтоб Алексей не выкинул такой же фортель...

Настроение у всех преотличное. О плохом ли думать сейчас!

Так проходит вечер.

И вот уже засуетилась старшая хозяйка, готовя постель дорогому гостю. Взбивает подушки, раскрывает чистые простыни...

Итак, Яранг снова дома. Все вернулось! Но отчего ему не ложится на обычном месте в углу, где еще со времен щенячества находится его подстилка? Переходит опять из комнаты в комнату, подолгу обнюхивает каждую вещь, словно хочет найти или узнать что-то.

Чем ближе ночь, тем беспокойнее делался Яранг, все большее волнение овладевало им. Он нервничал, перебегал от окна к окну, несколько раз вскакивал передними лапами на подоконник, чем и заслужил неудовольствие младшей хозяйки. Прикрикнув, она наградила его шлепком:

— Да ну тебя! Порвешь штору!

Под конец Яранг принялся тыкаться носом то к одному, то к другому, умоляюще заглядывал в глаза. Но это было понято по-иному, совсем не так, как надо было ему.

— Смотри, натосковался как, — переговаривались домашние.

— Никак не угомонится собака. Рад, что вернулся домой...

Не понимают. Эх, люди, ничего-то они не знают, не догадываются о самых простых вещах, когда знать так необходимо!

— Место! — скомандовала Надя, увидев, что Яранг, вздохнув, пытается устроиться на дорожке в дверях. — Нашел постель!

Вместо этого пес забился под стол в большой комнате и выглядывал из-под бахромы скатерти; потом, когда все стали расходиться по разным концам квартиры, поспешно вылез и опять переменил позицию — начал устраиваться в коридоре.

— Что он мечется? — недоумевала и сердилась Надя. — Места себе не найдет, отвык совсем... Место! Место!

— Да оставь его, — остановил отец. — Пускай ложится, где хочет. Обойдем как-нибудь...

Яранг благодарно посмотрел на него.

Время за полночь. В доме все легли спать, погасили огни. Сладко потягивается на диване, в ногах у Алексея, лежебока Апельсин. Один Яранг бодрствует. Подстилка жжет его бока. Пес не спит. Он на посту. Он чувствует приближение опасности, его не проведешь. Чутко прядет ушами, ловя едва слышные звуки, долетающие извне. Кто-то бродит около дома, инстинкт и тонкий слух еще не обманывали собаку.

Вот метнулся к окну. Так и есть. Неясная человеческая фигура припала к палисаднику и вглядывается в темные окошки. Зарычать, залаять, поднять шум и тревогу? Но Яранга давно уже приучили не быть пустобрехом. И в собачьем деле молчание — золото; безмолвное нападение всегда вернее...

Человеческая тень отделилась от дощатого заборчика, тихо открыв калитку, шагнула во дворик с кустами сирени и чисто разметенной дорожкой, ведущей к крыльцу. Вот неизвестный уже на крыльце. Он слегка повернулся, лунный блик упал на его лицо, полуприкрытое сильно надвинутой кепкой... Здесь, вероятно, вздрогнул бы самый крепкий нервами человек: на щеке у ночного посетителя глубокий шрам, освещенный мертвенно-голубым сиянием полночного светила, он делает лицо ужасным, страшным...

Глава 26. ПОТЕРЯННАЯ ЖИЗНЬ

Как уже можно было догадаться, Крызин вовсе не утонул, когда партизаны у моста освободили советских людей. Он выплыл — выплыл в буквальном смысле! Ловкость помогла изменнику замести следы. Но потом он сам явился туда, где для него было всего опаснее. Криминалисты утверждают: преступника часто тянет на то место, где он совершил преступление, и порой нет никакой возможности противиться этому чувству...

Негодяй уже получил свое. Он хотел жить не так, как советские люди, и теперь ему не осталось места в жизни. Он хотел только брать, брать любой ценой — ложью, насилием, разбоем, предательством. И не заметил, как утратил, расхитил самое драгоценное, то, что дается только раз и не может быть заменено, компенсировано ничем — собственную душу.

Какая жестокая ирония: он обокрал самого себя! Оказался врагом собственной судьбы, сам поставил на себе позорное клеймо.

Нет, речь не о шраме, оставленном клыком Яранга. В конце концов, это только шрам, последствие случайной раны, стечения обстоятельств, хотя в каждой случайности есть своя закономерность. На лице можно сделать пластическую операцию. Но ничем не исправить изуродованной души...

Потерявший совесть всегда ищет причины своих неудач в честном и справедливом, стоящем выше его. Крызин не составлял исключения. Он все больше и больше горел желанием свести счеты с Таланцевыми, отомстить... За что? Пожалуй, и сам затруднился с ответом. Ведь получилось бы: за то, что он сам причинил им! Мысль о мщении стала для него навязчивой идеей; она жгла его мозг, он всецело находился в плену у нее. Словом, Меченый был уже близок к состоянию, которое психиатры определяют, как помешательство на почве какой-то одержимости. Так черная зависть и злоба сами пожирают себя.

Преступника тянет на место, где им было совершено преступление... Этот город был для Крызина таким местом... Дом Таланцевых был для него таким местом... Отсюда он увел в гестапо старшую Таланцеву. Здесь взял карточку младшей, Нади, которую потом использовал против нее же. Крызин тогда втайне полагал, что этот дом отныне его собственность, даже ключ от дома носил с собой... Сорвалось!

Вихрь страстей бушевал в этом загнанном существе, боявшемся собственной тени, каждого шороха шагов, покашливания за спиной, но продолжавшем помышлять о вреде другим. К тому же сейчас он был без средств к существованию — расквитавшись с ненавистными людьми и ограбив дом, он сможет уехать, скрыться.

Существовала еще одна причина прихода Крызина, едва ли не самая главная: его видела старшая Таланцева. Они встретились случайно на улице; он, отшатнувшись, поспешно отвернулся, она прошла, чуть не задев его своим платьем. Он не понял, узнала она его или нет; но именно поэтому он расправится с ней первой. Только мертвые молчат.

Конечно, Крызин совсем не был подготовлен к тому, что может встретить здесь Алексея Белянина, Яранга. Он не знал об их возвращении. Скоплений народа Меченый избегал, радио не слушал, газет не читал — сообщения, публиковавшиеся там, приводили его в исступление. Прибытие фронтовиков прошло мимо его внимания.

Неожиданная встреча на улице напугала его. Но после сам стал смеяться над собой: сдрейфил, чуть в штаны не напустил со страху при виде случайно замеченной на улице собаки! Почему она бежала за трамваем? Что, так и бояться теперь каждой?!

Вот он, этот ключ... Ключ от чужого дома, от чужой жизни. Вот все, чем он причастен к ним. Он — лишний здесь, лишний — везде. Пусть. Зато есть возможность отыгаться. Да, да!

Подбросив ключ на руку, Крызин ловко поймал его, при лунном свете секунду полюбовался им. Холодная сталь тускло блеснула. Затем нащупал пистолет в кармане брюк... Сегодня компромисса не будет...

Меченый вложил ключ в замочную скважину...

Глава 27. БЕЗ КОМПРОМИССА

Яранг ждал. Он слышал, предчувствовал все и ждал.

Ведь умен, очень умен этот уже немолодой и немного угрюмый в глазах чужих людей пес. Он умен и опытен, а природой ему дано быть способным на то, что не может и человек. Каждому свое! И эти способности еще долго будут волновать наше воображение, пока мы их не разгадаем.

Мать-природа сотворила много удивительного. Пчела имеет усики, которые помогают ей безошибочно находить взяток, не сбиваться с пути к родному улью. Лишенная усиков, она превращается в беспомощное и бесполезное создание и погибает от голода, даже если пища находится рядом. Такими же усиками-антеннами оснащен муравей. Ученые проследили: с помощью своих антенн муравей передает приказание другому шестиногому собрату, направляет его к месту, где есть добыча, или ориентирует, куда сложить ее... Недаром про муравья есть поговорка: сам мал, да ума чувал. Что же сказать о собаке, издавна пользующейся славой животного, которое все на свете понимает, «только не говорит»!

Что помогает собаке предчувствовать события, находить дорогу к дому, даже если ее никогда не везли этим путем, угадывать душевное состояние хозяина, делать тысячи других удивительных и необъяснимых вещей? Как, наконец, добывается собака того удивительного настроения всего своего существа, который, по выражению Павлова, сделал ее исключительным животным?

Ученые толкуют о таинственных биотоках, биологическом магнетизме и электричестве, излучаемом каждым живым существом (говорят, даже растениями). Если это так, то благодаря им и чувства собаки могут найти свое материальное воплощение.

Человек вырастил, воспитал и выучил собаку. Отшлифовал ее природные данные и направил их в нужное для него русло. Человек дорожил собакой и любил ее. И в награду за свой труд и заботу стал ее кумиром. Ради него она готова теперь на все.

Поблизости бродит враг дорогих для нее людей, ее враг. И верный пес уже сам не свой, не может спать, не найдет себе места. Его невидимые антенны настроились на невидимый прием. Его биотоки уже скрещиваются где-то незримо с биотоками Меченого, клинки звенят, бой уже начался, хотя противники еще не сошлись...

Жизнь шла по незримому следу, который события предшествующие прокладывают для событий грядущих. Невидимые часы отсчитывали для Крызина последние сроки. Говорят, будущее всегда сокрыто от наших глаз. Однако Яранг в эту ночь провидел все.

Так же, как Крызин был готов на самое худшее, так Яранг не мог остановиться на полдороге. Компромисс ему не введом.

Обычно в походе они, Яранг и сержант Белянин, спали всегда рядом. Сегодня Яранг изменил другу, не лег у его ног на полу. Даже Алексей отнес это за счет нервного перевозбуждения собаки, наскучавшей по дому...

Да, нервное возбуждение овладело Ярангом, но вызвала его совсем другая причина. Это близость Крызина действовала на него так, сводила с ума.

Манная каша? Беззубое шамканье? О, пока дойдет до манной каши, он еще покажет, чего стоят его много раз проверенные, **золотые** клыки!

Когда-нибудь ученые обнаружат, что делает собаку такой бескомпромиссной, непримиримой, верной. А пока...

Человек на крыльце повернул ключ в замке. Чуть слышно скрипнула входная дверь. Яранг метнулся туда...

Глава 28. КОНЕЦ СПОРА

Ежечасно, ежеминутно в мире происходят большие и малые события. Множась, наслаиваясь и соединяясь все вместе, они образуют историю — с повышением и падением государств, народов, отдельных людей. История ведет спор о победе света и тьмы, сил добра над силами зла, борьбы старого с новым, молодого и прекрасного с отмирающим, безобразным.

Большой спор всегда состоит из мириадов маленьких.

Эта повесть начата с того момента, когда в небольшой среднерусский городок вернулись фронтовики, и среди них молодой старший сержант с собакой. Событие, может быть, не столь уж заметное, если рассматривать его в масштабе всей страны, где каждый день входят в строй новые фабрики и заводы, делаются важнейшие открытия в науке, совершаются тысячи других грандиозных дел. И, конечно, судьба какой-то собаки слишком незначительный объект для историков. Наш Яранг — только песчинка, капля в великом кругообороте жизни.

И все же... Исход войны решался трудами и подвигами миллионов отдельных людей, жизнь движут по своему руслу незаметные поступательные толики — усилия многих и многих. Складываясь, они двигают тяжелый воз в гору.

Представьте, как сложилась бы судьба наших героев, не будь Яранга. Давно лежали бы в могиле Елена Владимировна, Надя, остался в гнилых болотах Алексей. И, значит, жизнь в та-ланцевском доме пошла бы по-иному, либо прекратилась совсем... Смотрите, как много зависело от четвероногого друга! Мы не навязываем никаких выводов, мы только просим задуматься тех, кто прочтет написанное здесь.

Мы рассказываем о военной собаке. И хотелось бы, чтобы люди по достоинству ее оценили.

Выстрелы, злобное рычание собаки, вой, проклятия и крики разбудили среди ночи обитателей уютного приветливого домика за палисадником. В прихожей, у входной двери, шла яростная схватка. В следующие секунды битва перенеслась за пределы дома, во двор и сад. Кто-то, отстреливаясь, пытался убежать, Яранг со свирепым рычанием и лаем преследовал его...

В доме проснулись, торопливо-испуганно забегали. Зажгли свет, полураздетые выскочили на крыльцо.

На дорожке, в луже крови, лежал мужчина со шрамом на лице, искаженном последней предсмертной мукой и той ненасытной ненавистью, которую постоянно носил в себе.

Пробил его час. Истекли сроки беспутной жизни.

Рядом лежал Яранг. Тоже весь залитый кровью, он все еще старался дотянуться слабеющими челюстями до противника. Удивительно, как он, простреленный во многих местах в первые же секунды схватки, еще продолжал сражаться...

Все длилось не более минуты, но этого оказалось достаточно, чтобы затянувшийся на годы спор пришел к своему завершению: Яранг-таки добился своего — уничтожил врага.

На пороге валялся злополучный ключ. Не будь у Таланцевых его двойника — они сменили бы замок, и, может быть, не случилось бы ничего...

— Старый знакомый, сам пришел, — резюмировал Степан Николаевич, узнав того, кому требовал высшей меры наказания еще тогда, когда в мире многое было по-иному, и чья фамилия первой стояла в списках предателей.

— Тут никакая санчасть не поможет, — добавил Алексей. — Рассчитался Яранг, за все... — Мужчины переглянулись, понимая, какую беду отвел от них Яранг.

Яранга внесли в дом. Крызин до прихода милиции остался лежать на дорожке. Общее внимание сосредоточилось на собаке.

Пулями были пробиты грудь, шея, раздроблена плечевая кость, сломаны ребро, лапа. Все это установил прибежавший врач-сосед.

Пока прибыла милиция, составляли протокол, убрали Крызину, псу ввели камфору, наложили повязки, к лапам приложили горячие грелки. Но едва ли это уже могло изменить что-либо. Пес истекал кровью. Вместе с нею уходила из него жизнь. Никто в доме больше не сомкнул глаз в эту ночь. Каждый из его обитателей отдал бы частицу собственной жизни, только бы спасти Яранга. Опасались, что пес не доживет до утра, однако утром жизнь все еще теплилась в нем. Степан Николаевич собрал около раненого целый консилиум врачей. Долго осматривали собаку. Заключение было нерадостное.

Но Степан Николаевич не отступался. Он потребовал, чтоб было сделано все для спасения Яранга. Около собаки непрерывно дежурил кто-нибудь. Днем и ночью. Надя, Елена Владимировна, Алексей... Снова Надя... Снова Елена Владимировна... Яранг был недвижим. Он лежал врастяжку на боку, весь перебинтованный, казалось, обреченный. Только чуть заметно поднимались бока да время от времени открывались веки.

Только верное сердце продолжало биться, слабо, едва слышно, но все так же упорно. Вечный труженик, оно сражалось до последнего... И однажды оно подало первый знак: тоны улучшились, более громкими и четкими стали удары. Яранг выстоял и в этом испытании, победил еще одного, самого страшного противника — смерть. Постепенно жизнь начала возвращаться к истерзанному псу. И вот уже он лакает молоко, которое поставили перед ним Надя и Алексей, снявший погоны и снова превратившийся в инженера-энергетика; вот делает первую попытку подняться на подгибающихся ногах... А там настал наконец день, когда он, все еще забинтованный-перебинтованный, но явно набирающий силы, поправляющийся, показался на крыльчке дома, несказанно обрадовав этим всех соседских мальчишек. С некоторых пор они почти ежедневно часами просиживали на крыльце, ожидая выхода четвероногого героя.

Вот он, дорогой наш Яранг, наш достойный товарищ. Он еще худоват, еще кой-где не отросла шерсть на едва успевших затянуться ранах; но уже бодр как прежде, полон ума и преданности взгляд его живых карих глаз. Свесив розовый язык, он с интересом смотрит на нас, кажется, улыбается...

... Если кому-нибудь из наших читателей спустя какое-то время после войны довелось побывать в городке, где происходили описанные события, он, без сомнения, встречал на улице пару, мимо которой, право же, нельзя было пройти равнодушно, не проводив взглядом.

Большой старый пес, прихрамывая, и маленькая девочка важно шествуют, составляя в эти минуты как бы единое целое. Девочка с льняными волосами удивительно похожа на одного из уважаемых граждан города, главного инженера электростанции Алексея Андреевича Беянина, только глаза у нее ярко-синие, как у матери. Девочка держится за ошейник ручонкой, а пес, будто нянька, соразмеряет ее шаг со своим. Видно, что такие прогулки они совершают часто. Доходят до угла, поворачивают и возвращаются к домику с палисадником, в котором буйно растут кусты сирени.

Яранг на старости лет стал нянькой, но, кажется, это даже нравится ему, и он относится к новой обязанности очень добросовестно. При повороте девочка оказалась у края тротуара, близко к проезжей части; пес сейчас же забежал с другой стороны и, как делают поводыри слепых, оттеснил на середину... Так спокойнее!

Яранг изменился. Густо покрылась сединой морда, серебристые крапины покрывают места, где были раны. Но он еще отнюдь не дряхл, не немощен. Попробуй кто-нибудь тронуть малышку — ого!

Впрочем, кому захочется обидеть их? После Беянина, которого часто приглашают на пионерские слеты, в школы, в ремесленные училища, чтоб услышать воспоминания о днях Великой Отечественной войны, Яранг, пожалуй, самая популярная личность в городе. Он пользуется такой известностью, что всякий раз на прогулках его и девочку сопровождает стайка мальчишек.

Иногда у калитки их встречает большой рыжий кот. Апельсин, несмотря на солидный возраст, сохранился превосходно, тем более, что война вообще досталась ему куда легче и не принесла таких потрясений, как его другу Ярангу; а кроме того, старость у кошек наступает медленнее. Собака и кот нюхаются, эта важная процедура занимает у них с полминуты; затем девочка забирает кота на руки, и домой они являются уже втроем.

Направляясь на очередную встречу в школу или клуб, Бе-лянин частенько берет с собой Яранга. Нередко главному инженеру специально напоминают, чтобы он не забыл, прихватил Яранга, особенно, если идет к молодежи. И когда во время рассказа о военных событиях бывший сержант посадит рядом Яранга, а тот от волнения и жара раскроет пасть и

там заблестит золотой зуб, впечатление просто неопишимо...

На этом мы и расстанемся с Ярангом Золотым Зубом.

Пусть дела его не сотрутся в людской памяти...

М. Рикман

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЧКИ ИЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДА

Рассматриваю полустертые листы, сохранившиеся у меня. Подписаны они 12 февраля 1940 года начальником клуба служебного собаководства П. А. Заводчиковым, заместителем начальника Сосновского питомника Н. Д. Войтенко и санинструктором. В них говорится о том, что от меня приняты для передачи в Красную Армию три собаки породы эрдельтерьер — две по связи и одна по санитарной службе. Все три за работу получили оценку «хорошо».

А случилось это так. Когда началась война с белофиннами, П. А. Заводчиков созвал всех собаководов-активистов, имевших хорошо дрессированных собак, и обратился с призывом сдать их в армию. Пример показала пионерка Мила Леоненко. Ее собака по кличке Бэри впоследствии стала знаменитостью. Вслед за девочкой привели своих воспитанников в Сосновский питомник и многие другие собаководы. П. А. Заводчиков предложил мне сдать моего питомца Фрэда, имевшего отличную оценку по санитарной службе. Но Фрэду было уже около девяти лет, и сдать его означало бы просто поставить галочку и погубить собаку, которая уже не могла принести пользу в фронтовых условиях. Начальник клуба согласился с моими доводами, но сказал: «Найдите ему замену. Поезжайте в питомник, там очень много собак, поступивших из других городов. Сидят они на приколе, в помещении места им не хватает. Многие из них не обучены. Выберите себе какую-нибудь и срочно подготовьте. Время не терпит. Я дам распоряжение, чтобы вам выдали собаку по акту».

Я отправилась в Сосновку на следующий день. Был конец декабря, стоял крепкий мороз. Собаки были привязаны к наспех вбитым кольям прямо на улице, так как все вольеры были заняты. Животные дрожали от холода, отказывались от еды в такой непривычной обстановке, скулили. Зрелище было нерадостное. Среди всех этих собак я обнаружила трех эрдельтерьеров — двух кобелей и одну сучку. «Возьмите всех троих, — сказал мне начальник питомника. — Их выбраковали как непригодных к работе. Они здесь только место занимают. Сами видите, без них тесно». — «Почему же их выбраковали? — спросила я. — Ведь они присланы как связисты и санитары». — «Они отказываются от работы, а заниматься с ними некому. Вы эрделистка, вот и заберите их».

Что было делать? Я не могла взять трех собак в городскую квартиру, тем более что обучать их надо было не на городской площадке, а в Сосновском питомнике, да еще как можно скорее. Требовалось срочно найти им пристанище у добрых людей, откормить и обласкать, приучить их к тем, кто будет с ними заниматься. И тут, как всегда в трудных случаях, на выручку пришли другие активисты-собаководы. Они немедленно включились в работу, обегали ряд домов, где, знали, живут добрые люди, объяснили им, что нужно взять собак на время, что помощь эта необходима для армии.

Короче говоря, в тот же день собаки были устроены, кто в теплую конуру, а кто и в дом, причем безвозмездно. Нашлись добровольные помощники и в дрессировке.

Дела пошли довольно успешно, и через месяц с небольшим собаки работали вполне грамотно, хотя, конечно, нуждались в доработке в более суровых условиях армии. Приняла их строгая комиссия, как я уже сказала, с оценкой «хорошо». Тут примечателен один факт, который говорит о том, какие ошибки может сделать невнимательный дрессировщик. Одна из собак, считавшаяся санитарной и выбракованная за отказ от работы, очень хорошо делала обыск местности и доверчиво подходила к лежащему человеку. Но она никак не хотела брать в зубы бринзель. Я стала специально заниматься с ней апортировкой разных вещей, но безрезультатно. Собака упорно отказывалась брать что-либо в пасть. Потеряв терпение, я силой вложила ей в рот какой-то мягкий предмет и нажала на верхнюю челюсть. Собака

отчаянно завизжала. Только тогда меня надоумило раскрыть ей пасть, и я увидела совершенно гнилой зуб. Он и причинял ей сильную боль. Как только зуб удалили и дали зажить ранке, собака повеселела. Но я не рискнула продолжать занятия по санитарной службе, так как у нее явно установилась нежелательная связь с апортом. Эту собаку удалось быстро переквалифицировать на связь, а санитаря подготовить из ласкового и очень смышленного связиста. Прошло уже чуть не сорок лет с той поры, но я до сих пор помню моих подопечных и тех добрых людей, которые их приютили и помогли выполнить срочное задание.

... В самом начале финляндско-советского конфликта районные отделения милиции обратились в наш клуб с просьбой помочь в патрулировании по городу. Надо было во время затемнения обходить определенные участки, а также проверять вагоны, стоящие в тупиках за вокзалами. В них ютились приезжие «гастролеры» из разных мест, любители наживы во время затемнения. Многие собаководы откликнулись и стали активно помогать милиции.

Молодые мужчины с хорошо дрессированными овчарками взяли на себя патрулирование вокзалов и проверку вагонов. Работа их оказалась нелегкой, но весьма плодотворной, и они отлично справились со своей задачей. «Гастролеров», которые прятались под скамейками в вагонах, было выловлено немало. Собак пускали вперед по команде «Ищи!», и они отлично вытаскивали прятавшихся либо стояли и грозно рычали. Нарушители очень боялись четвероногих патрульных и безропотно выползали из своих убежищ.

А мы, женщины, со своими питомцами приходили в отделения милиции по месту жительства к 12 часам ночи и вместе с участковым милиционером обходили вверенный ему участок. Я через день приходила со своей собакой в 6-е отделение, и мы обходили Марсово поле, Летний сад, улицу Пестеля до Литейного проспекта. Это был наш маршрут. Ходили часа два. Случалось задерживать кое-кого, в основном пьяных. Патрулировали в полной темноте и бывало всякое, особенно в Летнем саду. Собаке, видимо, передавалась атмосфера особенной настороженности при непривычных темноте и безлюдье. Чувствовалось, что она вся напряжена. Иногда начиналось глухое рычание. Мы с милиционером настораживались, собака вдруг делала резкий рывок, а затем как бы смущенно останавливалась... у статуи в Летнем саду, которую издали принимала за человека. Подойдя к ней, она ее долго обнюхивала, порывивая, и только после этого успокаивалась.

Мы, активисты-собаководы, были горды тем, что в нужную минуту смогли с нашими четвероногими друзьями внести свой вклад в охрану общественного порядка в родном городе.

...1941 год. Июнь. Начальник Сосновского питомника — Ольга Дмитриевна Кошкина. В первых числах июля я была вызвана в питомник и вместе с несколькими активистами-собаководами стала работать по приему собак от населения и эвакуирующихся. Мы ухаживали за собаками и срочно готовили их по службам связи и санитарной для передачи в воинские части. В питомнике было много собак всех пород, но мне пришлось в основном готовить немецких овчарок и эрдельтерьеров. В первый же месяц войны к нашему питомнику были прикомандированы воинские подразделения. Молодые солдаты, никогда не имевшие дела с собаками, не знали, как к ним подступиться. Активисты занимались с ними, учили азам, вплоть до того, как держать поводок, как чистить собаку, как с ней обращаться. Многие солдаты стыдились сначала ходить с четвероногими. Они говорили: «Какое это оружие, собака? Любая девушка нас засмеет. Стыдно солдату возиться с собакой». Но постепенно привыкли и изменили отношение к своим будущим помощникам.

Работать было трудно. Собаки, поступавшие в питомник, очень тосковали по своим хозяевам. Многие не могли привыкнуть к питомнику, к вольерам, старались убежать во время занятий. Но были животные с крепкой нервной системой, ласковые и быстро привязывающиеся к людям, ухаживающим за ними. Мы появлялись в питомнике ранним утром, выгуливали и чистили своих подопечных, кормили их, убрали вольеры и приступали

к специальным занятиям. Трудность заключалась в том, что было очень мало помощников, и собаки привыкали к одним и тем же вожатым. И все же дело подвигалось. Никогда не забуду, как волновалась со своей напарницей М. Н. Зиборовой, когда из армии приехал полковник проверять работу собак по связной и санитарной службам и принимать их для передачи в воинские части. Момент для нас был очень ответственный. Мы привыкли волноваться на выставках, на показательных выступлениях, на состязаниях, но все это были «игрушки». Здесь мы сдавали собак **в армию, на фронт**.

У меня по службе связи была небольшая овчарка по кличке Венера. Работала она хорошо, быстро и безотказно. Но в Сосновском парке не было особых раздражителей. Ведь шла война, все люди были заняты работой, гулять по парку было некому. Полковник подошел ко мне, посмотрел на собаку, спросил, как зовут, и сказал: «Начинайте работу, я скоро подойду». М. Н. Зиборова взяла Венеру и пошла на пост номер два. Мы договорились, что она пошлет собаку через такое же, как и всегда, время, так как полковник вот-вот подойдет. Я замаскировалась, жду, а проверяющего все нет. Вдруг слышу топот лап — бежит моя Венера во всю прыть. Выглядываю из-за кустов, она уже недалеко. Вдруг резкий окрик: «Венера, ко мне!» Так вот где был проверяющий! Он прятался в кустах, чтобы посмотреть, как собака среагирует на кличку и подзыв. Но Венера даже не остановилась. Она на ходу сделала резкий скачок в сторону и, не сбавляя темпа, примчалась на пост, самостоятельно легла и успокоилась. У меня отлегло от души. Но как теперь пойдет Венера на пост номер два? Собака больше привязана ко мне. Полковник так и не появился. Значит, готовит новую проверку. В положенное время дала команду «Пост!». Собака помчалась. На невидимом для меня отрезке трассы раздался пронзительный свист. Как среагировала на него Венера? Проходит какое-то время, появляется полковник, за ним М. Н. Зиборова и Венера. «Молодец собака, — говорит проверяющий, — отлично сработала». Потом полковник захотел проверить работу санитарной собаки и сам лег за раненого. Все прошло благополучно. Всех подготовленных собак приняли и отправили в соответствующие подразделения, а начальник питомника О. Д. Кошкина, М. Н. Зиборова и я получили благодарность от командования. Помню, как дорога была каждому из нас маленькая серая бумажка военного времени.

Когда блокадное кольцо замкнулось, нам, активистам, стало нечего делать в питомнике, так как собак начали обучать специальной танковой подрывной работе. Но те немногие собаководы, которые оставались в Ленинграде и имели собак, все еще приносили посильную помощь, охраняя помещения вместе со своими питомцами. Учительница М. Н. Зиборова, например, постоянно дежурила в ночное время в своей школе. Другие собаководы обходили траншеи на Марсовом поле. Честно говоря, это было страшновато. В первые месяцы войны мой Фрэд держал связь между штабами МПВО, носил сводки. Но постепенно кольцо блокады сжималось все туже. Собаки погибали от голода, люди эвакуировались, уходили на фронт или умирали. Фрэд мой погиб в декабре 1941 года.

За зиму 1941—1942 годов ни с кем из наших собаководов не приходилось встречаться. Я знала, что О. Д. Кошкина в армии, П. А. Заводчиков тоже. Племенной состав был вывезен из Ленинграда до полного наступления блокады, но почти все собаки погибли на Ладого.

Наступила наконец весна 1942 года. Начальником городского клуба служебного собаководства был тогда Виктор Никифорович Коробов. И вот он решил найти и собрать тех собаководов, которые остались в живых после страшной зимы, а также выяснить, сколько собак из стоявших раньше на учете в клубе осталось в Ленинграде. Их оказалось около десятка. Я помню четырех овчарок, двух колли и четырех эрдельтерьеров. Собак осмотрели и сразу же взяли в армию молодого эрдельтерьера, лучше других собак перенесшего тяжелую зиму. Остальные не годились по возрасту да и были очень истощены. Из оставшихся двое внезапно пали, видимо, чем-то отравились. (Моя собака Рыжка дотянула до августа 1942 года.)

Итак, у нас в наличии осталось шесть собак и семь собаководов-активистов. Виктор Никифорович организовал занятия для собак, чтобы у них не погасли выработанные

рефлексы и чтобы они могли хоть немного порезвиться. Мы собирались в саду отдыха на Невском, он был совершенно пуст в те времена, повторяли команды курса общей дрессировки, а потом давали собакам побегать и пощипать травку. Бегали они мало и не очень охотно, но все же это была для них хорошая зарядка. А мы, собаководы, очень радовались возможности вновь встретиться. Ведь мы были уже тогда хоть крохотным, но коллективом. Зимой 1942—1943 годов Виктор Никифорович предложил нам заниматься на курсах инструкторов. Я очень хорошо помню эти занятия. Мы приходили в холодное темное полуподвальное помещение, освещавшееся по-блокадному, усталые, голодные, после целого дня нелегкой работы или ночных дежурств на чердаках и крышах и все же занимались с энтузиазмом и сдали все экзамены по положенной программе на звание инструктора. У меня до сих пор сохранилось это блокадное удостоверение с выставленными оценками и подписями уже покойных В. Н. Коробова и А. Т. Поповой, наших преподавателей. Я вспоминаю эти занятия с чувством большой благодарности к тем, кто их для нас устроил и проводил. Они еще крепче сплотили наш маленький блокадный коллектив собаководов, вселив в нас бодрость и оптимизм.

А разве можно забыть две поездки на командный пункт военной части П. А. Заводчикова! Это было в 1943 году. Не помню сейчас точно, сколько человек участвовало в этих поездках, но кажется мне, что почти весь наш небольшой коллектив. Командный пункт находился за Средней Рогаткой (теперь Московский район). Первый наш приезд был зимой и, как мы убедились, в спокойный день. Бойцы нас встретили очень радушно, угостили своим солдатским обедом, который показался нам лучше самого роскошного пира. Мне особенно запомнился очень горячий настоящий чай с кусочками сахара, которыми делились с нами бойцы. Такое не забудется!

Вторая поездка состоялась ранней весной. Был чудесный солнечный день. На этот раз мы решили устроить концерт для нашей подшефной части. Организатором этого дела была мать М. Н. Зиборовой К. И. Кожевникова. В молодости она была оперной певицей, и у нее еще хорошо сохранился очень приятный голос. С ней согласились выступить известный балалаечник Трояновский и чтица, фамилию которой я сейчас не помню. К. И. Кожевникова пела много и очень вдохновенно, затем читались стихи, но особый успех выпал на долю балалаечника. Его без конца вызывали, и он играл и играл наши русские песни. Концерт прошел хорошо, хотя два раза прерывался из-за обстрела. Затем мы роздали бойцам привезенные подарки — блокноты, карандаши, открытки и еще какие-то пустяки, которые удалось достать в блокадном городе. Мы много беседовали с бойцами, а П. А. Заводчиков рассказал нам о трогательных сценах, когда тяжело раненные бойцы, привезенные в санбат с поля боя собаками, первым делом просили открыть консервы из пайка и накормить своих четвероногих спасителей.

Эти поездки никогда не изгладятся из памяти.

Работа в клубе постепенно налаживалась, хотя собаки оставались пока все те же. Наша активистка М. М. Осадчая очень много делала, чтобы добыть для животных хоть какой-нибудь корм. Это было чрезвычайно трудно в условиях блокады, но все же удалось получить небольшое количество жмыхов.

Пришел 1944 год. Конец блокады!

Вскоре вернулась из армии в Сосновский питомник Ольга Дмитриевна Кошкина с заданием начать прием демобилизованных собак с Ленинградского фронта, а также отыскать и вернуть в Ленинград тех из мобилизованных в армию собак, которые уже были непригодны либо по возрасту, либо по другим причинам. Ольга Дмитриевна проделала огромную работу, и благодаря ей в Ленинграде стало возрождаться поголовье собак, а в секции собаководов-любителей закипела работа.

Собак в секции было очень мало, но все же набралось несколько десятков разных пород. Их составляли собаки, вынесшие блокаду, и собаки, которых привезли из эвакуации.

Задача перед собаководами-осоавиахимовцами стояла сложная. Нужно было почти заново воссоздать собаководство в городе, до войны занимавшее одно из первых мест в

стране. В 1944 году, в первое же послеблокадное лето, в Ленинграде состоялась городская выставка служебных собак. Такая выставка была проведена и в 1945 году. Естественно, что выставленные собаки были очень далеки от идеала. У большинства из записанных в каталоге демобилизованных собак происхождение было неизвестно: документы на них были утеряны. Но первые выставки были большим и радостным праздником для нас, активистов-собаководов, и мы делали все возможное, чтобы провести их на самом высоком уровне. Специальной площадки не было, проводили выставки сначала в больших свободных дворах, а когда собак стало больше, то нам разрешили использовать сад, примыкающий к Петропавловской крепости и спускающийся к Неве.

В конце 1944 и начале 1945 года Ольга Дмитриевна Кошкина и с ней добровольные помощники из активистов-собаководов стали ездить в Москву за щенками. В основном привозили из Москвы немецких овчарок и эрдельтерьеров. Надо признаться, что это было очень трудное дело. Щенки были очень хиленькие, часто больные. Поезда не отапливались, и как ни берегли их в дороге от холода и сквозняков, многие погибали. Но все-таки какое-то пополнение было. Постепенно наладились занятия по дрессировке. Площадок еще не было, но мы выезжали в Сосновку, да и заброшенных садов хватало. Занимались с большим энтузиазмом, несмотря на большую занятость на работе. Создали агитбригаду с наиболее дрессированными собаками. Бывали в школах, в садах, но особенно часто выступали в кинотеатрах перед сеансами. Собаки работали весело, с желанием. Для них это было развлечение, для нас — удовольствие, так как мы видели, с какой радостью нас встречают как дети, так и взрослые. Наладили очень трудный и важный вопрос с кормами — стали получать для собак китовое мясо. Появились первые щенки, рожденные в Ленинграде после снятия блокады.

Как сложилась судьба собак, вернувшихся из армии? Часть из них попала в питомник, некоторые нашли новых добрых хозяев, единицы вернулись в родные дома. Об одной из таких собак не могу не рассказать подробнее, так как она очень близка моему «эрделистскому» сердцу и благодаря ей в Ленинграде вновь появились эрдели. Ольга Дмитриевна Кошкина привезла с фронта небольшую, невзрачную, несчастенькую сучку по кличке Эра. Работала она связисткой или миноискателем, я уже не помню. Но Ольге Дмитриевне удалось ее забрать и доставить нам, эрделистам, так как она знала, что, кроме двух кобелей, переживших блокаду, эрдельтерьеров в Ленинграде не осталось. Эра, как и другие демобилизованные собаки, вернулась без документов. Но Ольга Дмитриевна знала, от каких родителей она происходит. Дело в том, что во время войны с белофиннами в Сосновский питомник, где тогда работала Ольга Дмитриевна, поступило много эрделей из питомника Белорусского военного округа, и в их числе кобель и сука по кличке Духан и Кармен. От них и пошли щенки, которых разобрали желающие. Клички были даны на букву «Э», одна из сучек названа Эррой. Эта же собачка и ее два брата вновь вернулись в питомник в сентябре 1941 года, а затем попали в воинскую часть. Позднее, как ни трудно это было в те времена, нам полностью удалось восстановить родословную Эры, разыскать все нужные документы. Но тогда мы, эрделисты, не стали ждать. Получив Эру весной 1944 года, нашли ей прекрасные руки. Ее новая хозяйка смогла ее подкормить, восстановить здоровье. При первой же течке Эру повязали с блокадным кобелем Дар-ком. К великой нашей радости, 1 июня 1944 года родилось семь щенков, которых сразу же расхватили. Конечно, в условиях сорок четвертого года щенки не могли быть крупными, да и мать была маленькая. Но они положили начало новому поголовью ленинградских эрдельтерьеров. За Эру мы бесконечно благодарны Ольге Дмитриевне. К сожалению, Эра прожила недолго, но она сделала свое дело для эрдельского племени.

До сих пор бережно храню каталог Ленинградской городской выставки служебных собак 1945 года. Вступительная статья к каталогу написана полковником П. А. Заводчиковым. П. А. Заводчиков писал в ней:

«Почетное, большое дело выполнили в Великую Отечественную войну организации Осоавиахима, его многочисленный актив — истинные патриоты нашей Родины.

Немалую помощь оказал Красной Армии небольшой, но деятельный коллектив активистов служебного собаководства Ленинградского Осоавиахима. С первых дней войны собаководы Ленинграда передали частям Красной Армии воспитанных и обученных ими служебных собак. Их собаки в боях под Ленинградом под жесточайшим огнем врага держали надежную быструю связь с боевыми охранениями нашей славной пехоты, несли сторожевую службу в передовых пунктах обороны, перенося вместе с людьми все тяготы блокадного времени.

Ленинградские активисты-собаководы могут гордиться: они с честью выполнили задачи ближайших помощников Красной Армии».

ХОЧУ СЛУЖИТЬ НА ГРАНИЦЕ

Б. Ершов ЗЕЛЕНЫЕ ФУРАЖКИ

Пограничники! Кто из мальчишек в детстве не мечтал стать пограничником! Даже сейчас, когда волосы мои значительно изменили свой цвет, зеленая фуражка для меня — нечто в высшей степени романтическое, гордое, заставляющее сильнее биться сердце. В воображении сразу возникают необыкновенные картины пограничной действительности.

С первых дней существования Советского государства воины в зеленых фуражках стоят на страже его рубежей. В дождь и пургу, в холод и жару, днем и ночью — всегда! Непрерывная цепочка пограничных постов тянется от берегов Тихого океана, где на лежбищах кричат котики и каждый камень напоминает о подвиге первых русских землепроходцев, до песчаных дюн под Калининградом — бывшим Кенигсбергом. Ни одна страна не имеет и не имела такой надежной пограничной охраны.

УХИЩРЕННЫЙ СЛЕД

Бывают ли следы на границе? Конечно. Прошел зверь, например. Дикие звери не признают государственных размежеваний и нередко путешествуют в ту или другую сторону. С тех пор как расплодилось много лосей, часто сохатый жалуется. Разумеется, особое подозрение вызывает человеческий след, отпечаток ботинка, туфли... Да, да, случается, что и женская туфелька с высоким каблучком ни с того ни с сего объявится! Впрочем, редко. Слишком приметно, опытный нарушитель на это не пойдет.

Все, о чем будет рассказано дальше, произошло в первые послевоенные годы.

... След был обыкновенный — человека. Но вот что странно: очень уж глубоко отпечатался. Кто-то (кто?), вдвое тяжелее обычного, шел, давил землю. И уж совсем удивительно: шел, вроде бы, от нас, за кордон, а пятки вдавлены больше, чем носок, оставили более глубокие ямки. Впрочем, на границе привыкли не удивляться, всякая неожиданность здесь лишь обостряет чувство той удивительной интуиции, сверхдогадливости, которая свойственна людям в зеленых фуражках. След нормального размера, мужской.

Опыт подсказывал пограничникам — дело не чисто. Наверняка нарушитель, перейдя границу под покровом ночи, ушел в глубь нашей территории.

След терялся у дороги.

За ночь по дороге прошли люди, машины — участок шумный, близко населенный пункт.

Арно долго нюхал странные отпечатки ног. Его провели вдоль следа в сторону границы и обратно, к дороге. Дальше — ничего. Для нас с вами. А для собаки? Арно славился чутьем.

— Ищи, ищи, Арно! След!

Выходя к дороге, Арно задержался: здесь был густой околос смешанного леса, на земле валялась сломанная ветка. Она-то и привлекла его внимание. Арно долго нюхал ее, подковыривал носом, потом вопросительно посмотрел на проводника.

Пограничники нашли место, где она была сломлена: на березе, высоко — с земли не достать. Однако сломали ее, видимо, рукой, иначе пес не стал бы нюхать... Но какого же роста был шедший здесь неизвестный? Гигант двух с половиной метров?

— След, Арно, след!

Арно пошел не слишком уверенно, но пошел.

Следа вроде бы нет, а собака идет...

Арно привел пограничников в ближайшую деревню, к заставе, а там потянул к одной избе.

В избе оказался целый ночлежный дом — люди спали на кроватях, на нарах, на полу. Оказалось, в деревню недавно прибыл тракторный отряд, помещение для него не успели приготовить и временно всех прибывших разместили в крестьянской избе.

Ослабив поводок, проводник пустил Арно вперед, тот стал поочередно обнюхивать всех находившихся в комнате. Дошел до одного, лежавшего под одеялом, укрывшись с головой, и принялся яростно лаять. Тот вскочил, испуганно отгораживаясь рукой от собаки (как будто это могло его защитить!).

Стали выяснять.

— Да он никуда не выходил всю ночь, с нами приехал, — вступились товарищи. — Свой, мы же его знаем хорошо!...

Проверили документы. Навели справки по телефону. Все точно. Совпадает. Действительно свой, тракторист, хороший работник. Арно зря бросил тень на человека. Впрочем, и пес перестал лаять на него, как только тот оставил постель. Арно интересовался именно постелью. Пес громко обнюхивал ее, подтыкал носом одеяло, затем стянул его на пол и опять залился звонким лаем.

Поняли: подозрительное одеяло. Пес облаивал его.

— Одеяло ваше?

— Нет, ночью свежо показалось, я его взял с соседней койки...

Соседняя койка была пуста.

— Еще кто-нибудь ночевал тут у вас?

— Женщина...

— Женщина? Где она?

— Ушла, когда светать начало.

— Пошли искать женщину!

Вероятно, это ее запах присутствовал на одеяле, по ее следу и шел Арно. Что за женщина, откуда, никто не знал. Пришла, ушла. Мало ли!

Но при чем тут женщина? Женская нога не переступала границу. Следы были мужские, и шел очень тяжелый человек, уж никак не представитель «слабого пола»... Ну и что? На границе случается всякое, а след с самого начала показался неестественным. Что-то намудрили тут те, кто хотел обмануть пограничников.

Местные жители видели женщину, садилась в автобус. Протелефонировали куда надо — задерживать всех женщин, которые будут выходить на конечной остановке. Сами на машину — и туда.

Около десятка женщин уже ждали. По запаху Арно должен был опознать ту, за которой гнался, разумеется, если она еще тут...

Тут! Ух, как он взъярился, еле оттащили. Скромная, в платочке. И не подумаешь! Однако не сдается, отказывается от всего. А улик-то никаких, только собака...

На руке задержанной заметили пятна, какие оставляет свежая душистая клейковина, которую выделяют первые хрупкие побеги (дело происходило весной). Держала листья или хваталась за ветки? И тут осенило: э-э, да вот же он «гигант», сломивший ветку. След был двойной, двух человек, но шел по земле один, а другой «ехал» на нем. Мужчина нес на плечах женщину. Шли чашей, ветки хлестали по лицу, оберегая его, она хваталась за них, отводила, а одну сломила невзначай и бросила. Именно по ветке Арно и нашел ее, точнее, сперва одеяло, затем ее саму... Сломанная березовая веточка позволила собаке не упустить нарушителя!

А тот, который нес? Он тоже не ушел далеко. После нашли и специальную обувь, что была надета у него на ногах и с помощью которой был проложен ухищренный след — задом

наперед...

РОКОВОЙ МАНИКЮР

... Он лежал и смотрел. Там, за полосой свежеспаханной земли — контрольной полосой, лежала чужая, незнакомая страна... Нет, он считал, что знает ее! Недаром столько готовился к этому шагу — переходу через границу. Он изучил историю, государственное устройство, обычаи, хорошо владел русским языком, настолько хорошо, что никакой русский не заподозрит.

Он лежал и смотрел. За полосой шла обычная жизнь: сменялись наряды, солдаты в камуфлированных накидках уходили с собаками в дозор, иногда доносились звуки — пение петуха в ближней деревне, мычание коров, сигнал автомобиля, порой выстрелы — пограничники тренировались на стрельбище. Он наблюдал уже много дней, наблюдал упорно, тщательно, чтобы найти в этой размеренной мирной жизни маленькую щелочку и в нее проскользнуть...

И он — матерый шпион и разведчик, как говорится, собаку съевший на своем ремесле, — проскользнул. Как обычно — ночью. Тьма — его всегдашний союзник. В темноте может не увидеть даже самый бдительный часовой, в темноте легко раствориться, исчезнуть, не оставив никаких следов.

Нет, следы, конечно, остались — на контрольной полосе (потому она и контрольная, даже воробей оставляет на ней признаки своего пребывания); но дальше — ни-ни, как будто нарушитель ушел в землю или растаял в воздухе. Рассчитано было все: погода стояла жаркая, сушь, трава выгорела, земля как утрамбованная, может пройти слон — потом хоть в лупу разглядывай, не отыщешь.

Главное теперь — быть незаметным, не выделяться ничем, не привлекать ничьего внимания. Одет он неброско. Не очень аккуратно подстрижен, не слишком тщательно побрит. Попробуй под этой маской разгляди его настоящее лицо. Только в глубине холодных голубых глаз запряталось свое, настоживающее...

Жарко. Солнце печет. Хочется пить. Соображая, как ему скорее исчезнуть из этого поселка, он увидел сатураторную стойку, укрывшуюся под парусиновым тентом продуктового магазина, и направился к ней. Стаканчик свежей воды с сиропом не повредит. А потом — поминай, как звали!

Зашипела прохладная, рассыпающая брызги струя. Толстая немолодая тетка в белом халате протянула стакан:

— Пейте на здоровье, теплынь-то... — И утерлась уголком головного, тоже белого, платка.

Рядом вырос мальчуган. Вихрастый, беловолосый, с прыщиком на носу. Тоже протянул медяк. Покосился на пьющего. В глазах вдруг промелькнуло любопытство. Зырк — на лицо, на руки со стаканом, в миг обшарил взглядом всего; пока наполнялся стакан — проделал это несколько раз.

Мужчина допил, поставил стакан и зашагал прочь; мальчишка пить не стал. Продавщица хотела помыть стакан — он не дал, рукой задержал в воздухе ее руку, потом, оглядываясь на уходящего (тот был уже далеко, не видел их), что-то быстро зашептал ей на ухо, затем кинулся в магазин (там имелся телефон), а она, враз посерьезнев, опасно косясь на непомытый стакан, ждала... Может, зря? Придумывает парнишка?

Когда прибыли с заставы, от неизвестного, разумеется, и духу не осталось. Стакан стоял нетронутый. Парнишка с торжествующим видом показывал:

— Вот...

— Никто не прикасался?

— Нет, нет, — поспешила заверить продавщица.

— Почему он показался тебе подозрительным?

— Ногти у него...

— Что, ногти?

— Ну ногти... не такие... блестят, намазаны чем-то...

Ясно: маникюр. Мальчишка своими острыми глазами заметил то, чему не придал никакого значения тот, кто предусмотрел все...

Он не предвидел еще одного: даже дети у нас способны разоблачить чужого, даже дети борются с врагами своей страны. Борется весь народ, не только пограничники.

Стакан дали понюхать Арно. И — в погоню!

Поймали!

СОБАЧКА С НАЧИНКОЙ

Популярность Арно началась, казалось бы, с незначительного случая. Вместе с проводником они возвращались из города — ездили выступать перед пионерами. Проводник рассказывал о своей работе, потом показывал, как работает Арно. Ребята были в восторге.

Когда вышли из автобуса, проводник вспомнил, что хотел кое-что купить. Направились к магазину.

Мимо шел какой-то невзрачный прохожий, рядом с ним семенила такая же неприметная и безобидная с виду черненькая собачонка.

Что вдруг сделалось с Арно! Никогда прежде не обижал маленьких собак, даже, казалось, не замечал их; и вообще зря не трогал никого...

Я не раз наблюдал эту особую, присущую только пограничным собакам степенность поведения, некое сознание собственного достоинства, что ли. Ощущение большой силы исходит от них. Зря не залает, не огрызнется, не засуетится, полна сдержанности, ума и, я бы сказал, какой-то сосредоточенности, выполняет команды по движению век проводника, читает его взгляд — такова пограничная собака, помощник бойца.

А тут Арно внезапно взъярился, набросился на несчастную, принялся ее трепать. Еле отняли. Но за те несколько секунд, которые она была у него в пасти, успел спустить с нее шкуру, изорвал в клочья; однако странно — крови не виднелось ни единой капельки, и собачонка, вроде, живехонька, только перепугалась страшно. Хозяин подхватил ее на руки и пустился было наутек, но его задержали, осмотрели собаку, и что же?

Шкура на собачонке оказалась «с чужого плеча». Дворняжка была всунута в нее, а в промежутке между ее собственным мехом и «одежкой» было аккуратно уложено... Ну, что там было уложено, выяснили пограничники, а нам знать не обязательно.

И дело не в этом. Важно, что еще одна хитроумная уловка наших врагов благодаря удивительному чутью Арно закончилась полным провалом.

КАК АРНО СТАЛ ОДНОУХИМ

Я забыл сказать: Арно был одноух...

Нет, это не отразилось на слухе, слышал он прекрасно все, что положено слышать собаке, хотя выглядел несколько необычно: одно ухо есть, торчит вверх и шевелится, а другого нет.

... Это случилось, когда Арно еще был на среднеазиатской границе (собак, как и людей, тоже иногда переводят — «перебрасывают» — туда, где они нужнее).

Преследовали нарушителя. Нарушитель от них не ушел. А гюрза метнулась из-за камня, когда ее не ждали. Гюрза способна делать прыжки на всю длину своего тела и на метр в высоту. Она ужалила Арно в ухо. Пес, можно сказать, был обречен. Ведь это одна из самых страшных ядовитых змей. От боли Арно взвизгнул. И в тот же миг, не растерявшись, проводник отсек собаке кинжалом ухо. Арно остался жив.

НОГА В ЧУЛКЕ

Чего не бывает на границе! Было же с Арно.

Пошли в дозор. А пограничник молодой, необстрелянный и всего опасается. Птица защебечет — он опасается, ветер зашумит — опасается, собака начнет чесаться — опасается.

Опытный пограничник — тот знает все наперед.

Идут. Глядь — след. А рядом пасека была, и туда заладили медведи ходить. Медведи или один медведь, уж не разберешь. Пасечнику казалось, что много, а, кроме него, никто не видел.

Да, так вот — след. Большой, на человеческий похож. Вроде крупная мужская нога в чулке. От границы — к пасеке. У пограничника сразу догадка: кто-то под медведя маскируется, будто косолапый за медом ходил. Полакомился — и назад. И в обратную сторону тоже следы есть.

Странно: Арно, когда след зачует, рвется вперед, а тут вроде как даже не хочет замечать, идет неохотно.

Прошли немного — опять след, нога в чулке. Тут место было сырое и след хорошо отпечатался. Точно, прошел человек!

Пограничник просигналил на заставу. Прибыла тревожная группа. Тревожная группа — это которая быстро прибывает по тревоге, чтоб преследовать нарушителя в полном вооружении, все как полагается. В группе вторая собака, на случай если одной мало или убьют — другая продолжит преследование.

— Вот Арно что-то плохо идет... — пожаловался проводник.

Командир группы посмотрел на него, потом на собаку.

— Арно плохо не работает. Такого с ним не бывало.

Ну, в общем, что долго тянуть, и вправду, оказался медведь. Только успели так поговорить, он и заворочался в чаще; людей увидел — поскорей восвояси. Осмотрели следы — конечно, медведь. Вот и когти видно, ступни когтями внутрь, отчего мишку и прозвали косолапым. Опытный следопыт, конечно, это сразу бы разглядел.

Человек-пограничник ошибся, а Арно не ошибся. Он знал, что это зверь. Его не проведешь.

Никто, однако, первогодка за этот случай ругать не стал. Послужит — научится. А когда сомневаешься, позови товарищей. Вернее. С кем не бывало! На границе лучше лишний раз тревогу объявить, чем нарушителя-врага пропустить.

РАБОТЯГА С БЮЛЛЕТЕНЕМ

А вот как Арно из медицинского пункта сбежал и, будучи сильно больным, нарушителя ловил, про то целая история.

Расхворался Арно. Воспаление уха, того самого, которого нет. Простудился, вероятно. Ушной раковины-то нет, проходы открыты, и дождь попадает, и ветер задувает.

Уже две недели не работает Арно. Боль. Стонет. Голова замотана — согревающий компресс. Не голова, а кочан. Две недели не у себя в вольере, а на территории медицинского пункта — там отвели теплый уголок, положили подстилку, живи, поправляйся. Каждый день доктор смотрит, доктор человеческий. Приезжал и ветеринар.

Словом, «бюллетенит» Арно.

А тут, как назло, враз несколько нарушений. Вся застава поднята на ноги. Собак не хватает. Прибежал проводник:

— Арно! Как дела? Идти можешь?

А Арно и рад. Надоело одному в медсанчасти. Чего хорошего — сиди и нюхай лекарства. И вообще собака всегда рада человеку. Рада служить, рада выполнять его приказания, рада находиться около него, всегда рада ощущать, что и она нужна ему.

Надели ошейник — и бегом.

Пришел доктор:

— Бюллетенщик-то наш сбежал!

Куда он сбежит? Он на работе. Головой трясет, визжит от боли, а бежит. Преследует нарушителя государственной границы. На длинном поводке, проводник сзади.

На этот раз не повезло Арно. Нет, догнать — догнал. От Арно не уйдешь, даже от больного. Но когда стали обезоруживать, и револьвер уже вылетел из прокушенной руки врага, другой рукой тот наотмашь хлестанул прутом по глазам собаки.

Морда Арно залилась кровью. Хорошо, повязка ослабила удар.

Когда вернулись на заставу, из обоих глаз собаки лились слезы. Сразу к врачу. Тот осмотрел и на пять суток — в темноту. Прописал и капли. Капать в глаза. Пять суток Арно не видел света. Потом, когда боль в глазах начала проходить, врач устроил испытание: перед Арно сыпали бумажки, а он за ними следил. Одним глазом следил, другим — нет. После недели темноты один глаз поправился, на другом стало расти бельмо. Доктор снова дал капли — бельмо постепенно рассосалось, но после этого у Арно навсегда остался рефлекс к хлысту, к любому прутику: чуть взмахни — бросается. А иногда при сильном возбуждении опять начинает моргать, опять слезы и, значит, опять на несколько суток темнота...

А когда хуже видит, начинает дергать мускулами, словно что-то хочет сбросить с себя. Лоснящаяся шкура вздрагивает, а под нею будто перекачиваются желваки. Кажется, что недостаток одного органа пес старается компенсировать всей кожей, которая у него, как у всех сильно возбудимых и нервных собак, очень чувствительна...

Да, я же забыл упомянуть: ведь Арно был доберманом-пинчером, черным с подпалинами, одноухим доберманом-пинчером... До пятидесятых годов собаки этой породы были не редкостью на границе, но потом их заменили более выносливые, приспособленные к любым климатическим условиям немецкие (восточноевропейские) овчарки.

Я не рассказал здесь о схватках, которые случаются на границе, о бесчисленных опасностях, подстерегающих пограничника. Да разве все перескажешь?

Годы спустя, после того как я побывал на границе и познакомился с Арно и его боевой биографией, мне попала на глаза газетная заметка, в которой сообщалось об одноухом добермане, живущем у одного ветерана войны. Заметка весьма любопытная. Репортер сообщал: Арно — кличка добермана — уже давно начал терять зрение, и хозяин соорудил ему очки, к которым пес привык так же, как привыкают по необходимости к этому люди. А затем вышло уже совсем любопытное. У пса начал ухудшаться слух, да так быстро, что вскоре пес уже не мог различать голоса своего хозяина. Хозяин и тут решил не оставлять собаку в беде. Он сконструировал слуховой аппарат. Но вышла неожиданность: Арно категорически отказывался его носить. Что делать? Тогда хозяин, не будь плох (очевидно, он оказался хорошим конструктором), смонтировал аппарат в дужки очков; и все стало отлично — очки не раздражали собаку! Вот так, к слову, хороший человек может продлить срок жизни верного существа.

Не знаю только, тот ли это был Арно?

РОДИНА СКАЖЕТ — СПАСИБО!

«ПОШЛИТЕ МЕНЯ НА ГРАНИЦУ...»

Военного комиссара города Мытищи Николая Максимовича Исаева я застал за спором о том, в какой цвет красить коридоры военкомата.

— Нет, нет и нет. Нужно, чтобы призывник, переступив порог, сразу попадал в праздничную, добрую атмосферу. А вы — коричневым цветом. Ну куда годится?

Маляры смущенно покашливают, соглашаются, уходят. Николай Максимович и подполковник Лукьянов довольны.

Мы ведем разговор о предстоящем призыве в армию, о том, что хочется заботливо встретить, по-отцовски напутствовать и тепло проводить на службу призывников. Об этом сейчас думают все офицеры военкомата.

В дверях — подтянутый капитан с красной повязкой на рукаве:
— Товарищ полковник, очень просится к вам на прием парень, Юра Попов.
Говорит, неотложное дело.
— Ну, если неотложное, просите.
Капитан смущенно пожимает плечами.
— Что еще?
— Он не один. С собакой.
Полковник понимающе улыбается:
— Проси.
Входит юноша. На поводу овчарка. Она послушно садится, поводит умной мордой по сторонам.
— Хочу на границу вот вместе с Рексом, — волнуясь, сообщает паренек, — можно?
— Не знаю, Юра. Надо посоветоваться.
— Мой Рекс ученый. Не верите? Хотите, он барьер возьмет? Вот хотя бы через стол? Или вот подполковника задержит? Хотите?
Николай Максимович отклоняет предложение. Подполковник Лукьянов соглашается с военкомом: как-нибудь в другой раз.
Когда дверь закрылась, Исаев задумывается, что-то записывает в блокноте.
— Николай Максимович, куда ребята сейчас больше всего стремятся? В какие рода войск?
— Многие хотят в десантники. Форма красивая. Голубая тельняшка, берет, лихость, отвага. Правда, не все представляют тяжелый труд десантника. Просятся на флот, в авиацию. Большая тяга в погранвойска. Вот как у Юры. А часто на вопрос «В каких войсках желаешь служить?» отвечают: «Там, где надо Родине!»

В. Чачин «Правда»

БУЯН ИДЕТ В ДОЗОР ГАЛСА ГОТОВИТСЯ К СЛУЖБЕ

— Хочу овчарку, — заявил как-то Андрейка.
Мама и папа не соглашались. Андрейка убеждал, что готов на любые жертвы, хотя еще и не знал, что щенка нужно шесть раз в день кормить, восемь раз выходить с ним на прогулку да еще дрессировать. Спор разрешила Галина Михайловна — мамина знакомая.
— Хочешь, я отведу тебя в КЮС? — сказала она.
Так Андрюша Чумаков, семиклассник 45-й московской школы, попал в клуб юных собаководов (КЮС) при Дворце пионеров на Ленинских горах. Ему достался крохотный щенок по имени Галса.
... Галсе полгода. Галса терпеть не может, когда ее заставляют то сидеть, то лежать. Но Андрейка — упорный дрессировщик.
... По лесу бежит человек. Издалека доносится собачий лай, и человек карабкается на сосну. Через минуту к дереву подбегает сильная, рослая овчарка. Человек соскакивает вниз и... чмокает собаку в холодный мокрый нос. Это Андрейка и Галса. Оба довольны. Галса уже хорошо берет след.

ГЕРДА ИДЕТ ПО СЛЕДУ

Корабль готов к отплытию. На борт судна поднимается солдат в зеленой фуражке. Пограничник с собакой проводят таможенный досмотр. Вдруг в одном из глубоких трюмов собака настораживается.
Так поздней осенью прошлого года бывший член клуба юных собаководов Юрий Калугин со своей воспитанницей Гердой задержал опасного преступника, который собирался пересечь государственную границу Советского Союза.

... Юрий воспитывал двух собак. С овчаркой Гердой пошел служить в погранвойска. Сейчас Юрий Дмитриевич Калугин — общественный инструктор КЮС. А Герда? Герда снова живет в Москве. Она участвует во многих соревнованиях и выставках (завоевала двадцать медалей, среди которых и большая золотая), выступает в кюсовской агитбригаде.

ВСТРЕЧИ НА ГРАНИЦЕ

Вот уже семь лет кюсовцы — желанные гости пограничников. О том, какой была поездка ребят в этом году, можно прочесть в дневнике Алисы Куровой, ученицы 8-й московской спецшколы.

«На перроне веселая толкотня. Наши собаки почему-то очень веселы, наверное, чувствуют, что мы едем на границу. Нас пятнадцать человек и пять собак. Двух из них везем в подарок пограничникам...

... Приехали на заставу, где служит Женя Кузовкин, наш бывший кюсовец. Он ушел в армию со своей собакой по кличке Ост. Ост недавно погиб. Член нашей делегации Валера Лапшин подарил Жене своего Буяна. В тот же день мы выступали перед воинами. Потом книги им подарили для библиотеки. А вечером показали фильм о нашем клубе.

Прощаясь с нами, пограничники очень хвалили нас за то, что мы воспитываем отличных собак для службы на границе...»

А. Астахов «Пионерская правда»

СО СВОИМИ ПИТОМЦАМИ

Пять лет существует в Верхней Пышме филиал Свердловского клуба служебного собаководства. Руководит им мастер ГПТУ № 77 С. П. Свердлов.

Многое сделали собаководы-любители. Они регулярно занимаются со своими четвероногими друзьями, успешно участвуют в областных соревнованиях, ежегодно во время праздника русской зимы проводят показательные выступления. Но, конечно, самое главное в работе клуба — подготовка собак к службе в армии. За четыре года армия получила от верхнепышминцев тридцать собак. Некоторые ребята — члены клуба — уходили в Советскую Армию вместе со своими питомцами.

Л. Никитина «Вечерний Свердловск»

В ДОЗОРЕ ВМЕСТЕ С АЛЬМОЙ

... Помните слова песни: «Кто хочет, тот добьется... кто ищет тот всегда найдет?» Так вот, Вадиму Веряскину очень хотелось стать пограничником и не просто с автоматом в руках охранять государственную границу, а обязательно — с овчаркой, с такой же сильной и умной, как у прославленного следопыта Никиты Карацупы. Появилась эта мечта у казанского паренька не так давно, может быть, год или два назад. Нет, в роду у него никто в пограничных войсках не служил, да и книг Вадим читал о пограничниках не так уж много, чтобы «заболеть» границей.

А началось все гораздо раньше. Как-то во двор ребята принесли щенка. Щенок как щенок, маленький, шупленький, еле стоит на своих еще не окрепших лапках. Ребятам он понравился всем без исключения. А достался Вадиму. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Правда, несчастье не так уж большое, но тогда оно казалось мальчишкам несоизмеримым ни с чем: попробовал один из них взять к себе домой собачонку, вернулся со слезами — мать не разрешила.

Убитые горем, возвращались из своих квартир. Каждый по-своему объяснял причину отказа родителей держать в доме собаку. Так дошла очередь до Вадима. Немало времени потребовалось ему, чтобы уговорить мать и отца. Наконец они

согласились.

Щенок оказался чистокровной овчаркой, и по совету отца Вадим записался в городской клуб служебного собаководства, а затем его избрали в совет клуба как одного из самых активных участников. Четыре года воспитывал Вадим овчарку, а однажды к ним домой пришел незнакомый человек в военной форме и буквально упросил родителей отдать собаку для службы в армии.

Вадиму казалось, что он легко перенесет разлуку с четвероногим другом, но ошибся. Он долго не находил себе места и очень тосковал. Заметили перемену в сыне и отец с матерью и посоветовали приобрести другого щенка.

Так через год в доме появился новый щенок. Овчарку назвали Альмой. Все свободное время Вадим отдавал любимому животному, подолгу занимался с собакой, учил ее выполнять различные команды, готовился к первым в своей жизни соревнованиям. Сейчас ошейник Альмы украшают три малые золотые медали, восемнадцать памятных жетонов за участие в соревнованиях. Вадим не раз завоевывал с ней первые места в городе, его приглашали на выставку служебных собак в другие города, но к тому времени Веряскин уже работал на заводе слесарем-сборщиком и не имел свободного времени.

Однажды начальник клуба служебного собаководства Александр Александрович Фадеев затеял с ребятами интересный разговор.

— Многим из вас через год идти в армию, — сказал он ребятам, — готовить же себя к этому нужно сейчас. Может быть, кому-то из вас удастся попасть служить вместе со своей собакой, например, в пограничные войска.

В тот вечер Вадим Веряскин твердо решил стать пограничником. И представьте себе, его мечта сбылась. Он не раз ходил в военкомат, стучал там в каждую дверь и упрашивал всех подряд зачислить его в пограничники, даже пытался доказывать, что его присутствие на границе необходимо. А когда военком спросил призывника, что его так влечет на границу, Веряскин с жаром ответил:

— Так я же овчарку подготовил для службы на границе. А знаете, как они там нужны! Это же первые помощники пограничников в борьбе с нарушителями границы.

Сейчас Вадим вместе со своей собакой Альмой служит на границе. Вместе с обмундированием ему выдали новую зеленую фуражку, автомат. Правда, молодому воину еще не приходилось участвовать в задержаниях нарушителей границы, но Вадим усиленно готовится к встрече с лазутчиками, тренирует себя лежать в дозоре с собакой на снегу, в стужу лютую, настойчиво совершенствует свои военные и политические знания. И я уверен, что из него получится настоящий солдат границы, надежный защитник Родины.

Ю. Сурков «Советская Россия»

СО ВСЕГО СВЕТА

ШКОЛА ДЛЯ СОБАК

Таможенная школа собак в Нейендеттельсау закупает восьми — двенадцатинедельных спаниелей (преимущественно сук) с первоклассной родословной. Щенков, едва они освоятся с новой обстановкой питомника, играя, начинают приучать к пряному запаху наркотика. Собака, прошедшая курс обучения, закрепляется за специально подготовленным ведущим и отправляется работать на границу или перевалочные пункты, где разгружают прибывающие из-за рубежа грузовики. С равным успехом четвероногих питомцев школы можно применять для обнаружения опиума, морфия и других наркотиков. От хорошо «натасканного» спаниеля не ускользает их малейшая порция. Одна из собак клуба охотничьих спаниелей обнаружила под подкладкой сумки 1,5 грамма гашиша, обернутого лейкопластырем и дополнительно упакованного в плотный кармашек. Контрабандистам не помогают ни надушенные платки,

ни запрятанные в мотор автомобиля флаконы с притертыми или навинчивающимися пробками.

В. Постников, начальник Омского клуба служебного собаководства ДОСААФ С ДРУГОМ — НА ГРАНИЦУ

Подготовка молодежи к службе на границе, дрессировка для этой цели собак занимают одно из центральных мест в деятельности нашего клуба. Для омичей стало традицией ежегодно отправлять на погранзаставы крепких, закаленных, морально подготовленных к службе ребят вместе с их отлично выдрессированными по специальным службам собаками.

Как правило, в августе к нам в клуб приезжают для предварительного отбора офицеры-пограничники. Ознакомившись в военкоматах с личными делами призывников, они на месте выясняют, насколько серьезно желание будущего воина служить на границе вместе со своей собакой. Естественно, и ребята о многом спрашивают пограничников. Те рассказывают им о нелегкой, но почетной службе — охране рубежей СССР, о жизни солдат на заставах.

Как же мы готовим призывников к службе на границе?

В нашем клубе ведется активная работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Дважды в год устраиваем встречи призывников с пограничниками. Перед ребятами выступают офицеры и прапорщики пограничных округов, проходящие срочную службу пограничники. Они знакомят юношей с жизнью застав, приводят примеры задержаний нарушителей, рассказывают и о собаках, выращенных нашими дрессировщиками.

Большой вклад в работу клуба вносят уволенные в запас пограничники, которые занимались у нас еще до призыва. Это нештатные инструкторы В. Гречко, Ю. Засухин, Г. Микин, В. Гаврилов и другие. Они делятся с призывниками своим опытом, стараясь подготовить их к ратному труду.

Кроме того, многие бывшие пограничники и призывники активно участвуют в показательном выступлении «Охрана государственной границы» на мотодроме ДОСААФ Омска. Эти выступления привлекают большое количество зрителей, что, в свою очередь, способствует популяризации служебного собаководства. Да и кому не интересно посмотреть, как работают пограничники, идя по следу! Ведь на мотодроме в это время обстановка, максимально приближенная к реальной: пограничный знак с гербом СССР, контрольно-следовая полоса, «нарушитель» с оружием, «резидент» с рацией, наряд пограничников, преследующий их. Надо сказать, что в таких выступлениях ребята участвуют с огромным удовольствием, старанием и серьезностью.

Более половины членов Омского клуба служебного собаководства — молодежь призывного возраста. Поэтому для более полного представления о службе в Советской Армии мы практикуем выезды в воинскую часть. Ребята с интересом осматривают боевую технику, знакомятся с распорядком дня, с жизнью и бытом солдат и сержантов.

Проводятся у нас и встречи молодежи с ветеранами Великой Отечественной войны. Нередко выступают перед ребятами председатель совета клуба С. И. Кац, В. Аненко, А. Ермолаев.

И, наконец, еще одна форма подготовки ребят к пограничной службе. С учетом безупречного поведения клуб выдает призывникам ходатайства в райвоенкоматы по месту жительства с просьбой содействовать в направлении на границу вместе со своей собакой. Получить такое ходатайство — дело не простое, и призывники добиваются его успешной учебой в клубе. Как правило, большинство просьб удовлетворяется. Со всеми бывшими членами клуба, служащими на границе, мы переписываемся.

Служат наши питомцы отлично. От командиров частей, а порой и из политуправлений округов приходят листовки, письма с благодарностью за хорошее воспитание и подготовку

солдата и его собаки.

Само собой разумеется, что к службе юноша должен быть готов и морально, и физически. Имея это в виду, мы приложили много усилий, чтобы создать хорошую учебно-материальную базу, способную обеспечить проведение различных спортивных мероприятий, вплоть до чемпионатов зоны и РСФСР по многоборью со служебными собаками. В четырех районах города оборудованы учебно-тренировочные площадки, где члены нашего клуба под руководством инструкторов-общественников занимаются дрессировкой, подготовкой к военизированным соревнованиям по зимнему и летнему многоборью, смотрам-соревнованиям.

О том, что занятиям молодежи служебным собаководством, как военно-техническим видом спорта, в городе придается большое значение, можно судить по таким цифрам: если в 1973 году в Омске было всего семнадцать спортсменов-дрессировщиков, а команда наша смогла занять на чемпионате РСФСР лишь пятнадцатое место, то к 1976 году у нас появились перворазрядники, десятки спортсменов второго разряда, и на чемпионате Российской Федерации по зимнему многоборью со служебными собаками, посвященному 50-летию ДОСААФ, команда области завоевала третье место. Сейчас наши спортсмены готовятся к очередным стартам, добываясь все более высоких результатов. За этот период в клубе» выросли перворазрядники: дважды чемпион СССР В. Аненко, серебряные призеры страны Т. Апаева и Л. Зенкович. Победители зональных соревнований и РСФСР В. Аброськин и К. Шелегин в настоящее время проходят срочную службу в Вооруженных Силах.

За качественную подготовку призывников к службе в Вооруженных Силах, за развитие спорта, выращивание и умелую дрессировку служебных собак, а также поставку их в армию, МВД, погранвойска клуб награжден многочисленными грамотами, из которых две — от начальника погранвойск СССР.

В качестве «школы» для будущих пограничников у нас третий год функционирует специализированная добровольная народная дружина, созданная по инициативе молодых собаководов. Сегодня во всех районах города вместе с нарядами милиции образцово несут патрульную службу по охране общественного порядка члены нашего клуба А. Татарков с Рубином, И. За-певалов с Мухтаром, В. Вечерина с Бимом и многие другие. На их счету немало полезных дел. Например, недавно уволенный в запас из погранвойск Юрий Засухин со своим Караем задержал особо опасного уголовного преступника, при этом собака, несмотря на ножевое ранение, довела дело до конца. Аналогичным образом отличился Бим владельца В. Вечериной.

По нашей инициативе в городском кинотеатре «Пионер» создан клуб «В мире животных», где ежемесячно мы встречаемся со школьниками, рассказываем им о значении служебных собак в армии и народном хозяйстве и тут же по возможности демонстрируем им практическую работу.

Все это вызывает у ребят огромное желание стать умелыми собаководами и пограничниками, защищать государственную границу СССР, быть полезными Родине. И клуб оказывает им всемерную помощь и поддержку, проводя большую работу по подготовке молодежи к службе в Вооруженных Силах.

СО ВСЕГО СВЕТА

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ТАМОЖЕННИК

Пес Йохер появляется то на одной югославской таможне, то на другой. Его задача — определять по запаху наличие наркотиков, которые пытаются перевезти через Югославию транзитом некоторые западные «туристы». Йохер справляется с делом блестяще. Как-то четвероногий таможенник обнаружил 15 килограммов гашиша в багаже одной

представительной дамы, путешествовавшей международным экспрессом из Турции. Еще пять килограммов этого наркотика он «унюхал» в тайнике шикарного «Мерседеса».

**С. Дьякова,
начальник Алтайского краевого клуба служебного собаководства
ДОСААФ
ЧАСОВЫЕ «МАЛОЙ ЗАСТАВЫ»**

С первых дней, как мальчишка переступает порог нашего клуба, мы стараемся не только дать ему знания о собаках, навыки дрессировки, но и создать узы, связывающие его с миром животных, с миром природы, с окружающей жизнью. Для этого мы и организовали при нашем взрослом объединении клуб юных собаководов. Это было в мае 1969 года. Только на пятнадцать подростков у нас было всего пять собак.

Через два года, когда в Барнаул вернулся Володя Масленников, в прошлом молодой железнодорожник, первым из наших воспитанников отслуживший на границе со своим Диком, мы уже смогли организовать «малую заставу» с отрядом ЮДП (юных друзей пограничников).

С организацией отряда ЮДП родилась и военизированная игра «Застава, в ружье!». Она проводится в День пограничника далеко от города, в тайге, где все так похоже на настоящую границу. К игре ребята готовятся особенно тщательно, ждут с нетерпением. Зимний вариант этой игры называется «Граница на замке». Ее мы устраиваем в День Советской Армии. Командуют на этих играх воспитанники клуба, отслужившие в погранвойсках. Военной игрой и собранием отмечаем день призывника.

Вот так постепенно сложилась структура клуба, его традиции, а вместе с этим рос его авторитет. Сегодня мы можем говорить уже о системе военно-патриотического воспитания подростков в рамках клуба. Вся работа мы ведем в тесном контакте с крайкомом ВЛКСМ и под руководством крайкома ДОСААФ. В основном к нам приходят ребята двенадцати-тринадцати лет. Сначала их знакомим с основами служебного собаководства. Через два-три года читаем серьезный теоретический и практический курс по специальной программе. Уроки по анатомии и физиологии животных, их дрессировке сменяются лекциями на военно-патриотические темы, практическими занятиями, коллективными походами в кино, театр. Выезжаем также за город, устраиваем литературно-музыкальные вечера.

Мы готовим не просто собаководов и будущих часовых границы, мы воспитываем людей, и важно, чтобы ребята росли не только хорошими специалистами служебного собаководства, сильными, ловкими, смелыми воинами, но и тонкими ценителями красоты, защитниками всего живого в природе.

За восемь лет через наш клуб прошли сотни подростков. Многие из них — Сергей Макаров, Володя Нечунаев и другие — уже успели воспитать хороших собак, отслужить вместе с ними на границе и вернуться домой. Но и сейчас, став солидными людьми, отцами семей, не теряют связи с клубом, Например, работники милиции Сергей Макаров и Владимир Нечунаев ныне возглавляют у нас отряд юных друзей пограничников. Большую помощь в работе клуба оказывают и другие наши «ветераны». Среди них наш первый пограничник Владимир Масленников.

Кроме членских взносов, с подростка мы не берем никаких денег. Обучение в нашем клубе бесплатное. Двери клуба открыты для всех. Можно вспомнить немало примеров, когда двоечники подтягивались в учебе, начинали серьезнее относиться к школе, а трудные ребята переставали быть трудными. Впрочем, вот какое письмо недавно пришло к нам из одной воинской части: «Дорогие друзья! В своем первом письме в новом году я хочу прежде всего высказать большую признательность нашему клубу, всем вам за то, что наставили меня на правильный путь. Уже второй год я курсант погранучилища».

Я намеренно не называю настоящего имени пограничника, ведь многие в клубе еще

хорошо помнят автора письма как трудного подростка. Чего только за ним ни водилось: двойки, драки, приводы в милицию. К тому времени, когда он, ершистый, развязный, впервые заглянул к нам в клуб, требуя продать ему щенка немецкой овчарки, на него уже махнули рукой и школа, и родители, и даже детская комната милиции. Щенка мы, конечно, ему не продали. У нас правило: и самым дисциплинированным ребятам не доверять собаку до тех пор, пока не пройдут начальный курс собаководо-любителя. Но двери клуба перед ним не закрыли. Это его удивило: ведь Бориса никуда не принимали. Он стал к нам ходить на занятия и просто так. Конечно, далеко не сразу Борис изменился. Словом, трудно пришлось, пока он «оттаял», освободился от бравады, дурных привычек. Зато через год даже школьные дела поправил.

Кроме Бориса в высших училищах и школах сержантского состава погранвойск учатся бывшие члены нашего клуба Валерий Летинский, Саша Барков, Костя Ненашев — всех не перечислить.

Сегодня в рядах клуба юных собаководов 350 мальчишек и девчонок, в отряде юных друзей пограничников — 150 подростков от шестнадцати до восемнадцати лет. Смело можно сказать, что вклад клуба в военно-патриотическое воспитание молодежи Алтая заметен.

Наташа Кириченко, 7-й класс ЩЕНОК

У меня живет щенок:
Неуклюж, коротконог,
Ходит по полу нетвердо,
Просит блюдце молока,
И с премудростью собачьей
Не знаком еще пока.
Говоришь ему: «Лежать!»
Он подскочет — и бежать.
Говоришь ему: «Сидеть!»
Он начнет хвостом вертеть...
Больше всех забав на свете
Любит мой щенок играть:
Схватит тапок под буфетом
И утащит под кровать.
По квартире с тапком мчится,
Веселится на полу.
Перед тем как спать ложиться,
Лужу сделает в углу...
Он взобрался на подушку,
Перемазал всю кровать.
Мне сказали что пора уж
Шалуна дрессировать.
Мне сначала трудно было:
Ничего не слушал он.
Но потом за дрессировку
Получил щенок жетон.
... Грустным будет расставанье:
Вырастет щенок большой
И поедет на границу
Охранять страны покой.

**С. Зобнев,
начальник школы юных пограничников
КАК МЫ ГОТОВИМСЯ**

В 1972 году при Казанском клубе служебного собаководства ДОСААФ была организована школа юных пограничников. В школу принимаются ребята шестнадцати лет и старше, подлежащие призыву в армию и желающие идти служить со своими собаками.

Первые подготовленные посланцы нашей школы Н. Закиров, Ф. Хуснутдинов, Н. Ушаков, В. Курлыков, Ю. Крюков и другие показали себя в пограничных войсках как умелые дрессировщики. Благодаря полученной в школе подготовке Владимир Курлыков с Туманом и Юрий Крюков с Принцем уже на первом году службы работали по следам трехчасовой и большей давности. За добросовестную учебу, службу, умелую подготовку своих собак Владимир Курлыков и Юрий Крюков были повышены в должности, им было присвоено звание инструктора, а собаки переведены в розыскные. «Там, где границу охраняет Юрий Крюков, нарушитель не пройдет», — так писала газета Среднеазиатского пограничного округа о нашем посланце. А потом пришло еще одно сообщение. Наши бывшие ученики Рафаэль Курбанга-леев с Соколом и Рафаэль Сайфутдинов с Марсом задержали нарушителей границы.

Программа подготовки допризывников вначале была рассчитана на пять месяцев, а затем пересмотрена и увеличена до десяти месяцев.

Основным предметом в школе является практическая дрессировка собак.

По технике дрессировки стремимся выработать у ребят умение управлять собаками, правильно строить приемы и четко подавать команды и жесты. Требуем добиваться от собак послушания, выдержки и безотказного выполнения команд по приемам ОКД и ЗКС. В зимнее время, в плохую погоду больше занимаемся теорией дрессировки, а также изучаем другие вопросы кинологии.

Чтобы быть умелым дрессировщиком, нужно хорошо знать теорию дрессировки, глубоко понимать технику построения и отработки приемов с учетом типа высшей нервной деятельности, характера и других особенностей поведения дрессируемой собаки.

Дрессировщик — основной раздражитель для собаки. Он воздействует на нее многими факторами: внешним видом, манерой поведения, голосом, мимикой, запахом и т. д. Поэтому дрессировщик сам должен быть опрятен, подтянут, дисциплинирован и трудолюбив, ласков и терпелив, последователен и требователен. Он должен любить свою собаку, но не превращать ее в игрушку, иначе верного друга и надежного помощника из нее не получится. В противоположность этому некоторые владельцы забывают, что собака ощущает не только голод, холод и боль, но и обиду, ревность и другие чувства.

Собака, живя у людей, возможно, представляет себя среди своих сородичей, поэтому хозяина признает за вожака стаи. Вожак в ее представлении должен быть сильным, строгим и заботливым. Поэтому при содержании собаки в семье один из ее членов должен быть основным дрессировщиком, все остальные — придерживаться единообразия в подаче команд.

Дрессировка — процесс сложный и многогранный. На первой стадии она предусматривает прежде всего приучение животного к дрессировщику, установление между ними хорошего взаимоотношения, доверия, контакта. Бывают случаи, когда владелец подзывает свою собаку к себе, а она идет вяло, неохотно или убегает от него. При таком контакте хорошего результата в дрессировке не жди. Поэтому подход собаки по команде к

дрессировщику следует считать очень важным показателем.

Следующий компонент дрессировки — отучение собаки от зверино-животных инстинктов, таких как нападение на животных, пустилайство, погоня за движущимися средствами — мотоциклами, автомашинами т. п. Отучать собаку от этих инстинктов следует с раннего щенячьего возраста.

Третьей составной частью дрессировки является приучение собаки выполнять приемы или работу по командам дрессировщика. При отработке приемов нужно добиваться четкого послушания, настойчиво и терпеливо выработать выдержку у животного.

Многие собаководы-любители, особенно молодые, одним из главных достоинств в собаке видят ее драчливость, злобность при приближении постороннего человека или животного. Конечно, недоверие к посторонним людям у собаки должно быть. Она не должна ласкаться к посторонним, выполнять их команды, брать от них корм, но должна быть смелой и уверенной даже в новой, незнакомой обстановке, вести себя как бы с чувством собственного достоинства и никого не трогать.

Для армии, пограничных и внутренних войск, да и в домашних условиях собака нужна такая, которая бы никого не трогала, никому не мешала, но, когда нужно, по команде могла бы справиться с любым преступником или нарушителем.

Собака видит и воспринимает мир своими собачьими понятиями, она не знает человеческое «надо» или «не надо», добро или зло. У нее нужно выработать, что разрешается или запрещается, как вести себя в той или иной обстановке и т. д. Возможно, свои мысли я излагаю в излишней назидательной форме, но еще много встречается неумелых владельцев-дрессировщиков, у которых собаки с дурными привычками.

Нежелательные связи, в виде чрезмерного увлечения игрой, подноской предметов, ездой на автомашине, у некоторых собак развиваются довольно легко и быстро. Происходит это часто у собак подвижных и темпераментных, но виновата в этом непредусмотрительность дрессировщика. Встречаются такие собаки, которые, увидев машину, бросают работу и убегают к ней. У одного дрессировщика была овчарка Байкал, который постоянно подбирал и таскал во рту палки, камни и другие предметы, чем испортил все зубы. Знали собаку Дину, непомерно приученную играть. Впоследствии даже в школе ее не удалось приучить к серьезной работе. Она все команды воспринимала как игру.

Иной горе-дрессировщик пустой рукой имитирует бросок предмета и подает команду «Апорт!» или ради забавы команду «Фас!». Озадаченная собака не знает, что делать. Обман, как и грубое обращение, ухудшают взаимоотношения дрессировщика с собакой. При травле щенка у него развивается такая злобность, что, став взрослым, он бросается на всех неожиданно. Поэтому у щенков нужно выработать смелость, недоверие к посторонним, а злобность развивать не ранее восьми-десяти месяцев.

Многие молодые дрессировщики неумело пользуются поводком и командами. Вместо того чтобы после поданной команды в приказной и угрожающей интонациях поправить собаку или воздействовать на нее рукой, как предусмотрено методикой (нажать на круп, холку, вытянуть ноги, подвести руку под живот и т. д.), дергают поводком или много раз повторяют одну и ту же команду. Особенно пагубно эти ошибки сказываются в начальный период выработки приема.

Очень часто при дрессировке не соблюдается последовательность. Так, например, при выполнении приемов посадки, укладки и стояния некоторые собаки изменяют положение, пододвигаются. Это происходит потому, что дрессировщик в начале приучения к этим приемам рано отходил от собаки и не мог из-за этого своим резким приближением остановить ее пододвигание.

Пограничники знают, что хорошо подготовленная овчарка — надежный помощник в охране государственной границы. Вот что написал в клуб ефрейтор Владимир Чапурин: «Мы с Доном, как обычно, каждую ночь выходим на границу. Он у меня хорошо несет службу, и я им очень доволен. Та выучка, которую он прошел в клубе, очень пригодилась. Поэтому я призываю больше заниматься со своими собаками, всегда с любовью к ним относиться. И

тогда собака станет настоящим, преданным другом. Ведь на заботу и ласку она отвечает только добротой. Здесь, на границе, когда с тобой рядом такой чуткий друг, ты чувствуешь себя спокойно даже в самые темные ночи».

Но не одна специальная подготовка и надрессированность собаки будут определять мастерство будущего солдата. Пограничная служба требует высоких морально-боевых качеств, физической выносливости, умения в сложных условиях быстро и самостоятельно решать вопросы по охране границы. Поэтому в школе юных пограничников большое внимание уделяется военно-патриотическому воспитанию будущих воинов. Работа начинается с беседы о поведении и учебе в школе, о требованиях, предъявляемых к солдату в современных условиях. Поэтому кроме лекций и бесед о Вооруженных Силах СССР, предусмотренных начальной военной подготовкой, проводятся лекции по материалам XXV съезда КПСС, международному положению, беседы о роли ДОСААФ в укреплении обороноспособности Родины. В комнате, где проводятся занятия, оборудованы стенды: «Сегодня призывник — завтра воин», «У нас в ДОСААФ», «Нормативы по спортивному многоборью со служебными собаками, ОКД, ЗСК». В честь 50-летия ДОСААФ издан плакат «Дрессировщик-спортсмен». Регулярно обновляется бюллетень школы юных пограничников, где помещаются отзывы о наших воспитанниках. Перед занятиями показываются короткометражные кинофильмы: «К службе Родине готов», «Военная присяга», «Застава Кижеватова» и другие. Также демонстрируются фильмы о животных, по биологии, которые расширяют кругозор и познания курсантов о поведении и дрессировке собак.

Со многими воинами, бывшими учениками школы, ведется регулярная переписка. Ребята в письмах рассказывают, как им служится, каковы их успехи в учебе, интересуются работой клуба и школы, дают советы младшим товарищам.

Недавний ученик школы комсомолец Наиль Матыгуллин, ныне курсант школы сержантского состава, пишет и дает наказ своим младшим товарищам:

«Я хочу посоветовать нашим ребятам, чтобы они уже дома готовились к службе в армии. Служба инструктора не такая уж легкая, как когда-то это казалось нам, но зато, как мы говорим, самая пограничная — всегда на границе. Пускай ребята больше занимаются дрессировкой собак, учат теорию, готовят себя к службе физически уже дома, а тем более в клубе, приучают себя к дисциплине. Все ребята нашей школы должны участвовать в состязаниях по спортивному многоборью со служебными собаками. В таких соревнованиях хорошо тренируются собаки, набирают силу и выносливость сами ребята. У нас здесь были курсанты с личными собаками, которые не смогли выдержать физической нагрузки, и их отчисляли из школы в вожатые. Я, наверное, со своим Демоном здесь уже полкряя обегал. Я не пугаю ребят. Хотя служба и тяжелая, но очень интересная и нужная».

О необходимости совершенствования подготовки к службе в армии писали нам и другие воспитанники школы. Особенно они просили обратить внимание на физическую подготовку самих допризывников. Сейчас на наших занятиях обязательными являются кроссы на разные дистанции, гранатометание в цель, стрельба из пневматической винтовки, преодоление полосы препятствий вместе с собакой. И это принесло свои результаты. Кратко и выразительно сообщил о себе ефрейтор Хайдар Мухаметгалиев, в прошлом один из лучших дрессировщиков Казанского клуба служебного собаководства: «В мае мы сдавали зачеты по дрессировке собак. У нас с Адой «отлично».

Когда Хайдар возвратился со службы, он в первый же день пришел на встречу с учениками школы юных пограничников. Его красноречивый рассказ об учебе, о трудностях и романтике армейской службы дополняли знаки солдатской доблести, украшавшие грудь воина.

Сейчас Хайдар работает на заводе, а после работы со знанием дела помогает будущим

воинам подготовиться к службе.

Это установившийся обычай — старшие помогают младшим. Так поступали В. Сергеев, Н. Ахмадуллин, Ю. Крюков, В. Курлыков, Ш. Сафин, А. Осудин и другие.

За пять лет существования школы появились и другие традиции. Зимой и летом, после очередного увольнения воинов в запас, отслужившие встречаются с теми, кто готовится идти служить. Встречи проходят интересно и оживленно. Старшие рассказывают об армейской жизни, учебе, дают наказы служить достойно. Младшие обязуются надежно охранять рубежи, с честью выполнить свой долг по защите Родины.

Перед призывом в армию, в апреле и октябре, проводятся соревнования будущих воинов на приз Казанского горкома ВЛКСМ, а затем вечер проводов призывников. На вечере победителям соревнования вручаются призы и памятные подарки, членам ВЛКСМ — комсомольские путевки и всем достойным — рекомендации клуба служебного собаководства и школы юных пограничников на призыв со своими собаками. Победителями соревнования в разные годы были: В. Урусов с Вожаком, Х. Мухаметгалиев с Адой, И. Орлов с Чарой, Н. Шамсутдинов с Вандой.

В 1976 году дважды, весной и осенью, лидером был Игорь Деткин с Кайфом. Сейчас он курсант школы сержантского состава, где он так же, как и в клубе, учится старательно. Начальник заставы товарищ Кожухов прислал на него отзыв-характеристику: «Деткин Игорь Васильевич призван в пограничные войска по комсомольской путевке со своим четвероногим другом — собакой Кайф. По предметам боевой и политической подготовки имеет только отличные и хорошие оценки. Собака подготовлена хорошо. Игорь прилагает максимум старания в обучении. Большую роль в хорошей подготовке Игоря к службе сыграли занятия в клубе служебного собаководства ДОСААФ. Игорь принимает активное участие в общественной жизни заставы. Пользуется заслуженным авторитетом среди товарищей, является передовиком социалистического соревнования в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Через некоторое время он будет непосредственно охранять государственную границу нашей Родины».

О примерном поведении и отличной учебе также получены отзывы на комсомольцев Владимира Жандарова и Наиля Матыгуллина, призванных вместе с Игорем. У нас еще не успели пройти радостные волнения от характеристик на наших посланцев, а из части пришли новые вести. Игорь включен в сборную команду части как лучший дрессировщик, а Наилу досрочно присвоено звание ефрейтора.

Хорошие отзывы из частей получаем на многих воспитанников. «О Рафаэле Юсупове могу сказать только одно хорошее, — написал его командир. — Добросовестный, честный солдат. Свое дело любил. Как специалист — молодец. Много помогал в организации занятий и проведении сборов вожатых. Школу не кончал, а уволился старшим сержантом. Отслужил хорошо, награжден всеми знаками воинской доблести».

По полученным письмам и отзывам из частей можно сказать только одно — кто лучше готовился к службе дома, в клубе ДОСААФ, тот больше преуспевал и был примером в выполнении своего воинского долга перед Родиной — Союзом Советских Социалистических Республик. Добрым словом за службу в пограничных войсках со своими собаками заслуживают быть отмеченными кроме названных выше А. Печищев, В. Аракчеев, Р. Загидуллин, Н. Дудоров, Ю. Салмин, А. Чепурин, С. Лапин, А. Строкин и другие. Все они возвратились со службы со всеми знаками воинской доблести, специалистами 1-го и 2-го класса.

За боевую учебно-воспитательную работу с молодежью Казанский клуб служебного собаководства ДОСААФ награжден Почетной грамотой ЦК ДОСААФ и грамотами командования пограничных войск КГБ СССР и начальником войск Тихоокеанского пограничного округа.

В дни, когда страна отмечала великий праздник — 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, молодые патриоты, призывники 1977 года О. Вещин, С. Балянин, М. Раупов, В. Филимонычев, Е. Киреев, Р. Халилов и другие особенно тщательно

готовились к службе в армии и настойчиво дрессировали своих овчарок. Можно быть уверенными, что они надежно будут охранять мирный труд советских людей.

ПАЛЬМА И ДРУГИЕ

Ю. Рост
РЕПОРТАЖ О ВЕРНОСТИ

ДВА ГОДА ЖДЕТ

Вот такая история произошла в московском аэропорту Внуково.

Шла посадка на самолет Ил-18, отлетающий куда-то на Север. Люди суетливо семенили за дежурной, спеша первыми сесть на тихие места в хвосте. Лишь один пассажир не спешил. Он пропускал всех, потому что летел с собакой.

Аэродромные техники, свидетели этой истории, утверждали, что у человека был на собаку билет, и он спокойно дожидался очереди. Но овчарку в самолет не пустили — не оказалось справки от врача. Человек доказывал что-то, уговаривал...

Не уговорил.

Он не остался вместе с собакой, и мы надеемся, что причина была серьезной. Тогда, во Внуково, отчаявшись улететь, он обнял пса, снял ошейник, отпустил собаку, а сам поднялся по трапу.

Овчарка, решив, что ее выпустили погулять, обежала самолет, а когда вернулась на место, трап был убран.

Потом собака побежала по рулевой дорожке за гудящим «илом». Ошибка была и в том, что дом двигался. Дом двигался уже по взлетной полосе. Она бежала за ним, сколько могла.

Самолет обдал ее горячим керосинным перегаром и ушел в небо. С закрытой для нее дверью.

Собака осталась на пустой взлетной полосе.

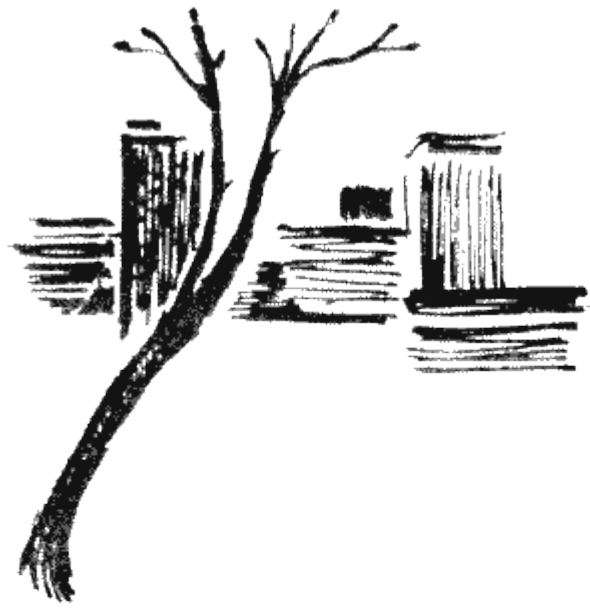
О чем она «думала» тогда — не знаю. Может быть, она опасалась за человека: как он

там без нее, один?

Она стала ждать. Первое время она бежала за каждым взлетающим «илом» по взлетной ленте до места, где человек оторвался от земли.

Здесь впервые ее и увидел командир корабля Ил-18 пилот первого класса Вячеслав Александрович Валентэй. Он заметил бегущую рядом с самолетом собаку и, хотя у него во время взлета бывает много других дел, передал аэродромным службам: «У вас на полосе овчарка, пусть хозяин заберет, а то задавят». Потом он видел ее много раз, но думал, что это пес кого-то из портовых служащих и что собака живет рядом с аэродромом. Он ошибся, собака жила под открытым небом, на аэродроме. Рядом со взлетной полосой, откуда было видно взлетающие «илы».

Позже, спустя некоторое время, она поняла, что уходящие в небо машины не принесут ей встречу. И перебралась ближе к стоянке. Теперь, поселившись под вагончиком строителей, прямо напротив здания аэровокзала, она видела приходящие и уходящие Ил-18. И едва подавали к самолету трап, бежала к нему и, остановившись на некотором расстоянии, ждала.

Как-то раз Валентэй прилетел из Норильска и снова увидел овчарку. Человек, переживший Дахау, повидавший на своем веку много горя, он узнал его в глазах исхудавшей собаки. Расспросил техников о ее судьбе.

Это было вечером, а утром он был в редакции «Комсомольской правды».

На следующий день мы шагали по летному полю к стоянкам Ил-18.

— Послушай, друг, — обратился командир к заправщику, — ты не видел здесь собаку?

— Нашу? Сейчас, наверное, на посадку придет.

— У кого она живет сейчас?

— Ни у кого. Она в руки никому не дается. Ее и ловили здесь. И другие собаки рвали, ухо у нее, знаете, помято, но она с аэродрома никуда, ни в снег, ни в дождь. Все ждет. Своего.

— А кто кормит?

— Теперь все мы ее подкармливаем. Но она из рук не берет и близко никого не подпускает. Кроме Володина, техника. С ним вроде дружба, но и к нему идти не хочет. Боится, наверное, самолет пропустить.

Техника Николая Васильевича Володина мы увидели возле самолета. Сначала он, полагая, что мы с суровыми целями, сказал, что собаку видел, но где она, не знает, а потом, узнав, что ничего дурного ей не грозит, сказал:

— Вон рулит восемнадцатый, значит, сейчас придет.

— Как вы ее зовете?

— Никак. На аэродроме никто ведь не знает ее клички.

Ил-18, остановившись, доверчивал винты... От вокзала к самолету катился трап. С другой стороны, от взлетной полосы, бежала собака. Немецкая овчарка с черной спиной, светлыми подпалинами и умной живой мордой. Одно ухо было порвано. Она бежала не спеша и поспела к трапу, когда открыли дверь.

— Если б нашелся хозяин, за свои деньги бы отправил ее к нему, — сказал Валентэй, — и каждый командир в порту взял бы ее на борт...

Собака стояла у трапа и смотрела на людей. Потом, не найдя, кого искала, отошла в сторону и легла на бетон, а когда привезли пассажиров, подошла вновь и стояла, пока не захлопнулась дверь и не отчалила от странного дома странная лестница. Обо всем этом и было напечатано в «Комсомольской правде». А заканчивалась заметка так:

«Вот пока и вся история о верности и любви. Пока, потому что, может быть, эту заметку прочтет человек, когда-то улетевший на Ил-18 и, вероятно, решивший, что та, которую он по несчастью оставил, уже забыла его. Пусть этот человек срочно возьмет отпуск и летит в Москву.

Потому что во Внуковском аэропорту его ждут. Уже почти два года».

ВСЕ ЕЩЕ ЖДЕТ

А через две недели «Комсомолка» вернулась к этой теме опять. Потому что две недели без перерыва тысячи читателей газеты писали и звонили в редакцию. Письма еле умещались на столе. Люди спрашивали, советовали, предлагали свои услуги, присылали деньги. Всех их интересовала судьба собаки, которая два года живет на аэродроме, встречая и провожая самолеты Ил-18, на одном из которых осенью, семьдесят четвертого года, по утверждению очевидцев, улетел ее хозяин.

Мы надеялись, что, прочитав заметку, человек бросит все дела и прилетит в Москву, чтобы, как писала инженер из Кемерово О. Карасева, «завершить историю счастливым концом».

Ожидаящий — достоин встречи.

До публикации единственным заинтересованным лицом была собака и несколько ее аэродромных друзей. Теперь заинтересованы были сотни читателей. Все мы ждали его .

— Наделали вы дел, — сказал начальник московского транспортного управления

Министерства гражданской авиации Юрий Алексеевич Луговой, — все спрашивают, звонят, работать мешают. Мы приняли меры.

— В каком смысле?

— Да нет, все в порядке. Просто мы решили создать ей нормальные условия, пусть живет, пока хозяин не найдется. Дом ей построили, вольер сделали... Поезжайте, посмотрите.

Дом-будка и вольер на Внуковском аэродроме были данью Аэрофлота измучившейся овчарке. Кормушка была полна сырого и вареного мяса, поилка — чистой водой. Летчики хотели помочь собаке (действительно сухо и сытно, а если придет хозяин, сможет подойти к вольеру и окликнуть), но именно здесь едва не разыгралась трагедия...

В вольер собака вошла с большой опаской. Она доверилась Н. В. Володину, но, когда он ушел, занервничала и до утра не прикоснулась к мясу и воде. Она нервничала и с тоской смотрела на закрытый выход. Но выхода не было, она должна была ждать.

Первый хозяин появился в порту на следующее утро после публикации. Девочка-девятиклассница из Ногинска. Ее отец, уезжая на Север, увез собаку, но, может быть, не увез?... Девочка подошла к загону и позвала: «Верна!» Собака повернула голову, посмотрела и не пошла.

А в это время в редакции обрывали телефон, и телеграфный аппарат принимал депеши:

В. А. Соловьев из Саратова: «Если хозяин не найдется, я возьму. Ко мне пойдет, я понимаю «язык» животных. С котятками и собаками «разговариваю» запросто».

— Моя фамилия Бочаров Федор Хрисанович, это моя собака. Ее зовут, Аста. Она меня увидит и сразу узнает.

И вот мы в редакционной машине, захватив корреспондента радио Владимира Михайленко, едем во Внуково, где в вольере ждет хозяина собака. Аста?

У Бочарова тяжело заболела жена, и он вынужден был на время отдать собаку в питомник; когда спустя месяц он пришел за ней, оказалось — овчарку отдали: кажется, человеку, улетающему на Север...

Мы подъехали к проходной порта, а навстречу нам медленно двигался фургон с синим крестом.

— Ну и ну, — сказал Михайленко, — собаководы!

Мы выскочили из машины и наткнулись на человека в форме Аэрофлота. Он стоял у проходной и зло ругался вслед уходящему фургону.

— Где овчарка?

Он посмотрел на нас, неожиданно улыбнулся и сказал:

— Убежала. К полосе. Вы откуда?... А я Окинин Николай Степанович, старший инспектор службы безопасности полетов... Вокруг Внуково полно бездомных собак, так они не ловят. А тут отреагировали. Лечить приехали с проволочной петлей. Они у меня в поселке из будки спаниеля так вытащили. Три дня пороги обивал. С концами... Но эта поумней оказалась. Прямо из фургона выскочила... Пулей. Теперь ее долго не найдешь. Напугали.

(Старший инженер аэродромной службы Н. В. Феллов был свидетелем инцидента. Он, как и все, кто видел машину с синим крестом, решил, что собаку освидетельствуют и дадут рекомендации по уходу в вольере, но вместо этого ее поймали за шею и на стальной удавке втащили в машину, а когда она, уж не знаю каким чудом, вырвалась на волю, чуть не крикнул «ура»).

— Вообще-то это непорядок — собака на полосе, — добавил Окинин, — но эту жалко, мы уж смотрим сквозь пальцы. Умнейший пес.

— Это Аста, а если и нет, я ее заберу.

— Теперь она выбирает, — сказал инспектор. — Поехали к строителям рулежной дорожки, где она поселилась.

К вагончикам мы подъехали одновременно с рабочим автобусом.

— Вы по поводу Пальмы? Мы ее Пальмой зовем.

Под одним вагончиком стоял крепкий ящик, одна вертикальная доска вынута — вход.

Внутри картон и старый ватник.

— Только она здесь не живет. Осторожничают. Видно, напугали ее. Ей надо, чтобы все видно. Какой человек идет или какой самолет рулит. Она на земле устраивалась, так мы ей сиденье от старого автобуса положили — мягче оно, и теплей.

— А что она ест?

— Что приносим, то и ест. Из рук берет, но осторожно. Бумага зашуршит — она уже за десять метров.

— А у самолетов ее не кормят?

— Нет, да кто? Пассажиры думают, что она чья-то. А техники по полю с завтраками не ходят. К буфету она подходит.

— Она гладкая была, блестела, когда только появилась.

— Когда, — спросил Бочаров, — год назад?

— Нет, два. Мы только начинали строить, и тут была куча песка. Она, может месяц прошел, как появилась, щенков на песке родила. Двух. Породистые. Их потом забрал к себе кто-то из поселка.

— А после уже щенков не было. Наверно, этот хозяин ее тяжелую оставил, хорош...

— Нам не хорош, а ей был хорош, раз она ни к кому не идет. Пусть бы прилетел хоть какой, лишь бы не страдала.

— А может, она и не ждет уже, просто привыкла у самолетов?

— Это вам важно? Или ее беда от этого меньше?

— Как она с людьми?

— Добрая. Играет с женщинами, на дистанции, правда. Один раз мы дверь не захлопнули, так она с полкилометра бежала за автобусом, пока не вернулись и не закрыли. Так, вроде, дружба, но в руки не идет.

Бочаров слушал. Потом отошел от рабочих. Он шел по желтой, побитой первыми заморозками траве и кричал в пустоту: «Аста! Аста!»

А в это время по трапу из самолета рейса Донецк — Москва сходила старушка в косынке горошком и в летних тапочках. У нее не было багажа, а только ручная кладь — небольшой узелок. Старушка не пошла к автобусу в город. Она спросила в справочном, где служебный ход, и скоро стала в будочке за проходной.

— Чего тебе, бабушка? — спросили ее вахтеры, Алиса Павловна Сапожникова и Екатерина Петровна Подгурская.

— За собачкой я.

— Специально прилетела?

— Да.

— Твоя собака?

— Нет.

— Не пойдет она к тебе. Она ни к кому, кроме хозяина, не пойдет.

— Наверное, вы ее обижаете.

— Нет, что ты, не волнуйся. Ее здесь не обижают теперь.

— Ну ладно, — сказала старушка. Она развязала узелок, достала расфасованное, в целлофане, рагу и отдала вахтерам.

— Прибежит если — накормите. — Завязала узелок и пошла к вокзалу.

У входа ее встретила предупрежденная вахтерами Клавдия Георгиевна Ивлева — начальник службы транзита:

— Куда же это ты прилетела, горе мое? Пошли-пошли, матушка. — Она перевела кого-то на другой рейс, освободив бабушке место в ближайшем на Донецк самолете (с этого момента став опекуном всех прилетающих к собаке людей), и пошла на почту давать телеграмму.

Тот печальный для собаки день Клавдия Георгиевна помнит хорошо. День, потому что это было днем. И знает, в чью смену, и знает, что самолет летел в Норильск, и помнит, как они бегали на летное поле смотреть на красивую овчарку, которая ни к кому не подходила.

Клавдия Георгиевна дала в Норильск на комбинат и местное телевидение телеграмму с просьбой сделать передачу (мало ли, вдруг «Комсомолку» не прочтут) на весь Норильский куст. И норильчане, зная Ивлеву, такую передачу сделали...

Печатаемая заметку, мы предполагали: на нее откликнется несколько человек, так или иначе связанных с судьбой овчарки, но оказалось, что собака с порванным ухом, живущая на летном поле, объединила тысячи людей в проявлении доброты. Уже за одно это встречающаяся у трапа собака достойна памятника, как замечает в письме председатель комитета плавсостава Азовского морского пароходства В. Г. Янда. Он даже предложил в качестве взноса 50 рублей. На памятнике можно было бы выбить: «За воспитание чувств».

Что ж, можно предположить, что приезд агронома из Белой Церкви Анатолия Мусиенко с целью помочь собаке, телеграфный перевод 5 рублей на еду овчарке от третьеклассницы из Львова Беаты Чаговец продиктованы тем же чувством, которое заставило Александра Т. из Москвы позвонить в редакцию и сообщить, что после истории с внуковской собакой он поехал на дачу и забрал домой щенка, взятого им летом для забавы ребенка и брошенного после отъезда, как многие десятки зверенышей в дачном поселке. Это чувство — чувство пробудившейся ответственности за чужую судьбу.

Эта история все не оканчивалась. И теперь, когда все меньше вероятности было, что хозяин вернется за Пальмой, когда надежда на счастливый конец осталась в нашем сердце мечтой, когда становилось очевидным, что внуковская собака обречена на вечное ожидание (даже если ее приютит другой хороший человек), когда она из обычной овчарки превращалась нами в символ верности, она становилась еще и упреком. Тому человеку и другим людям, завоевавшим любовь, доверие и привязанность и оставивших на долгие страдания у трапа, у дачной калитки, у подъезда верящих им теплых, мучающихся, живых существ...

... Нет, все-таки не осталась Пальма вечной сиротой. Такая преданность не могла не заставить людей задуматься о судьбе верного создания... Мы уже не говорим о том, что в адрес Пальмы или, точнее, Внуковского аэропорта, посыпались денежные переводы от взрослых и детей, переводы поступали даже из-за границы, и там тревожились о собаке. И вот нашелся человек, к которому изверившаяся Пальма вдруг почувствовала полное неодолимое доверие, подошла сама, позволила погладить... и так однажды оказалась в самолете, совершающем рейс по маршруту Москва — Киев, прилетела в столицу Украины и поселилась в семье Котляревских.

История, рассказанная «Комсомольской правдой» об овчарке Пальме, которая два года ждала своего хозяина на Внуковском аэродроме, взволновала многих. Вере Арсеньевне Котляревской, которой удалось приручить собаку, и поныне продолжают приходить письма. Многие от ребят. На конвертах пишутся иногда самые невероятные адреса. Например: «Тете, которая взяла Пальму», «Пальме из Внуковского аэродрома». И Киевский почтамт доставляет эти депешки точно по адресу. «Привет Пальме», «Как чувствует себя сейчас Пальма?» — так заканчиваются короткие и длинные послания.

Передаем слово самой Вере Арсеньевне Котляревской — кандидату биологических наук, председателю Киевской секции Всесоюзного общества охраны природы.

Пальма попала в дом, где уже жили собака Бетти, попугаи, кошки. Понадобилось время, чтобы гостя окончательно поверила в то, что ей не угрожает опасность, перестала бояться закрытых дверей, громких голосов. Из многих человеческих слов самую большую радость вызывает слово «гулять». Если говорить о знании специальных команд, которым учат служебных собак, то Пальма или не знала их вовсе, или успела забыть. Команду «Апорт!» она долго не хотела выполнять: летящая палка вызывала у нее страх.

Юным киевлянам не терпелось поскорее увидеть собаку, за судьбой которой они внимательно следили. Первыми пришли к нам одноклассники дочери Оксаны. Потом вместе с Пальмой мы побывали в школах. Сама этого не зная, Пальма делала важную работу. Она стала помогать спасать других животных и птиц.

Я не открою вам секрета, если скажу, что Пальма не единственное животное, нуждающееся в нашей защите. Приходится слышать, увы, что в одном дворе мальчишки били кошку, а в другом разорили гнезда. Мне случалось самой останавливать школьников, которые кидали камнями в жаб, вылавливали из луж головастика или отбирали у белки орешки.

А вот еще одно происшествие. Группа школьников ночами угоняла лошадей из расположенного рядом совхоза. Мальчишки мчались на них по лесам и лугам, а потом взмысленных лошадей бросали, когда пропадал интерес. Были случаи — коней загоняли. Ведь рабочая лошадь к бешеным скачкам непривычна, от такого кросса у нее может разорваться сердце.

Цена жестокости... Оказалось, что ее можно вычислить на счетах. Один из таких набегов принес совхозу семь тысяч рублей убытка. Но есть ущерб, который в цифрах не вычислишь. Жестокость обезображивает человеческую душу. Чтобы совершить жестокий поступок, не нужно ни большого ума, ни силы, ни знаний.

Ребята в своих письмах спрашивают: «Мы тоже хотим помочь Пальме. Что можно сделать?» Ответ на это у меня готов. Немало вы можете сделать для таких, как Пальма. После того как мы с овчаркой побывали в гостях в пионерской комнате при ЖЭК № 1101 в районе Борщаговки, там ребята организовали отряд «Верные друзья».

Что же в планах отряда? Сейчас он поставил задачу: собрать сведения о полезных существах, обитающих рядом с нами в городе. К ребятам из такого отряда смогут приходиться за консультацией жители, прежде чем взять в дом животное: ведь в отряде знающие люди.

Кстати говоря, в дружбе человека и собаки много еще для науки неизвестного. Между тем появился в медицине термин — анимотерапия: общение с животными лечит, особенно нервные заболевания у детей.

Ученым также интересно знать, какие формы принимает взаимное влияние человека и собаки, какие есть возможности передачи информации от человека животному. Как собака может угадывать отношение к ней, если человек ни жестом, ни голосом не обнаруживает его.

Наша доброта, знания, наблюдательность откроют нам завесу неизвестного.

СО ВСЕГО СВЕТА

НАХОДЧИВАЯ ОВЧАРКА

Овчарка проводила хозяина до электрички. Когда поезд ушел, прыгнула с платформы на рельсы и, перескакивая через разводящие стрелки, побежала домой. Вдруг — поезд. Он мчался навстречу с бокового пути. Животное метнулось было в сторону, но, видимо, тут же «сообразило»: не убежать! Собака припала к земле между рельсами и в следующее мгновение исчезла под поездом...

— Пропала овчарка, — жалели пассажиры, ставшие случайными свидетелями происшествия.

... Отстучали колеса. Мигнул красный огонек последнего вагона. Распластанная собака с вытянутой шеей безжизненно лежала между рельсами. Потом открыла глаза шевельнула ушами, подняла голову, огляделась и убедившись, что опасность миновала, стремительно вскочила и с лаем помчалась к дому...

Г. Куришаков

Марийка Губко, 2-й класс
СТИХИ О ПАЛЬМЕ

Вот стоит она:
Поднятый хвост,
Голову чуть набок
Наклонила.
Это всем известный
Верный пес —
Пальма с 18-го «ила».
Поднялась метель.
Не видно звезд.
Самолеты все уж
Укатили.
Но стоит она
И поднят хвост —
Пальма с 18-го «ила».
В «Комсомольской
правде»
Есть рассказ,
Все там напечатано,
Как было.
Вот стоит она
И поднят хвост —
Пальма с 18-го «ила».

Я. Милецкий
РЕПОРТАЖ О ЧЕТВЕРОНОГОМ ЧЕМПИОНЕ

ТЕМНЫЕ ГЛАЗА

Помните ли вы кинофильм «Дело пестрых»? Может быть, помните. Я хочу рассказать об истории одного из снимавшихся в нем «актеров».

Он держался обособленно и ни с кем из участников фильма дружбы не заводил. Его побаивались. С ним пытались заигрывать, предлагали угощения и говорили ласковые слова, но он ни на кого не обращал ни малейшего внимания. Особенно добивался дружбы с ним актер, исполняющий роль Купцевича, скупщика краденого, заранее зная, что по ходу действия ему придется иметь с ним куда более тесный контакт, чем он того желал. Актер оказался человеком настойчивым, и партнеров несколько раз видели прогуливающимися вдвоем по двору.

Снимался наш герой весьма охотно, играл так естественно, что ему завидовали другие, но отличался от остальных артистов тем, что абсолютно не слушался ни режиссера, ни его помощников и подчинялся только приказам своего вожатого. И все же режиссер остался им очень доволен, и вскоре его пригласили сниматься и в другом фильме «Дело № 306».

Вы, вероятно, догадались, что речь идет о знаменитой ищейке Московского уголовного розыска Байкале и о его проводнике Михаиле Ивановиче Петухове.

... Во дворе дома, где за забором укрылись будки служебно-розыскных собак, группа людей в милицейской форме и в штатском знакомилась с новичками — немецкими

овчарками. Невысокий худощавый человек переходил от одной к другой, внимательно осматривал каждую. Это был Петухов, старший лейтенант милиции, бывший пограничник.

Выбрать ищейку не так-то легко. Петухов отвергал одну собаку за другой: эта казалась вялой, та — резкой, а третью он и вовсе не удостоивал вниманием — глаза светлые. Петухов убежден, что лучше всего поддаются дрессировке овчарки с темными глазами. Но вот он подошел к небольшой собаке, высоко поднявшей морду с блестящими темными глазами. Петухов замахнулся на нее — проверка на трусость, — овчарка чуть отступила назад и оскалилась. «Хороша!» — заметил кто-то из работников уголовного розыска.

— Бери, не пожалеешь, — предложил Владимир Константинович Орлов. Он тоже пришел в уголовный розыск с пограничной заставы. — Байкалом зовут. Отличный пес. Сангвиник. Чемпионом будет. Помяни мое слово.

— Скажешь... Чемпионом... — усмехнулся Петухов. — Ну что же, попробуем...

Так служебно-розыскная собака Байкал была зачислена на службу в уголовный розыск.

ОТРАВЛЕННЫЙ СПИРТ

Дрессировка Байкала продолжалась всего сорок два дня, хотя обычно на это уходит несколько месяцев. Труднее всего пришлось с такой, казалось бы, простой командой, как «Голос!». Овчарка молчала и чуть грустно поглядывала на своего хозяина. Он повторял команду в угрожающем тоне. Байкал не реагировал. Петухов утешал себя: «Так привязался, что не хочет лаять на меня». Слабое, конечно, утешение! Из сорока двух дней две недели ушли на обучение одной только этой команде — «Голос!».

Через месяц после начала дрессировки Петухов уже записал в журнале: «След взял правильно». А еще через неделю появилась новая запись: «Выборку человека от вещи произвел правильно». Это значило, что, понюхав брошенную кепку, Байкал из десятка человек выбрал именно того, кому она принадлежала.

И вот настал наконец день, когда Петухов заявил, что ищейка готова нести службу. Его назначили на пост к дежурному по городу. И первое же дежурство оказалось первым успехом Байкала.

Кража была небольшая, но опасная: из научно-исследовательского института украли несколько фляг со спиртом. Беда заключалась в том, что спирт был с чем-то смешан, и тому, кто отведал бы его, грозила смерть. Откровенно говоря, дежурный по городу, отправляя Петухова с Байкалом в составе оперативной группы, не особенно надеялся на успех ищейки: «Молода собака-то...»

Байкалу действительно шел всего второй год. И Петухов сам был не очень-то уверен в овчарке.

Их привели в химическую лабораторию. Воздух тут был так насыщен многообразными запахами, что старший лейтенант милиции даже расстроился. Нет, Байкалу тут делать нечего! А Байкал, как обычно не отрываясь, смотрел в глаза своему хозяину. «След!» — скомандовал Петухов.

Пес засуетился, забегал возле того места, где стояли фляги, заволновался, заметался, мелко перебирая лапами и водя влажным носом по полу. «Неужели не возьмет?» В это мгновение Байкал решительно натянул поводок, выбежал из лаборатории и устремился к лестнице. Низко опустив голову, собака не отрывалась от учуянного следа.

Байкал с проводником бежали впереди. Стараясь не отстать от них, спешили оперативные работники. Они уже на улице, пустынной в этот ночной час. Собака, свернув по тротуару направо, заметалась. Петухов еще раз шепнул ей: «След!» — и она уверенно свернула во двор большого дома и потянула в глубь двора, туда, где были сложены дрова.

Среди поленьев и оказались украденные алюминиевые фляги. Целые, нетронутые. Петухов обрадовался, но это было лишь полдела.

— След, Байкал, след! — Петухов склонился к самому уху собаки и погладил ее по голове. — Хорошо... След...

Теперь Байкал повел Петухова к полуразвалившемуся гаражу на пустыре и стал царапаться в закрытую дверь.

— Откройте! — крикнул Петухов.

Никто не отозвался.

— Голос! — приказал он собаке, и та залаяла. Петухов подождал немного и крикнул опять: — Откройте, а то пушу собаку, и тогда уж я за нее не отвечаю!

Ждать пришлось недолго. Щелкнул затвор, и на пороге появились двое. Байкал грозно зарычал.

Это было первое преступление, раскрытое им.

За первым — второе, потом третье, и очень трудное.

... Воры, обобравшие магазин, рассыпали по полу табак и разлили одеколон, считая, что этим они обезопасят себя от преследования ищейки. Надо сказать, что такая уловка сбивает некоторых собак со следа. Но Байкал обладал исключительным чутьем. Петухов отозвал его на десяток метров от места преступления и приказал: «Ищи! След!» Собака долго и старательно вынюхивала ближний тротуар, но безрезультатно. Проводник снова и снова повторял свой приказ. Ищейка металась из стороны в сторону и жалобно выла. Тогда Петухов оставил собаку на месте, и сам еще раз пошел осмотреть магазин. Там он нашел спичку, показавшуюся ему, как говорится, свежей, недавно брошенной на пол. «Может, кто из преступников бросил», — подумалось ему, и он посоветовался с оперативным работником.

— Разве собака по спичке возьмет след? — усомнился тот.

— Попробую.

Байкал след взял и привел на квартиру одного из домов, находившегося за километр от места кражи. В передней висело пальто. Байкал обнюхал его и тотчас же, бросившись в комнату, сорвал одеяло со спавшего на кровати человека. Это и был один из трех воров, ограбивших магазин.

Так начиналась большая биография Байкала.

Петухов дрессировал его каждодневно. Уходя в кабинет дежурного по городу, он оставлял Байкала на улице и приказывал: «Сидеть!» Собака часами не двигалась с места. Друзья Петухова нарочно подходили к ней, предлагали колбасу или сахар. Байкал ни на что не обращал внимания. К нему подводили других собак — он их не замечал.

Когда Петухов хотел побаловать Байкала, он ласково говорил ему: «Пошепчи, Байкал». Пес становился на задние лапы, передние клал ему на плечи и утыкался мордой в его ухо.

— Что он шепчет тебе? — смеялись друзья. — Расскажи нам.

— Жалеет, что не может говорить...

В первый же год службы Байкал помог раскрыть тридцать три преступления. Пятьдесят один преступник на вопрос о том, кто их задержал, мог ответить одним словом — Байкал.

ПУТЬ ЧЕМПИОНА

Когда старший проводник МУРа Михаил Иванович Петухов надел погоны капитана милиции, его Байкал уже имел на своем счету больше сотни раскрытых преступлений. Петухова с его Байкалом вызывали теперь на самые ответственные задания.

... Однако крупных уголовных дел встречается не так уж много. Больше приходилось Байкалу сталкиваться с мелкими воришками. Я расскажу об одной истории с часами — простой и банальной, но нелегкой для Байкала.

Стояла такая душная летняя ночь, что даже самые осторожные жильцы первых этажей оставили окна открытыми. Этим и воспользовался вор. Стащил часы из одной комнаты, потом из другой. Но тут услышали шум, бросились к окну: парень в клетчатой рубашке бежал изо всех сил. Было это недалеко от Петровки, и Петухов быстро примчался на место происшествия. Примчался с собакой, но усомнился, возьмет ли она след. Вор пробыл у окна считанные минуты, украдена маленькая вещь. Кроме того, погода тихая, а попутный ветер

считается наиболее благоприятным для работы ищейки. Однако след был горячий, и Петухов все же решился. И, к его удивлению, Байкал сразу повел его через скверик к подъезду дома, по лестнице на второй этаж, где, прижавшись к стене, стоял парнишка в клетчатой рубашке.

Однако парень не признавался ни в чем, а украденных часов у него не оказалось. Пока в отделении милиции шел допрос, Петухов вернулся в сквер. Ему почему-то казалось, что вор, опасаясь погони, мог выбросить часы куда-нибудь в кусты. Конечно, сам он не надеялся их найти, но Байкал...

Он снял поводок и послал собаку на обыск местности. Прошло несколько минут, и раздался победный лай. Часы лежали в траве за кустами.

Часы вернули хозяевам, которые в милицейском протоколе именовались потерпевшими. Восторгу их не было предела: «Ах, какой умный пес!»

Но не все потерпевшие восторгались Байкалом.

Кража из продуктовой палатки — не новинка. Петухов не любил таких выездов. Как правило, крадут водку и без особого труда воры обнаруживаются. Но тут совсем другое дело. В отделение прибежала продавщица и кричит: «Караул! Палатку почти целиком очистили! Забрали консервы, фрукты и даже деньги, которые я оставила в тайнике».

Байкал деловито обнюхал полупустую палатку и долго вертелся вокруг нее. Петухов, решив, что собака следа не взяла, готов был прекратить поиски. И вдруг Байкал схватил за пальто... продавщицу, ту самую, которая так плакалась в отделении.

— Уйди ты, проклятый! — крикнула она, пятась от ищейки.

Петухов строго дернул за поводок. Отвел собаку к взломанной двери и начал поиски заново: «След, Байкал, след!»

Собака снова обшарила все углы и, сделав несколько кругов вокруг палатки, вновь схватила продавщицу за полы пальто. Схватила и злобно рычит. Петухову все ясно: растратив деньги, продавщица симулировала ограбление.

ПОВОДОК БЕРЕТ УМРАЛИЕВ

Случилось это, когда в журнале учета работы служебно-розыскной собаки Байкал число раскрытых преступлений приближалось уже к двумстам.

Из кабинета начальника Петухов пришел расстроенный, хотя ему сообщили радостную для него весть: его переводили на более ответственную работу — помощником дежурного по городу.

— Что ж, — сказали ему, — надо продвигаться по службе дальше. Надо расти. А с собакой куда дальше? Потолок. Сколько проводником работаете?

— Третий десяток...

— Вот видите!

— Расставаться с Байкалом трудно... — признался Петухов.

— Для него другого проводника найдем.

Петухов вышел во двор и присел возле Байкала. Завтра он уже не увидит собаку. Ее увезут отсюда далеко за город, в питомник, и она пробудет там долго, может, месяц или больше, пока не забудет своего хозяина.

Трое суток Петухов не приходил домой: день и ночь оставался на работе, стараясь забыть. Справлялся о Байкале, знал, что тот скулит целые дни и ни от кого не принимает пищи.

Но время — лучший лекарь не только для людей, но, видимо, и для собак. На восьмой день Байкал притронулся к еде, стоявшей у него в будке. Прошло целых два месяца, пока решились снова пустить его в дело. Теперь он работал в отделении милиции вблизи Даниловского рынка. Проводником Байкала назначили старшину милиции Александра Умралиева, тоже опытного проводника, тоже служившего прежде на границе. Умралиев знал о выдающихся качествах Байкала и гордился, что чемпион доверен ему.

В последний раз я видел Байкала, когда ему шел девятый год. Встретившись перед этим

с Петуховым, я предложил ему: «Поедем к Умралиеву. Посмотрите на Байкала». Он задумался, потом ответил: «Лучше не надо...» И я поехал один. Умралиев рассказывал мне о последних операциях Байкала, и мы тогда прошли во двор, где стояла его будка. Собака почувствовала приближение хозяина, громко залаяла, бросилась к нему. Блестящие, живые глаза ее выражали ум и преданность.

Байкал постарел и располнел: сказывался почтенный возраст. Видимо, недалеко было то время, когда его переведут на караульную службу. Но тогда Байкал еще служил в уголовном розыске. При мне машина с красными полосами увезла его на место происшествия.

— Внимание, Байкал!

СО ВСЕГО СВЕТА

СОБАКА — ДРУГ... САМОЛЕТА

Вашингтон. (ТАСС). На пресс-конференции в Вашингтонском аэропорту журналистов познакомили с новым средством борьбы с бандитизмом на авиационных линиях США. Им были продемонстрированы собаки, специально обученные разыскивать оружие, взрывчатку и наркотики в одежде пассажиров и в их багаже.

БДИТЕЛЬНЫЙ ПЕС

В небольшой тирольской деревушке Ваттенс, в Австрии, все знают собаку по кличке Хку. Пес принадлежит хозяину местной таверны и постоянно дежурит в ее зале. Стоит кому-либо из посетителей заведения начать ссору, грозящую перейти в потасовку, как собака устремляется в полицейский участок и приводит блюстителя порядка.

БЛЮСТИТЕЛИ ПОРЯДКА

В борьбе с неукротимыми итальянскими болельщиками-тиффози — полиция использует специально тренированных собак, которые бросаются на любого, кто пытается вмешаться в состязание с тем, чтобы «поддержать» свою команду.

С. Гладыш БИДА ИДЕТ ПО СЛЕДУ

В три часа ночи в квартире Петренко раздался звонок. Резкий, настойчивый. Открывая дверь, сонный хозяин знал, что сейчас услышит: «Анатолий Георгиевич — на выезд!» Через пять минут оперативная машина мчалась по спящим московским улицам в сторону аллеи Жемчуговой. Петренко внимательно слушал инспектора и, поглаживая теплую спину собаки, думал, что Бида единственная среди всех рада, что среди ночи (и уже в который раз!) их вытащили на мороз, что впереди интересная работа. Предвкушая ее, собака сосредоточилась, выпрямила уши, терпеливо ожидая, когда же машина остановится и можно будет приступить к делу, в котором — она знала это наверняка — без нее ничего не получится.

На месте происшествия стояли «полураздетые» «Жигули». Владелец машины, в пальто поверх полосатой пижамы, толково рассказал Петренко, как он заметил чужого человека около «Жигулей», как выскочил тут же на улицу, но человека не было, и не было также антенны и противотуманных фар. Бида мела от нетерпения хвостом снег — пора начинать. Миновал почти час после кражи, но собака четко взяла след. Вот она резко повернула во двор жилого дома и стала искать вход на детскую хоккейную площадку. Открыли дверь, и Бида метнулась к поваленным воротам — под смятой сеткой лежали фары. Собака

покрутилась вокруг и четко направилась во двор. В подъезде она остановилась около лифта. Теперь бегай по всем этажам — даже если их шестнадцать. На пятом этаже Бида села перед дверью, обитой коричневой клеенкой, потянула для проверки носом в щель и решительно царапнула клеенку лапой. Позвонили. Никто не выходит. Позвонили еще раз. Тишина. Бида теревит лапой обивку. Через двадцать минут стало ясно, что никто не откроет — либо там пусто, либо не хотят себя обнаруживать. Петренко переглянулся с Бидой. Если перевести на человеческий язык их немой диалог, то он выглядел бы приблизительно так:

— Ты не ошиблась?

— Станный вопрос, по-моему, мы не первый год работаем вдвоем.

— Но там никого нет!

— А я знаю, что он там.

Собака опять начала царапать дверь. Оставили в подъезде человека, остальные разошлись.

Дома жена Петренко стояла в коридоре, уже одетая в пальто. На ходу прокричала, что чайник горячий, завтрак в холодильнике, что непонятно, зачем он вообще приходит домой, разве что поесть. Когда Анатолий Георгиевич, покормив Вида, допивал чай, зазвонил телефон. В семь часов утра из наблюдаемой квартиры вышел человек. Оказалось, что он нигде не работал и занимался кражами. «Так что Вида — опять молодец!» Вида в этом не сомневалась, а Петренко стал собираться на работу. На работу, потому что Анатолий Георгиевич не сотрудник милиции, а обладатель одной из самых мирных профессий — он фотограф. Больше всего любит снимать детишек и животных, а собаки... собаки — это вторая его страсть после фотографии. Впрочем, неизвестно, как сложилась бы жизнь собаководо-любителя Петренко, если бы судьба не привела его семь лет назад на дрессировочную площадку в Плющево.

... Если быть точной, то площадки, как таковой, не было. Но были люди — энтузиасты из Московского клуба служебного собаководства, которые решили, что держать собаку только ради выставок их не устраивает. Что собака достаточно умное животное, чтобы только «прогуливать» хозяев утром и вечером, да и сами хозяева тоже годятся на большее, чем составлять компанию своим псам. И вот в 1971 году группа собаководов отправилась в 81-е отделение милиции, ближайшее территориально, и обратилась к начальнику отделения Борису Семеновичу Муралову с таким предложением: милиция пусть поможет им с организацией площадки, а они станут помощниками милиции во всем, чем могут. Муралов с радостью пошел навстречу энтузиастам, и работа закипела. Выделили место для площадки, а самое главное, Московский уголовный розыск дал инструкторов-дрессировщиков. Занятия проходили так: сначала строили, потом работали с собаками, потом снова строили, потом опять дрессировали. К весне 1972 года были готовы первые розыскные собаки. Экзамены сдавать ездили в милицейский питомник в Балашиху; и спрашивали с них, как и со своих. А они, вообще-то, и были теперь свои. Инженер-строитель Всеволод Федорович Маров, слесарь-ремонтник Геннадий Григорьевич Бережной, ведущий инженер КБ Владимир Зиновьевич Вишневецкий, фотограф Анатолий Георгиевич Петренко, Виктор Петрович Ермаков, Лев Анатольевич Горнов, Татьяна Андреевна Фомина-вот самые первые собаководы, приступившие уже весной 1972-го к активной помощи милиции. К концу года площадка могла предоставить на каждое дежурство по четыре-пять патрулей, и на ее базе был создан Отряд собаководов-любителей при Городском управлении внутренних дел Москвы. Вот так зарекомендовали себя энтузиасты. Командует отрядом Всеволод Федорович Маров. У отряда есть штаб. Он и утверждает каждую кандидатуру в отряд. Затем испытательный срок — три месяца. Выдержал — принят.

Все больше становится желающих заниматься на площадке в Плющево. Но иногда услышишь такое:

— А у моей нет родословной.

— А моя очень умная, но порода...

Принимают на площадку не за богатую родословную, не за звон экстерьерных медалей.

Это все придет потом, если собака заслужит, хотя в отряде много золотых медалистов, есть и победители, и чемпионы. Например, колли В. Ф. Марова Еран — чемпион Всесоюзного смотра-соревнования. Но это не главное. Чтобы попасть в отряд, собакам нужно выдержать творческий конкурс — конкурс способностей. И случается, что породистые красивые псы пасуют порой перед неказистой на первый взгляд собачкой...

... Конец октября, ветер мотает голые ветки, нудно похлестывает дождик. Поздний вечер. Идет по городу проверка чердаков, выселенных домов, заброшенных сараев. В помощь оперативным работникам выделяется дружинник с собакой.

Этот дом производит впечатление давно заброшенного. Половина стекол выбита, под окнами свалка. Темень. Можно бы идти дальше, но, по данным милиции, где-то здесь должна находиться одна семья, никто из которой нигде не работает, а живут весело и неизвестно на что. И не только весело. «Попробуйте, Владимир Зиновьевич», — обращается к Вишневскому оперуполномоченный. — «Может, все-таки здесь?» — «Рада, вперед», — командует Вишневский. Черная, слившаяся с этим ненастным октябрьским вечером собака только и ждала приказа. Быстрее, на второй этаж по трухлявым деревянным ступенькам. Открытая дверь. Кругом — нежилая темень, но собака ворчит, ворчит настойчиво, и наконец свет карманного фонарика выхватывает очертания двери. Дверь рывком открывается, и Рада влетает в комнату. За столом трое мужчин — двое богатырского вида, третий поменьше, хлипкого сложения, без носок, без пиджака. Два ярких синяка украшают лицо. В углу на диване — две женщины. Обе стороны моментально оценили обстановку. Милиционер кивает Вишневскому и уходит за машиной. Двое против пяти. Плюс собака. Собака? Глядя на таких собак, как Рада, обыватель презрительно цедит — дворняжка. Да, Рада дворняжка, к тому же невелика ростом — с фокстерьера. Аккуратная такая головка, стоячие маленькие ушки. Что она может? Ох, сколько недооценили ее умение, силу. Вот к такой собаке сейчас оценивающе присматриваются двое из задержанных. «Если один против собаки, другой возьмет на себя дружинника. Остается солдат, но на него еще трое». Рейдовая бригада еще не знала, что и в соседней комнате трое мужчин.

Рада сидела, держа на мушке носа троих за столом и боковым зрением не упускала женщин. Достаточно одному было встать и сделать хотя бы движение в сторону Вишневского и солдата... Через некоторое время в комнату вошла женщина: «А-а, так вы насчет пистолета, что у Мишки ищете!» «Дура!» — убийственно прошипел один из богатырей. Бежать теперь не имело смысла, к тому же второй узнал собаку. «Она берет с первого раза!» Когда подъехала оперативная машина, то забрала девять человек. Причем был момент, когда солдат выходил в коридор, чтобы осмотреть помещение, и Вишневский «держал» всю эту компанию вдвоем с Радой. Квартира, если это можно было назвать квартирой, принадлежала сестрам До-саевым, которые, заманивая сюда любителей выпить, грабили их с помощью дружков.

На первый взгляд кажется неправдоподобным, чтобы такая небольшая собака, к тому же еще и беспородная, могла так действовать на преступников. Но в 81-м отделении милиции знают ее хватку и отправляют Вишневского на самые серьезные участки работы. Рада имеет II степень розыскной службы МВД. Единственная в своем роде, она вызывает необыкновенное уважение. И с особым уважением вручают благодарности от органов милиции ее хозяину. Интеллигентнейший человек, до омерзения ненавидящий все проявления порока, Владимир Зиновьевич Вишневский вызывает двойное восхищение — во-первых, тем, что в немолодые уже годы страстно борется с преступностью, грязью, тунеядством; во-вторых, тем, что учит этому других, тем, что сумел выдрессировать свою дворняжку Раду так, что ее ставят в пример хозяевам овчарок, колли, черных терьеров...

Теперь у Владимира Зиновьевича Вишневского своя группа. Все, кто пришел на площадку в 1971 году, получили звание инструктора, и сами теперь готовят людей и собак. Отряд вырос до семидесяти человек. Он оказывает неопределимую помощь 81-му отделению милиции в поддержании общественного порядка.

Внештатный отряд неоднократно награждался грамотами и дипломами Управления

внутренних дел и Московского уголовного розыска. Тридцать два человека имеют удостоверения внештатного сотрудника МУРа. Каждый из них при необходимости в любое время суток может быть вызван на задание. Нет причин напоминать, что выполнение таких заданий требует мужества и сопряжено с опасностью. Нужно быть высоконравственным человеком, чтобы иметь такое чувство долга, нужно очень любить людей, чтобы ради их спокойствия вставать в три часа ночи, нужно быть смелым человеком, чтобы идти на встречу с преступником, возможно и вооруженным.

Б. Степанов СЛУЖБА ЗРЕНИЯ

— Крона, парикмахерская!

— Крона, магазин!

Люди удивлялись, услышав на улице такую команду и увидев собаку-поводыря и человека с палочкой, в темных очках... Этим человеком был... Впрочем, не будем спешить. К этой паре мы еще вернемся. Последуем вначале туда, где безнадежно слепые как бы обретают второе зрение, а вместе с ним и радость бытия, где потерявшие из-за зрения трудоспособность и считавшие себя навсегда вычеркнутыми из списков полноценных людей возвращаются в семью труженников, опять становятся в строй. Вам уже, очевидно, понятно, что речь идет не об операционной, что в этом месте нет медицинских инструментов, запаха йодоформа, не увидишь белых халатов и других атрибутов больницы...

...26 мая 1960 года открылась Центральная республиканская школа по подготовке собак-проводников для слепых. Принадлежит она Центральному правлению Всероссийского общества слепых. На строительство и оборудование ее государство отпустило значительные средства.

И вот мы — в школе. Зеленая территория, обнесенная аккуратным забором, асфальтированные дорожки, чистые домики. Во всем чувствуется хозяйская рука, забота.

Директор школы Николай Егорович Орехов — крепкий, коренастый мужчина с простым русским лицом и бесчисленными орденскими колодочками на груди — раньше служил в школе военного собаководства. Так что к собакам ему не привыкать. Отдал им полжизни.

Хозяйство школы: контора, общежитие для слепых, столовая, кабины с выгулами для собак, двор для выгуливания животных, дрессировочная площадка, изолятор, собачья кухня. Все в образцовом порядке. Из собачьей кухни вкусно тянет мясным варевом: еда готовится из доброкачественных продуктов — мясные обрезки, кости, разные крупы, витаминные добавки. Все по науке.

А вот и те, кому предстоит стать верными товарищами слепых. Джульба, Чанга, Альма, Альба, Рэкс, Джери... Их клички написаны на выгулах. Сколько кличек — столько норовов, характеров. К некоторым из собак не подойти, но пройдет время, и все станут равными, добрыми, покладистыми, зря не залают, не зарычат. Такими их сделает мягкое, ласковое обращение, цель которого — заглушить злобу. Что это будет так, видно по тем животным, которые уже окончили курс, но еще не обрели постоянных хозяев. Некоторые совершенно свободно разгуливают по территории школы или посиживают около людей, греясь на солнышке. А ведь три месяца назад вот так же бросались с оскаленными клыками на проволочную сетку выгула, когда приближался посторонний!

Кажется почти чудом — научить собаку обходить все встречные препятствия, предупреждая о них слепого, сделать так, чтобы благодаря своему помощнику потерявший зрение человек почувствовал себя почти зрячим... Как же совершается это чудо?

Конечно, в первую очередь благодаря дрессировщикам. Инструкторский состав — бывшие пограничники, запасники из Центральной школы военного собаководства, инструкторы-общественники из клубов служебного собаководства ДОСААФ. Быть дрессировщиком в этой школе не просто. Нужно обязательно уметь подражать движениям

слепого в различных условиях. Иначе собаке потом будет трудно: ведь слепой и руками водит, и на лапы наступить может, и палкой задеть. Кое-где за границей дрессировщика недели на три лишают зрения — завязывают плотно глаза. Привыкай жить ощупью, прочувствуй, что значит не видеть. У нас отказались от этого метода.

Проследуем однако туда, где начинается рождение четвероногого поводыря — на площадку для дрессировки.

Площадка — зеленая, веселая; бесконечная асфальтовая дорожка — неширокая, для пешеходов — по четырехугольнику тянется вдоль забора. Собака с дрессировщиком выходит на дорожку и... сразу же натывается на препятствие.

Пока это только доска, лежащая поперек пути. Пес должен остановиться, слепой ощупает палочкой, перешагнет, и тогда — дальше. То, что надо остановиться перед доской, собаке возвестит подергивание поводка. Так возникает рефлекс.

Следующее препятствие — бельевая веревка, натянутая на уровне груди человека. Собаке она абсолютно не мешает, собака ее только видит, подняв морду. Но умный пес и тут остановится за шаг-два и предупредит слепого, а после либо вместе с ним нырнет под веревку, либо обойдет.

Встретится столб — должна обвести справа или слева; порог — остановиться; лестница — осторожно подняться и спуститься. Дальше — железная дорога, шлагбаум, узкий проход, железнодорожная платформа, канава... Случайные препятствия — труба, узкий мостик... Собаке нужно быть готовой ко всему и не теряться ни при каких обстоятельствах! Неожиданностей для нее существовать не должно.

Остановилась перед рельсом, понюхала, обернулась — взгляд на хозяина. Шлагбаум закрыли — встала, не пускает. Здоровый бульжник на дороге. Тот, для кого навсегда померк свет, не споткнется и здесь — его предупредят... Собака — вся внимание, вся прелесть! Глаза блестят, уши то встанут, то прижмутся, ноздри шевелятся...

Постукивание палочкой — дрессировщик «разглядывает» помеху, о — существовании которой довела до его сведения Джери.

— Хорошо... Вперед...

Двинулись снова.

Так добрая, заботливая собака втягивается в свой ежедневный труд, привыкая должным образом реагировать на любую случайность, упреждать слепого хозяина. Курс — три месяца.

... Чуткость и внимание, осторожность и осмотрительность, бесконечное терпение — вот что такое собака-поводырь. Право, хочется прижать к себе четвероногую умницу, которая так легко, с такой готовностью, послушанием и охотой выполняет роль помощника слепого и даже больше — роль его заботливой няни.

Но успех дрессировки во многом зависит от полученного собакой до школы воспитания. Замечено, например: собака городская обводит, ежели на дороге грязь; а питомничная — шлепает прямо по лужам и слепого тащит туда же... Вот вам доказательство, как важно прививать культуру даже собаке! Воспитание для собаки — это все.

«Только одно является небольшим недостатком, — написал слепой о своей питомице, вывезенной отсюда, — сильно реагирует на кошек, так и норовит броситься...»

Да, подобный раздражитель — очень сильный... В школе хотят завести кошек, козу, поросенка, возможно, еще какую другую живность — приучать собак.

«Он когда несет, то на кошек меньше обращает внимания», — докладывает владелец другого поводыря. «Несет» — значит тащит в зубах корзинку, сумку или что другое. Труд, выходит, и тут воздействует дисциплинирующе (старая истина!). Сосредоточенность, чувство ответственности — они присущи и животному.

Рассказывать просто, сложнее — делать. На первом году школа выпустила только тринадцать собак; в 1961-м — сорок одну; план 1962-го предусматривал уже подготовку девяноста поводырей. А спрос — тысячи. Слепых людей много. Инвалиды войны, инвалиды труда, незрячие от роду, потерявшие зрение вследствие несчастного случая... Характерно,

что они ориентируются по-разному; в зависимости от этого должна выработаться и манера работы собаки. Животное должно приспособиться к человеку.

И все же здесь говорят: собаку легче подготовить, чем передать слепому. Поэтому обязательным является в программе школы обучение людей: как ходить с собакой, как с нею обращаться.

Трогает до глубины души добрая забота государства о людях, обиженных судьбой. Собак школа покупает за наличные деньги; слепой получает ее даром. Ему оплачивается дорога, в школе для него бесплатное питание, общежитие. За спецснаряжение — шлейку, поводок, ошейник, щетку, гребень, намордник — тоже не берется ни единой копейки. Слепые приезжают с проводниками. Проводники тоже оплачиваются по всей форме.

Вот вам маленькая сценка. На спортивной площадке слепой упражняется со штангой, а пес сидит и внимательно смотрит на него. Уже подружились. Отныне им всегда быть вместе...

Некоторые просят злобную собаку, спрашивают, нельзя ли ее поднатаскать немножко, чтобы дом сторожила, сад, по совместительству так сказать... Нельзя! Ведь ей же предстоит бывать среди людей, в толпе, на улице — что же получится, если она станет кидаться на всех, как лютый зверь? Злоба противопоказана, ее здесь заглушают дрессировкой. Но, увы, находятся такие, что нипочем не хотят взять это в толк, сами портят свое сокровище, чудное создание делают неприятным и даже опасным для окружающих.

Уехали человек и собака. Сначала в письмах одни восторги. Уж такой-то Том умный, такой работяга, только что не говорит! И вдруг вопль о помощи: спасите! Милиция составила протокол, грозит штраф, собаку хотят изъять! Оказывается: ходил в баню — к белью никого не подпускала, а потом кого-то покусала.

В школе псу приглушили злобность, так нет, взял хозяин — подразнил его раз-другой. Кто виноват в случившемся? Только не пес! Сказалась слепота хозяйского корыстолюбия, желание выжать из пса побольше (пусть не только водит, но и сторожит). Ошибка, за которой стоит элементарное недопонимание того неопровержимого факта, что собака есть собака.

У хозяина умного и животное — образец поведения.

Сколько теплых, сердечных писем-благодарностей хранится в архиве школы!

«Я счастлив, — пишет о своем Джульбарсе инвалид И. И. Тимофеев из города Загорска, — что получил такую собаку. Теперь я чувствую себя независимым человеком. Не должен просить ничьей помощи. Я хожу с собакой на работу и домой, а также по другим знакомым маршрутам.

Есть просьба: чтобы повсюду разрешали незрячим проезд с собакой на автобусе, вход в магазины, чтобы милиция защищала нас от хулиганов, которые обижают собак-поводырей.

Такое неоценимое дело, как подготовка собак для слепых, должно поощряться. Ведь собака-поводырь это наш лучший друг и товарищ, возвращающий нас, беспомощных инвалидов, к жизни, к работе. Спасибо всем дрессировщикам, особенно тому, кто дрессировал Джульбарса. Разрешите пожелать всем работникам школы здоровья и успехов в работе».

А вот деловитый отзыв инвалида Виктора Собакина о работе своего поводыря Прибоя (дрессировщик — Г. И. Булычев):

«При проезде в транспорте Прибой ведет себя спокойно. В квартире чисто и уютно. Работает по маршруту хорошо. Останавливается перед спуском и подъемом на тротуар, проходит сквозь толпу, самостоятельно поворачивает в нужном направлении. Реакция на посторонних животных — слабая: отмечает их появление только поворотом головы. Реакция на проходящий транспорт — сильная. Прижимает хозяина к правой стороне тротуара. Обход подвальных окон хороший, на расстоянии одного метра...»

Отличный пес! Чувствуете: при появлении транспорта отгесняет хозяина от края

тротуара, чтоб ненароком тот не оступился, не соскользнул на проезжую часть улицы и не попал под машину!

Собака возвращает человека к жизни... Да, да, это не преувеличение! В качестве доказательства приведу еще пример.

Рабочий Шмелев из города Воткинска лишился зрения вследствие несчастного случая. Он стал слепым на всю жизнь.

Какая это жизнь — сидеть на шее у других, испытывая жгучее чувство собственной неполноценности, лишившись всех красок, никогда не видя света... Он замкнулся, характер его начал портиться. Попытался вернуться к полезной деятельности — поступил в Учебно-производственное предприятие Воткинска: однако чтобы попасть на работу, требовалась помощь зрячего. Выходит, если ты работаешь — не работает другой... Разве это выход! Но так было, пока не получил собаку-проводника Эрну.

И вот Шмелев написал директору школы:

«Здравствуйте, Николай Егорович!

Год назад мне была передана собака по кличке Эрна. За прошедшее время я изучил собаку и ее повадки, да и она ко мне привыкла. О ее работе мне и хочется рассказать.

Когда я ее привез домой, то пять дней на работу и с работы меня сопровождал зрячий, вернее, я ходил под его наблюдением... Я знаю, что письмо это будет не только отзывом о работе собаки, что его будут читать слепым, приехавшим за собаками. Кое у кого возникнет вопрос: а почему я так долго ходил под наблюдением зрячего? Это было вызвано тем, что от дома до места работы более четырех километров и всю дорогу приходится идти пешком. Примерно через месяц после того, как собака освоилась с первым маршрутом, я начал приучать ее ко второму. Этот маршрут был небольшим, так что услугами сопровождающего пришлось воспользоваться всего два раза.

Вы помните, что на команду «Голос!» Эрна не отвечала?

Пусть не подумают, что она вообще не умеет лаять. В августе и сентябре произошло следующее: ведя меня на работу, Эрна вдруг свернула с дороги. Я был уверен, что здесь дорога должна быть свободной, поэтому собаку вернул и дал ей команду «Вперед!», однако Эрна ее не выполнила. Остановившись, она залаяла. Немного продвинувшись вперед, я нащупал тачку; в следующий раз вместо тачки стояла лошадь; я никак не ожидал в этом месте такого препятствия, а собака предупредила меня о нем своим голосом.

Если сравнивать сопровождающего человека с собакой-проводником, то оказалось, что у собаки-проводника преимуществ больше, чем у человека. С Эрной расстояние свыше четырех километров в отдельных случаях я прохожу за тридцать пять — сорок минут, тогда как до нее тратил на дорогу гораздо больше времени. Это не значит, что на пути нет препятствий. Просто собака работает настолько четко, что я иду быстрее иного зрячего, и при этом нормально успеваю ощупать препятствия. На работе меня теперь в шутку называют метеором. А раньше, до Эрны, я шага не мог сделать один. Притом в любое время суток с собакой я — в безопасности. И еще — человеку-проводнику идти за четыре километра в ночное время, в дождь, мороз, метель не особо приятно, а моя Эрна делает это охотно. И в мороз, бывает, иду до поту. Пусть не думают, что я гоню собаку. У таких рослых собак, которых приобретает школа, очень хороший ход.

Эрна не прочь иной раз погнаться за кошкой или какой-нибудь собакой, которая мешает ей идти, но я этого не допускаю. Догадаться о том, что Эрну что-то раздражает, легко, ведь в таких случаях собака сразу меняет свой шаг и идет очень напряженно, готовая к прыжку. Я даю команду «Фу!», и Эрна успокаивается.

В этом году, примерно с апреля, из-за отсутствия зрячего помощника мне с Эрной пришлось побывать в восемнадцати местах, причем все точки расположены далеко друг от друга. С этой задачей собака справилась неплохо, только иногда мне приходилось спрашивать у прохожих, куда надо идти.

Вы, Николай Егорович, когда были у меня, упрекнули в том, что я закормил

собаку. Но если плохо кормить, она у прохожих будет нюхать сумки и идти не так спокойно, как сытая. Если я работаю в первую смену, кормлю ее два раза в день, когда работаю во вторую, то три раза — утром, перед уходом на работу и ночью после работы. Вообще, я работой собаки исключительно доволен. Большое спасибо!»

И еще одно письмо:

«Здравствуйте, Николай Егорович!

Пишет Вам сестра Шмелева. Я хочу поблагодарить школу за воспитание собаки. До ее приобретения брата приходилось водить кому-то на работу и с работы, и так было каждый день.

У нас все работают в разные смены и водить иногда было некому — приходилось прибегать к помощи соседей. С приобретением собаки дело изменилось. Он один уходит и приходит в любое время суток. Они с Эрной даже иной раз заходят в магазин за продуктами. Собака оказывает всем нам неоценимую услугу. Большое спасибо за нее!».

В начале этого рассказа я упомянул собаку-поводыря по кличке Крона. Несколько слов о ней. Крона была подготовлена еще в Центральной школе военного собаководства вскоре после войны. Хозяин Кроны — Косов Сергей Михайлович — бывший шахтер. Потеряв зрение, он вынужден был расстаться с шахтой, с Донбассом, переехал на свою родину — в деревню Павловку Мордовского района Тамбовской области к матери. Там ему выстроили дом. Но он не сидел на месте, у него была работа, связанная с разъездами. В течение нескольких лет вместе с Кроной он объехал почти весь юг страны. В любом городе стоило ему сказать: «Крона, парикмахерская!» — Крона осмотрится, потянет носом и ведет...

— Здесь парикмахерская?

— Да, пожалуйста.

Находила безошибочно. По запаху. Или, может быть, вывески читала, кто ее знает! Чудо, не собака!

Служба зрения! С полным правом можно так назвать ту неоценимую помощь, поддержку (причем не только физическую, но и нравственную, да, да!), которую «неразумное», «немыслящее», «несознательное» (как только мы не унижаем своих друзей-животных!) четвероногое существо оказывает человеку, потерявшему драгоценный дар — зрение.

Собаки-поводыри известны издревле, так же как охотничьи, караульные, ездовые, розыскные. В период Великой Отечественной войны к этому перечню добавились собаки-миноискатели, подрывники танков, собаки-диверсанты, сохранившие жизнь и здоровье тысячам советских людей. Есть и другие службы у собак. Эта, о которой мы сейчас говорили, пожалуй, самая трогательная, самая мирная, я бы сказал — самая человеческая. К тому же, как нет пока прибора, различающего запахи лучше, чем нос собаки, так нет и лучшего поводья, чем собака.

В службе зрения происходит поистине нераздельное слияние человека и животного. Здесь собака делается особенно близкой к многочисленным и разнообразным требованиям и желаниям того, кого мы нарекли «царем природы». Хотелось бы пожелать: пусть этот «царь» будет всегда милостивым, великодушным к «младшему существу» — как того требует наше человеческое достоинство. А уж собака — отблагодарит...

Привет вам, Джульбы, Чанги, Рэкссы, Альмы, Джоны — бескорыстные слуги человека!

С. Островский
ОДА СОБАКЕ

Я чту в ней таинственную деликатность,
Грустно тебе — значит грустно ей,
И это умение делать приятность
И этот азарт защищать людей.
Она не бывает несправедливой,
Ни в чем не унижит тебя никогда,
Ты для нее самый умный. И самый красивый.
Вторник ее. И ее среда...
Ее четверг. И ее суббота,
Ты — это все ее ночи и дни,
Ах, как она любит когда ты приходишь с работы,
И вы остаетесь с нею одни!
Шепчет что-то. В глаза заглядывает,
Щекою жметя к твоей груди.
И так по-ребячьи лапы складывает.
Словно просит — не уходи!
И столько в ней жертвенного постоянства,
Так глаза ее в этот момент хороши,
Что свет их легко проходит пространства
От ее души до моей души!

В. Зайцев АМУР ОХРАНЯЕТ ПОЕЗД

Роль четвероногих помощников на стальных магистралях все более возрастает. Они после специальной дрессировки уже в одиночку охраняют составы. Станция Свердловск-Сортировочный. Длинный товарняк с поблескивающими нитроэмалью «Москвичами». Проводник разъездной собаки А. Рахимов подводит своего сильного, красивого, чепрачной масти Амура к одной из открытых платформ. Завидная выучка сказывается. Пес с нетерпением поглядывает наверх, словно примеряясь к барьеру. И после ласкового поглаживания легко вскакивает на борт.

А там его ждет приказание: «Охраняй!» Пока проводник еще раз осматривает технику, его питомец успевает, кажется, обежать всюду, заглянуть в самые потаенные уголки, проверить, нет ли где-нибудь посторонних. Затем он спокойно ложится на пол. Но это спокойствие лишь до отправления. Стучат колеса, и Амур ретиво обходит обширные свои владения. Не пугает его шум, толчки, лязг буферов.

Все в порядке, и снова собаку почти не видно с земли. А приближение остановки, разъезда она хорошо чувствует. Уже у входного светофора поднимает настороженно голову, иногда недовольным лаем предупреждает чужих. Выпадает порой на собачью долю и настоящее боевое испытание.

Вот небритый человек в плаще осторожно прокрадывается вдоль состава, наметанным глазом отмечая, что караульных вроде нет. Только взбирается на платформу и, облегченно вздохнув, направляется к кабине, как вдруг слышит за спиной грозное рычание. Через мгновение перед ним оскаленная зубастая пасть: теперь волей-неволей решившему поживиться придется ждать милиции.

Об этом и других подобных происшествиях рассказал начальник служебного собаководства И. Першин — бывший пограничник, отличник погранвойск и Советской Армии.

Готовятся проводники собак таких команд в московской школе МПС, где преподают такие опытные педагоги, как А. Орлов — ученик великого Павлова, подготовивший некогда первую немецкую (восточноевропейскую) овчарку — разведчицу железной руды и К. Ахлебининский, дрессировавший перед полетом в космос знаменитых Белку и Стрелку.

Об Амуре, кстати поистине универсале, который и по следу отлично ходит, уже упомянуто. А есть еще такой же Дик Ю. Третьякова, не подпускающий обычно к себе буквально никого, кроме своего воспитателя.

СО ВСЕГО СВЕТА

ЧЕТВЕРОНОГИЕ СПАСАТЕЛИ В ГОРАХ

В Австрии где ежегодно происходит более четырех тысяч снежных обвалов в горах, для поиска и спасения пострадавших сегодня все чаще используются собаки. Десять лет назад, несмотря на то, что технические средства поиска тогда еще почти не применялись, в стране держали наготове тол1-ко девяносто четвероногих спасателей. А теперь горноспасательная служба считает, что ей мало даже ста восьмидесяти пяти собак которыми она располагает.

Превратить обычную собаку в спасателя — дело не простое. Даже самое дрессированное животное должно предварительно пройти обучение в собачьих «университетах», расположенных в Пицтале (Тироль) и Прехибле (Штирия). Там собак учат обследовать развалины в поисках предметов, имеющих запах человеческого тела. «Выпускникам» собачьих «университетов» есть с кого брать пример. Среди самых достойных четвероногих спасателей — Аякс, герой Дахштейна. Своей отвагой Аякс приумножил славу австрийских поисковых собак.

После катастрофы в горах Дахштейна, происшедшей в 1954 году, когда лавина застигла в пути одиннадцать школьников и двоих учителей, овчарка «работала» 96 часов подряд. Она скребла когтями и разрывала плотно спрессованный снег, пока не свалилась от изнеможения. У собаки оказались обмороженными лапы. Спасатели отнесли Аякса в горную хижину чтобы сделать ему перевязку. Но животное нельзя было удержать под крышей. Собака кидалась на запертую дверь хижины, пытаясь вырваться наружу. В конце концов Аякса выпустили, и он стремглав помчался к месту обвала. Израненными лапами Аякс откопал человека, заживо погребенного в белой могиле. Вскоре спасатели нашли и остальных.

Каждому проводнику знаком радостный лей, означающий, что поиск увенчался успехом. Когда собаке удастся ухватить зубами край одежды погребенного под снегом человека, она чуть ли не прыгает от восторга. Завывая и повизгивая, она ложится на «подопечного», согревая его, пока не подоспеют «двуногие» спасатели с теплыми одеялами.

СОБАКИ НЕ ЗАБЫТЫ

Новозеландские пастухи еще до недавнего времени объезжали отары овец на лошадях. Овчарки резво бежали рядом со стремящем. Но времена меняются и пастухи пересели на мотоциклы. А как же собаки? Им теперь не угнаться за мотором. Специально сконструированная площадка предусматривает удобное сиденье для двух собак.

В. Зюзин
«ИЩИ, МУРАТ!»

Мурат всегда работал в одиночку. Он терпеть не мог помощников. А вот учителя у него были люди. Мурат был обыкновенным псом с хорошим собачьим чутьем. Оно и заменяло ему в поиске всю аппаратуру, которой пользуются геологи.

Идею использовать обоняние собак в геологии высказал лет пятнадцать назад финский геолог-прогнозист профессор Кахма. И подготовленная овчарка Лари нашла месторождение меди, кстати, названное ее именем. В нашей стране кинологический метод поиска ископаемых предложила группа ученых из института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Академии наук СССР во главе с доктором биологических наук Г. А. Васильевым. Никаких сомнений в перспективности работ не было и в петрозаводской лаборатории Института геологии Карельского филиала АН СССР.

— Начали мы в июне 1967 года с серного колчедана, — рассказывает инженер Г. Кириленко. — Дрессировкой руководил А. П. Орлов. Получилось. Затем на Кольском полуострове занялись медно-никелевыми рудами. Здесь тот же Мурат, почти совсем не тренированный на цинк и свинец, нашел их.

Мы убедились, что собаки находят и рудопроявления, которые не улавливает ни один прибор. Причем работают они в любых климатических и погодных условиях.

— Особенно эффективен кинологический метод в комплексных экспедициях, — продолжает Г. Кириленко. — Собаки подавали голос в таких местах, мимо которых спокойно прошла бы целая партия геологов. Тогда делали пробное бурение, и химический анализ взятых образцов подтверждал наличие того минерала, на который и готовилась собака.

— А на какую глубину чувствуют собаки?

— На обычной почве до 13 метров, на болотистой еще больше.

— Ускоряет ли новый метод поиск ископаемых?

— Значительно! В 1974—1975 годах я проводил контрольные работы на поиски меди на Северном Урале. И мы заметно опередили лабораторные исследования. Так, в 1975 году мы с ненецкой лайкой Хевкой прошли участок за месяц, а получение геохимических результатов потребовало около полугода.

— Имеет ли значение порода собаки?

— Мы проверяли собак разных пород. У нас были боксеры, доберманы, фокстерьеры, лайки... Одним из лучших «геологов» был, например, фокстерьер Дик.

— Можно ли говорить о какой-либо специализации у собак?

— Пожалуй, да. Только не нужно связывать ее с породой собаки. По-видимому, все это индивидуально. Индус, скажем, был специалистом по сульфидам, а Дегай отличался по меди...

— А какова география «собачьих» открытий?

— Собаки подтвердили ранее открытые различные месторождения в самой Карелии, нашли рудопроявления вольфрама и никеля во многих районах страны.

СО ВСЕГО СВЕТА

НЮХ НА РУДУ...

У геологов Восточного Казахстана появились верные помощники — немецкие (восточноевропейские) овчарки, «специалисты» по рудам. Понюхав соответствующий элемент, они способны выбирать из образцов пустой породы или других минералов только те, которые содержат этот элемент. Металлы могут быть обнаружены на значительной глубине. На этом и был основан эксперимент с овчарками который провел на Рудном Алтае доктор биологических наук, профессор Института минералогии СССР Г. А. Васильев. Восемь собак участвовало в поисках полиметаллических руд на территории Иртышской геологоразведочной партии. Собрано большое количество проб, часть из которых

дала положительный результат. Особенно эффективно потрудились овчарки Джильда и Карай.

В. Корсунский

ВНИМАНИЕ, ГАЗ!

Многим варшавянам знакомы клички собак Амур, Агар, Али, Арий, Арус, Ас... Все на «А». Эти собаки состоят на службе в Варшавском управлении газовой сети.

В штате работников городской сети Франкфурта-на-Одере (ГДР) числится «инспектором» овчарка Криста. Ежедневно она проходит по всей семикилометровой газовой магистрали, проверяя нет ли утечки.

Обязанность собак-газовщиков — следить за исправностью газопроводов. Ежедневно каждая из них в сопровождении человека обходит свой участок. Собака чувствительна к запаху. Обнаружив даже слабую утечку газа, пес громко лает и ложится на аварийное место.

М. Петрова

Л. Торшина

ДИНГО, ВЕРРО И ТЕЭРО — РАБОТНИКИ «ТАЛЛИНГАЗА»

Рабочие управления «Таллингаз», прокладывая газопровод в новые районы города, нередко бывали вынуждены приостанавливать работы из-за того, что уже заделанная и зарытая магистраль где-то пропускает газ. Линию приходилось откапывать. И это было бы еще полбеды. Очень трудно обнаружить место утечки. Разумеется, «больное» место всегда находят, но на это раньше тратили уйму времени.

И тут кто-то вычитал, что в Польше есть собаки, которые могут быстро распознавать утечку газа. Таллинские газовщики решили перенять опыт и обратились в городской клуб служебного собаководства. В клубе охотно пошли навстречу. Отобрали несколько умных, сильных и выносливых немецких (восточноевропейских) овчарок. В их число попала и Динго. Она отлично проявила себя уже на вступительных экзаменах: с рычанием вцепилась зубами в тряпку, которая пахла газом.

Затем началась учеба. В землю зарывали чуть приоткрытый туристский баллончик с газом, а собака должна была найти его и откопать. Динго успешно сдала экзамены и была зачислена в штат управления «Таллингаз» с зарплатой 20 рублей в месяц (кроме оклада ее хозяину). Не каждая собака может похвастать государственным жалованьем!

Динго приступила к исполнению своих служебных обязанностей. К работе она относится исключительно добросовестно. На ее участке всегда порядок. А под ее контролем двадцать три улицы Таллина протяженностью 5713 метров. Динго стала высококвалифицированным работником, ее ценят. Когда на линии обнаруживается утечка газа, за Динго срочно посылают машину, и она со своим хозяином выезжает на трассу.

В Таллине работают еще двое коллег Динго — овчарки Верро и Теэро.

В нынешнем году Таллин в основном переводится со сланцевого газа на природный. При всей выгоде он обладает некоторым неудобством — растворяет битумные заделки труб. Здесь уж держи... нос остро. И три четвероногих работника управления «Таллингаз» чтут эту заповедь.

**Е. Шевцова
ЖУЛЬКА**

Я расскажу о дружбе мальчика Лени с собакой Жулькой...

Жили мы в небольшой станице, на берегу реки.

Двор — большой, зеленый, а в глубине был маленький садик — гордость нашей семьи. В нем трудились все: и старые, и малые, и делали это с большим интересом и любовью.

Были у нас две большие охотничьи собаки. Были кошки, гуси, утки, индейки, была козочка, ежик, и за ними с удовольствием ухаживали и мои дети: Леня и Нина. Их отец и дед воспитывали в них интерес ко всему живому, любовь к природе. Часто дети подбирали скворца или воробья с перебитым крылышком или ногой, ухаживали за ними, кормили, пока те не выздоравливали, а потом выпускали на волю.

Подбирали они выброшенных котят, щенков, а потом надо было для них находить новых хозяев. Нельзя же было оставлять их всех у себя. И я просила детей не приносить приемшей домой, а сразу где-нибудь пристраивать.

Как-то ребята пошли на реку купаться. Вскоре прибежал Леня домой — красный, запыхавшийся, прижимая к груди маленького, грязного, несчастного щенка.

— Мама, мамочка, позволь... я оставлю его у нас. Я сам буду за ним ухаживать!... Это будет моя собака!... Посмотри, какой он бедненький! Кто-то выбросил его в реку, чтобы он утонул. Какие злые люди! Ведь ему было там очень страшно, холодно... Позволь, мамочка. — На глазах у Лени стояли слезы. Он очень волновался. И я согласилась. Не могла не согласиться.

Обрадованный Леня быстро притащил тазик с теплой водой и старательно вымыл щенка. Потом поставил перед щенком блюдце с молоком, и тот жадно, спеша и захлебываясь, вылакал все, вылизал блюдце и посмотрел на Леню. Леня хотел принести еще, но я сказала, что нельзя давать ему много сразу: он может заболеть.

Потом сын оборудовал щенку «дом», выложив ящик тряпками, уложил спасенного, укрыл его, и тот, согревшись, моментально уснул и спал до самого вечера.

Вскоре собачонка окрепла, стала покрываться густой волнистой шерстью. Это была дворняжка, но с примесью какой-то другой, «благородной» крови. У нее были умные, как говорил Леня, и внимательные глазки, веселый и игривый нрав. Она часами могла, высоко подняв хвостик, гоняться за жуками, мухами, ловить колеблющиеся тени листьев на земле или, кружась волчком, — кончик своего хвоста.

Шерсть у собачонки была серая, с черными пятнами. На мордочке около левого глаза черное пятно придавало ей какой-то лукавый вид, и поэтому назвали ее Жулькой.

Леня тоже очень любил бегать, резвиться с ней. И трудно было сказать, кому из них веселее.

Вздумал было Леня обучать ее всяким премудростям, дрессировать, но дедушка сказал ему, что делать это еще рано: она ведь еще маленькая. Пусть ей исполнится хотя бы полгода. А когда Леня как-то, рассердившись на Жульку, что та не выполнила его команды, шлепнул ее, дедушка строго сказал:

— Никогда не бей собаку! Иначе она вырастет трусливой. Она будет бояться тебя, бояться не угодить, сделать не то, что ты от нее хочешь. И от этого будет менее понятливой, сообразительной. Знай, Леня, что собака — самый верный друг человека. Она никогда не оставит в беде, если ты будешь к ней относиться хорошо.

Леня по совету дедушки хорошо и в определенное время кормил собаку. Всегда забирал из кухни и приносил ей кости, и собака долго с аппетитом грызла их. Жулька знала время еды и никогда не опаздывала — ждала своего маленького хозяина. Если Жулька не съедала всего, что было очень редко, Леня все же уносил миску и тщательно мыл ее.

А когда они бывали в лесу, у реки, Жулька, к большому удивлению Лени, ела траву, но не всякую, а только с длинными, тонкими и немного шершавыми листочками.

— Дедушка, разве собаки едят траву? — спросил он.

— Да, Ленечка, пусть ест. Собака знает, какая ей нужна травка.

Жулька была очень чуткой. Всегда угадывала настроение своего хозяина и соответственно вела себя.

Как-то я наказала сына. Не помню уже за что. Он считал, что я поступила несправедливо с ним, очень огорченный и грустный вышел во двор. Жулька, как обычно, бросилась к нему, радостная, веселая, ожидая, что сейчас начнется игра. Но, внимательно посмотрев на хозяина, притихла, остановилась.

«Повесив нос», Ленья побрел в глубь сада, лег на траву у забора и заплакал. Жулька легла рядом. Она, ласково повизгивая, лизала его, как будто от всей своей собачьей души выражала ему сочувствие. Ленья приподнялся, обнял Жульку, прижал ее к себе и заплакал еще горше, приговаривая: «Никто меня не любит! Все считают меня глупым, плохим... дрянным мальчишкой! Ты одна только, Жулька, понимаешь, любишь меня...»

Когда Ленья перешел в третий класс, мы подарили ему скрипку. Он давно хотел учиться играть на ней.

— Вот видишь, Жулька, какой подарок нам с тобой сделали! — хвалился Ленья, показывая собаке новую, блестящую скрипку. — Будем мы с тобой учиться играть на ней! — И Ленья стал осторожно водить смычком по струнам.

Но Жулька вовсе не обрадовалась. Она как-то нервно заерзала и удивленно, жалобно посмотрела на своего хозяина. Когда же Ленья, придя от учителя, стал разучивать гаммы, собака села на задние лапы, подняла голову вверх и заскулила жалобно.

— Что с тобой? — удивился Ленья, продолжая играть.

А Жулька вдруг завывала, да так тоскливо!

Ленья выгнал ее во двор — Жулька продолжала выть. Прекратилась игра — собака успокоилась. Но стоило сыну взяться за скрипку — собака начинала выть.

Мальчик, рассердившись, отвел собаку в самый дальний угол сада, привязал к дереву и велел лежать спокойно. Собака подчинилась. Она лежала, положив голову на лапы, и молчала, но в глазах была тоска, и весь вид ее, съежившийся, несчастный, говорил о том, что животное страдает.

Когда Ленья кончил играть, он пришел к Жульке, отвязал ее, ласково погладил и дал сахару. С тех пор собака, заслышав звуки скрипки, сама уходила в дальний угол сада и терпеливо лежала там, пока не приходил ее хозяин и не награждал за терпение сахаром.

Дедушка сказал, что собаки часто не выносят резких звуков и болезненно переносят их.

Прошло уже более полугодя, и Ленья начал дрессировать свою собаку. Он учил ее ложиться по его команде, искать, не отвлекаясь ничем, «служить», стоя на задних лапах, приносить ему его ботинки. На реке — доставать из воды и приносить брошенную туда палку. И всегда за хорошие успехи давал ей кусочек сахару.

— Мама, — сказала как-то Нина, — а наш Ленечка один кусочек сахару даст Жульке, а два — съест сам. Я видела.

Ленья смутился и покраснел. А дедушка улыбнулся, погладил Леню ласково по голове и сказал:

— Ничего, пусть и себя поощряет. Ведь у него такой большой труд — воспитывать собаку. Он и сам ведь стал в последнее время таким дисциплинированным, аккуратным. Пример Жульке показывает. — И продолжал: — Воспитывать собаку надо не спеша, без крика, не выражая неудовольствия, не пугая ее, а поощряя. Не всегда собака сразу понимает, чего от нее хотят.

Надо повторить еще и еще раз. Не выходит — оставь, отложи на некоторое время. Вот у меня в молодости был щенок «знатной фамилии». Дорого я заплатил за него. Пришло время учить — ничего не выходит. Ходит моя собака, природой любит, развлекается, а след не хочет брать. Бился я, бился с ней — ничего не выходит. Приятели надо мной смеются и над ней тоже. И вдруг, когда я на нее уже рукой махнул, она сама стала искать след, да как! Без всякого приказанья. Сама. И была лучшей собакой в наших краях.

И Ленья, следуя советам дедушки, проявлял большое терпение, настойчивость, и собака радовала его своими успехами.

С Жулькой случилась беда. Она часто убегала на улицу поиграть с чужими собаками, но всегда вовремя возвращалась домой. Однажды она не прибежала вечером. Утром ее тоже

не было.

Леня забеспокоился, но надо было идти в школу. После уроков, даже отказавшись пообедать, он бросился искать свою питомицу. Долго ходил, звал, спрашивал, но безуспешно. Уже поздно вечером кто-то сказал ему, что два дня тому назад по городу ездила будка, забирающая бездомных собак.

А у Жульки ошейника не было. И она могла попасть в беду. Грустный, обеспокоенный, рассказал Леня дома об этом.

Дедушка успокаивал его. Он говорил, что собак в течение трех дней держат в будке... За это время хозяин может прийти за ней и, уплатив штраф, взять животное.

Идти за ней в тот день было уже поздно.

Сын ночью почти не спал. Он думал о бедной Жульке. Стоило ему закрыть глаза, как он мысленно видел Жульку, сидящую в какой-то страшной будке. Он представлял себе, как ей, бедной, там страшно и тоскливо. Он боялся, что ее загрызут чужие собаки. Как же он ругал себя за то, что не догадался купить ошейник.

Как только рассвело, Леня, взяв деньги, побежал выручать Жульку. Вот он и у цели. Он увидел огромную клетку с крепкими железными прутьями, а в ней — много собак, самых различных.

Они не ссорились, они с унылым видом лежали молча. И в глазах у животных была грусть.

Жулька издали почуяла своего хозяина. Она забеспокоилась, подбежала к решетке и жалобно заскулила.

— Сейчас, Жулька, сейчас! — дрожащим голосом закричал Леня. — Я тебя выручу! Я за тобой пришел! Подожди еще немного.

Но вокруг людей не было.

Леня робко постучал в дверь сторожки, и оттуда вышел заспанный старик — сторож. Увидя взволнованного мальчика, протягивающего ему деньги, он все понял. Человек он был умный и добрый.

— Так ведь еще рано, сынок, — сказал он. — Вот в девять часов придет кассир, заплатишь ему деньги, он выдаст тебе квитанцию, тогда я и отдам тебе твою собаку.

— Дедушка! Родненький! Пожалуйста... Отдайте сейчас. Мне нельзя ждать. Мне в школу надо к девяти часам. Пожалуйста, отдайте.

— Что ж с тобой делать? — задумчиво проговорил старик. — В школу — это, конечно, важно. Опаздывать нельзя... Ну ладно. Давай деньги, я сам уплачу. А за квитанцией ты обязательно после школы приди. Какая твоя собака? Эта?

Сторож приоткрыл дверь клетки, огромными щипцами ухватил Жульку, вытащил оттуда и положил на землю.

Обрадованный мальчик даже забыл сказать дедушке «спасибо», схватил Жульку на руки, хотя она была и нелегкой, и побежал скорее от этого страшного места.

Жулька, благодарно прижавшись к Лене, сидела тихо, не шевелясь, как будто еще не веря в свое спасение.

Леня бежал быстро и бормотал какие-то ласковые слова.

Впереди, слева, заблестела река. Собака зашевелилась, спрыгнула на землю, подбежала к воде и стала долго и жадно пить. Потом посмотрела вокруг, на Леню и вдруг, поняв, что все страшное уже позади, бросилась к нему и так бурно стала выражать свою радость, что Леня даже испугался: не взбесилась ли она?

Мальчик побежал вперед. Собака — за ним. Вот они подбежали к дому. Жулька первая пулей влетела в комнату, где все сидели за завтраком; она металась, прыгала, визжала, каталась по полу, бросалась от одного к другому, лизала нам ноги, платья... Так выражала она свою огромную радость и благодарность за спасение.

Жульке купили ошейник.

И Жульке довелось отблагодарить своего маленького хозяина за эту услугу. Вот как это

было.

Леня с сестрой Ниной и двумя ребятами — Женей и Федей — пошли утром на реку купаться. И Жулька с ними.

Пришли на любимое, укромное местечко, где почти у воды росли деревья и народу не было. Долго возились в воде, ныряли, плавали, кувыркались, пытались ловить рыбку своими рубашонками. Наконец устали и легли на солнышке погреться.

Женя сказал, что к нему приехал из города на каникулы двоюродный брат. Он уже большой. Ему шестнадцать лет. Очень сильный и выносливый и свободно переплывает реку туда и обратно.

— И я могу тоже переплыть, — вдруг сказал Леня. — Только на том берегу отдохну немного и вернусь.

— Нет, не переплывешь, — сказал Женя. — Ты еще маленький.

— Нет, переплыть, — упрямо хвастался Леня. — Я уже большой.

Поспорили ребята, и Леня поплыл.

Он доплыл уже почти до середины реки и вдруг подумал: «А что если, и правда, я не переплыть?»

Оглянулся на берег, где были дети. Берег был уже далеко. А противоположный — еще дальше.

И ему вдруг стало страшно. И он повернул обратно. Но страх не проходил. Он еще больше возмател. Быстрее заработал руками и ногами, зашепшил вместо того, чтобы, сберегая силы, плыть спокойно. Но так силы уходили еще скорее. Леня это чувствовал и еще больше боялся. Вдруг ему показалось, что что-то скользкое коснулось левой ноги, укололо. Ногy свело, он не мог ею двигать. Леня беспорядочно замахал руками, сильно закричал и... пошел ко дну.

Когда вода вытолкнула его на поверхность, мальчик скорее почувствовал, чем увидел, Жульку. Инстинктивно он протянул обе руки, судорожно вцепился в густую длинную шерсть собаки.

И Жулька потащила его к берегу. Ей не трудно было это делать на глубине. Но когда ноги мальчика коснулись дна, она не могла уже тянуть его дальше.

Подбежали ребята, стали помогать Лене, а он не мог держаться на ногах: они подкашивались. И не мог разжать пальцы и отпустить Жульку.

С большим трудом ребята разъединили их и отпустили собаку. Вынесли Леню на берег и положили бессильного на песок. Он весь дрожал и был бледный до синевы. Дышал часто, с трудом.

Долго лежал он на берегу, приходя в себя, а ребята горячо обсуждали только что происшедшее. Они сочувствовали Лене, сердились на него за глупую храбрость, ругали себя за то, что не остановили его вовремя, радовались, что все кончилось благополучно, восхищались собакой, прежде всех заметившей, что Лене плохо, и поспешившей на помощь.

А Жулька лежала рядом и внимательными глазами смотрела на всех, помахивая хвостом. Она понимала все, но вот только сказать ничего не могла.

А Леня думал: «Какой же я хвастливый, упрямый дурак! И поэтому чуть не утонул. И, если бы не было у меня Жульки, был бы я уже на дне реки».

Жулька прожила у нас до глубокой старости, и их дружба с Леной, ставшим уже взрослым человеком, их привязанность и любовь друг к другу нисколько не уменьшились.

Д. Лившиц РЫЖИЙ ЛОХМАТЫЙ ПЕС

Рыжий лохматый пес,
С бельмом на одном глазу
Свернувшись, как мокрый вопрос,

Мок под дождем в грозу.

Я рыжему двери открыл,
Ворчали неба басы,
Я на двоих разделил
Случайный кусок колбасы.

Пес согревался скуля,
Вода стекала, струясь,
Не мигая, смотрел на меня
Слепой виноватый глаз.

А когда заторчал в небесах
Рыжей радуги хвост,
И ушел — собачья гроза —
Соседнего склада завхоз, —

Рыжий лохматый пес
В зубах своих кость принес,
Положил к ногам и притих.
Кость, одну на двоих...

С. Бунин ЧЕТВЕРОНОГИЙ ГРИБНИК

Подземный гриб трюфель мало кто видел. Мне вот пришлось находить его только два раза. В первый раз он чуть приподнялся из земли, и я принял его за прячущийся белый, а когда раскопал землю вокруг, то нашел с десяток других, самый крупный из которых не превышал по размеру картофелину. В другой раз гриб попался уже выкопанным (видимо, кто-то тоже принял его за белый, но, увидев, что ошибся, и ничего не зная о трюфеле, бросил). А еще раньше встретилась мне в старом охотничьем журнале заметка М. Пришвина о собаках, которых приучали отыскивать трюфель. Автор назвал даже село под Загорском, в котором в начале века многие жители занимались промыслом деликатесного трюфеля с собаками.

Когда я принес гриб в деревню, то показал его хозяину дома, где остановился. Рассказал о трюфеле и о том, как его ищут. Хозяин недоверчиво усмехнулся, но, видимо, из приличия ничего не сказал. Десятилетний же сынишка его стал расспрашивать меня, как научить дворнягу Тобика искать грибы.

Дрессировать собак мне не приходилось, но отступить уже было поздно. К тому же в дворняге я заметил что-то от таксы и решил, что кровь маленькой «ищейки» даст результат.

Я объяснил мальчику, что собаку некоторое время нужно не кормить, а потом на ее глазах разрыть предварительно закопанный трюфель и дать собаке кусок сахара. Таким образом надо добиться, чтобы она сама находила грибы. Дав такой небольшой «урок» дрессировки, я уехал.

Через два года мне вновь пришлось побывать в этих местах. Маленький хозяин собаки рассказал, с каким энтузиазмом он принялся тренировать Тобика. Тот смотрел, как мальчик

раскапывает трюфель, недоверчиво его нюхал и с удовольствием съедал сахар, но искать грибы все-таки не хотел. Скоро это занятие надоело обоим.

Но вот однажды Ленька с приятелями пошел за грибами. Как всегда, за ними увязался Тобик. Когда вошли в лес, собака вдруг остановилась, понюхала землю и залилась громким лаем. Землю в этом месте ковырнули ножом:

— Смотрите, картошка! Откуда она здесь?

Стали копать дальше и нарыли полную грудку «картошки». Тут Ленька вспомнил о трюфеле. Принес домой, но никто не знал, что делать с такими грибами. Потом прочитали о трюфелях в книге. Стали жарить. Попробовали — понравилось.

СО ВСЕГО СВЕТА

ДЖЕК ИЩЕТ ОБАБКИ

Мы шли по лесу у озера Балтым и собирали грибы. Меня «улов» не радовал, зато вместительная корзина случайного попутчика вызвала чувство зависти. В ней были красноголовики, обабки и несколько белых грибов.

— Как это вы успели насобирать? — любопытствовал...

В это время в стороне раздался негромкий лай собаки.

— Извините, Джек зовет, — предупредил он и быстро свернул к березкам. Вскоре вернулся, держа в руках красноголовик внушительных размеров. Рядом семенила собака не очень, как мне показалось, уважаемой породы. Все было ясно!

— Как научили собаку такому мастерству?

— Да никак не обучал. Сам Джек как-то приноровился. Хожу с ним летом в лес уже четвертый год. Сперва он присматривался, где и какие грибы срезаю. Даже уши развесит и на меня поглядывает с любопытством. А потом, когда увидит красноголовик, обабок или белый гриб сам остановится и ждет, чтобы я подошел к нему. Ну, а потом и лаять стал, когда обнаружит какой-нибудь гриб. Сообразительный песик.

Где-то невдалеке опять раздался призывный лай Джека. Мой собеседник улыбнулся:

— Надо идти, не то обидится.

Я невольно позавидовал такому содружеству.

Г. Якимов

БАРРИ НЕ ЗАБАСТУЕТ

Австрийский фермер Франц Хайденрайх из Холлабрунна нашел весьма своеобразный способ сэкономить на заработной плате двух поденщиков, которые работали на его ферме. Вот уже более полугода все обязанности, связанные с кормлением и выгулом птицы, выполняет... сенбернар Барри.

Научить Барри, как задавать цыплятам корм, выгонять их на прогулку и загонять вечером в помещение, большого труда не составило. Когда наступает время кормежки, раздается звонок и Барри нажимает лапой на рычаг, от которого срабатывает устройство, засыпающее в кормушки корм. Еще одно нажатие — и в поильники поступает вода...

Цыплята привыкли к четвероногому «кормильцу», который одновременно бдительно следит, чтобы во дворе фермы не появлялись «гости» из ближайшего леса — любители полакомиться курятиной.

Примерно раз в месяц, однако, природа Барри берет свое, и Хайденрайх недосчитывается цыпленка. Тем не менее Барри это «сходит с лап» — хозяин слишком дорожит работником который не требует прибавки к жалованью, ссылаясь на рост цен, и не помышляет о том, чтобы в защиту своих прав объявить

забастовку...
(АПН)

Василий Великанов ЦЕПНОЙ ПЕС Быль

В летний праздничный день Антонина Павловна пошла с годовалым сыном Колей в гости к брату, который жил на окраине города в собственном кирпичном доме, обнесенном высоким забором. Во дворе сидел на цепи грозный страж — громадный косматый пес Полкан. Он был такой свирепый, что даже из семьи никого не подпускал к себе, кроме своего хозяина Егора Павловича. Антонина Павловна подошла к массивной калитке, посредине которой была прибита цинковая пластина с изображением собачьей головы и предостережением, написанным черной краской: «Во дворе злая собака». Сидевший на руках у матери Коля потянулся ручонками к пластинке и с улыбкой пролепетал: «Вовака!»

Антонина Павловна дернула кольцо, соединенное проволокой со звонком в доме. Почуввав чужих людей, пес высунул из конуры морду и хрипло зарычал, но услышав строгий голос хозяина, скрылся в своем убежище и притих.

Егор Павлович принял сестру в просторной горнице. Сытно, по-праздничному, пообедали, а потом стали чаевничать с вареньем и так заговорились о жизни, что не заметили, как маленький Коля исчез.

«Уж не уснул ли? — сказала Антонина Павловна. — В это время дома у него тихий час...»

Заглянула на кухню — нет. Пошла в сени, оттуда в сарай — и там нет. «Куда же он делся?» — встревожилась мать. Вышла с братом на волю и начала искать, окликать во дворе и в садике — ни голоса, ни следов. Антонина Павловна заголосила: «Его-ор, где же он?...» Заметив голую ножонку сына, торчавшую из собачьей конуры, вскрикнула: «Ах, батюшки...! Заел мальчонку...» Кинулась к конуре, но брат перехватил ее: «Куда ты, дурная, лезешь! Я сам...»

Перепуганная мать замерла на месте, а Егор Павлович подошел к конуре и заглянул в нее: прильнув головой к пушистому животу собаки и обхватив ручонками лапу, малютка преспокойно спал, а Полкан, не шевелясь, бодрствовал. Когда же Егор Павлович взялся за мальчика, чтобы вытащить его из конуры, пес глухо, угрожающе зарычал. Хозяин прицыкнул на него, и Полкан отстранился от ребенка так осторожно, словно опасался разбудить его.

Передавая сонного Колю матери, Егор Павлович сказал:

— Ну вот, целехонек твой сынок.

Ошеломленная Антонина Павловна прижала малыша к груди и заплакала от радости. А потом, оглядев его полненькое тело со всех сторон, проговорила:

— Вот чудо! Ни одной царапинки...

— Запомни, Тоня, — сказал наставительно брат, довольный исходом этого происшествия, — даже самые злые собаки не трогают малышей.

— А почему? — спросила недоумевающая сестра.

— Потому что пес нутром чувствует, что малыш не сделает ему зла, не причинит боли.

СО ВСЕГО СВЕТА

СОБАКИ-ВОДОЛАЗЫ

Сразу семь воспитанников таллинского электрика Юло Кивихалля получили дипломы

спасателей утопающих. Все они... собаки породы ньюфаундленд. Эти животные размером с телят отличаются большой силой, добродушием. Они — отличные пловцы, за что их часто называют водолазами.

— Ньюфаундлендов, — рассказывает Юло Кивихалль — можно за несколько месяцев выдрессировать в первоклассных спасателей. Они прекрасно ныряют, прыгают с любой высоты, способны бережно доставить на берег попавшего в беду. На помощь собаки приходят без специальной команды: им достаточно услышать крик утопающего.

Одна из собак — Ларри — снималась в кинокартине «Большие гонки».

ЧЕТВЕРОНОГИЕ СПАСАТЕЛИ НА МОРЕ

Любители морских купаний, отдыхающие во Франции на побережье Атлантики и Средиземного моря, познакомились с новыми «сотрудниками» службы спасения на водах — большими черными собаками породы ньюфаундленд, или, как их называют, водолазами. Эти собаки внушительных размеров: высотой до 70 сантиметров и весом до 100 килограммов.

Ньюфаундленды легко поддаются дрессировке. Они быстро научились переворачивать на спину потерявших сознание пловцов и подтаскивать их к берегу. Смелые животные без колебаний прыгают в воду с лодок и даже... с вертолетов. В процессе тренировок было установлено что ньюфаундленды без заметной усталости проплывают до 20 километров.

В. Кукушкин

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ: НЕТ — ЖЕСТОКОСТИ

**Юрий Абдашев
КРОВЬ НА АСФАЛЬТЕ**

Это было междуцарствие света и тьмы, то недолгое вечернее время, когда и фары

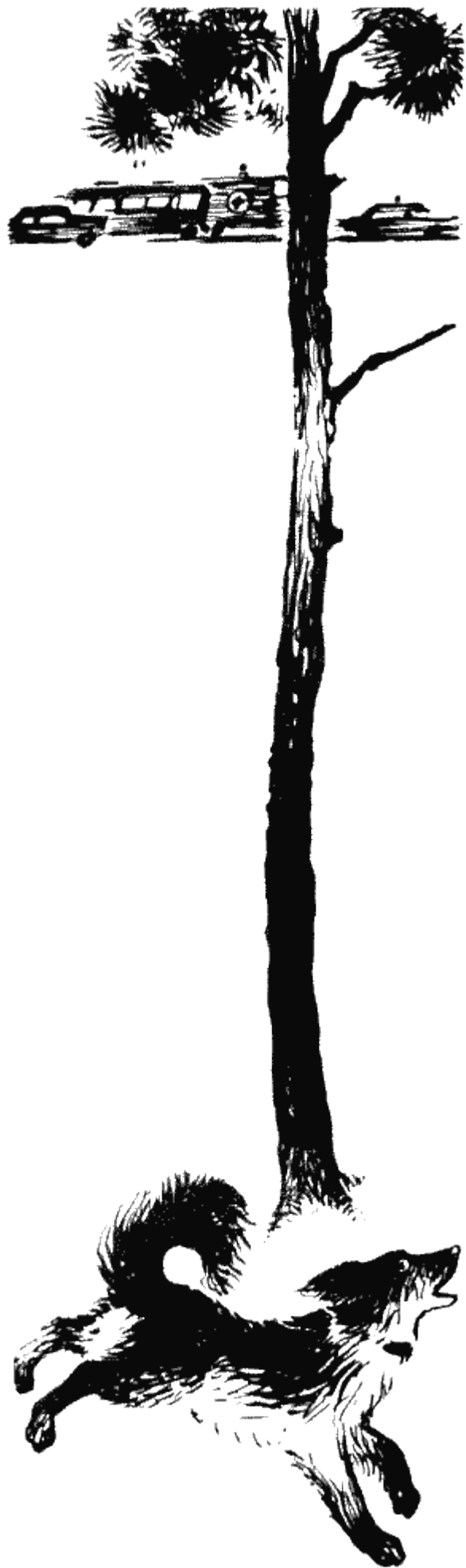
включать еще рано и без них ехать как-то неуютно. Знакомое шоссе, ведущее от керченской переправы в глубь Кубани, выглядело пустынным, встречные машины попадались редко. И тут недалеко от поворота я увидел на асфальте какую-то странную неподвижную фигуру. Казалось, человек в белом присел прямо посреди дороги. Нога сама по себе соскользнула с педали акселератора и легла на тормоз.

Струя дальнего света от моей машины внезапно врезалась в сгущающиеся сумерки и высветила силуэт крупной белой собаки, застывшей над таким же белобрсым мертвым щенком, жертвой одной из многих тысяч дорожных трагедий. Я сбавил скорость и медленно объехал собаку. Она даже не пошевелилась, только проводила меня взглядом. Механизм самосохранения в ней был отключен начисто.

Я рискую показаться излишне сентиментальным, но глаза этой собаки, полные немого отчаяния, удивления и боли, преследовали меня до самого дома. Увы, это был взгляд матери! И какое в тот момент имело значение, что передо мной не представитель рода человеческого, а всего лишь обыкновенная беспородная дворняга.

Однажды невдалеке от поселка Горячий Ключ меня обогнала черная «Волга». В такое тихое воскресное утро спешить можно было только на отдых, к морю. Скорость у автомобиля была далеко за сто, хотя до поселка оставалось рукой подать. В этот момент через дорогу перебежала собачонка, невзрачная, коротконогая, со смешными пятнами, будто кто-то дунул на нее из пульверизатора. Там, на другой стороне шоссе, в тени деревьев приютилось несколько домиков. Пес уже был невдалеке от обочины, и водитель «Волги», не имея других помех на пути, одним легким движением руля мог без труда избежать наезда. Но в нем, видимо, проснулся «охотничий» азарт сродни звериному инстинкту, и вместо того, чтобы пропустить животное, он бросил машину вправо еще ближе к обочине. Пес сделал последнее усилие, пытаясь увернуться, но машина все-таки успела подцепить его, и он, как тряпичная игрушка, перевернувшись в воздухе, шлепнулся об асфальт и завертелся волчком.

Я остановился на обочине, и мы с женой подошли к собаке. Она оказалась еще живой, но была в глубоком шоке от контузии, боли и страха. На секунду я сам представил мчащиеся на меня полторы тонны ревущего металла мощностью в сто «лошадей», увидел прищуренные глаза водителя, торжествующую ухмылку на его губах, и мне стало страшно. Не за собаку, за нас — людей. Бешеная скорость, громадное преимущество в силе и собственная неуязвимость опьяняют неуравновешенных, черствых и слабых духом сильнее всякого алкоголя. И беда в том, что эту форму опьянения не способна выявить никакая реакция Рапопорта. Такой человек на дороге опасен для всех, поскольку свободно распоряжается тем, что принято называть источником повышенной опасности.

Пса мы перенесли в прохладную тень под кустами и положили на траву. Из раны на бедре сочилась кровь. Видно, и кость была повреждена. Жена, как умела, обработала рану и перевязала ногу своим носовым платком. Помочили псу голову: «Может быть, отойдет, отлежится», — подумали мы тогда. Собака действительно пришла в себя, но лежала смиренно, только понимающе смотрела на нас влажными темными глазами. Я поручил ее заботам местных ребятишек, игравших неподалеку, и попросил их разыскать хозяев.

Впереди нас ждал таинственный сумрак леса, солнечные зайчики на замшелых полянках и прохладные рыжеголовые маслята в молодом сосняке. Но странно: ни ясный день, ни звон лесного ручья, ни грибы не могли уже исправить нам настроения. День, которого мы с таким нетерпением ждали целую неделю, был окончательно загублен.

Вечером на обратном пути мы остановились у того самого места, где оставили собачонку, но там ее не оказалось. Мы застали только примятую траву, аккуратно постиранный и уже успевший высохнуть носовой платок жены, привязанный к ветке боярышника.

Недавно в центре Краснодара у кинотеатра «Космос» я оказался свидетелем совершенно дикой сцены. Под светофором в ожидании зеленого света скопилась колонна машин. Первым в правом ряду нетерпеливо пофыркивал голубой «Запорожец». Пешеходы, в основном, детвора, выходящая из кинотеатра после дневного сеанса, остановились у кромки тротуара, так как на другой стороне дороги загорелось красное табло. Неожиданно на асфальте у самого бордюра появились два щенка — боксер и овчарка, каждому не больше трех месяцев от роду. В пылу игры они забыли об осторожности. Люди вокруг закричали на собак, стали звать их к себе, но тут вспыхнул зеленый свет, и машины, как застоявшиеся кони, рванулись вперед.

На старте скорость и инерция автомобиля невелики, ничто не мешало владельцу «Запорожца» попридержать машину, не жать на всю железку, посигналить, наконец, — никто не стал бы наказывать его за подобное нарушение. Вместо этого шофер не только сорвался с места, как заправский раллист, он умышленно вильнул к тротуару и переехал одного из щенков — маленького рыжего боксера, искалечил его, раздавил в лепешку.

Люди у перехода только ахнуть успели. Кто-то закричал, женщина закрыла сумкой глаза, заплакала маленькая девочка... Задние ноги собаки еще судорожно вздрагивали, и кровь из горла лилась на асфальт. А «Запорожец» был уже далеко, и никто, в том числе и я, не успел запомнить его номер.

На каждой загородной дороге в любую поездку можно насчитать до десятка расплюснутых, раскатанных колесами грузовиков собак и кошек, нередко уже смердящих, обсиженных мухами и безусловно представляющих собой угрозу для здоровья людей.

В разъяснениях к Правилам дорожного движения не раз говорилось о том, что в критических ситуациях, когда перед движущимся транспортным средством внезапно появляется домашнее или дикое животное, а резкое торможение (гололедица) или объезд (поток встречных машин) грозят возможной аварией, выбирать не приходится: жизнь человека в конечном счете неизмеримо дороже. Но если быть до конца честным, сколь ничтожен процент таких «критических» ситуаций, когда перед водителем возникает альтернатива «или-или». Лично в моей практике за двадцать лет такого не случилось ни разу. И нельзя забывать, что помимо правил, относящихся к участникам движения, существуют и другие правила, другие законы — законы человечности и социалистической морали.

И совсем не случайно среди трупов животных, оставшихся на асфальте, вы никогда не увидите, скажем, овцу, свинью или телянку, несмотря на то, что в наших южных краях вопреки правилам их нередко перегоняют по дорогам, особенно вблизи небольших сел и станций. Задавленный гусь и тот редкость, хотя в период уборки урожая эти неторопливые птицы сотнями толкуются на дорогах, подбирая случайно оброненное зерно. Загадки в этом нет никакой. За овцу, поросенка или того же гуся водителю грозит материальная ответственность. Долго ли записать номер? А иной слишком «эмоциональный» хозяин,

глядишь, и по шее надает. Собака же и кошка не в счет. Много ли стоит простая дворняга, да и кто станет за нее взыскивать?

Мне как писателю всегда было любопытно проникнуть в психологию подростка. Однажды я разговорился с пожилым шофером-профессионалом, который работает на самосвале ЗИЛ-130, едва ли не лучшей и самой быстроходной грузовой машине, постоянно вызывающей мое восхищение. Так вот этот шофер на мои сетования ответил так:

— Давил и давить буду! Пусть следят, пусть не пускают без надзора. Чего ради я стану тормозить перед каждой шавкой? У меня работа!

Он особенно подчеркнул это последнее слово. И я понял всю бесплодность нашего спора. Передо мной был черствый, злой человек, которого невозможно было разжалобить. В разговоре с ним единственным достойным аргументом могла бы стать статья Уголовного кодекса или, на худой конец, некий пункт в Правилах дорожного движения. Стоило ли говорить такому человеку, что и стреноженные лошади порой выскакивают на дорогу, а то и безнадзорные дети? Мы просто говорили на разных языках.

В конце концов я пришел к мысли, что не обязательно жестокость как свойство характера толкает человека на такой зверский поступок. Как-то осенью мне пришлось везти в больницу из маленького приморского селения молодого парня, проколовшего до кости ногу ржавой проволокой. Была глубокая ночь, и меня буквально подняли с постели. Гравийная дорога петляла в горах, из щелей и балок выползал густой липкий туман. Ехал я, естественно, не быстро. И вдруг в мутном свете фар прямо перед машиной, в каких-нибудь трех метрах, замелькал огромный заяц. Я притормозил, чтобы дать ему возможность скрыться в придорожных зарослях, но по свойственной всем зайцам привычке он не сворачивал с освещенной дорожки.

Рядом со мной сидел врач, как принято говорить, — представитель самой гуманной профессии. Я знал его, как человека отзывчивого и доброго. Но тут с ним произошло что-то невероятное: от недавней сонливости не осталось и следа, выразительные восточные глаза его хищно сверкнули в скудном свете приборной доски, он всем телом подался вперед и заорал:

— Ну что же ты, дави его, дави!

Я остановил машину, заглушил мотор и погасил фары. Потом щелкнул выключателем плафона, и в салоне стало светло. Мой сосед смутился и пробормотал:

— Прости, старина, черт попутал. Я и сам не знаю, как это у меня вышло. Может быть, голос предков?

Что же это в самом-то деле? Слепая жестокость, свойственная отдельным людям, показное лихачество или и впрямь какой-то инстинкт, унаследованный от далеких предков-охотников? Нет, все это не то. Речь может идти только о недостатке, а порой и полном отсутствии нравственного воспитания в семье, начиная с детского возраста.

Как бы то ни было, а тысячи ни в чем не повинных животных гибнут на всех дорогах страны. Их не учитывает статистика, их не заносят в милицейские протоколы. Их красная горячая кровь, очень похожая на нашу, человеческую, продолжает течь по асфальту. Как всегда отворачиваются женщины, стараются, чтоб не смотрели малыши, стискивают зубы в бессильном гневе настоящие мужчины. Они-то знают, какую необузданную силу дала им в руки современная цивилизация, и хотят быть достойными ее. Ведь по-настоящему сильный, как правило, великодушен и добр.

В наш век стремительного технического прогресса за рулем не может сидеть человек безжалостный или даже просто недоброжелательный, человек с пустой душой и холодным сердцем. Иначе это может обернуться во зло, иначе это опасно. И дело в конечном счете не в собаках и кошках, хотя и их нельзя сбрасывать со счета, а в непоправимом моральном ущербе, наносимом этими людьми нашему обществу и в первую очередь детям. Потому что дети — это зеркало нашей совести, потому что в них наше будущее.

Всем тем, что было сказано выше, я поделился на страницах журнала «За рулем».

Писем в ответ на статью пришло много, гораздо больше, чем можно было ожидать. И что любопытно, среди десятков читательских откликов только один ставил под сомнение правильность поднятого вопроса, да еще один с очень невнятной, противоречивой позицией не говорил прямо ни «да», ни «нет». И все же остановимся на этих двух письмах, поскольку — и это вполне вероятно — они могут выражать чувства и настроения определенного, пусть небольшого, числа людей.

Не имея возможности привести эти письма целиком, возьмем из них основные мысли и рассмотрим их, как говорится, через увеличительное стекло. А. Б. из Белоозерска Брестской области пишет:

«Главное в статье — это отношение к животным, блуждающим по дорогам, а человек остался за бортом... Мой водительский стаж мотоавтолюбителя семь лет. Но и до этого я с возмущением относился к либерализму наших законов, охраняющих животных на дорогах и забывших о водителях как людях. Животные должны служить человеку, а получается наоборот...»

Далее автор письма подробно описывает случай, когда вышедшая на автостраду корова едва не стала причиной автомобильной аварии.

«Что делается на автострадах? — вопрошает далее А. Б. — Хаос! Сплошной хаос, защищенный законом и горе-моралистами... В результате: снижение производительности труда, невыполнение плана или снижение его выполнения, нервозность, увеличение износа машины, уменьшение заработка и т. д.»

Конечно, А. Б. излишне драматизировал ситуацию. Однако в статье речь шла как раз о том, что многие животные до сих пор фактически не охраняются законом. А закон такой нужен, просто необходим. Об этом говорили и письма многих читателей. Так, например, Л. Т. Касинский, шофер-профессионал с двадцатипятилетним стажем из города Находки, писал: «Нужно в Правила дорожного движения ввести статью о мерах наказания за умышленные наезды на собак, кошек да и любое другое животное...».

Водитель седельного тягача ЗИЛ-130В с двадцатитрехлетним стажем работы за рулем, житель поселка Билибино Магаданской области П. Ф. Мельник добавил к этому: «Хочу сказать большое спасибо инженерам и конструкторам, которые создали золотую машину, иначе ее не назовешь, и становится обидно, когда за рулем такого дорогого и красивого автомобиля сидят случайные люди, которых и водителями не назовешь, а скорее негодьями, потому что они марают доброе звание шофера и бросают тень на остальных — честных, настоящих водителей».

В. А. Игнатъев из Москвы считает, что, не дожидаясь Закона, нужно выявлять таких водителей и спрашивать с них за жестокость. Он привел вопиющий пример: «Этот случай произошел два года назад в Москве на Воронцовой улице. Там была простая дворняжка, но что интересно, дорогу она переходила аккуратно, как человек. Дождется на тротуаре, пока пройдут машины, добежит до середины проезжей части и ждет, когда с другой стороны прекратится поток встречных машин. Только тогда заканчивает переход. Так вот, дошла до середины, стоит, ждет. Ехала «Волга», других машин сбоку не было, но водитель вывернул круто влево и сбил ее. Напротив остановка автобуса. Визг, крик. Я сам был до того ошеломлен, что даже не зафиксировал номер, а нужно было бы...»

Вот что в отличие от А. Б. думали по поводу жестокого, даже можно сказать зверского отношения к животным, другие. Да и как же могло быть иначе. Ведь стоит развить намеченную А. Б. программу, получилось бы, что если давить людей — они ведь чаще собак создают помехи на пути, особенно в населенных пунктах, — то производительность труда поднимется еще выше, соответственно возрастет и заработок водителей, а главное — уменьшится износ машин. Вот и выходит: одних больше заботит нравственный облик человека, другого заработок и преждевременный износ механизмов.

Мир трудно поделить на грешников и праведников. Добро и зло могут соседствовать в одном человеке, противоборствуя друг другу, пока что-то одно окончательно не возьмет

верх. Делать прогнозы по этому поводу, видимо, труднее, чем предсказывать погоду. Ведь зависит это не только от самого человека, но и от среды, от его ближайшего окружения. Но отношение к живой природе, к которой относятся и домашние животные, может до известной степени служить индикатором, своеобразной лакмусовой бумажкой. Человек, для которого внутренней потребностью является накормить голодное существо, противостоять жестокому обращению с ним, который обладает священным даром воспринимать чужую боль, как свою собственную, не способен сотворить зла и по отношению к людям. Это проверено опытом.

Как-то мне позвонила соседка и спросила, есть ли в моем хозяйстве медицинский шприц для инъекций.

— Только дело в том, — помялась она, — что уколы мы будем делать не человеку, а собаке. Может быть, вам неприятно?

— Какая разница, — ответил я. — А что приключилось с вашей собакой?

— Машина сбила, и после этого у нее отнялась передняя нога.

— А если лечение не поможет, — вырвался у меня провокационный вопрос, — что будете делать, усыплять?

— Что вы! — ответила она с неподдельным возмущением. — Это наш друг.

Я все понял. Это, была естественная реакция на зло.

«Историки утверждают, — написал врач В. С. Полбин из Куйбышевской области, — что если бы ни собака и ни лошадь, человек так до сих пор и не стал бы человеком в современном понимании этого слова. Отчасти им мы обязаны тем, что сегодня сидим за рулем...»

«С такими, как водитель самосвала ЗИЛ-130 философствовать нечего, — писал В. С. Бирюков из Донецка, — их черствая, грубая душонка не откликнется на слова о том, что все мы — и люди, и собаки, и кошки — одинаковы Природе-матушке, что все мы имеем право на свое место под солнцем. Такой неспособен разделить удивительную гордость за свое отношение ко всему живому, которое дало право С. Есенину написать: «И зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове». Как точно сказано!»

И еще один вопрос хотелось бы поднять в связи с высказываниями А. Б. Как часто шоферу-профессионалу приходится в течение рабочего дня нажимать на тормоз при встрече с собакой или кошкой, насколько же это снижает производительность труда? Сто раз, пятьдесят? Опрос показал, что в отдельные дни — ни разу, иногда же от двух до пяти раз за смену. Это максимум. Так на что же обращен гнев А. Б.? Кстати, печать недавно сообщила, что где-то в Южной Америке стая журавлей стала причиной гибели реактивного пассажирского лайнера. Однако мысли уничтожить журавлей почему-то ни у кого не возникло. Не птицы вторглись в сферу человека, а наоборот, поэтому выход из этой проблемы люди, как существа разумные, будут искать сами и не за чужой счет.

Теперь несколько слов по поводу письма кандидата технических наук автолюбителя из Москвы А. В.

«Интересно, — спрашивает он, — как думает Юрий Абдашев объяснить детям ежедневные убийства рукой человека или современными техническими средствами миллионов коров, свиней, птиц и т. д.»

Объясню просто: человеку, особенно молодому, необходим животный белок для поддержания нормальной жизнедеятельности организма, в том числе и мозга. Большинство моих знакомых любят цыплят табака, но среди них нет ни одного, которому доставило бы удовольствие зарезать курицу. Если бы товарищ А. В. обратил внимание, то обнаружил бы, что в списке промышленных объектов, куда совершают экскурсии школьники, нет городской бойни. И это не случайно. Не нужно быть ханжой, но и демонстрировать «кровопролитие» даже специально выращенных для этой цели животных ни к чему. А что касается работников мясокомбинатов, то их труд заслуживает уважения, как и всякий другой. Потому что это труд, а не бессмысленный разбой.

Далее А. В. рассказал о том, что во время туристской поездки на своей машине они

всей семьей стали свидетелями гнусной картины расстрела в упор выбракованных и беспородных сторожевых собак во дворе склада. «В ответ на мое восклицание «Убийца»!, выполнявший данную операцию спокойно заявил, что другого выхода нет, так как бесполезных дворняжек никто не хочет брать к себе, а выпущенные на волю, эти собаки будут разносить всякую заразу».

После этого случая у автора письма возникли серьезные сомнения в правильности своей прежней позиции. Даже не сразу поймешь, всерьез пишет кандидат технических наук или иронизирует над созданным положением. Видимо, по этому поводу можно сказать одно: став свидетелем жестокости, вовсе не обязательно самому становиться жестоким. Правда, в конце письма товарищ А. В. снова сомневается: «Как на ходу определить полезность выбежавшей на дорогу собаки или кошки? Можно расширить данный вопрос появлением на дороге пьяницы, хулигана или вора, чья полезность обществу может быть сомнительна. Не ответит ли на эти вопросы Юрий Абдашев или другие достаточно компетентные лица?»

Самым «компетентным» в данном случае оказался шестнадцатилетний Володя Карпов из Комсомольска Кемеровской области, также приславший письмо:

«А прошедшей зимой у нас в поселке задавили человека. Гражданин Тютяев шел домой. Устав, он присел на краю тракта. Снег припорошил его. В это время по дороге двигался автомобиль. Шоферу показалось, что на обочине сидит собака — было темно, — и он решил задавить ее, а задавил человека». Не надо давить никого!

Е. А. Слудский из Москвы:

«Я с шестнадцати лет за рулем. Сейчас мне шестьдесят пять. По личному опыту могу авторитетно заявить — ездить, не давя животных, можно!»

Г. Н. Досталь из Котовска, шофер первого класса:

«Много мне приходилось за мою работу предотвращать наездов на животных, и были такие случаи, что очень трудно было избежать этого, и все же ни одного животного за свою долгую шоферскую жизнь я не задавил».

Мне понятна горячность, с какой вступились за животных многие авторы писем. Но, видимо, не драться нужно, как пытаются поступать иные, а сообщать номер машины автохулигана в ГАИ и добиваться, чтобы по этому поводу были приняты меры.

Напомню читателям: плохих собак нет, есть плохие хозяева. Не животные повинны в том, что на дорогах создается порой сложная обстановка, а люди, владеющие ими, или, что хуже всего, бросившие своего четвероногого друга на произвол судьбы у руин снесенного дома после того, как сами получили благоустроенную квартиру. С таких людей надо спрашивать по всей строгости закона. Именно по их вине плодятся бездомные животные. Это они, оберегая свой покой и душевное равновесие, «не могут» утопить в ведре новорожденного, еще не способного воспринимать мир котенка, но не останавливаются перед тем, чтобы отвезти за город и выпустить там уже подросшую кошку или собаку, обрекая их тем самым на голод, страдания и, наконец, гибель под колесами автомобиля. Взял в дом животное — не забывай об ответственности за его судьбу. На всю жизнь его! Это должно стать нормой для всех. Сомневаешься хоть на миг — не бери вовсе.

И в заключение хочется остановиться на самом главном. А. Б. написал о том, что, заботясь о животных, я забыл о человеке. Именно забота о достоинстве человека, о его нравственной «физиономии» и заставила меня взяться за перо. Очень многие читатели, приславшие свои отклики, заострили внимание на одном факте: водитель, проявивший жестокость по отношению к животным, потенциально опасен и для людей. Вот что по этому поводу думает З. В. Буланова из Клина Московской области:

«Совесть не мучает таких людей. Отсутствие у человека этих высоких

достоинств говорит о том, что перед нами ограниченный, неполноценный человек. А неполноценный человек, не отвечающий за свои поступки, опасен не только для животных, случайно оказавшихся на дороге, но еще более опасен для людей. Такой человек не считается ни с чем, если чувствует свое превосходство. Такому ничего не стоит загнать в кювет машину, если эта машина меньше той, на которой он едет сам».

Как мы видим, проблема, затронутая в статье, отнюдь не «собачья», а чисто человеческая. На примере письма А. Б. мы видим, как сухой рационализм может быть возведен в абсурд. Чрезмерно утилитарный, потребительский подход к окружающему миру способен превратиться в слепую воинствующую жестокость. А ей должен быть поставлен такой же прочный заслон на дорогах страны, как хулигану и пьянице за рулем автомобиля.

Евгений Фейерабенд ЖУЛЬБАР

Слушал пес
Азартный шум базара,
Шабаршанье троек и рублей.
Взгляд тосклив:
— Хозяин пожалей!... —
А хозяин продавал Жульбара.
Гомонил сочувственно народ,
Городские знали: пес уйдет!
Покупал приезжий из района...

Грузовик пластался над гудроном,
Наплывали новые места.
Встречный вихрь хлестал через борта,
Бил по морде, высекая слезы,
С лету шерсть трепал и приминал.
Пес держался не меняя позы,
Нюхал ветер — путь запоминал

В сто колес стучала электричка,
Плыл паром и пенилась волна.
Двор. Забор — тесовая стена.
Непривычно все. И даже кличка
Для чего-то новая дана.
Только пел хозяин здешний даром,
Дескать вот твой дом и твой причал.
Пес молчал, считал себя Жульбаром,
Сахарных костей не замечал.
Это днем — тоска. А ночью — любо.
Тишина. Никто не приставал.
Грыз железо, стачивая зубы,
Не жалея шеи провод рвал.
И в счастливый миг, расправясь с цепью,
Птицею летел через забор.
Улицею мчался, росной степью,
Темным бором дул во весь опор.
С ходу продирался в дикой чаще

Сквозь шиповник жесткий, будто жечь.
Верил: у него хозяин есть,
Первый, неподдельно настоящий.
Реки вплавь одолевал и вброд,
Добирался до родных ворот.
И на лапах, пышущих огнем,
Прыгал у завалины желанной,
Лаем заливался под окном...
Выходил хозяин, крякал странно
И качал похмельной головой:
— Возвратился — стало быть, живой!
Продавать тебя покуда рано.
Отдыхай Жульбарка, а потом...
Пес визжал, зализывая раны,
Улыбался и махал хвостом...

И опять кишела толчея.
Пес сидел, оскалившись от муки.
Поводок скользил в чужие руки,
Гибкий и противный, как змея.
И хозяин вновь в толпе скрывался,
Не понять собаке — почему.
Ехал пес,
Железо грыз,
Срывался.
И опять бежал,
Бежал к нему...

В. Суслов

* * *

Лохматый пес юлит у ваших ног...
Рукою злой он вышвырнут за двери,
Бездомен пес теперь и одинок,
А он тебе, хозяин, очень верил.

Хозяин, ты домой к себе идешь,
И неужель ничто тебя не гложет?
Ты без собаки, знаю, проживешь,
Собака без тебя прожить не сможет.

С. Гладыш ТЫ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛ

«Пишем от имени всех ребят нашего двора. Мы несли еду Пальме (она жила во дворе в сарае), а когда шли назад, Пальма бежала рядом. Мы слышали выстрел, из-за угла дома вышел пожилой мужчина, с ним мужчина помоложе и одна из

наших уборщиц. Увидев Пальму, она крикнула: «Вот еще одна!» Мы закричали, некоторые заплакали, а уборщица свое: «Уйдите, не мешайтесь». Как мы ни просили, раздался выстрел, и Пальма упала. А люди эти грозилась, что если мы будем мешать, то они напишут на нас в детскую комнату милиции. Можно ли так поступать с животными?

Дорохина Марина, Демчук Андрей, Никитина Венера, Гузовская Таня, Краснокутская Оля, Кац Лена, Сташук Светлана. Мы живем в городе Коростень, улица Урицкого, 46-б».

Страшно получать такие письма. То, о чем говорится в них, кажется нереальным. Но, к сожалению, факты, изложенные в них, имели место в действительности. Советские люди, выступая за бережное, гуманное отношение к природе, и к животным в частности, осуждают явления жестокости, справедливо считая, что жестокость по отношению к животным — одна из форм выражения жестокости **Человека** вообще, что в определенных случаях она является показателем социальной установки личности.

Газета «Неделя» не раз публиковала материалы по этой проблеме. Это статьи «Поводок, вырванный из рук», «Трезор смотрит в глаза», фельетон «Никогда не бил по голове» и другие. На такие материалы в редакцию приходила масса откликов. Авторы многих писем приводили свои примеры, предлагали решения проблемы содержания животных в городе.

«Что страшнее истязания беззащитного живого существа? Нужно по всей строгости наказывать за жестокое обращение с животными. Проблемы отношения к живому надо выдвинуть на первый план в воспитании детей», — считает А. Г. Дмитриева из Орехово-Зуева.

«Я очень люблю животных, у меня самого дома есть кот и собака. Но страшно смотреть на собак и кошек, оставшихся на улице без хозяев и крова. Они бедствуют, дичают, с ними что-то надо делать. Облавы на животных, которые время от времени устраивает горкомхоз — вещь жестокая, вредно действующая на детей.

П. Панаилов, механик, город Ставрополь».

Учитывая многочисленность читательских писем в редакцию, было решено собрать заседание за круглым столом, пригласить педагогов, юристов, врачей, представителей общественности, чтобы поговорить об ответственности человека за судьбу «братьев наших меньших». В беседе участвовали: Ксения Александровна Семенова, профессор Института судебной психиатрии имени В. П. Сербского, председатель московской секции охраны животных; Татьяна Николаевна Павлова, заместитель председателя секции охраны животных; Сергей Никитович Братусь, профессор, доктор юридических наук, член совета Дома ученых АН СССР; Виктор Тимофеевич Зикун, разметчик одного из московских предприятий, член Общества охраны природы; Дмитрий Николаевич Кавтарадзе, ученый секретарь молодежного совета МГУ по охране природы; Юлия Васильевна Колотилова, инспектор московской секции охраны животных.

За круглым столом говорилось о многих аспектах поднятой проблемы. Приведу некоторые из высказываний присутствовавших на заседании.

К. Семенова. Нет необходимости напоминать, что, воспитывая доброе отношение к природе, мы растим добро в самих себе, что различные формы черствости начинаются с отсутствия воспитания чувства добра в детстве. Когда приходится знакомиться с людьми, совершающими преступления, первое, с чем сталкиваешься, — это полнейшее презрение к морали, полнейшее равнодушие к страданиям другого человека, к чужой боли. И это равнодушие дает возможность совершать противозаконные действия — убийства, насилия, избиения. Но человек таким не рождается. Чтобы стать таким, нужно обязательно переступить определенный психологический барьер — барьер преодоления сочувствия

чужой боли. Никто не остановил малыша, мучающего кошку, прошли мимо подростка, избивающего собаку. Через некоторое время у того и другого, если это не единичный случай в их практике, вырабатывается стереотипное отношение к чужой боли. Был случай, что четыре мальчика совершили тяжкое преступление. Всем им было по четырнадцати лет. Когда зашел разговор об их любимых играх, занятиях, оказалось, что их увлечение — вешать собак и топить кошек.

Не раз приходилось мне видеть сцены, печальные в отношении и человека, и животного. Как ловят кошек и собак! Появляются машины, из них выскакивают люди с веревками, ружьями. После этого остаются плачущие дети и взрослые.

Проблема бесхозных животных остро встала в последние годы, но это не значит, что решаться она должна негуманными способами.

С. Братусь. Кстати, отстреливать животных, пусть и бесхозных, законом запрещено. Так что здесь, видимо, надо говорить о нарушении правил. Выражаясь профессионально: у собравшихся есть доказательства обвинения?

Д. Кавтарадзе. Есть. На биофаке МГУ шестнадцать лет существует дружина охраны природы. На ее базе мы создали группу по изучению отношения человека к животным. Если в случае с охотой на слона или гепарда можно найти хоть какое-то объяснение — жажда трофея, испытание своей храбрости, то абсолютно непонятно плохое отношение со стороны отдельных граждан к домашним животным: шубу из голубя не сошьешь, и не нужно быть храбрецом, чтобы убить собаку. Нам пересылали письма со Всесоюзного радио, с Центрального телевидения, из редакций газет, из секций охраны животных, из органов милиции. Четыреста жалоб и заявлений мы сумели проверить, подтвердить документами. Лишь после проверки составлялась специальная карточка с описанием случая, фамилией и адресом виноватого. Так вот, среди тех, кого зафиксировали, как издевавшихся над животными, больше половины — школьники. И еще цифры: когда людей, утративших собаку, кошку, птицу, спрашивали: «Вы представляете возможность возместить ущерб?», семьдесят человек из ста ответили: «Такой возможности нет, погибшее животное — друг нашей семьи».

Почему возможно такое? На основе изысканий можем заявить: одна из причин — отсутствие должной ответственности за жестокость к животным. Там, где птицы и животные защищены законом, таких случаев фиксируется гораздо меньше. Многие союзные республики — Армения, Азербайджан, Казахстан, Литва, Туркмения, Узбекистан, Эстония — взяли животных под охрану закона. Вот и результат!

С. Братусь. Кстати, в РСФСР тоже издано распоряжение МВД республики, которое позволяет классифицировать убийство животных и издевательство над ними как злостное хулиганство.

В. Зикун. Безнадзорность животных вызывается безответственностью и легкомыслием владельцев. Кто любит все живое, тысячу раз подумает и передумает: имею ли я материальную возможность и моральное право взять в дом собаку, кошку или морскую свинку? Справлюсь ли я с ними, и самое важное — есть ли у меня в них необходимость? Как бывает очень часто: покупается дог, да еще мраморный (у соседа именно такой), заводится сямский кот или хомячки. А потом выясняется, что на мраморных догов мода прошла, у кота суровый нрав, а с хомячками много возни. И летит на помойку хомячок, выбрасывается кот и где-нибудь на улице, подальше от дома, оказывается собака. Из десятков таких обреченных на бродячую жизнь существ и складываются так называемые бесхозные животные.

Ю. Колотилова. Бывает, негуманное отношение к животным закладывается в семье. Помню, я привела двенадцатилетнего мальчика к его родителям. Знаете, как мы пришли: одной рукой я держу мальчика за рукав, а в другой — голубь с выдранными лапками, умирающий. Что тут началось! «Вы не имеете права! Он играет, а вы, взрослый человек, глупостями занимаетесь!» О каком воспитании можно говорить в такой семье? Мы обязаны не быть равнодушными к тому, что делают дети, даже если они не наши. В своем дворе я

нередко собираю ребят, мы говорим или читаем о птицах, животных. Объясняю детям, почему люди должны оберегать природу. Но, увы, далеко не все взрослые втолковывают это ребятам. Бывает и так, что отцы и старшие братья равнодушно смотрят, как их «воспитанники» гоняют камнями собак, да еще посмеиваются при этом. Станут ли после этого их сыновья и младшие братья слушать лекции о любви к живому? И помогут ли им эти лекции?

В. Зикун. Дома у меня есть собака, она маленькая, зато мои ребята с ней справляются, пока мы на работе. Увы, есть люди, которые не понимают природы, а отсюда и нелюбовь к животным. Настолько, что гнев всегда направлен не против человека, неправильно их содержащего, а против самого существования животных. Я не сторонник тех, кто держит собаку или кошку, но не может за ними ухаживать и вызывает тем самым справедливые нарекания соседей. Не стану защищать того, кто не сумел воспитать собаку, и она сутками лает до хрипоты. Первый подойду к человеку, спустившему с поводка собаку, особенно большую, сделаю ему замечание. А некоторые в подобных случаях призывают вывезти из города всех животных! Давайте не будем противопоставлять людей собакам и кошкам, а лучше подумаем, как воспитать правильное отношение к ним. Место в городе найдется и для животных.

«Взрослые из наших домов очень жестоки к животным», — написала в редакцию школьница Ира Агаркова. Как же поступать с такими взрослыми, как не дать пошатнуться у детей вере в справедливость? Если восемь детей видели отстрел животных, то двое из них заболеют — вот истины статистики.

С. Братусь. Да, такие взрослые должны нести ответственность. Президиум Верховного Совета Эстонии, например, дополнил уголовный кодекс республики статьей об ответственности человека за жестокое обращение с птицами и животными.

Неужели в наши дни нет иного метода борьбы с безнадзорными животными, нежели беспощадные отловы?

К. Семенова. Есть. Назову один, практикующийся в некоторых братских странах. В корм голубям и в тех местах, где бродят бездомные животные, подсыпается стерилизатор, и эти животные и птицы теряют способность размножаться. Есть и другие способы, их нужно изучать. Но организации, в чьей компетенции такие вопросы, должны изменить систему отлова и приема животных за плату. Ведь сейчас она — открытые ворота для заработка тем, кто не утруждает себя работой, кто целыми днями крутится возле винных магазинов. Развращаются и дети: поймал кошку и сдал — получай деньги. Необходимо запретить отлов животных отдельными гражданами! Это дело специальной службы. Вот, кстати, и ответ, почему отлов нередко превращается в уничтожение домашних животных. Оплата-то ловцам назначается «с головы!». А она, оплата эта, должна представлять собой твердый оклад. И никакая специфика, никакие трудности работы тут ни при чем. Установить твердую оплату — вот выход! Иначе ведь план «с головы» можно выполнить только за счет домашних собачек.

Невосполнимый моральный вред наносит человек, вырывающий собаку из рук ребенка, поджигающий голубя. В нашем распоряжении достаточно средств для борьбы с любыми отклонениями от норм социалистической нравственности: мнение трудового коллектива, слово печати и, при необходимости, — закона.

Справедливо будет как-то наказывать и тех, кто, взяв жи-зотное в дом, выбрасывает его потом на произвол судьбы. Человек должен нести ответственность за свое отношение к животным. Ответственность, определенную законом. Не будем напоминать, сколько животных бескорыстно работает на нас — в медицине, в народном хозяйстве, в армии, в пожарных частях... Истинная гражданственность, патриотизм воспитываются и на любви к родной природе. Узаконить свои отношения с животными человек обязан во имя добра. Это его долг перед природой, перед обществом и перед собой.

Очень точно и верно закончила свое выступление за круглым столом редакции газеты «Неделя» Ксения Александровна Семенова. Потому что жестокость к «братьям нашим

меньшим», как правило, оборачивается, без преувеличения можно сказать, трагедией.

Когда наши дети вырастают не такими, какими бы нам хотелось их видеть, и мы начинаем искать, где, когда, в какой момент ошиблись, то почти всегда оказывается, что забывали учить их любви к деревцу, речке, птице, животному. Результат: «Директору школы № 594. Ученик 3-го класса вашей школы Большое Игорь... с двумя своими товарищами... проникли в вентиляционное отделение дома № 21, где находилась кошка со слепыми котятами и замучили трех котят насмерть, переломав и вывернув им лапки, хвосты и спинки... Большое Игорь скрывает имена соучастников. Граждане, проживающие в доме № 21, возмущались проделками ребят, пытались их урезонить, но в них полетели камни.

Просим широко обсудить в школе недостойное поведение хулиганов и поставить в известность детскую комнату милиции с сообщением по месту работы родителей. О принятых мерах просьба сообщить в секцию охраны животных МГООП, Руководитель группы разбора жалоб по жестокому обращению с животными инспектор горветотдела Моссовета Е. Старцева».

По общественной линии мне не раз приходилось участвовать в заседаниях Комиссий по делам несовершеннолетних при разборе дел о жестоком отношении к птицам и животным. И каждый раз не переставала удивляться преступному легкомыслию родителей. «Собаку повесил, не человека», — вот главный их аргумент. А одна мамаша вообще чуть не с кулаками готова была вступить за сына, живьем спалившего кошку. Родители! Вы теряете сына, если воспитываете его так, а наше общество теряет полноценного человека! Но как часто эта истина не задевает родительских душ и приобретает для них смысл лишь тогда, когда уже поздно. Так было с родителями Ирисовыми, сыновья которых убили шофера такси. Вспомним о психологическом барьере преодоления сочувствия к чужой боли. В случае с братьями Ирисовыми выяснилось, что еще в младших классах школы они забавлялись тем, что жгли кошек, привязывали собак и истязали их. Когда соседи говорили об этом родителям, те отвечали: «Подумаешь, бродячая собака, кому она нужна. Ничего особенного мальчики не делают, оставьте их в покое». А мальчики подрастали. Они втягивали в свои занятия других, заставляли их сначала смотреть, а потом участвовать в своих диких забавах. Возникал азарт, своеобразное состязание в жестокости. Но откуда взялось такое отношение к беззащитным существам? И открылась вина взрослых. Оказалось, что когда-то родителям ничего не стоило на глазах мальчиков утопить не только родившихся щенят, но и саму собаку, с которой выросли Леонид и Вячеслав, а на слезы мальчиков прикрикнуть: «Нечего пускать слезы, подумаешь собака!» Отношение взрослых к живому, беззащитность и безмолвность животных перед хозяевами постепенно внушили ребятам чувство безнаказанности, а самое страшное — **обычности** происходящего. Так, сами того не желая, родители уничтожили в своих детях чувство добра, чувство сострадания — а оно было у мальчиков, ведь плакали Леня и Слава, когда погибла собака со щенками. Но это было давно.

Еще один вопиющий пример. По данным московской секции охраны животных, Д. Кавтарадзе был составлен список детей, замеченных в жестоком отношении к животным три-четыре года назад, и передан в МУР. Оказалось, что из тридцати одного человека трое находятся в заключении, причем один — вторично. Разве не красноречивый процент!

Баснословно дорогой ценой расплачивается общество за издержки воспитания. А ведь детям не свойственна жестокость — от природы ребенок настолько добр, что боится причинить боль даже игрушечному мишке. И он может остаться таким даже без специальных предметов, прививающих любовь к животному миру. Может, если ему помогут взрослые! Но всегда ли они думают о том, какое впечатление производят своими поступками на детей. Иначе не было бы этого письма:

«Я очень люблю природу и не могу смотреть на злодеяния, которые творят иногда над природой люди. Безжалостное убивание птиц, издевательство над кошками, собаками, ломка деревьев, разрушение муравейников — все это **преступление. Виной этому являются взрослые, которые подают пример**

детям .

Смирнов Вячеслав, город Архангельск».

Вячеслав прав. Это мы, взрослые, виноваты в том, что есть еще жестокие дети, что вырастают порой жестокие подростки.

Но, к сожалению, горький пример одних индивидуумов и равнодушное созерцание зла другими — не единственная беда. Пожалуй, самый непоправимый вред приносит жестокость массового характера. А она еще нередка, хотя и допускается в нарушение существующего законодательства.

«В нашем совхозе каждый год убивают собак из охотничьего оружия. И вот представьте себе, когда в поселке начинается эта стрельба по собакам, сколько слез проливают малые дети! Они просят своих пап и мам, чтобы их куда-нибудь спрятали, пока пройдет эта карательная экспедиция. Ф. Р. Стаховец, Кустанайская область, Камышинский район, совхоз «Дружба».

«Полон двор детей и бабушек. Машина с номером КИГ 60-13. От одной бабушки вырвался ребенок и хотел помочь мертвой собаке, взрослый оттолкнул ребенка, схватил собаку за задние ноги и бросил в машину.

Киев, Мозговая А. Л. и еще восемь подписей».

«Отстрелы делают с девяти утра и стреляют всех собак подряд.

Оренбург, Фомичев Николай Иванович».

Примеры можно продолжить. А ведь все происходящее — вопиющее нарушение существующего уже более пятнадцати лет Указа Президиума Верховного Совета РСФСР и аналогичных указов союзных республик о запрещении стрельбы из огнестрельного оружия в населенных пунктах, а также Инструкции Министерства сельского хозяйства СССР «О мероприятиях по борьбе с бешенством животных» и разъяснения № 232-15 того же министерства, где указаны нарушения в исполнении Инструкции по борьбе с бешенством. К несчастью, указ этот порой нарушается, несмотря на многочисленные выступления печати, радио, телевидения. А в результате — нервные потрясения и шоки, заикание у детей. По статистике Д. Н. Кавтарадзе двадцать шесть детей из ста, ставших свидетелями кровавых расправ над животными, заболевают. Заболевают и взрослые. Врач Кустова из Подольска слегла с приступом стенокардии после убийства своей собаки во время отстрела, а ее двенадцатилетний сын долго лечился в клинике от нервного потрясения. Правда, убийца собаки был наказан.

Иск о возмещении ущерба за убитую собаку был предъявлен гражданину Случу, члену Союза охотников, неоднократно принимавшему участие в подобных акциях. Есть положение об участии охотников в экспедициях по борьбе с бешенством. Но это — когда тревога, когда источник и носитель заразы должен быть уничтожен. Человек же, имеющий в кармане охотничий билет и занимающийся незаконным отстрелом, уже утратил по существу свою истинную принадлежность к охотникам — этому прекрасному союзу людей. Прекрасному, потому что любить природу и все живое в ней нас учили, в первую очередь, охотники — Тургенев, Толстой, Некрасов, Пришвин. А человек, получающий при отстреле «с головы», — это не охотник.

В конечном счете все зависит от каждого из нас. Нам есть у кого учиться любви к природе, ко всему живому. Это и великие гуманисты прошлого, и наши прекрасные современники. Одних из них мы прекрасно знаем, как например, Ольгу Александровну и Сергея Владимировича Образцовых, вся жизнь которых — бескорыстное и преданное служение добру, другие известны меньше. Но они есть рядом с вами. Их десятки и сотни тысяч. Об этом говорит численность секций по охране животных, тысячи писем в редакции газет и журналов, Общество охраны природы. Так давайте же все вместе учить наших детей

добрю, учить отвечать за слабого и беззащитного, счастьем общения с животным миром, добьемся того, чтобы каждый человек мог сказать о собаке только так: «Это — наш друг». И поверьте, для этого необязательно держать животных в доме.

Это прекрасное дело, но нелегкое, и если нам станет порой тяжело, напомним себе слова Экзюпери — человека, вся жизнь которого была стремлением сделать всех людей добрее и отзывчивей, напомним себе его слова: **Ты в ответе за тех, кого приручил.**

СО ВСЕГО СВЕТА

СОБАЧЬЯ ДОЛЯ

Собака Фафа выжила чудом. Ее выбросили на ходу из машины посреди оживленной автострады. Она ковыляла на покалеченной ноге пока ее не заметила молодая автомобилистка. Вечером Фафа была показана по телевизору и быстро нашла себе новых хозяев. Но ее трагедия не является отдельным случаем. В 1973 году французы выбросили или отравили сто двадцать тысяч собак и двести пятьдесят тысяч кошек.

Д. Лившиц ОБЪЯВЛЕНИЕ

*Кто потерял собаку, обратитесь в магазин к сторожу.
Объявление*

А собаку никто не терял,
А собаку никто не искал.
Просто утром собачий хозяин
От нее потихоньку сбежал.

Он держал, как всегда, поводок,
Рядом весело прыгал дружок,
Он отвел чудака за поветь
И велел ему ждать и сидеть.

... Разве вечер уже, не пора?
Он сидит под забором с утра,
Отчего же его не ласкают,
Целый день не зовут со двора?

Может, съел он хозяйский обед
Или в доме оставил свой след —
Нехороший, пахучий, ужасный
Неприличный собачий букет!

Может, был он с хозяином груб?
Может, стал непонятлив и глуп?
Отчего же сегодня ни разу
Вкусным дымом не пахнет из труб?

А хозяин его между тем
Просто взял и ушел насовсем,

В новый дом поселился хозяин,
А собаку в квартиру зачем?

Кормит сторож ничейного пса,
Пес печальные прячет глаза,
Он не хочет, не хочет, не хочет
Слушать рядом чужих голоса.

И на стаю бездомных собак
Гордый пес мой не смотрит никак:
У него же есть дом, и хозяин,
Он придет, он подаст ему знак.

Но когда темных бревен ряды
Пали в пыль, в борозду лебеды,
И бульдозер — железная сука —
Зализал рваной раны следы, —
Пес, веревку в пыли волоча,
От стального бежал палача,
И собачья бездомная стая
Приняла его, дружно рыча...

... Вы видали — по вечерам
По дворам бродят молча собаки?
То, что ищут еду они — враки, —
Это ищут пути они к нам.

Но все двери и лазы задраены:
Новоселья справляют хозяины.

Иван Манежный ГУМАНИСТ

Он выходил походкой хлипкой,
Надев изящный паричок,
С веселой милою улыбкой
Такой приятный добрячок.
В карманах сахар для подачек,
Конфеток множество он нес
И так ласкал своих собачек,
Что трогал зрителей до слез.
Он звал их нежно — моя Дуся!
Мой милый славный собакец!
Манюся! Пуся! Собачуся!
Ну просто — их родной отец.
А за кулисами потом
Он бил своих собак хлыстом,
И в злости этой был неистов,
И злей собаки был любой.
Увы! Подобных «гуманистов»

Еще встречаем мы порой.

В. Гусев НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ДВОРНЯЖЕК!

Грозные овчарки, величественные и элегантные доги, страстные, одержимые собаки охотников, утонченные и немного взбалмошные представители комнатных пород — все они по-своему служат людям, приносят им пользу и радость. Каждая из пород имеет своих поклонников. Многочисленные клубы и общества заботятся об их разведении. И никогда не утихают дебаты любителей о преимуществах тех или иных их питомцев.

Однако эта «аристократия», блещущая медалями и родословными, составляет лишь небольшую часть великого собачьего рода. Ведь в основном охраняют наши жилища, пасут стада, помогают добывать пушнину, дружат с детьми и отдают свою жизнь науке в лабораториях мира именно дворняжки, не знающие родства, и местные примитивные породы собак.

Собаками-париями называют их в странах Востока, дворняжками — в России, поклонники породистых псов склонны пренебрежительно называть их чуть ли не убудками, а генетики именуют «сложными полигибридами».

Необычайно изменчиво это многоликое племя. И вначале кажется безнадежной всякая попытка хоть как-то систематизировать беспородных собак. Но все они так или иначе служат человеку, и если за основу классификации взять условия этой службы, то различия между отдельными группами беспородных псов представятся почти столь же резкими, как и среди их знатных родичей.

Неприхотливый и чуткий сторож, способный предупредить о вторжении постороннего, но не опасный для человека, нужен жителям сельской местности в средней полосе России. И именно таковы бесчисленные Жучки, Шарики и Полканы, «которые заливи́стым лаем провожают из-за плетней случайного путника и разгоняют сновидения ночных сторожей. В большинстве это собаки мелкого и среднего роста, снабженные гладкой или лохматой, но непременно теплой шубой, которые несут свою службу, довольствуясь остатками пищи хозяина, других домашних животных и просто отбросами.

Таковыми же качествами отличаются собаки нашей таежной зоны, но здесь они не только сторожа. Со многими из них добывают пушных зверей и дичь. И большинство лайкоидов (малопородных лайкообразных собак) таежной зоны при самом разнообразном облике сохраняют в себе охотничьи свойства знаменитых зверовых лаек.

А на Кавказе и в Средней Азии дворовые и пастушьи собаки — это могучие тяжелые псы, способные даже без помощи человека защитить его дом и скот от злоумышленника и хищного зверя. И в то же время эти грозные угрюмые собаки оказываются прекрасными няньками для детей своих владельцев и заботливыми пастухами их стад.

Селекция среди примитивных дворовых, пастушьих и промысловых собак ведется главным образом на выносливость к неблагоприятным условиям, на хозяйственно-полезные признаки. Вот почему столь многообразен облик дворняг, особенно близ больших городов, где они еще и скрещиваются с породистыми псами самого различного облика и назначения.

Беспородных дворняг, да и всех парий собачьего рода, не имеющих родословных, зачастую обвиняют в бесполезности, отсутствии привязанности к человеку, лени, глупости и непригодности к дрессировке, нечистоплотности и многих других смертных грехах. Все это — несправедливость и поклеп. Миллионы людей держат дворняжек и вполне довольны их умом, преданностью и «хозяйственно-полезными свойствами».

Именно примитивные местные формы собак послужили материалом для выведения прославленных овчарок и множества других знаменитых пород. С помощью метисных лайкоидов до сих пор добывается в нашей стране большая часть пушнины и дичи. Целые подразделения противотанковой, миннорозыскной, санитарной и ездовой служб в Великую

Отечественную войну были укомплектованы собаками неизвестного происхождения и самого пестрого облика. Не случайно цирковые дрессировщики предпочитают работать именно с беспородными собаками, а одним из первых существ, посланных людьми в космос, была дворняжка Лайка.

В памяти каждого человека, любящего животных, сохраняется немало «портретов» беспородных четвероногих друзей, смысленных, преданных и по-своему талантливых.

С вислоухой дворнягой Орликом судьба свела нас в окрестностях Сухуми. Хозяева дома, где мне с моим сеттером пришлось жить, ограничивали заботу о своем Орлике тем, что разрешали ему пользоваться остатками со своего стола. Но даже такое существование не подорвало в этой собаке природного такта, самоуважения и веры в человека. Со мною Орлик подружился, как говорят, «на равных», без всякого подхалимства и заискивания, а сеттеру — недотепе и неврастенику, чья жизнь проходила в воспоминаниях о прошлых и в ожидании грядущих охот, дворовый пес явно покровительствовал.

Всегда готовый пообедать, он, однако, принимал мое угощение или уничтожал недоеденный охотничьим псом корм так, будто делает это только из уважения к хорошей компании.

На «своей» территории — усадьбе и прилежащем участке улицы — он вел себя как вежливый, но требующий уважения хозяин и умел внушить это соседским псам. А если ему случалось сопровождать нас по «чужой» территории, где встречались агрессивные и скандальные «хозяева», Орлик ухитрялся избежать свары, делая вид, что не замечает скандалиста, но неуклонно занимал позицию вблизи меня и подальше от задиры. Когда же приходилось пересекать участок особо крупной и злой овчарки, которая могла без должного уважения отнестись и к моей особе, наш хитроумный спутник куда-то исчезал с тем, чтобы окольным путем пройти опасную зону и снова встретить своих друзей уже за ее пределами.

Дворовые собаки умеют соизмерять свои силы и избегать ненужных столкновений лучше, чем их породистые родичи, избалованные покровительством человека. Зная это, я с особым волнением вспоминаю случай, когда мой оставленный дома сеттер на свой страх и риск отправился мне вслед и на свою беду почти догнал в чужих владениях. Пес уже хрипел в стальных челюстях овчарки, когда невесть откуда ему на выручку пришел Орлик. Боюсь, что без этого заступничества моя помощь была бы запоздалой...

И как забыть четвероногого друга детства — дворовую собаку всего дома, которую кормили все и никто, но которой был нужен Один Хозяин. В таком качестве Кадошка избрал меня.

Казалось, пес отнюдь не интересуется угощением, которое я сберегал для него от школьных завтраков и домашних обедов. Он не был и особенно ласков. Ему просто необходимо было находиться вблизи человека, и он старался делать это, и если нельзя было быть рядом, то он ждал.

Взрослые члены нашего семейства недолюбливали Кадошку и не пускали его даже на лестницу, ведущую в квартиру. Но он умел ждать. Каждое утро пес ожидал моего выхода в школу, а потом как тень сопровождал меня по городу, часами оставаясь возле дверей, в которые я входил. Он ожидал меня в течение летних месяцев, когда наша семья уезжала из города, а дождавшись, встречал удивительно скромно: не лаял, не скакал и не бросался на грудь, а только заглядывал в лицо ошалевшими от радости глазами и негромко поскуливал, повиливая опухавшим хвостом. И преданность собаки сломила предубеждение взрослых. После одной из таких встреч собака всего двора, вернее ничья собака, стала жить с выбранным ею Одним Хозяином...

Вспоминается еще одна дворняжка — кудлатый, с висячими ушами Жек одного из егерей подмосковного Румянцевского охотхозяйства.

Владелец привел его на полевые испытания гончих и был очень огорчен, когда узнал, что правила запрещают присуждать дипломы беспородным собакам. Тогда он уговорил судей хотя бы посмотреть собаку в работе, и пса пустили на заячий след в самое жаркое время, когда искать зверя уже отказались лучшие гонцы охотхозяйства. Вопреки ожиданиям

Жек вскоре отыскал «косого», да так гонял, что искушенные судьи только дивились. Хитроумные «петли», «скидки», «двойки» и другие заячьи хитрости не помогли отвязаться от дотошного пса. Отчаявшийся «косой» искал спасения в стаде коров, что обычно сбивает гончих со следа, но опытный преследователь «обрезал» круг, и гон продолжался... Мы с судьями прикинули, что за такую работу племенной пес получил бы диплом первой степени при 86 баллах, но испытания — это один из элементов селекционной работы, а от нашего лохмача нельзя было ожидать однотипного потомства...

Нет, нельзя согласиться с теми, кто обвиняет дворняжку в ограниченности и неспособности! Основоположник нашей отечественной школы гуманной дрессировки Владимир Дуров вспоминает как самую способную из своих собак дворняжку, послужившую прототипом чеховской Каштанки.

Талантливый натуралист и писатель Сэтон Томпсон писал о дворняжке: «В каждой дворняжке соединены все породы собак, так что она представляет союз всех собак, не принадлежа в то же время ни к одной из пород... Попробуйте покинуть на необитаемом острове борзую, бульдога и дворняжку, — которую из этих трех собак вы можете заставить живой и здоровой спустя полгода? Без сомнения, это будет презренная дворняжка. Она не так быстронога, как борзая, но зато она не несет в себе зародыша легочных и кожных болезней. Она, конечно, не может сравниться по силе и безрассудной отваге с бульдогом, но у нее имеется нечто в тысячу раз более ценное — здравый смысл. Здоровье и ум — такие качества, которые имеют немалое значение в жизненной борьбе, и если собак предоставить самим себе, они вымрут все, за исключением дворняжек».

Однако в ряде случаев наша четвероногая любимица бывает и вредна и даже опасна. Привыкнув безнадзорно промышлять в лесу и в поле, дворняжки могут наносить ущерб в охотничьем хозяйстве. Их стремление охранять свою территорию, не ограниченное привязью или забором, снискало дворняжкам профессиональную неприязнь почтальонов. Стая лохматых «кавалеров», справляющих «собачью свадьбу», может быть весьма агрессивна. Наконец, дворняжки могут быть переносчиками таких болезней, как парша, стригущий лишай, чесотка, эхинококкоз и бешенство.

Приносимый дворняжкой вред столь очевиден, что для истребления безнадзорных собак, их вылова и отстрела учреждена специальная служба собаколовов. Многочисленность дворняжек и быстрота их размножения успешно противостоят службе уничтожения, она систематически перевыполняет свои планы, а бездомные дворняжки по-прежнему остаются угрозой спокойствию и здоровью людей...

Но позвольте, при чем тут дворняжка? Известно, что при отсутствии внимания человека, при чрезмерной численности даже коровы в Индии и голуби на улицах городов становятся вредными и опасными. Так почему же мы должны ополчиться на этих полезнейших животных? Почему закон как-то защищает только породистую собаку, а ее менее знатного сородича можно уничтожать в лесу, в поле и на улицах населенных пунктов?

Дворняжка, как и всякое домашнее животное, служит человеку, является его собственностью, и каждый гражданин должен нести за эту собственность ответственность перед обществом и в свою очередь имеет право на защиту этой собственности.

Собака с регистрационным знаком на ошейнике имеет хозяина, дорога и нужна ему независимо от породы. Она не может быть объектом истребления! Упорядочить содержание собак можно и должно. И тогда не станет дворняжки — того несчастного бесхозного существа, которое гоняют, ловят и стреляют в порядке «санитарной очистки» наших городов и сел.

СО ВСЕГО СВЕТА

ЕСЛИ ДРУГ ПОПАЛ В КАПКАН

Случалось ли вам когда-нибудь слышать о дружбе между собакой и вороной?...

Недалеко от города Ливингстона в африканской стране Замбии жили на одном дворе прирученная ворона и собака. Ничто не говорило об их дружеских отношениях. Наоборот, частенько страж дома громко лаял на ворону, прогонял ее от своей конуры.

Однажды собака исчезла. Все поиски оказались безуспешными. Вскоре хозяину дома бросилось в глаза странное поведение вороны. Никогда прежде она не была так прожорлива, как теперь. Схватив в клюв что-нибудь по-вкуснее, птица куда-то улетала, но вскоре возвращалась обратно и, громко каркая, упорно просила еще чего-нибудь поесть.

Так прошло шесть дней. Исчезнувшую собаку стали забывать. А ворона все продолжала летать в неизвестном людям направлении, унося с собой в клюве куски хлеба и мяса. Хозяин решил проследить маршрут вороны. Каково же было его изумление, когда он наткнулся на капкан, в который попала собака. Пес был жив и невредим и веселым лаем приветствовал своего хозяина. А неподалеку сидела на камне ворона, наблюдая за тем, как собака с аппетитом уплетала принесенный ей по воздуху кусок мяса.

С тех пор собака и ворона стали неразлучными друзьями: собака не только не лаяла на свою спасительницу: но и ревностно оберегала ее от кошек, а ворона нет-нет да и угощала своего четвероногого друга свежим мясом, унесенным с кухонного стола хозяйки.

И. Маслов

Ярослав Смеляков СОБАКА

Объезжая восточный край,
и высоты его и дали,
сквозь жару и пылищу в рай
неожиданно мы попали.

Здесь, храня красоту свою
за надежной стеной дувала,
все цвело, как цветет в раю,
все по-райски благоухало.

Тут владычили тишь да ясь,
шевелились цветы и листья.
И висели кругом, светясь,
винограда большие кисти.

Шелковица. Айва. Платан.
И на фоне листвы и глины
синеокий скакал джейран,
распускали хвосты павлины.

Мы, попав в этот малый рай
на разбитом автомобиле,
ели дыни и пили чай,
и джейрана из рук кормили.

Он, умея просить без слов,
ноги мило сгибал в коленках.
Гладил спинку его Светлов,
и снимался с ним Евтушенко.

С ними будучи наравне,
я успел увидеть, однако,
что от пиршества в стороне
одинокое лежит собака.

К нам не ластится, не визжит,
плотью, видимо, понимая,
что ее шелудивый вид
оскорбляет красоты рая.

Хватит жаться тебе к стене,
потянись широко и гордо,
подойди, не боясь, ко мне,
положи на колено морду.

Ты мне дорог почти до слез,
я таких, как ты, обожаю,
верный, храбрый дворовый пес,
ты, собака сторожевая.

Дм. Соколов
ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С НИКИТОЙ
Рассказ врача

Это было вскоре после дня 8 Марта.

Однажды утром позвонил дежурный и сказал, что пришел посетитель и убедительно просит немедленно принять его по неотложному вопросу.

Вскоре зашел запыхавшийся грузный мужчина лет тридцати пяти — сорока в расстегнутом пальто и каракулевой шапке-ушанке. Глаза его были воспалены, глазницы запали, потемнели. Он хотел что-то мне сказать, но тут же закашлялся.

Я встал из-за стола, пододвинул посетителю стул и попросил его сесть.

— Отдохните немного, и я вас выслушаю.

— Доктор... Какой отдых...

Его слова снова были прерваны кашлем.

— Может быть, вы снимете пальто и повесите его на вешалку! У нас довольно тепло, — сказал я мужчине, стараясь придать своему голосу как можно более спокойный и приветливый тон.

— Простите меня, пожалуйста, за мое вторжение. Я понимаю, что это нехорошо... Но мой сын, поймите, мой Никита, единственный сын, — заговорил мужчина и зарыдал, как ребенок, утирая слезы зажатой в руке шапкой.

— Успокойтесь. Скажите, как вас зовут, — спросил я, подойдя к посетителю и положив руку ему на плечо.

— Николай Петрович!

— Николай Петрович, успокойтесь и расскажите, в чем дело.

— Простите меня, пожалуйста, это нервы. Разрешите водички...

Выпив воды, Николай Петрович снял пальто и сел.

— Доктор, мой сын лежит неподвижный, он отказывается от пищи. Он умрет, если вы не окажете ему помощь. Я прошу вас, поедemте быстрее, или он погибнет. Ради него, ради нас. — Он снова всхлипнул.

Я тут же вызвал в помощь себе Антона Алексеевича Константинова, а также врача из городской детской больницы, и мы вместе с Николаем Петровичем поехали к нему домой.

Трудно описать тот беспорядок, который царил в его квартире. Окна были завешены шторами и одеялами, через которые солнечный свет почти не проникал. В комнате стоял полумрак, было очень душно. На полу разбросаны половики, пальто, ватные одеяла и матрацы. Все это, как нам пояснила мать Никиты — Ольга Александровна, — было сделано, чтобы ничто не беспокоило мальчика.

В дальнем углу на диване, укрытый поверх одеяла женской дохой, лежал ребенок. Было темно, и мы не смогли разглядеть его лицо. Вот почему, прежде чем приступить к осмотру больного, нам пришлось доказывать родителям, что необходимо снять занавески с окон и убрать вещи с пола. Но только после того, как детский врач заявила, что в таких условиях она отказывается работать, наша просьба была выполнена.

Мы присели около постели больного. Мальчик лет пяти-шести лежал лицом к стене. На наши вопросы он не отвечал. Когда Лидия Семеновна — врач-педиатр — положила его на спину, Никита открыл глаза, безучастно посмотрел на нас и снова отвернулся.

Лицо мальчика бледное, с каким-то желтовато-землистым оттенком. На нем явно выделялись скулы. Глаза не имели того своеобразного блеска, какой бывает обычно у детей. Они печальны и сосредоточены. Тело очень худое. На бледных руках хорошо видны поверхностные сосуды, вены и артерии...

Во время обследования одна за другой отвергались предполагаемые причины заболевания. К сожалению, нам никак не удавалось вступить в разговор с Никитой: мальчик не отвечал ни на один наш вопрос.

Шел уже третий час, как целая группа врачей находилась в квартире больного, а причина заболевания все еще не была найдена. Собравшись на кухне, мы обсуждали, как поступить дальше. Детский врач настаивал на том, чтобы увезти мальчика в больницу. Я же, опасаясь, что перевозка ухудшит и без того тяжелое состояние ребенка, считал, что лучше оставить больного еще на несколько дней дома и попросить участкового детского врача и сестру ежедневно навещать его. Антон Алексеевич пока молчал. Мы трижды обращались к нему с просьбой высказать свое мнение, прежде чем он сказал:

— Дмитрий Константинович, — обратился он ко мне, — разрешите мне одному побыть с мальчиком. Есть у меня одна задумка, может, она даст результаты.

— Пожалуйста, — сказал я. — Только почему вы хотите это сделать без нас?

— Для моего опыта нужно, чтобы мальчик не отвлекался.

Я не возражал. Мне хорошо было известно, что если Антон Алексеевич что-то задумал, то не стоит ему мешать.

Прошло, наверное, около часа, как ушел Антон Алексеевич к Никите. Лидия Семеновна не выдержала и слегка приоткрыла дверь кухни. До нас донесся спокойный голос Константинова, задававшего мальчику вопросы: «Пойдешь ли ты на каток?», «Любишь ли ты конфеты?», «Любишь ли ты собачку?» и т. д. В ответ не было слышно ни слова.

Через некоторое время Антон Алексеевич возвратился. По его повеселевшему лицу я понял, что эксперимент дал результаты.

— Николай Петрович и Ольга Александровна, — обратился он к родителям Никиты, — а теперь вы нам расскажите, что же это была за собака, которую вы не то потеряли, не то выбросили из дома, где и как с ней встретился Никита?

Все мы удивленно переглянулись.

— Так, значит, ... Никита, сыночек, ... Дорогой мой, он снова заговорил, ... значит, ему лучше, — запричитала мать.

— Подождите, Ольга Александровна. Никита ничего не сказал мне. Он вообще пока не говорит.

Родители опешили.

— Но постойте, — спросила мать Никиты, — откуда же вы узнали про собаку? Она действительно была! Вы что, кудесник какой, что ли?

— Да нет, кудесником меня не назовешь, но я могу вам сказать, что зовут ее Шарик, что она маленькая и скорее всего беспризорная.

Эти слова удивили всех нас. Николай Петрович, отец Никиты, отошел в сторону и стал внимательно разглядывать Константинова.

— Это я вам рассказал? — растерянно спросил он его.

— Нет, это я узнал от Никиты.

— Но как же, если он вам не сказал ни слова? По глазам, что ли?

— Это, так сказать, тайна фирмы, — улыбнулся Константинов. — Я ее раскрою, когда наш больной встанет на ноги. А сейчас, не теряя времени, расскажите нам все, что вы знаете об этой собаке. Именно с ней, по-моему, связана причина болезни мальчика.

Николай Петрович и Ольга Александровна, поняв, что этим помогут распознать заболевание сына, перебивая друг друга, поведали нам такую историю.

Все это случилось настолько быстро, что Никита никак не мог понять, почему он вдруг оказался один среди кучи наваленных кирпичей и строительного мусора. По одну и другую сторону стояли недостроенные здания с черными провалами вместо окон. Ни единого огонька, ни единого человека. Над головой — темное зимнее небо, падают легкие снежинки. Присев на какой-то ящик, Никита начал всхлипывать. Он вспомнил, как они вместе с бабушкой пошли выбирать маме подарок к дню 8 Марта, как были сначала в одном магазине, затем — в другом, как бабушка что-то долго рассматривала, о чем-то расспрашивала продавцов. Потом Никита увидел большого белого пушистого кота, который стоял рядом с прилавком и глядел на мальчика круглыми зелеными глазами. Ну как тут было устоять? Никита подошел к коту. Тот, недовольно фыркнув, бросился от мальчика. Никита за ним. Вот он наклонился, протянул руку, чтобы схватить хитрюгу, но тот снова отскочил в сторону. Так продолжалось до тех пор, пока кот не выскочил на улицу и не исчез среди строящихся зданий...

Крупными хлопьями шел снег. За его белой пеленой дома казались сказочными кораблями, скрытыми туманом. Надвигалась ночь. Стало холоднее, подул резкий ветер. Чтобы согреться, Никита стал топтать ногами так, как их учила воспитательница Нина Ивановна в детском саду. Но холод все-таки проникал под пальто, щипал пальцы рук, щеки, нос. Очень хотелось спать, и он прислонился к кирпичной стене. Трудно сказать, что было бы с ним потом, только он явно ощутил, как кто-то толкает его, дергает за пальто... Открыв глаза, мальчик увидел перед собой мохнатого пса, радостно вилявшего хвостом. Пес схватил Никиту зубами за пальто и стал тянуть, как будто пытался увести его за собой. Потом он с лаем бросился прочь. Никита, с трудом двигая застывшими на морозе ногами, пошел за собакой. Если она убежала далеко, он звал: «Шарик! Шарик!», — и та лаем откликалась. Наконец они подошли к какому-то дому, в окнах которого не было света. Никита на время потерял из виду собаку, но отчетливо услышал ее лай откуда-то снизу. Присмотревшись, он различил ступеньки лестницы, которая вела в подвал. Мальчик спустился туда, и теплый воздух окутал его. Здесь было совсем темно и страшно. Он позвал: «Шарик!», — и тут же почувствовал, как холодный мокрый нос пса ткнулся ему в лицо. Никита протянул руку, вцепился в длинную шерсть собаки, и так они дошли до труб парового отопления. Очень хотелось спать. Сев на пол спиной к трубе, он стал гладить шею пса, пригрелся и сладко уснул, обхватив его за шею.

Проснулся Никита оттого, что кто-то взял его на руки, он увидел маму, соседа дядю Мишу, дворника Семена. Все что-то говорили, смеялись, только у мамы лицо было мокрое от слез. Громко лая и подпрыгивая, его пытался лизнуть верный друг — Шарик.

Как рассказала позднее Ольга Александровна, когда она разыскивала мальчика, именно эта лохматая собачонка выскочила, залаяла, но не зло, а как бы просяще, все время

оглядываясь на подвал. Они спустились туда — и нашли Никиту, спящего прямо на грязном цементном полу около трубы парового отопления.

Ребенок ни за что не захотел возвращаться домой без собаки. Он тянулся к ней, громко плакал, пытался вырваться из рук матери. Собака же, радостно подпрыгивая, как показалось матери, укусила его за руку. Грубо прогнав ее, люди возвратились домой. На следующее утро у Никиты начался кашель, немного поднялась температура. Он целыми днями безучастно смотрел по сторонам, неохотно отвечал на вопросы, был очень вялым, почти ничего не ел; даже те продукты и блюда, которые раньше любил, теперь отодвигал от себя, отказывался от воды. Врачи, обследовавшие здоровье Никиты, находили у него катар верхних дыхательных путей. Однако он не мог вызвать столь серьезных изменений со стороны организма и психики ребенка.

— Итак, собака, — сказал я, как бы размышляя вслух.

— Вы говорите, — спросил Антон Алексеевич Ольгу Александровну, — она укусила мальчика. Но почему нигде не видно следов укуса?

— Нет, я этого утверждать не могу, но мне так показалось.

— Давайте предполагать худшее, что собака была действительно бешеной. Где она сейчас может быть?

Последний вопрос был далеко не праздным: всякое бешеное животное должно быть немедленно уничтожено. Ведь оно представляет огромную опасность для окружающих, так как каждый из укушенных им может погибнуть.

— Давайте все-таки еще раз осмотрим ребенка на бешенство, — предложил я другим врачам. — Времени было достаточно, чтобы за эти дни инкубационный период привел к появлению симптомов заболевания.

Никаких данных на бешенство нам выявить не удалось. На теле мальчика не было ни одной ранки, через которую вирус мог проникнуть в организм. Если при бешенстве больной, как правило, возбужден, то в данном случае его состояние было угнетенным. Даже когда были сняты занавески с окна и открыта форточка, мы не увидели общих судорог, которые часто наблюдаются у больных под действием потоков воздуха в связи с непрерывно нарастающей рефлекторной возбудимостью.

Нам трудно было проверить речь ребенка, которая при бешенстве, начиная со второго-третьего дня болезни, бывает отрывистой и бессвязной. Никита не отвечал на наши вопросы. Однако мы не видели ни обильного выделения слюны, ни появления бреда или агрессивных действий, ни параплегии, парезов или параличей нижних конечностей, а также спазмов глотательной мускулатуры и водобоязни, то есть того, что чаще всего наблюдается при различных стадиях бешенства. Все это обрадовало нас, так как если бы эти симптомы появились, состояние здоровья ребенка можно было считать безнадежным.

Однако и отказываться от диагноза данного заболевания полностью было нельзя: в отдельных случаях инкубационный период, то есть когда болезнь протекает в сравнительно скрытой форме, затягивается до двух месяцев, а то и на полгода.

Окончательный ответ можно получить только тогда, когда мы сможем найти и обследовать собаку. Хотя по ее поведению вряд ли можно было предполагать, что она бешеная.

— А если это так, и собака здоровая, — закончил Антон Алексеевич, — то мальчик находится в тяжелой стадии психического угнетения, вызванного потерей собаки. Вероятно, за столь короткое время, когда Никита оставался один, он привязался к своему маленькому четвероногому другу. Оттолкнув собаку, столь грубо прогнав ее, вы нанесли ребенку огромную психическую травму, перенести которую он оказался не в силах. Это и подорвало его здоровье.

— В общем, — сказал я, обращаясь к родителям, — надо искать Шарика, который фактически спас жизнь вашему сыну. — Не будь его, он бы замерз на холоде. Без собаки мы не сможем еще в течение какого-то срока ни отвергнуть диагноз бешенства, ни восстановить здоровье вашему сыну, если это только психическая травма...

Когда через несколько месяцев Николай Петрович пригласил Антона Алексеевича и меня посмотреть Никиту, и мы пришли к нему домой, в ответ на наш стук раздался звонкий собачий лай. Открыв дверь, увидели в прихожей мальчика с веселыми озорными глазами, который держал за ошейник лохматого коричневого пса — того самого Шарика, который доставил нам столько хлопот. Во время нашего разговора с родителями Никиты новый член семьи лежал в углу и, положив крупную голову на лапы, внимательно следил за нами своими умными глазами, слегка помахивая хвостом, как будто понимая, что речь идет именно о нем.

— Ну а все-таки, Антон Алексеевич, — спросил Николай Петрович, — как вы тогда смогли узнать, что причиной болезни была собака? Это больше всего нас тогда удивило.

— Расскажите, пожалуйста, — присоединилась к просьбе мужа Ольга Александровна. — Ведь если бы вы это не установили каким-то таинственным способом, кто знает, что было бы с нашим Никитой.

— Да ничего тут таинственного и нет. Взвешивая все данные, я пришел к выводу, что дело в психической травме, что Никита чем-то угнетен. Если бы вы нам или другим врачам сразу рассказали, что произошло с вашим сыном, поставить правильный диагноз не представляло бы трудности.

— Вы нас простите, но мы как-то ни придали этому значения.

— К сожалению, мелочи, на которые люди не всегда обращают внимание, в медицине нередко играют большую роль, — продолжал Антон Алексеевич. — Я тогда решил во что бы то ни стало поговорить с вашим сыном. Так как он не разговаривал со мной, ответы на заданные вопросы я получил от него не прямо, а опосредствованно.

— Не совсем понятно, как это, — спросил Николай Петрович. — Вы что же, его мысли читали?

— Почти что так!

— Ну и чудеса!

— Да что вы, никаких, в общем-то, чудес и не было. Известно ли вам, что наше сердце откликается на все события в нашей жизни?

— Ну, как не известно: стоит только поспорить с кем-нибудь, так потом за сердце держишься.

— Для того чтобы установить, как бьется сердце, достаточно прижать пальцем одну из артерий. Древние врачи, например в Китае, различали десятки видов пульса, малейшие отклонения от нормального биения сердца фиксировались ими на ощупь.

— Ну и что же? — спросила мать Никиты.

— Определяя обычный характер биения пульса по частоте, полноте наполнения и твердости, я начал задавать вашему сыну различные вопросы. О чем только я его тогда ни спрашивал — пульс оставался прежним. Изменения ритма были отмечены мной лишь тогда, когда речь зашла о собаке. После этого нетрудно было установить, как ее зовут, к тому же Шарик — довольно распространенная кличка. Внимательно ознакомившись с вашей квартирой, я решил, что вы никогда раньше не держали собаку, да и изменения пульса отмечались у Никиты только тогда, когда я говорил об уличной собаке. Ну, а остальное вам известно.

СО ВСЕГО СВЕТА

СОБАКА — ДОНОР

Не многие знают, что одна собака может быть донором для другой. А ведь если собака переболела например, чумой, то ее кровь может спасти другое животное. Так случилось, когда дог Чабо стал донором для восьмимесячного эрдельтерьера Лесси. Переливание крови трижды провела научный работник Свердловского сельхозинститута М. Ф. Алтухова.

На всякий случай на Чабо надели намордник. Он послушно лег рядом с

Лесси и позволил взять кровь. Второй, третий раз он по команде «лежать» сам ложился на бок так, чтобы лучше было брать кровь. Сейчас Лесси здорова.

М. Пехова

СОБАКА — ДОКТОР

Профессор Хансен из ветеринарного института в Стокгольме заявил на Всемирном кинологическом конгрессе, что многие врачи «предлагают нервным людям иметь пса — лучшее лекарство! Часто в этом случае даже не нужно дорогостоящее лечение. Кто имеет пса, тот здоров душой».

А. Шумский **СОБАКИ НАС ВСЕХ НЕ ПРОСТЯТ...**

Собаки нас всех не простят
За то, что их любят из моды.
Как кошек заморской породы —
Надменных сиамских котят.

«Какой изумительный сеттер!»
«А вам подойдет больше дог,
красиво лежащий у ног.
Породистый дог — это ветер».

... Медалями шея увешана,
И миска полна молока.
Но гладит чужая рука
Больней, чем кололи «от бешенства».
И хочется выть на Луну
Кому-то на взрослой планете,
Когда нам собаки и дети
Неискренность ставят в вину.

ЗАВИСИТ ОТ ХОРОШИХ РУК

А. Виноградов О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ

Под Ялтой на лесной поляне живет чародей. Как и у всех сказочников, у него нет возраста. Правда, время морщинит его лицо, серебрит волосы, но зорки его глаза, проворны руки.

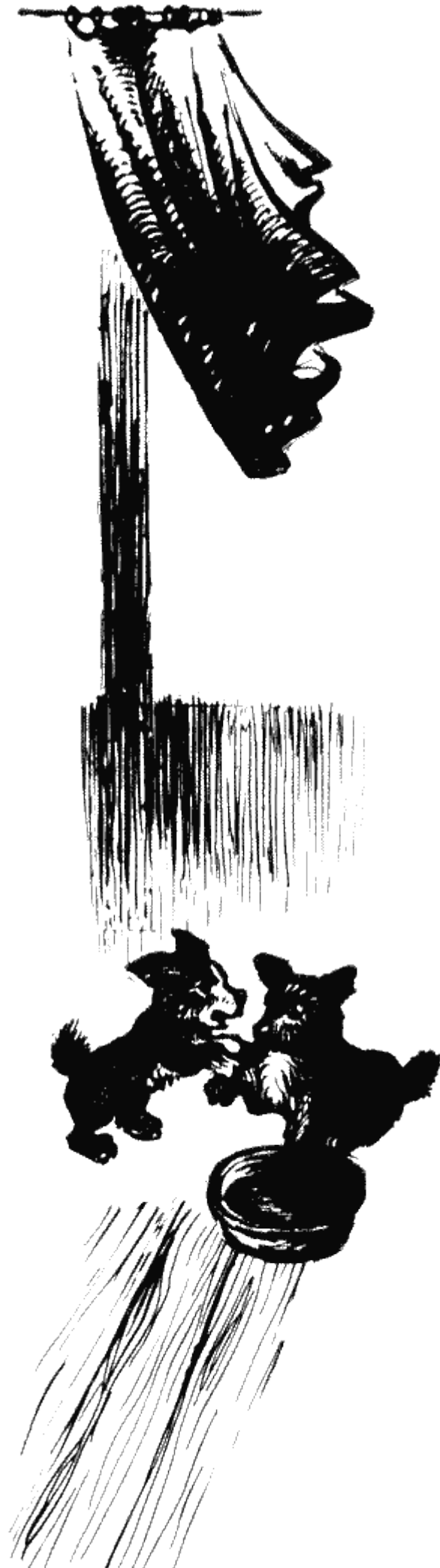
Доброе, бескорыстное сердце у кудесника Павла Павловича Безрукова. Он подарил детворе и взрослым «Поляну сказок». Ходит по ней кот ученый, плутовато косится лиса Патрикеевна, выманивающая сыр у растяпы-вороны, катится с пригорка колобок, красуется рублеными углами избушка на курьих ножках.

Восторженные девчонки и мальчишки, очарованные малыши. Растревоженные сердца взрослых. Казалось, давно отшумел, поблек для тебя мир сказки, а стоило попасть сюда, как новыми красками вспыхнуло когда-то прочитанное, услышанное. И подумалось: как это здорово — хоть несколько часов побыть в своем детстве. Уже сумерки ползут по склонам, а мамы не сладят со своими малышами — не хотят те уходить, и все тут. Да и сами родители оттягивают время прощания с этой чудесной поляной. Я слышу, как умоляет малыш своего папу «ходить сюда еще и еще», и вижу, что глаза отца и сына блестят одинаково.

Есть непреходящая мудрость: со своим ребенком переживи вновь детство. Человек пришел в мир. Он маленький, но с первых дней очень внимательный. Пытливо и напряженно работает его ум. Мы даже и не подозреваем, какими большими категориями оперирует малыш! Все у него серьезно: он разграничивает добро и зло, серьезное и смешное, гуманное и жестокое. С книжных страниц к нему приходят друзья: простоватый медведь, трусливый заяц, благородные гуси-лебеди, коварные волшебники. А потом он видит настоящих животных.

Уж таков склад детской души, что неосознанно тянется она к нашим меньшим братьям. Присмотритесь к малышу, когда он играет с кошкой или собакой. Какая гамма чувств на смышленном личике, сколько тепла излучают детские глаза. Наверное, в них вечная благодарность человека своим четвероногим и пернатым друзьям.

Трудно точно определить, когда привел человек к себе в пещеру собаку. И также трудно оценить меру бескорыстия этого благородного друга. Со времен саблезубых тигров до века реактивной авиации — таков ее путь подвижничества, верности. В далекую пору она встала рядом с человеком и с тех пор делила с ним все тяготы долгих веков. Ходила на охоту и охраняла жилище, таскала нарты и спасала тонущих и заблудившихся, доверчиво ложилась под нож науки.

Из мрака веков человек принес теплое чувство к своим друзьям — животным. Он поклонялся им и ставил памятники, воспевал в эпосе и легендах, боготворил их.

Когда-то в Египте кошку хоронили с императорскими почестями, до сих пор по городам Индии свободно разгуливают священные коровы, шныряют обезьяны. Иногда степень поклонения переходит все рамки разумного, но что поделаешь с вековой человеческой памятью, с той благодарностью к бессловесным братьям, которые помогли человеку стать человеком, отдали все, что могли, своему старшему брату.

Я помню одну беседу с бывшими партизанами. Как о чем-то обычном рассказывали эти люди, не раз смотревшие смерти в глаза, о делах своего отряда. Очень подвижный и бесстрашный отряд наводил ужас на фашистов. И только одного задания партизаны не могли выполнить: взорвать важнейшую магистраль. Фашисты расставили часовых чуть ли не вдоль всего полотна, придумали хитрые ловушки и засады. Много лучших бойцов потеряли народные мстители, но добиться успеха не удавалось. И тогда с Большой земли был прислан четвероногий солдат. Его задача была благородной и трагичной: умереть, чтобы спасти людей.

Ветераны рассказывали о легендарном Джульбарсе и не скрывали слез. Пес бескорыстно отдал себя ради них. Как его и учили, он неслышно прополз между патрулями, выбрался на железнодорожное полотно и перегрыз смертельный для себя капсюль. В отряде после гибели Джульбарса была такая же грусть, как и в тех случаях, когда с задания не возвращались партизаны.

Можно еще и еще говорить о бескорыстии и верности младших братьев, о том, какую радость приносят в каждый дом, если в нем поселяются. Но надо сказать и о другом. Убыстряется ритм нашей жизни, растет городское население. По многим причинам человек все больше отдаляется от природы. И много, ой как много, теряет он от этого. Отдельные вылазки за город, мимолетные встречи с природой мало что компенсируют в этой теряющейся связи. И особенно остро чувствуют это дети. Посмотрите, с каким азартом и удовольствием играет малыш с собакой и кошкой, ежиком и попугаем. Как горят его глазенки, когда он чувствует себя сильным по отношению к слабому, сколько доброты, заботы и ответственности во всех его поступках и действиях.

Ребятишки могут месяцами просить папу или маму приобрести щенка, черепаху или рыбок. Сжимается их сердце, когда они проходят мимо витрин с клетками и аквариумами. И, наверное, нам, взрослым, надо замедлить шаг, вникнуть в существо ребячьих дум. Вспомнить свое детство, вновь увидеть разноцветный мир сказки и решительно толкнуть дверь магазина или клуба служебного собаководства. Предвижу возражения: купи, а потом хлопот не оберешься. Конечно, не у всех есть возможность построить конуру или выделить отдельную комнату для животного. Но разве, положа руку на сердце, не найдется в каждой семье уголка, где бы мог жить щенок — отрада вашего сынишки или дочурки. Я знаю мальчишку, который сменил в своем дневнике тройки на пятерки, как только появился в квартире щенок. Был он совсем расхлябанный мальчишка, дерзкий и какой-то ошестившийся. Теперь каждое утро я вижу, как он гуляет с собакой точно в одно и то же время, хоть часы по нему сверяй.

Мы, к сожалению, не часто задумываемся, а что дает живое существо нашему ребенку. И такое не сразу заметишь. Но в том, что это только хорошее и нужное, не может быть никакого сомнения.

Доброта. Качество, за которое мы воюем всеми воспитательными средствами, а его отсутствие горько переживаем, увидев, что взрослеющие сын или дочь жестоки и бессердечны. И не всегда мы в этот грустный период вспомним, что когда-то вышвырнули клетку с птицами, опорожнили аквариум, несмотря на слезы, заставили ребенка отнести кошку в лес, пнули в сердцах собаку.

Дисциплинированность. О ней мечтают во многих семьях и читают ребятам немало нотаций. Но пояись живое существо, за которое почувствует ответственность ребенок, — и такой проблемы не станет.

Любознательность. Часто мы сетуем, что тот или иной ребенок равнодушен, мало чем интересуется. И можно это понять в наш век перенасыщения информацией. Но заведись рядом с таким равнодушным четвероногое существо, полное жизни и неиссякаемой любви и интереса к окружающим — и появится собранность и любознательность, зорче станут глаза, пытливей ум.

Ревут в небе реактивные двигатели, ракеты уходят к другим планетам, тянутся к небу высоченные дома, транспорт все больше и больше наводняет городские улицы. Наши четвероногие друзья безропотно принимают новые условия, они по-прежнему верны человеку, живут рядом с ним. Дарят нам светлые минуты детской увлеченности, приносят в квартиры дополнительную радость.

В наших домах растет новый человек, строитель светлого будущего. Все мы хотим, чтобы росли наши сегодняшние несмышлениши людьми смелыми и благородными, добрыми и бескорыстными, отзывчивыми и верными. Много мер воздействия на души ребят держим мы в своих руках. И если в вашем доме, квартире появился щенок, — радуйтесь этому. Значит, у вашего сына или дочери появились новые друзья, которые научат их только хорошему.

Никогда не мешайте такой дружбе.

Сергей Михалков **ЗАВИСИТ ОТ ХОРОШИХ РУК**

На свете множество собак
И на цепи и просто так.
Собак служебных — пограничных,
Дворовых Шариков обычных,
И молодых пугливых шавок,
Что тьявкать любят из-под лавок,
И тех изнеженных болонок,
Чей нос курнос, а голос тонок,
И ни на что уже не годных —
Бродячих псов всегда голодных.

В любой момент готовы к драке
Псы-драчуны и забияки.
Псы-гордецы и недотроги
Спокойно дремлют на пороге.
А сладкоежки-лизоблюды
Все лижут из любой посуды.

Среди собак любой породы
Есть и красавцы, и уроды.
Есть великаны — это доги!
Коротконогие бульдоги,
И жесткошерстные терьеры,
Одни — черны, другие — серы,
И на иных смотреть обидно:
Так заросли, что глаз не видно!

Известны всем собачьи свойства:
И ум, и чуткость и геройство,
Любовь и верность, и коварство,

И отвратительное барство.
И с полуслова послушанье,
И это все-от воспитанья!

Ленива сытая хозяйка,
И такса-кнопочка — лентяйка!
Бесстрашен пограничник — воин,
И пес Руслан его достоин!
Хозяин пса кулак и скряга,
Под стать ему репей-дворняга!

Не зря собака тех кусает,
Кто камень зря в нее бросает.
Но если кто с собакой дружит,
Тому собака верно служит.

Но верный пес — хороший друг
Зависит от хороших рук.

Е. Хоринская НАДЕЖНЫЙ ДРУГ

Снега сыпучие вокруг,
Буран следы занес...
Но друг со мной, мой верный друг, —
Хороший умный пес.

Не раз меня в беде он спас.
Он выручал ребят...
Пушай его зовут Джульбарс,
Иль Джери, иль Пират.

Он всюду выследит врага,
Он друга защитит.
Кругом снега, метет пурга
И Дед Мороз сердит.

Пусть ночь темна и спит луна.
Шумит тайга вокруг,
Но дружба крепкая верна, —
Вперед, мой верный друг!

А. Мазовер ВОСПИТАЙ ДРУГА

У каждого человека свое любимое дело, свое увлечение. Я, сколько помню себя, всегда питал непреодолимую страсть к собакам. Откуда она у меня — непонятно. В семье никто никогда не держал собак, а я рос с какой-то большой, с точки зрения моих близких, странностью.

В то время в провинции нельзя было достать хорошую, породистую собаку, да никто и не собирался помочь мне. Но все же мне улыбнулось счастье. В тяжелые и голодные годы, когда с питанием было особенно плохо, в местном уголовном розыске нечем стало кормить розыскную собаку. Мне из темного сарая вывели истощенного, едва державшегося на ногах пса. Это был чистокровный доберман-пинчер. Вместе с ним мне дали серую потрепанную папку, в которой нитками были подшиты его родословная и приказ о зачислении. Происхождение собаки было явно «контрреволюционное». Отец его был легендарный сыщик Треф — из управления московского градоначальника, а мать, Аида, — из самарского губернского полицейского управления. Но особенно поразило, что прабабка у него была «Принцесса Флорида фон Тюринген».

Треф — так звали добермана-пинчера — тихо и безразлично поплелся за мной, когда я с бьющимся сердцем повел его домой. Дома нас встретили неприветливо: лишний нахлебник в то суровое время был в тягость. Я заботливо ухаживал за Трефом. Вскоре он поправился, стал веселым и общительным и сопровождал повсюду, обладая исключительной способностью находить меня в любом конце города. С большим удовольствием ходил он с моей матерью на базар, неся оттуда тяжело нагруженную корзину. Дома он таскал из сарая в кухню дрова. И на всю жизнь подкупил сестру, найдя туфлю, которую она потеряла, возвращаясь с елки.

Однажды Треф заболел. У него было воспаление среднего уха. Бедняга страдал от боли, тряс головой и жалостно смотрел на всех, прося помощи.

В городе была единственная лечебница, где орудовал фельдшер с длинными, опущенными вниз усами и хриплым, грубым голосом. Хотя лечение было бесплатным, Ивану Онуфриевичу, по традиции, все платили. Ежедневно, придя из школы, я брал Трефа, и мы шли в ветлечебницу «на процедуры». Треф терпеливо сидел, пока фельдшер промывал ему ухо и засыпал туда пахнущее лекарство.

Однажды, как и всегда, мы с Трефом пришли в ветлечебницу.

— Ты опять своего кобеля привел, — обратился ко мне фельдшер. — Он уже был у меня сегодня на приеме. Все, что нужно, сделано, только вот расплачиваться ты его не научил: соскочил со стола, отряхнулся — и домой. Ни тебе спасибо, ни тебе до свидания! На, смотри, — сказал он, видя мое недоуменное лицо, и показал на свежие следы мази.

Меня много раз спрашивали: какая порода собак лучше всех? Каких собак люблю больше всех?

Я и сам много раз задумывался над этим. И пришел к выводу, что нет вообще лучшей или худшей породы, есть просто плохие и хорошие собаки. А собаку-то ведь выращивает и воспитывает человек. Это он способствует развитию у нее природных задатков, вырабатывает нужные человеку полезные навыки и затормаживает те, которые являются вредными. Поэтому лучше сказать, нет плохих собак, есть плохие хозяева, воспитатели и дрессировщики.

Собака в отличие от других животных не только привыкает, привязывается к человеку. Ее чувство гораздо глубже. Она любит хозяина, предана ему, старается быть всегда около него, приспосабливается к его требованиям и привычкам.

Хороший, наблюдательный дрессировщик знает свою собаку, ее повадки, реакции, понимает и предугадывает каждое ее действие. В свою очередь, и собака сосредотачивает свое внимание на дрессировщике и старается выполнять каждое его требование.

Через мои руки прошли многие тысячи собак разных пород. Одни были «мои», жили у меня в доме, работали со мной. Другие делили тяготы войны, третьи были «подопечными» в питомниках. Их приходилось обучать и во время войны и после нее.

Многих собак я изучал во время специальных экспедиций в отдаленных районах Севера, юга, на выставках, испытаниях...

Были собаки разных пород: были доберманы-пинчеры — Треф, о котором я писал, Бенно и Бианка, привезенные из Германии, их внук Бенно II, были незабываемые овчарки — Аза, Белла, Джульбарс, Файтер и черный весь, как смоль, без единого пятнышка Альф. О нем мне хочется рассказать.

На окраине Берлина был большой собачий питомник. Когда мы приехали туда, развалины его еще дымились. Чудом уцелел лишь один полуобгорелый бокс, в котором сидели собаки.

Напуганные, они лежали, забившись в свои будки. В каждый вольер мы поставили воду и положили галеты. Наутро все было съедено. Лишь на третий день стали мы «брать» собак. Это было не так просто, особенно упирался черный, очень большой, худой пес. Только взятый на поводок с громадным проволочным намордником он стих, присмирел и пошел за солдатом.

Я рылся в обгоревших шкафах, разыскивая папки с родословными документами. Вот он, 109-й номер, — черный кобель Альф фон Бухерпаркшлосс. Так состоялось мое с ним первое знакомство. Альфа привезли в Москву. Вскоре он тяжело заболел. Лечить пса было трудно из-за его слепой ярости. Альф облез, похудел еще сильнее. Встал вопрос о выбраковке. Выбраванного Альфа передали мне. Долго не мог я приучить собаку к себе. Но мое терпение оказалось сильнее.

Вскоре Альф стал постоянно бывать со мной на занятиях и в поле. Прекрасная розыскная собака с очень острым чутьем, она быстро усвоила русские команды и стала исключительно хорошим миноискателем. Альф «брал» мину, когда другие собаки не могли уловить ее запаха.

На нашу долю выпала тяжелая задача: работать на минных полях десяти-двенадцатилетней давности, разминировать бывшие районы боев. Мины Альф искал без команды, не пропуская ни одной, и я смело ходил с ним по лесу, зная, что, если он бежит впереди, можно идти, не думая об опасности.

... Я помню разрушенный и горящий Полоцк. В ясный летний день он был темным и пасмурным от дыма и гари. Город казался брошенным, мертвым. Жители затаились в подвалах и погребах и не выходили, боясь вражеских мин. Но вот появились солдаты с собаками-миноискателями. Сразу же на заборах и стенах домов появились радующие глаз надписи: «Проверено, мин нет». А рядом в кругу нарисованы острые собачьи уши — опознавательный знак 37-го отдельного батальона собак-миноискателей. Среди этих собак было много дворняжек: белая с черными пятнами Липка имела на своем счету более тысячи обезвреженных мин. Небольшой лохматый рыжий Желтик, в шутку прозванный солдатами «доктором минных наук», медленно и обстоятельно обнюхивал землю. Казалось, что обдумывал и решал какую-то задачу. Сколько сот километров обошла и обнюхала эта маленькая умная собачонка! Несколько тысяч мин было на ее боевом счету.

Была у меня и лайка. Я привез ее из экспедиции с полуострова Ямал. Звали ее Буро — по-русски значит Хорошая. Она была огненно-рыжая, с черными бровками и уголками глаз, как у современных модниц. На родине лайка пасла оленей, а под Москвой мы поручили ей пасти коров.

В одном из городов Подмосковья все знают большую, красивую овчарку по кличке Байбак. Всегда в одно и то же время она осторожно и не спеша ведет на работу своего хозяина. Байбак обойдет лужу, остановится перед лестницей, шлагбаумом или какой-нибудь другой преградой и вновь пойдет только тогда, когда его хозяин ощупает палкой преграждающий путь предмет и скажет тихо: «Вперед!» Так и ходят эти два друга уже много лет. Сейчас под Москвой имеется специальная школа собак-проводников для слепых.

А теперь подведем итог. Какой же породы должен быть ваш друг?

Если вы живете за городом и у вас есть огороженный участок, вам подойдут длинношерстные собаки, которые могут жить на улице. Им нужно только сделать будку,

чтобы они могли укрыться в ней от непогоды, а в зимнее время положить туда подстилку. Это кавказские, южнорусские, среднеазиатские, немецкие (восточноевропейские) овчарки, колли. Хороша новая порода, выведенная в СССР, — черный терьер.

Немецкие овчарки, доберманы-пинчеры, доги, эрдельтерьеры, колли, боксеры — собаки всех этих пород умны, привязчивы, хорошо уживаются в доме.

Приобретать лучше всего маленьких щенков. Только что отнятый от матери щенок быстро привыкает к своему воспитателю.

Как правило, оторванные от своего хозяина и привычной обстановки взрослые собаки скукают, иногда по нескольку дней не едят, могут убежать, поэтому их первое время держат на привязи.

Никогда не приобретайте щенка с рук. Обращайтесь в организации собаководства. Там порекомендуют, где взять щенка, научат, как его кормить и правильно воспитывать. И вы обязательно вырастите себе верного друга, с которым можно выступать на соревнованиях, участвовать в выставках.

СО ВСЕГО СВЕТА

ДИНАСТИЯ СОБАК-КИНОАКТЕРОВ

Два дня спустя после окончания первой мировой войны американский летчик Дункан нашел полумертвую от голода собаку с пятью щенками. Двух щенят он взял с собой в Лос-Анджелес, одного из них назвал Рин Тин Тин. При опробовании новой кинокамеры случайно сняли Рин Тин Тина, и он стал киноактером.

В 1923 году киностудия братьев Уорнер поручила молодому сценаристу Зануку написать несколько специальных сценариев для собак. За десять лет Рин Тин Тин сыграл в двадцати двух фильмах вместе с самыми большими звездами американского кино. В 1932 году собака пала, но по ее стопам пошли потомки: Рин Тин Тин второй, третий, четвертый. Смерть предприимчивого кинодеятели не помешала его дочери Кэролайн начать съемку новых фильмов с Рин Тин Тином пятым, шестым и даже седьмым...

Борис Заходер СОБАЧКИНЫ ОГОРЧЕНИЯ

В лесочке над речкой
Построена дачка.
На даче живет
Небольшая собачка.
Собачка довольна
И лесом, и дачей,
Но есть огорчения
В жизни собачьей.

Во-первых,
Собачку слегка обижает,
Что дачу
Высокий забор окружает.
Ведь если б не этот
Противный забор,
То с кошками
Был бы другой разговор!

Ее огорчает,
Что люди забыли
Придумать
Собачкины автомобили.
Собачка
Обиды терпеть не желает:
Она на машины
Отчаянно лает!

Ей грустно
Глядеть на цветочные грядки:
Они у хозяев
В таком беспорядке!

Однажды собачка
Их славно вскопала,
И ей же — представьте! —
За это попало.

Хозяин
Собачку за стол не сажает,
И это, понятно,
Ее обижает:
Не так уж приятно
Приличной собачке
Сидеть на полу,
Ожидая подачи!

Но дайте собачке
Кусочек печенья —
И сразу окончатся
Все огорченья!

Г. Зотова КАК ВЫЛЕЧИТЬ СОБАКУ

Одним из самых распространенных заболеваний у собак является заболевание кожи, которое выражается в зуде, выпадении шерсти, расчесах и в запущенных случаях — в облысении. Кожа на пораженных местах краснеет, иногда мокнет, покрывается струпьями. Такое чаще всего бывает на спине (у корня хвоста), на хребте, бедрах, ногах, между пальцами. Заболевание иногда носит серьезный характер, обостряется при большой влажности воздуха или в жару. Часто обострение наступает в период линьки. Поражение кожи с ярко выраженным воспалением ее, нагноением называют экземой. Для человека и других животных это заболевание неопасно. Но чтобы отличить его от заразных заболеваний (чесотки, парши, лишая), нужно обязательно обратиться в местную ветеринарную

поликлинику, где сделают микроскопическое исследование.

Причины, вызывающие заболевание, различны, в большинстве случаев они внутренние. Часто в основе их лежит нарушение обмена веществ, связанное с недостатком или избытком в организме какого-либо вещества, болезнями почек, печени, желудочно-кишечного тракта. Так, например, к заболеванию кожи может привести ожирение, отсутствие витаминов, однообразная пища или избыток сладостей (сахар, печенье и большое количество белого хлеба) в кормлении, которые вызывают нарушение углеводного обмена. Часто имеет место и наследственная предрасположенность.

Заболевание кожи, трудно поддающееся лечению, часто переходит в хроническое, поэтому принимать меры надо не откладывая.

Собаке, страдающей кожным заболеванием, следует изменить рацион. В готовую пищу непосредственно перед кормлением добавлять мелкорубленую зелень петрушки, крапиву свежую — по одной столовой ложке в день (в сушеном виде — по чайной ложке), а также мелкорубленую квашеную капусту (по одной столовой ложке). Листья петрушки и крапивы содержат вещества, стимулирующие и налаживающие обмен, витамины, минеральные соли, микроэлементы. Квашеная капуста содержит витамины С и В. Чтобы ослабить зуд, хорошо давать 10-процентный раствор хлористого кальция (по одной столовой ложке два раза в день после кормления). Если собака охотно пьет молоко, хлористый кальций лучше давать с небольшим количеством молока. В некоторых случаях поможет отвар травы череды (она продается в аптеке) внутрь по две столовые ложки три раза в день и наружное протирание пораженных мест этим же отваром. При поражении кожи между пальцами лап после протирания ее отваром череды или водным раствором марганцовки больные места нужно присыпать крахмалом или тальком. При межпальцевой экземе действует протирание 2-процентным салициловым спиртом. Мыть собак с больной кожей нельзя, так как может появиться еще больше пораженных участков.

Нарушение обмена веществ часто сопровождается воспалением наружного уха (но оно может быть самостоятельным заболеванием). При этом собака часто трясет головой, чешет уши. Кожа внутри ушка раковины краснеет, иногда покрывается сыпью. При расчесах образуются ранки с нагноением, появляются жидкие выделения, которые в запущенных случаях имеют неприятный запах. От частого трясения головой у длинноухих собак оббиваются концы ушей и на них также появляется кровоточащие язвочки, которые, в свою очередь, вызывают зуд и боль. Воспаление кожи наружного уха может быть вызвано и ушным чесоточным клещом. Поэтому сначала нужно выяснить причину заболевания ушей, так как лечение простого воспаления и лечение ушной чесотки различны.

Чесоточный клещ хорошо виден через увеличительное стекло и даже невооруженным глазом, если взять содержимое из глубины уха палочкой с ватой. При обнаружении чесоточного клеща лечение сводится в первую очередь к его уничтожению. Для этого в ушную раковину, в наружный слуховой проход вводится половина чайной ложки слегка подогретой смеси: 5 процентов раствора гексахлорана в растительном или вазелиновом масле или другие средства. После введения смеси ухо нужно помассировать у основания, чтобы смесь растеклась по всем извилинам. Составом следует протереть и наружную часть уха. Такое лечение нужно проделать три-четыре раза с промежутком между обработками в пять — семь дней, так как лекарство уничтожает клещей, но на их яйца не действует.

При воспалении неклещевого происхождения уши можно протирать два раза в неделю 2-процентным борным спиртом, а затем припудривать сухой борной кислотой. В запущенных случаях помогают гидрокортизоновая мазь или мази с анестезирующими средствами и инъекции антибиотиков. Ранки и язвочки на концах ушей смазываются любой противовоспалительной мазью.

В жаркое влажное лето обычно наблюдается массовое размножение блох, паразитирующих на собаках. Блохи откладывают яйца в подстилках и щелях пола, в темных углах будки, реже на теле собаки. Поэтому, уничтожая блох на собаках различными средствами (мыло «К», препарат СК-9, зоошампунь, 2—3-процентный раствор креолина),

нужно обязательно обработать и помещение, где собака находится.

В отличие от блох вши и власоеды размножаются на теле собаки. С ними бороться легче. Достаточно два раза с недельным промежутком вымыть собаку дезинфицирующими средствами. При мытье нужно смочить тело собаки, начиная с головы, чтобы насекомые не перешли на морду, подержать ее намоченную раствором десять — пятнадцать минут, не давая собаке облизываться, и смыть раствор чистой водой.

Блох, вшей и власоедов нужно выводить обязательно. Паразиты являются переносчиками одного из видов ленточных глистов, и собака, облизываясь и «выкусывая себя», заражается ими. Глисты собак делятся на ленточных и круглых.

Изгонять ленточных глистов очень трудно, так как они прикрепляются головкой к стенке кишечника собаки и, если головка не выйдет, то от нее через некоторое время вновь вырастет длинная лента паразита.

Наиболее эффективным средством лечения от ленточных глистов является бромистоводородный ареколин. Он дается строго по весу собаки — 0,002 грамма на 1 килограмм. Лекарство ядовитое, и давать его нужно под наблюдением ветеринарного работника. Из домашних средств дается толченое тыквенное семя по одной столовой ложке, маленьким щенкам — по одной чайной ложке; раз в день с кормом в течение недели дают тыквенную кашу. Но эти последние средства слабы и часто не приносят нужных результатов.

Поражение круглыми глистами очень часто встречается у щенков. Глисты причиняют большой вред собакам. Они питаются за счет собак, вызывая их исхудание, снижая сопротивляемость организма. В результате собака становится более подверженной различным заболеваниям, быстрее утомляется. Продукты жизнедеятельности глистов отравляют организм собаки. У щенят задерживается рост, развивается рахит. При сильной зараженности глистами у щенят могут быть судороги, припадки, закупорка кишечника и даже смерть от удушья, если глисты начнут выходить через рот. Аппетит у щенков, зараженных глистами, обычно капризный. Часты беспричинные поносы. Поэтому щенков в возрасте один-полтора месяца нужно, как правило, глистогонить. Обнаружить заражение круглыми глистами, если они не выделяются с калом, можно только проверяя кал на яйца глистов в лаборатории.

Для изгнания круглых глистов три дня подряд раз в день через тридцать минут после еды дается пиперазин-адипинат в дозе 0,1 грамма (взрослым собакам 0,2 грамма) на 1 килограмм веса щенка или взрослой собаки. Через две недели лечение повторяется. Слабительных средств не давать. Кормить обычно.

Степан Щипачев МОЕЙ БОЛЬНОЙ СОБАКЕ

Не смылишь, зверек, ты в здоровье своем,
а плох ты дружище: искусан изранен.
Но мы проживем еще, проживем
и вместе потом стариками станем.

Я тоже, брат, болен, сосу валидол,
а, видишь, спокоен. Держаться надо!
Собаками пахнет в лечебнице стол.
Лежи и не бойся белых халатов.

Клыки у тебя по-боксерски остры
и мышцы под тонкою шкурой упруги,
но чувствуешь: руки врача и сестры
желают добра. Ты лизнул эти руки.

Живу, не забавами дни торопя,
и все же, чтоб тверже шагало в ногу,
хочу доброты занять у тебя
и злости занять у тебя хоть немного.

Искусан лежишь. Но накупим лекарств,
таких, что не каждой собаке известны.
Не очень уже и весна далека
с аптекою трав полезных.

Борис Рябинин ДАВАЙ ПОИГРАЕМ

Алексею Максимовичу Горькому принадлежат слова: «Игра — путь детей к познанию мира, в котором они живут и который призваны изменить».

Вспомним, с каким неистощимым терпением и нежностью девочки пеленают и укачивают кукол, и как мальчишки с неистовым, ненасытным интересом свинчивают и развинчивают разные штуки. Не успеешь мигнуть, уже разобрали на части новый пароход, только чтоб выяснить, как все слажено, что у него внутри. Доказано, что технические игры развивают в детях способности к механике, а возня в песочнице способствует эстетическому выражению (лепят).

Ну а животные? Как обстоит дело с ними? Е. М. Гальфанд, опытный педагог-воспитатель и автор ряда методических пособий по играм, в том числе книги «От игры к самовоспитанию», написал мне однажды, что с помощью одних Лишь игр можно сдружить род человеческий с миром животных; и, наверное, он не далёк от истины. Лично я не сомневаюсь, что выгода обоюдная.

Игра с животными (собакой, кошкой), как всякое физическое упражнение, безусловно, полезна ребенку, ибо укрепляет его организм, тренирует и развивает двигательную систему. Но это не все. В играх с животными развивается сметливость, ловкость, быстрота реакции; кроме того, игры эти, будучи основаны на некоторых повадках четвероногих, дают ребятам первичные сведения по естествознанию, будят любопытство и любознательность, которые впоследствии помогут им вернее выявить свои наклонности.

Полезность и, может быть, даже необходимость подобных игр продемонстрировали мне собственные дети. Однажды из соседней комнаты донеслось звонкое ребячье:

— Гав! Гав!

Оказалось, Женька привязал за веревочку младшего братца Глебку, и тот («цепной пес», что вы хотите!) азартно лаял:

— Гав! Гав! Гав! Гав!

Надо сказать, что получилось весьма похоже.

После они поменялись ролями, и теперь уже «лаял» старший, Женька; а потом оба опустили на четвереньки и принялись надрываться в два голоса: кто кого перелает! Обоим это доставляло несказанное удовольствие. Если б сюда еще подключить щенка, ансамбль, думается, был бы полный.

Мамы, конечно, негодуют, когда дети ползают на четвереньках, и есть отчего: штаны от этого не становятся лучше, а одна мама вообще высказалась весьма категорично: «Что,

ходить не умеете?» Не лучше отнесся один специалист-методист, высказавший мнение, что лай наперегонки, равно как и передвижение «по-собачьи», лишь отвлекают ребенка от наблюдения за животными и «эмоционально чрезмерно возбуждают» (в свое время так же запрещали футбол детям: «развивает только ноги»). А вот некоторые зарубежные ученые пришли к выводу, что физические упражнения на четвереньках очень полезны для организма. Исходя из этого, предприимчивые иностранные фирмы даже начали выпускать специальные дешевые и компактные аппараты для гимнастических упражнений. Не сходя с места, человек как бы бежит на четвереньках, соблюдая с помощью аппарата определенный ритмический цикл.

За границей я видел и такие часто практикуемые соревнования: ребята становятся на четвереньки и пытаются обогнать друг друга, одновременно дует что есть сил и гоня перед собой листик бумаги, лежащий на полу. Очень веселое состязание. Педагоги и врачи находят его весьма полезным: нервная разрядка и отличное упражнение для легких и всех мускулов.

Тот же ортодокс-методист указал, что умением произнести «ав-ав» дети овладевают рано, в год-полтора, а дальше это уже «пройденный» этап и «подражание лаю ничего не дает в познавательных целях». Позволю себе не согласиться с этим. Женька играл в «ав-ав», когда ему было уже восемь лет. Дело не в одном звукоподражании, а в том, что ребята при этом себя выражают, а каким образом и способом — их дело.

В печати уже сообщалось о «песотерапии» — излечении нервноболящего ребенка с помощью животного: существует лечение и играми; здесь они объединяются. А поскольку нервных детей много, пренебрегать играми с животными вряд ли следует. Думаю, меня поняли.

Как-то я видел, как дети — мои и чужие — играли во дворе с Пальмой, крупной лохматой дворнягой, специально являвшейся для такого случая из соседнего двора. Ребята прятались, она искала; они убегали от нее — она догоняла. Всем это доставляло массу радости. Веселье царило на площадке около гаражей такое, какое, право, увидишь не во всяком детском саду во время «организованных», «коллективных» игр и развлечений. И, думается, даже убежден в этом, игра эта сдружала не только животное и ребят; она цементировала и всю ораву мальчишек, и даже, быть может, больше, чем иные чисто «человеческие» игры, в которых порой разгораются нездоровый азарт и соперничество.

А вскоре мне сообщили, что в одной из школ города Первоуральска, а именно в 25-й, в самодеятельном детском театре «Малышок» практикуются игры — подражание зверям, что игры эти явно содействуют усвоению учащимися некоторых предметов и успеваемости класса.

Эти примеры лишней раз убедили меня в том, что игры с животными весьма желательны детям — они развивают фантазию и способствуют сближению человека с миром животных, миром, необычайно интересным и прекрасным, помогают воспитанию духовной привлекательности, красоты. К тому же ни в одном случае знания не усваиваются так легко и непринужденно, как во время забав и развлечений.

Дети истари играли и играют с животными, достаточно вспомнить пушкинские строки:

Вот бежит дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив...

Очевидно, потребность эта прирожденная: вероятно, ее имел в виду А. Куприн, говоря, что дети и животные очень близки и нуждаются в обществе друг друга.

Можно также напомнить известную картину Перова «Тройка», где эта мысль выражена с предельной простотой: ребята тянут на санках тяжелую бочку с водой, а все та же Жучка с задорным лаем поспешает впереди, внося как бы дух соревнования и тем самым облегчая «тройке» ее тяжелую работу. Жучка вносит в работу игру — элемент работы, как сказал бы

современный ученый педагог.

Впрочем, если начать вспоминать, как и где русские писатели и художники отразили извечную близость человека и преданного ему животного, это займет слишком много времени и места...

Итак, игры...

Элементарно сгруппировать или квалифицировать их можно так: 1) несложные игры типа, если можно так выразиться, «эмоционального общения» с животными («веревочка», «прятки», «палки-догонялки»); 2) игры сюжетные (типа игра «в пограничники»); 3) игры познавательные, где, подражая животным (их голосам, движениям), дети лучше узнают их повадки. Последние особенно полезны, когда ребенку два-три-четыре года; в шесть-семь лет такие игры уже используются для проверки и закрепления знаний.

Безусловно, здесь будут даны далеко не все игры. Можно придумать еще много подобных забав и развлечений, и, если они не вредят животному и ребенку, их можно только приветствовать.

Простейшая — и наиболее часто наблюдаемая в жизни — игра с веревочкой: ребенок убегает, волоча веревочку за собой, животное ловит, догоняя, старается ее схватить.

В игре принимает участие котенок или щенок. Взрослое животное более проворно, и ребенку, пожалуй, в этом случае будет не под силу состязаться с ним в быстроте и ловкости. Для игры лучше брать тесемку — она не порежет пасти, когда животное схватит ее и будет тянуть, вырывать из рук ребенка, а он, в свою очередь, будет старательно удерживать в руках.

Играет неограниченное количество детей, по очереди. Все они одновременно и участники, и судьи (что, кстати сказать, помогает развитию чувства справедливости, честности).

Игра ведется таким образом: быстро подергивая веревочку, перебрасывая ее из руки в руку, отводя то в одну сторону, то в другую, убыстряя или замедляя бег, вообще действуя как можно изобретательнее, ребенок старается не дать щенку или котенку схватить кончик бечевы. Остальные следят за этим.

Правила игры. Веревочка не должна отрываться от земли, ее нельзя отдергивать и прятать. Она все время змейкой волочится по земле. Нельзя силой выдергивать ее из пасти, когда животное схватит. Нельзя пинать, отбрасывать, отгонять или задерживать щенка (котенка). Выигрывает тот, кто сумеет дольше и успешнее других увертываться от щенка. Игра может продолжаться до первого схватывания или определенное время: три, пять минут, а потом делается подсчет, сколько раз за это время щенок (котенок) успел схватить бечеву. Кто из ребят самый ловкий — тот и победитель.

Игра в прятки. Напоминает обычные прятки, в которые любят играть дети всех возрастов. Разница лишь в том, что тут вводится животное — собака (или щенок). Дети прячутся, животное их ищет.

Играть лучше во дворе, в саду, вообще в таком месте, где есть много закоулков или разных предметов (строения, кусты, деревья), за которыми удобно прятаться.

Сперва выбирают, кому водить. Если нет добровольца, тянут жребий. Можно делать это по-разному. Но излюбленный способ ребят — считалки-забавки, когда один, приговаривая, тычет рукой в грудь каждого, а остальные повторяют. Вроде известного:

Шалтай-Болтай сидел на стене,
Шалтай-Болтай свалился во сне,
Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не могут Шалтая,
Не могут Болтая,
Шалтая-Болтая,
Болтая-Шалтая,

Шалтая-Болтая собрать...

На кого пришлось слово «собрать», тому и водить, он — Шалтай-Болтай (уже одно это вызывает взрыв веселья).

Для того чтобы успеть спрятаться хорошенько, дается определенное время (скажем, отсчитывается до ста).

Если собака дрессированная и послушная, ее сажают на место, все (кроме того, кому водить) разбегаются и прячутся. Недрессированную собаку нужно взять на привязь, иначе она включится в игру раньше времени и не даст спрятаться.

Когда время истекло, водящий ищет вместе с собакой и старается помочь ей напасть на след. Игра заканчивается, когда найдут всех.

Игра может варьироваться. Например, сперва собака ищет хозяина, а после они уже вместе ищут остальных. В этом случае всю игру водящим может быть хозяин пса.

В игре нет ни победителей, ни побежденных, тем не менее, она проходит обычно очень оживленно, в быстром темпе, с хорошим веселым задором (кто лучше спрятался, кого искали дольше всех!).

Очень важно, чтоб собака знала всех участников игры. Тогда ее не нужно подгонять, она сама не успокоится, пока вся компания не окажется налицо. Для этого полезно, чтоб до игры ребята побегали, позабавились вместе с нею, познакомились одним словом.

Заметим, что папы и мамы сердятся, когда их дитя после такой игры иногда приносит дыры на рубаше или штанах — следы собачьих зубов. Чтоб это происходило пореже, не надо убегать от собаки, когда она нашла: она, конечно, кинется преследовать и ловить, и тут уже возможно все...

Не пугайтесь, что она рычит, лает, трясет головой, вообще, изображает крайнюю свирепость. Злость эта притворна, пес отдается игре с неменьшим азартом, чем дети.

От игры в прятки легко перейти к пограничной игре.

Пограничная игра требует и большей выдумки и большей свободы действия. Для нее необходима значительная площадка, и потому лучше всего для этого подойдут луг, берег реки с зарослями кустарника, с горками и ямками, где можно хорошо спрятаться и замаскироваться. Игра особенно увлекает мальчишек и может послужить основой для будущей большой военизированной игры, в которой вырабатываются и смелливость, и умение применяться к местности, преодолевать естественные препятствия и т. д.

Вначале распределяются роли: кто — «нарушитель», кто — «пограничники». Делается это путем жеребьевки, так как обычно желающих быть «нарушителем» нет, все хотят быть только «пограничниками»! «Нарушителей» может быть и двое-трое, от этого игра становится только интереснее.

«Нарушителям» дается время пересечь какую-то условную линию (дорогу, изгородь, речку) и основательно замаскироваться, укрыться. Обе стороны могут быть вооружены игрушечными автоматами, винтовками и гранатами, и тогда в условия игры входит умение обращаться с ними, как с «настоящими». Это обострит игру, придаст ей больше натуральности.

Расставляются пограничные посты. И после того, как условное время истекло, подается сигнал тревоги: «нарушитель» (или «нарушители») пересек (пересекли) рубеж, государственная граница в опасности!

В погоню устремляется наряд с собакой.

Сложность и продолжительность игры зависит от того, сколько человек в ней участвуют, а также насколько большой простор для действий предоставляет местность. Вариантов в ней, в зависимости от воображения и инициативы участников, может быть бесчисленное множество. Можно сразу пустить собаку, и она задержит «нарушителей». Можно начать долгий поиск на местности, последовательно обшаривая все кустики, все укрытия, где могут прятаться «враги». Можно организовать задержание с одного конца

площадки, а можно сразу с нескольких (опять же в зависимости от числа участников и от того, насколько велика местность). Но во всех случаях активная роль отводится собаке. Она должна взять след и по следу сперва обнаружить «преступников», а после помочь в их задержании.

«Нарушители» могут убежать, сопротивляться — разумеется, до известного предела. Задержанные конвоируются, причем опять же с помощью собаки, взятой на поводок. Они могут имитировать побег — тогда собака пускается на задержание. Беглецы считаются пойманными, как только собака догонит их и облает.

Не надо, чтоб игра превращалась в потасовку. В этом случае дыры будут не только на штанах, но наверняка и на рубашке; могут появиться и ссадины на теле, а до этого, конечно, не следует доводить дело. А потому лучше, если игра проходит под наблюдением взрослых — родителей, педагогов, воспитателей.

Для игры нельзя брать злобную собаку. Лучше всего подойдет ласковая, добрая, приветливая. Превосходно ведут себя все дворняжки. Они покладисты, миролюбивы, быстро «входят в роль». Пожалуй, лучших партнеров не сыскать.

Пограничная игра с собакой особенно рекомендуется в летнее время в пионерских лагерях, где ее можно провести с необходимым размахом. Зимой можно организовать такую игру на лыжах. В этом случае нужно следить, чтобы те, кто будет находиться в секрете или изображать лежащих в засаде «нарушителей», были тепло одеты и не простудились, лежа на снегу.

К играм чисто спортивного характера относятся перетягивание веревки, бег наперегонки, буксировка на лыжах и санях.

Перетягивание веревки (каната). Покажите конец веревки собаке, и она тотчас вцепится в него зубами и станет тянуть. Крупная, мощная собака тянет очень сильно и нередко может принести победу своей стороне. Хватка у нее крепкая — не вырвешь.

К игре не допускаются молодые собаки, тем более щенки, с еще неокрепшей зубной системой (при сильных рывках можно повредить зубы; взрослой собаке это не опасно).

Точно так же нельзя использовать молодую собаку для буксировки лыжника и запряжки в сани, так как буксировка и бег в санях требуют значительного мускульного напряжения, что может пойти во вред несформировавшемуся организму (собака вырастет излишне «растянутой», могут проявиться со временем и другие дефекты).

Буксировка лыжника собаками — увлекательный вид спорта, и здесь пригодны все крупные, достаточно проворные и сильные собаки. По крепкому насту собака мчит лыжника так, что дух захватывает! Можно устраивать соревнования — кто быстрее пройдет определенную дистанцию (100, 200, 500 метров).

Даже не слишком большой и сильный пес помчит вас по льду на коньках. (Сперва, правда, он будет скользить и падать; но вскоре приобретет навыки, и лапы уже не будут разъезжаться в стороны). По сути это та же буксировка, что и с лыжами, однако скорость здесь значительно выше. Истинно, на перегонки с ветром!

Отмеряют расстояние, выстраивают парами (человек-собака), и по сигналу судьи устремляются вперед... При этом может быть спринт — бег на короткое расстояние; может быть на дальнее — на выносливость; можно устраивать забеги — две, три, четыре пары; можно всем вместе — кросс.

Гонки собачьих упряжек — обычный вид соревнования для Крайнего Севера; в них участвуют взрослые и подростки, рано мужающие в тех краях. В городских условиях, когда держат одну, редко две собаки, трудно говорить об упряжке в том смысле, как она понимается в краях с суровой зимой и долгой полярной ночью. Но и одна собака, запряженная в обычные сани, на каких катаются городские дети, тоже упряжка, и она может доставлять много незабываемых минут мальчишкам и девчонкам. Кстати, подобные катания устраиваются в некоторых городах — Ленинграде, Москве — клубами служебного собаководства. Успех громадный!

Городские санки — не нарты, приспособленные для передвижения по снежной целине,

на них можно ездить либо по укатанной дороге, либо по хорошо слежавшемуся, плотному снегу. Если снег проваливается, собака быстро выбьется из сил, и гонки не получатся.

Запрягать можно лишь крупное и выносливое животное, не боящееся холода, хорошо свыкшееся с местными климатическими условиями. Мелкие и изнеженные собаки не годятся. Упряжь должна быть хорошо пригнана по собаке, она не должна тереть, душить животное, сжимая шею и затрудняя дыхание.

В соревнованиях обязательно принимает участие кто-либо из взрослых с часами, по которым он засекает время и следит за скоростью передвижения упряжек.

Упряжки выпускаются либо все враз (если позволяет местность и дорога), либо по очереди, в порядке номеров, которые выявляются жеребьевкой перед заездами. Дистанция может быть самая различная, какую захотят сами соревнующиеся. Не надо чрезмерно увлекаться и задаваться слишком большим расстоянием или добиваться такой скорости, от которой собака валится наземь, высунув язык.

Собака может быть партнером в соревновании на скорость бега. Некоторые зарубежные спортсмены используют собак при тренировках. Конечно, обогнать собаку невозможно — в скорости она не уступает лошади. Однако участие такого бегуна заставляет человека «поднажать», на этом и может быть построена игра, где ребята соревнуются в беге с животным.

Выбирается подходящая площадка, бег начинается по свистку судьи. Предварительно надо приучить собаку бежать по прямой, в противном случае пес рванется в сторону и бег смешается на первых же метрах. Если собака никак не хочет бежать прямо, нужно поставить ее владельца на финише — тогда верное животное не заставит себя просить, со старта сразу же возьмет направление на хозяина.

Соревнованием на скорость может быть и традиционная игра в «палки-догонялки». Палка забрасывается как можно дальше — пес срывается и мчится за нею, за собакой спешат ребята. Не думайте, что пес всегда выйдет победителем. Он не видел, куда упала палка, а ребята видели — у них есть «фора». К тому же собаку можно немного попридержать, когда ребята пробегут половину расстояния, приказать: «Ищи!» В игре может участвовать и сразу несколько собак, приученных к обществу друг друга (чтоб не дрались). Швырнул палку один, швырнул другой, а затем пускают собак: чья найдет быстрее?

Палку может заменить резиновый мяч. Нужен мяч достаточно крупный и тугий, чтоб собака не взяла его в пасть и не прокусила. Мяч интересен тем, что может откатиться далеко от места падения, тогда поиск затягивается: все бегают, все торопятся, суетятся — игра приобретает особую непосредственность.

Стоит крикнуть Шарику,
Что идем мы на реку, —
От восторга он визжит.
Первым на берег бежит.
Может плыть любой из нас
Стилем кроль
И стилем брасс.
Шарик — только по-собачьи.
Не умеет он иначе.

Так написал Владимир Лифшиц.

Между прочим, хоть плавают Шарик только по-собачьи, догнать их не так-то просто. Плавают они быстро. Тут и хороший стиль не всегда помогает. Кто быстрее доплывет вон до той ивы или до того плота — я или Шарик? Или — мы или Шарик? Состязание на скорость в воде — еще один вид игры с животным. А плавают собаки отлично — стремительно, уверенно, в воду идут в жаркий день с большой охотой. В воде можно использовать и мяч. Тогда игра становится особенно веселой, смешной. Пес не может его схватить — на воде

мячик вертится волчком и прыгает от малейшего прикосновения. В этом случае преимущество за вами. Но четвероногий друг не хочет сдаваться, начинается настоящая карусель. Только будьте осторожны: войдя в азарт и увидев, что вы схватили мяч, пес может попытаться вырвать его, прыгнет на вас и оцарапает когтями. Поэтому как только мяч в руках, сразу бросайте его на берег или откидывайте от себя.

Игры-подражания и игры-распознавания рекомендуются для самых маленьких и, хотя проходят без прямого участия животных, не содержат элементов физических упражнений и скорее приближаются к викторине, к игре в загадки, нежели к спортивному состязанию, полезны не менее, а может быть, в известном отношении даже более других игр, если учитывать возраст детей.

Ребята садятся в кружок, и руководитель предлагает: кто лучше изобразит, как мяукает кошка, лает собака, чирикает воробей, стрекочет сорока, каркает ворона, галка, воркует голубь, кукует кукушка и т. д.

Если ребята еще никогда не слышали этого, не знают характерных криков зверей и птиц, руководитель вначале изображает сам, а потом предлагает сделать то же детям. Очень полезны могут быть пластинки или магнитофонные записи голосов птиц. Игра продолжается, пока не надоест. Выигравшим считается тот, у кого получается наиболее похоже.

Иначе строится игра-распознавание: сперва кто-то подражает, а руководитель спрашивает поочередно каждого: угадай, какой зверь (или птица) кричит так. Если есть магнитофонные записи голосов зверей и птиц, игра может вестись с помощью магнитофона. Воспроизводится звук, после задается вопрос: кто это? Игра развивает память и наблюдательность, и, безусловно, пригодится ребятам. Привычка распознавать на слух четвероногих и пернатых не раз может оказаться полезной в жизни.

Ребята любят слушать сказки и рассказы про животных. Игра-подражание их повадкам поможет им закрепить в памяти услышанное. Как прыгает зайчик? Как передвигается еж? коза? свиньи? корова? Как ползает змея? Как чистит перышки птичка? Ребята выполняют все это охотно, от желающих отбоя нет. Игра становится совсем веселой, если внести в нее дух соревнования — например, устроить состязание «зайчиков».

Очень оживленно проходит игра в «ежа-недотрогу». Ребятишки образуют хоровод; еж — для него должен быть сшит специальный костюм с иголками из соломы — встает в середину круга. Ребята поют:

Ежик, ежик, догони!
Ежик, ежик, уколи!

А еж, встав на четвереньки, должен уколоть их иголками. Ребята увертываются, еж наступает, хоровод крутится...

Ну а с чего начинать? Иногда, увы, чрезмерно осторожные и заботливые мамы с малых лет внушают ребенку, не подходи к собаке, вдруг укусит. И тогда получается:

Мчится Шарик,
Звонко лая:
«Не желаю делать зла я,
А сказать желаю лаем —
Ах, как славно мы играем!...»

Но иначе, но иначе
Понял Петя лай собачий,
Он бежит, и очень трусит,
И вопит:
— Боюсь!... Укусит!...

Взяли Петю
За руку
И подводят
К Шарику.
— Ты пойми, —
Сказали Пете, —
Он добрей
Всех псов на свете!

Он не тронет,
Успокойся,
Ты погладь его,
Не бойся!
Петя Шарика погладил,
Петя с Шариком поладил.

Петя — в трусиках и майке —
Спит под елкой на лужайке,
Шарик Петю сторожит,
Ни за что не убежит!

Шарик дремлет кверху брюхом,
Шевелит лохматым ухом,
Раздобыв большой лопух,
Отгоняет Петя мух!

Подбегает к Пете Шарик,
По карманам Петя шарит —
Он припас для Шарика
Вкусных два сухарика.

И за это
Петю в нос
Благодарный
Лижет пес.

(В. Лифшиц «Петя и Шарик»)

Собака — домашнее бессловесное создание, давно утратила способность самостоятельно существовать, добывать пищу. Значит, начинайте сразу же учить сына или дочь обращению с четвероногим дружком. Это уже не игра — это работа, она даст первые трудовые навыки, поможет усвоить, что за животным надо ухаживать, что оно нуждается в заботе и внимании.

Чуть побольше рукавички
Подарили мне щенка,
Он пока что с непривычки
Не лакает молока.

Я позвал на помощь кошку
Я придвинул ближе плошку,
Хорошо прошел урок.

Лижет плошку мой щенок.

(А. Шлыгин «Щенок»)

Безусловно, здесь приведен далеко не полный перечень возможных игр детей с животными или игр, когда дети подражают животным. Можно придумать еще много разнообразных и веселых забав подобного рода.

Если читатели захотят сообщить о каких-либо играх детей с животными, не описанных здесь, но которые они видели или применяли в своей воспитательной работе, заранее приношу свою благодарность за это.

